Александр Широкорад
МИФЫ И РЕАЛИИ
ПОЛТАВСКОЙ
БИТВЫ

Annotation

300 лет назад под Полтавой была уничтожена одна из сильнейших в мире армий. Эта битва стала поворотным пунктом Северной войны, приведшим к освобождению Восточной Европы от шведской гегемонии и возвращению России исконных земель в Приневье и Эстляндии. Именно после Полтавы Россия стала империей.

Как и почему Карл XII оказался в украинских степях? Чем была вызвана измена гетмана Мазепы? Как обошелся Петр I с побежденными шведами? Вот лишь немногие из вопросов, на которые отвечает в своей книге известный отечественный историк Александр Широкорад…

- А.Б. Широкорад
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.
  - Глава 8.
  - Глава 9.
  - Глава 10.
  - Глава 11.
  - Глава 12.
  - Глава 13.
  - Глава 14.
  - Глава 15.
  - Глава 16.
  - Глава 17.
  - Глава 18.
  - Глава 19.
  - Глава 20.
  - Глава 21.
  - Глава 22.
  - Глава 23.
- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39

- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78

- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117

- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153

А.Б. Широкорад
Мифы и реалии Полтавской битвы

Глава 1. Государственная необходимость царя Петра Алексеевича

Конец XVII века Россия и Швеция встретили, находясь в весьма дружественных отношениях. Уже почти 40 лет, со времен подписания Кардисского договора, на их границе не было не только войны, но и даже пограничных стычек.

Придя к власти, Петр I в мае 1684 г. перед шведскими послами целовал крест и клялся на святом Евангелии, что будет чтить все статьи Кардисского договора.

Старый король Карл XI пытался установить доброжелательные отношения с Петром. Так, в 1696 г. Карл XI подарил Петру, ведшему войну с турками, 300 пушек, которые прибыли в Россию летом 1697 г. Среди них было 150 3-фунтовых пушек весом 25—28 пудов и 150 – 3,5-фунтовых пушек весом 36—41 пуд. Через новгородского воеводу Ф.М. Апраксина был сделан заказ на 280 чугунных пушек лучшему стокгольмскому литейщику Эренкрейцу, из которых не менее ста были доставлены в 1699 г. в Новгород.

В конце июля 1699 г. в Москву прибыло шведское посольство, целью которого было подтверждение Кардисского мирного договора 1661 года. Дело в том, что, согласно Кардисскому договору, он подлежал подтверждению при вступлении на трон нового монарха. И вот в связи с коронацией Карла XII шведы просили еще раз подтвердить статьи договора.

20 ноября 1699 г. шведы имели прощальную аудиенцию у Петра. Они получили подарки мехами, им вручили царскую грамоту, содержавшую, в частности, такую фразу: «По Кардисскому вечному договору, Плюсскому совершению и Московскому постановлению в соседственной дружбе и любви мы с вашим королевским величеством быти изволяем».

8 августа 1700 г. в Кремль примчался долгожданный курьер из Стамбула от посла Емельяна Украинцева, ведшего с султаном переговоры о мире. Петр буквально плясал от радости – подписано тридцатилетнее перемирие на весьма выгодных для России условиях.

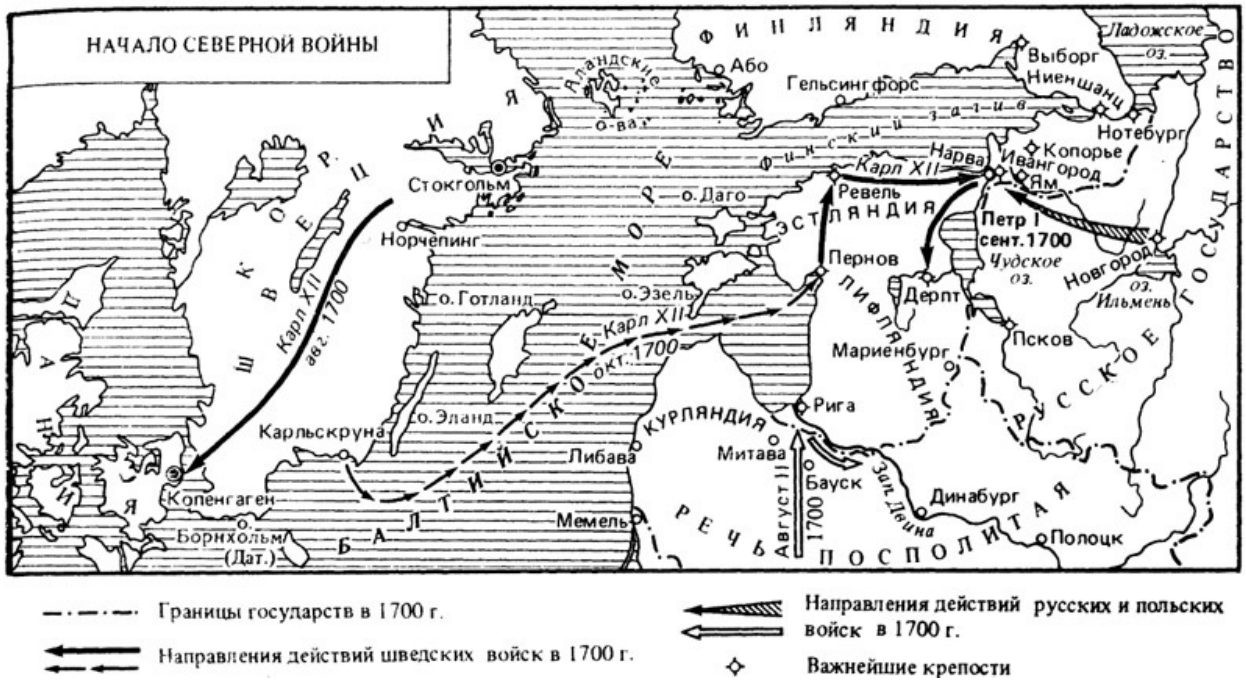
А 19 августа думный дьяк с Постельного крыльца царского дворца в Кремле зачитал царский указ: «Великий государь указал на многие

неправды свейского короля и в особенности за то, что во время государева шествия через Ригу от рижских жителей чинились ему многие противности и неприятности, идти на свейские города ратным людям войною с фельдмаршалом и адмиралом Ф.А. Головиным».

21 августа Петр отправил русскому послу в Стокгольме князю А.Я. Хилкову депешу, в которой ему поручалось объявить войну и изложить причины открытия военных действий: «…за многие их свейские неправды и нашим, царского величества, подданным за учиненные обиды, наипаче за самое главное бесчестье нашим, царского величества, великим и полномочным послам в Риге в прошлом 1697 году, которое касалось самой нашей, царского величества, персоны». Теперь Петр требовал извинений, а также в качестве компенсации город Нарву или Ниеншанц.

Из этого бестолкового текста следует, что де война началась из-за инцидента, происшедшего в Риге 1 апреля 1697 г., когда Петр, путешествовавший инкогнито в составе русского посольства, начал в подзорную трубу рассматривать крепостные укрепления. Рижский караул потребовал убрать трубу и пригрозил применить оружие. Об этом эпизоде царь поднял вопрос еще в ноябре 1699 г. со шведскими послами, и тогда договорились, что Карл XII строго укажет рижскому губернатору Дальбергу «за то утеснение и за их посольское бесчестье оборонь, чтоб впредь иным таким чинить было неповадно». Естественно, шведы полагали, что тем рижский инцидент был окончательно исчерпан.

Приказ же войскам наступать на шведов был послан царем еще 9 августа.



Итак, с формальной точки зрения Швеция подвергалась вероломному и ничем не спровоцированному нападению со стороны клятвопреступника – царя Петра.

Но я считаю, что прежде чем выносить вердикт о виновности той или иной стороны, следует внимательно рассмотреть предысторию конфликта.

С VIII—IX веков через Неву шла главная артерия торговых путей «из варяг в греки» и Великого Волжского пути. С VIII века Нева контролировалась русами, то есть смешанными дружинами варягов и славян, а с 862 г. – князьями Рюриковичами.

Шло время, жители Новгорода постепенно колонизировали север. В XI—XII веках они заселили оба берега Невы.

Как писал советский историк А.В. Куза: «Первоначально… Новгороду были подчинены лишь Северо-Западное Приладожье и соседние лесные районы. Именно эти земли были поделены на погосты, а огромные пространства северной Карелии от Ботнического залива на западе до побережья Белого моря на востоке такого деления не имели. Но и туда вслед за осваивавшими их корелами постепенно внедрилась новгородская дань» .

В XI—XII веках племена в Финляндии, называемые на Руси «емь», равно как и карелы, и чудь заволочная, регулярно [1] платили дань Новгороду.

Русская колонизация угро-финских народов принципиально отличалась от немецкой и шведской колонизации. Русскую колонизацию можно назвать мягкой, в отличие от жесткой западной колонизации. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что жесткая колонизация сводилась к постройке на территории покоренных племен крепостей (замков), где жили рыцари и их свита. Окрестное население становилось крепостными этих рыцарей и принудительно христианизировалось. Туземцев, которые позже отходили от католичества, вешали, жгли на кострах и т. д.

Мягкая колонизация проводилась русскими совсем подругому. Естественно, у русских были вооруженные столкновения с угро-финскими племенами. Но в целом колонизация происходила мирно. Русские не подавляли туземные племена, а, как сейчас модно говорить, занимали пустующую экологическую нишу. Слабое заселение северных земель позволяло русским внедряться почти безболезненно. Русские не делали туземцев своими крепостными или рабами, дань, наложенная на них, была очень мала. Обратим внимание, что новгородцы в XI—XIII веках принципиально не строили крепостей и замков в районе реки Невы, в Карелии и Южной Финляндии. И, наконец, русская православная церковь вела миссионерскую деятельность сравнительно вяло и только мирными средствами. Да по другому и быть не могло – в Новгородских землях царила большая веротерпимость, а значительная часть самих новгородцев в XI—XIII веках была язычниками или полухристианами, то есть поклонялась как Христу, так и Перуну, и выполняла обряды обеих религий.

Шведы в XI – начале XII веков эпизодически совершали набеги на Финляндию и Приневье. Слабость экспансии с запада объясняется нестабильностью внутри Швеции, наступившей в 1066 г. после смерти короля Стенкиля. Борьба феодалов за власть усугубилась войной между христианами и язычниками.

Во второй половине XIII века шведские феодалы начинают крестовый поход в Финляндии, а с 1240 г. предпринимают периодические попытки захватить Приневье и построить в черте нынешнего Санкт-Петербурга мощную крепость, чтобы навсегда преградить Руси выход в Балтийское море. Обычно шведы строили крепость на стрелке при впадении реки Охты в Неву. Там в 1300 г. была построена Ландскрона, а в 1611—1617 гг. – Ниен. Русские приходили, били шведов и равняли их крепость с землей.

Так продолжалось до начала Смутного времени на Руси, затеянного кланом бояр Романовых. К осени 1608 г. положение царя Василия Шуйского стало отчаянным. Частные армии польских магнатов вместе с

казаками основали «воровскую столицу» в нескольких километрах от Кремля, в селе Тушино. Там сидели «тушинский вор» Лжедмитрий II и воровской патриарх Филарет (Федор Никитич Романов).

И тут царю Василию пришла в голову дурная мысль пригласить к себе на помощь шведов. Тут замечу, что это классическое заблуждение небогатых умом личностей, которые, не желая думать, как самим решать проблему, утешаются тезисом «заграница нам поможет». Вспомним хотя бы белых генералов, горе-реформаторов 90-х годов XX века и т. п.

Шуйский мог попросить короля Карла IX ввести войска в Курляндию и дать тому денег на оное мероприятие. Благо Карл IX мечтал о Курляндии, да и был не прочь проучить польского короля Сигизмунда III, величавшего себя еще и шведским королем.

У Сигизмунда III были большие проблемы с турками и с собственным панством, так что шведские войска могли из Курляндии пройти быстрым маршем по всей Речи Посполитой. И ляхи получили бы «Потоп» на полвека раньше. Соответственно, паны из Тушина побежали бы спасать свои именья, а Лжедмитрию II с лжепатриархом пришлось бы уносить ноги из Тушинского лагеря. Кстати, так все и произошло, чуть больше чем через год. Поляки, только по другой причине, стали покидать Тушино, и воровской стан быстро опустел.

Увы, вместо этого царь Василий за большие деньги и уступку крепости Корела позвал шведские войска идти к Москве.

Вскоре шведский полководец Делагарди смекнул, что воевать на стороне глупого и трусливого царя Василия абсолютно бесперспективно, и шведы начали захват своей вековой цели – района Приневья.

Согласно Столбовскому миру, подписанному 27 февраля 1617 г., к Шведскому королевству отошли русские владения в Ингрии (Ижорской земле), а именно Иван-город, Ям, Копорье, а также все Поневье и Орешек с уездом. Шведско-русская граница стала проходить у Ладоги. Кроме того, Россия выплатила Швеции контрибуцию 20 тысяч рублей серебром.

С 1611 по 1617 год шведы построили у впадения Охты в Неву город и крепость Ниен или, как его еще называли, Ниеншанц.

В 1656 г. царь Алексей Михайлович попытался вернуть утерянные земли и объявил Швеции войну. Русские войска овладели городами Ниен, Полоцк, Динабург и осадили Ригу. Однако в Лифляндию прибыл с большим войском сам король Карл X Густав и заставил русских отступить.

21 июня 1661 г. на мызе Кярун (в русских источниках – Кардис) был заключен Кардисский мирный договор, который зафиксировал сохранение статуса-кво в территориальных проблемах.

Россия по-прежнему оставалась отрезанной от Балтийского и Черного морей, что означало и политическую, и экономическую блокаду Московского государства. Возникает риторический вопрос: должен ли был Петр терпеть шведов на Неве или пойти по стопам своего отца и русских князей Рюриковичей вплоть до Александра Невского?

Весной 1918 г. Ленин на автомобиле вместе с сестрой поехал в Измайловский парк. Там автомобиль был остановлен грабителями, которые и реквизировали автомобиль главы Совнаркома. Шоферу пришлось отдать свой маузер, а Ильич расстался с любимым портативным браунингом. Передача оного имущества прошла без эксцессов и совершенно добровольно. Однако, вернувшись в Кремль, Ленин сел на телефон звонить Дзержинскому. И в эту же ночь чекисты и красноармейцы начали большую зачистку Москвы и прилегающих районов.

Этот эпизод вождь запомнил надолго и приводил его в качестве примера объяснения своей позиции по отношению к «похабному» Брестскому миру.

Полная аналогия просматривается и со Столбовским миром 1617 года. Предположим, вы заболели, и злой сосед отнял у вас имущество, заставив под дулом пистолета подписать акт о его дарении. На помощь извне по каким-то причинам надеяться не приходится. Но вы выздоровели и, воспользовавшись временными трудностями соседа, имеете полное право вернуть свое имущество.

Так что Петр I, начиная войну с Карлом XII, был трижды прав. Нравится нам или нет, но иногда война становится «государственной необходимостью». Почему я заключил эту фразу в кавычки? Да она взята из «Войны и мира». Толстой вложил ее в уста своему самому любимому и умному герою – Пьеру Безухову, когда тот поставил точку в дискуссии о правомерности действий Наполеона, расстрелявшего герцога Энгиенского: «Казнь герцога Энгиенского была государственная необходимость».

А как же государственные договоры? Да человечество бы давно деградировало, если бы они выполнялись вечно. На мой взгляд, международные договоры предназначены лишь для фиксации соотношения сил между странами на определенный момент и действуют до кардинального изменения этого соотношения.

Международные договоры можно сравнить со стабилизатором силы тока. При скачках напряжения, скажем, от 20 до 220 вольт прибор гарантирует стабильный ток 3 ампера на выходе. Но если на входе напряжение зашкалит до 1000 вольт, то будет пробой, и стабилизатор сгорит.

Так и международные договоры способствуют сохранению правил игры при небольших изменениях соотношения сил. Лично у меня вызывает неприязнь тезис «рафинированных интеллигентов» о том, что де государства Запада могут по своему произволу изменять международные договоры, но Россия должна быть выше этого и строго придерживаться всех заключенных договоров. На мой взгляд, это как раз «рафинированная» форма русофобии.

Наоборот, напоминания о том, что произошло со Столбовским, Кардисским и Брестским договорами должно служить предостережением большим и особенно мелким соседям-разбойникам от попыток разговора с Россией под дулом пистолета. Ну, удастся в очередной раз воспользоваться слабостью России или глупостью ее правителей, но ведь все равно возмездие неотвратимо. И если разбойникам удастся умереть в своих постелях, то по счетам придется платить их детям и внукам.

Глава 2.
Август II и Карл XII

Решение о начале Великой Северной войны Петр I, как и положено истинно русскому человеку, принял спьяну. Нет, нет, я не шучу и не ёрничаю! Июль 1698 г. царь встретил в Вене – осмотр достопримечательностей, балы, встречи с императором Священной Римской империи Леопольдом I – все это Петру уже поднадоело, и он засобирался в Венецию. Но 15 июля прибыл гонец из Москвы с вестью о стрелецком бунте. Царь спешно прощается с императором, и уже 19 июля он в дороге. Три дня царь скачет день и ночь, останавливаясь лишь для еды и смены лошадей. 22 июля он получает донесение о подавлении бунта. Теперь царь едет медленнее, но все равно спешит – ему не терпится заняться любимым делом: пытками и казнями. Но вот 31 июля Петр на целых три дня застревает в городе Рава-Русская недалеко от Львова. Причина уважительная – пьянка. Да еще с кем – с польским королем Августом II Сильным! Монархи пили вдвоем, не допускались даже толмачи. Именно в эти три дня и был заключен устный союз против Швеции. 4 августа «в знак взаимной приязни», как пишут мэтры от истории, а я думаю, еще не протрезвев, царь и король обменялись гардеробом. Петру камзол и кюлоты богатыря Августа пришлись по росту, но изрядно болтались на его тощей фигуре. Замечу, что повоевать со шведами мечтал не только Август Сильный, но и датский король Кристиан V. Уже по приезде в Москву, в ночь с 21 на 22 октября того же 1698 года в доме датского посольства состоялась встреча царя со специальным послом Кристиана V Паулем. И тут опять «тет-а-тет» за стаканом водки было принято устное решение о начале войны со Швецией.

Увы, в 1698 г. у царя Петра были связаны руки, он находился в состоянии войны с Турцией и не собирался вести войну на два фронта. Поэтому почти два года подготовка к походу на Швецию велась втайне.

Официально союз с Данией был заключен 24 августа 1699 г. Почему Кристиан V жаждал войны? Да потому, что Дания и Швеция были антагонистами уже почти 500 лет. Датский король претендовал на шведскую корону, а шведский король – на датскую.

Рассказывать о личности Кристиана V не стоит, тем более что он в том же 1699 году «почил в бозе». На датский престол вступил его сын

Фредерик IV. Он и двинул в марте 1700 г. войска против шведов в Голштейн-Готторп. В ответ шведы высадили двадцатитысячный десант на остров Зеландию, и датский король капитулировал 7 (18) августа 1700 г., то есть еще до вступления России в войну. Вновь начать войну со шведами Фредерик IV рискнул лишь после Полтавской битвы. Так что к Фредерику и датчанам мы больше возвращаться не будем.

11 ноября 1699 г. Петр I официально заключил союз против Швеции с саксонским курфюрстом Августом Сильным. Нет-нет, здесь не опечатка. Разобраться в перипетиях Северной войны, приведших Карла XII под Полтаву, невозможно без хотя бы краткой характеристики Августа Сильного и Речи Посполитой в целом.

Начну с названия: «Речь Посполитая» переводится как «республика». И она действительно была таковой… для польских магнатов. Магнаты были самодержавными монархами на своих землях. Они лично казнили самыми садистскими способами не только своих крестьян, но и окрестных торговцев и мещан (особенно их привлекали расправы с евреями). Магнат имел и свою частную армию. Частные армии Радзивиллов, Сапег и других магнатов зачастую численно превосходили королевское войско как по числу бойцов, так и пушек.

Власть короля в Речи Посполитой была выборной. Требовать от богатых панов исполнения законов короля было достаточно сложно. Магнат мог безнаказанно отчеканить золотые монеты с изображением польского короля, где вместо подписи «Божьей милостью король» красовалось «Божьей милостью дурак». Пан мог явиться на бал к королю в кафтане, сшитом из листов пергамента с текстом приговоров королевских судей, суливших ему тюрьму и изгнание.

Периодически группы магнатов собирали конфедерации и начинали войну с королем, которая в Польше получила название «рокош».

Вот несколько примеров полного беспредела магнатов в Речи Посполитой. Начну со знаменитого князя Андрея Курбского, который перебежал на службу к польскому королю и получил от него большое именье. Бедному князю пришлось чуть ли не каждый год пожизненно воевать с соседями, периодически нападавшими на его земли. Хотя, честно говоря, и Курбский в долгу не оставался.

В начале XVII века группа панов во главе с Юрием Мнишеком, соединив свои частные армии, отправились вместе с Лжедмитрием I в Россию. А другая часть панов во главе с краковским воеводой Николаем Зебжидовским начала войну (рокош) против короля Сигизмунда III.

В 1655 г. шведские войска двинулись через Бранденбург в Великую

Польшу. Вместе со шведами шел и коронный подканцлер Иероним Радзивилл. Навстречу шведам вышла польская армия под командованием воевод познанского Христофера Опалинского и каминского Карла Гудзинского. Поляки имели серьезный перевес в людях и более удачную позицию. Но до битвы не дошло – оба воеводы договорились со шведским командованием. Соответственно, Познаньское и Каминское воеводства получили ряд привилегий.

Другая шведская армия под командованием генерала Понтуса де ля Гарде вторглась в Литву у Лифляндии. Что же сделали братья Радзивиллы – великий гетман Януш и великий конюший Богуслав? Рванулись в бой за отчизну и веру католическую против злодеев лютеран? Нет, подписали унию Литвы со Швецией.

Позже польский писатель Сенкевич назвал эту эпоху в истории Речи Посполитой «Потопом». Замечу, что в те же годы значительная часть литовской шляхты перешла на сторону царя Алексея Михайловича.

Сейчас белорусские националисты уверяют население страны, что в ходе войны 1654—1667 гг. русские перебили чуть ли не треть населения Белой Руси. На самом деле около 90% погибших стали жертвами междусобойчиков польсколитовской шляхты и набегов на Белую Русь казаков Хмельницкого.

Десятки примеров из истории Речи Посполитой XVII– XVIII веков показывают, что как только неприятель вступал на земли Польши или Литвы, одна часть панов воевала с ним, а другая часть вступала в союз. Мне возразят, мол, предатели были всегда. Согласен, но ситуация в Польше радикально отличалась от ситуации в остальных странах Европы. Так, с 1792 г. французские дворяне из своих убеждений стали поступать на службу в армии противников Французской республики, а затем – империи. В 1941—1944 гг. небольшая часть советских военнопленных предпочла вступить в армию генерала Власова, чтобы не умереть в концлагерях от голода и болезней.

В Речи Посполитой же на сторону неприятеля переходили целые частные армии, и не по идеологическим причинам или из-за безвыходного положения, а исключительно по корыстным мотивам. Менялась конъюнктура, и частная армия пана N вновь переходила на сторону польского короля или претендента на престол. Многие паны и их частные армии за одну военную кампанию ухитрялись по 4—6 раз перейти из одного лагеря в другой.

Так будет в Северной войне, так будет и во всех последующих войнах XVIII века. Кстати, в том веке поляки воевали не менее 60 лет.

В 1696 г. умер польский король Ян III Собеский. Сразу же объявилось несколько кандидатов на вакантный престол. Среди них были Яков Собеский (сын покойного короля), пфальцграф Карл, герцог Лютарингский и манграф Баденский Людовик.

Однако основными кандидатами стали двое: саксонский курфюрст Фридрих Август I (Альбертинская линия династии Веттинов) и французский принц Людовик Конти (двоюродный брат французского короля Людовика XIV).

Большинство польских панов предпочитали принца Конти, к тому же он был католик, а Фридрих Август – протестант. Но усиление французской власти в Речи Посполитой оказалось невыгодно австрийскому императору, русскому царю и римскому папе.

Петр I, находившийся в составе «русского великого посольства» в Кенигсберге, отправил радным панам грамоту, где утверждал, что до сих пор он не вмешивался в выборы, но теперь объявляет, что если французская фракция возьмет верх, то не только союз на общего неприятеля, но и вечный мир «зело крепко будет поврежден».

17 июня 1697 г. в Польше две враждебные группировки устроили параллельно два сейма; один избрал королем принца Людовика, а другой – саксонского курфюрста.

Петру I «петуховский» король явно не понравился, и он послал в Польшу «избирателей» – князя Ромодановского с сильным войском. Одновременно в Польшу с запада вышло[2] саксонское войско. Франция была далеко, и на польском престоле утвердился 27-летний Фридрих Август. Он хорошо помнил фразу великого французского короля Анри IV – «Париж стоит мессы», и немедленно перешел в католичество. Замечу, что конституция Речи Посполитой обязывала короля быть католиком. При этом жена его могла не принимать католичество, но тогда она не могла короноваться вместе с мужем.

Между прочим, Фридрих Август был удивительно похож на Анри IV. Фридрих Август родился 22 мая 1670 г., он был вторым сыном саксонского курфюрста Иоанна Георга III из Албертинской ветви династии Веттинов. Основоположниками династии были Фридрих II (1412—1464) и Маргарита Габсбург (1416—1486).

К Августу вполне подходит французская песенка про Анри IV: «…войну любил он страшно и дрался как петух, и в схватке рукопашной один он стоил двух…» В 1686 г., то есть в 16 лет, Август отличился, осаждая вместе с датчанами Гамбург. Под началом отца, а затем курфюрста баварского воевал на Рейне с французами в 1689—1691 гг. Затем воевал с

турками, командуя армией римского (австрийского) императора Леопольда. Что делать, в те годы было много командующих армиями, не достигших 25-летнего возраста.

Фридрих Август был высок, красив и физически силен. Он легко гнул подковы и серебряные кубки, поднимал 450-фунтовое (184-килограммовое) чугунное ядро. «Еще любил он женщин, имел средь них успех, победами увенчан, он жил счастливей всех». Современники насчитали у Фридриха Августа 700 любовниц и 354 внебрачных ребенка.

Замечу, что его внебрачный сын от графини Авроры Кенигсмарк, Мориц Саксонский, стал знаменитым французским полководцем. В 1708 г. в двенадцатилетнем возрасте Мориц поступил солдатом в саксонскую армию, участвовал в нескольких боях и к концу года был произведен в унтер-офицеры. В 17 лет Мориц стал полковником и командиром кирасирского полка. В 48 лет он дослужился до маршала Франции. Замечу, что Мориц стал бы им еще раньше, но он был лютеранином, а Франция тогда воевала с протестантскими державами и протестантами внутри страны.

Прошу прощения за небольшое отступление и вернемся к Августу Сильному. В 1694 г. после смерти своего старшего брата Иоганна Георга IV наш герой становится курфюрстом Саксонии Фридрихом Августом I, а на польский престол он вступает под именем Августа II. В историю же он вошел как Август Сильный.

Правление Августа историки называют «золотым веком Саксонии». Именно Август положил начало коллекции знаменитой Дрезденской галереи. В Саксонии возникли десятки мануфактур. При Августе Сильном Саксония становится родиной фарфора.

Воинственный и честолюбивый Август II решил вернуть Речи Посполитой захваченную шведами Лифляндию, а при удачном стечении обстоятельств – и Эстляндию. Август не без основания считал, что возвращение Лифляндии поможет ему усилить королевскую власть в Речи Посполитой и даже сделать ее наследственной.

Наши историки проходят мимо того факта, что Август Сильный начал войну против шведов только в качестве саксонского курфюрста и силами саксонской армии. Дело в том, что польский сенат не согласился объявлять войну Швеции. Об этом глава польской католической церкви примас Радзеевский уведомил письмом короля Карла XII.

Читателю, мало знакомому с историей Польши, ситуация покажется бредовой: король Польши воюет со Швецией, через Польшу идут саксонские войска в Лифляндию, Речь Посполитая является тылом армии

Августа, а примас и сенат считают страну нейтральной и шлют шведскому королю уверения в любви и дружбе. Увы, повторяю, подобная ситуация была типична для Речи Посполитой XVII—XVIII веков.

Что же касается поляков, то у них шла своя война. Воевода Григорий Огинский поссорился с великим литовским гетманом Сапегой. По сему поводу витебский каштелян Коцел образовал конфедерацию, которая объявила войну Сапеге. У панов – свои дела, а тут король некстати полез со шведской войной.

Вот с такими союзниками и предстояло воевать Петру I. Ну, представлять царя отечественному читателю особой нужды нет, его знают со школьной скамьи. Поэтому я перейду к рассказу о противнике Петра и Августа – шведском короле Карле XII.

17 июня 1682 г. у шведского короля Карла XI и его супруги Ульрины-Элеоноры родился долгожданный наследник, названный в честь отца Карлом. Мальчик начал рано развиваться, много читал, хорошо знал географию, без акцента говорил по-немецки, неплохо знал французский и латынь. Образцом для подражания юный Карл считал Александра Македонского. Книгу Квинта Курция о нем он знал почти наизусть.

5 августа 1693 г. умерла королева Ульрина-Элеонора. Почти сразу тяжело заболел отец, и одиннадцатилетний мальчик практически был предоставлен сам себе. Как и большинство своих собратьев того времени, он увлекался военным делом и охотой.

5 апреля 1697 г. умер Карл XI. В завещании короля предусматривалось регентство старой королевы (матери Карла XI) Ядвиги-Элеоноры Голштейнской. Однако срок регентства в завещании указан не был. В результате заговора нескольких вельмож Карл XII стал неограниченным самодержцем в 15 лет. Его коронация состоялась 24 декабря 1697 г.

В начале царствования Карла XII страной фактически управлял первый министр граф Пипер.

К 1697 г. Швеция находилась на вершине своего могущества. Государственные дела и финансы были в полном порядке, а армия и флот считались одними из лучших в Европе. Современники называли Балтийское море «шведским озером». Действительно, большая часть его побережья принадлежала Швеции. В 1648 г. был подписан Вестфальский мир, положивший конец тридцатилетней войне. По этому миру Швеция получила Западную Померанию и город Штеттин с частью Восточной Померании, а также остров Рюген, город Сисмар, архиепископство Бремен и епископство Форден. Таким образом, Швеция контролировала устья не только Невы и Западной Двины, но и Одера, Везера и Эльбы. В итоге

Швеция держала под контролем большую часть торговли центральной и восточной Европы. Естественно, такая ситуация не могла устраивать соседние державы. По всей Европе ходили слухи о чудачествах пятнадцатилетнего короля. То Карл XII со свитой сорванцов травил зайцев в зале риксдага[3] , то они по ночам с обнаженным палашами скакали по улицам Стокгольма, громили церкви и частные дома.

Независимо друг от друга датский и польский короли пришли к решению, что их час настал. Ну а молодого Петра, как мы уже знаем, долго уговаривать не пришлось.

Как ни странно, но нападение трех могущественных соседей привело Карла XII в превеликий восторг. Он с детства мечтал о войне, и вот мечта его сбылась. Мало того, шведский король оказался не завоевателем, как Карл-Густав, а защитником страны от агрессоров.

Карла XII поддержали и риксдаг, и дворяне, и подавляющее большинство народа. Современный шведский историк Петер Энглунд писал: «Война была достаточно популярна в Швеции, чтобы ее начать. Не слишком редки были случаи, когда люди за свой собственный счет пересекали Балтийское море и присоединялись к армии. Если во время Тридцатилетней войны было обычным явлением, что рекруты искали спасения в горнопромышленных районах, теперь течение заметно повернулось в обратную сторону. Рабочие бежали с горных и оружейных заводов, чтобы завербоваться в армию. И сейчас, так же как во время предшествовавших военных конфликтов, многие, в особенности среди высшего офицерства, считали войну выгодным коммерческим предприятием.

В качестве примера можно привести одного из участников, графа Магнуса Стенбока, которому в начале войны было 35 лет, и который всю жизнь провел на военной службе – служил голландцам, императору и шведам. Он принимал участие в битве под Нарвой и сразу же после сражения был произведен в генерал-майоры. Помимо этого скачка в карьере, начало войны принесло графу целый ряд выгод. Прежде всего, прямая военная добыча; это было много тысяч далеров в наличных деньгах, кошельки, полные русских монет, и множество ценных предметов, например, драгоценных камней, а также серебряных кувшинов и кубков. И “другие мелочи”, например: подбитые куньим мехом одеяла, солонки, оружие, кровати, церковные облачения и чаши, распятия, подсвечники и обшитые галунами камзолы тоже находили пути к родному поместью. С течением времени все это превращалось в крупные суммы денег, которые переправлялись в Швецию и употреблялись на покупку новой земли. К

этим барышам следует, кроме того, прибавить более опосредованные прибыли, которые огребал Стенбок, занимаясь военными поставками. Ему посоветовали забивать свой скот, а также печь сухари из сжатого хлеба и продавать этот провиант армии. Был у Стенбока и четвертый стимул, наряду со скачком в карьере, военной добычей и поставками в армию, – защита семейного поместья в Прибалтике. Сообщая домой о битве при Нарве, в которой сам он был ранен, он, кстати, упоминает в связи с имением его матери в тех краях, что он “рисковал получить синяк под глазом ради ее поместья здесь в Лифляндии”. Магнус Стенбок – хороший пример того, как человек из высшего класса общества действительно мог нажиться на войне.

Было бы, однако, анахронизмом подходить к военной добыче с точки зрения морали. Как для офицеров, так и для солдат эта добыча была важным стимулом сражаться и рассматривалась как законное явление, как нечто по праву добытое собственным потом и кровью. Грабеж был средством, которое применялось для того, чтобы поощрить активность солдат, был вполне дозволен в битве и подробно регламентировался военными уставами. В сущности, единственным ограничением был запрет грабить – так же как и напиваться – до того, как враг будет разбит. Все захваченное на поле боя за несколькими немногими исключениями принадлежало офицерам и солдатам и должно было быть разделено между ними. Вознаграждение, которое получал тяжело раненный конник, в сравнении с тем, что шло его офицерам или высшему командованию, было всего лишь жалкими крохами. Это можно показать на примере раздела между участниками добычи, взятой позднее в сражении при Салатах в 1703 г.

Раненый капитан получал 80 риксдалеров.

Нераненый капитан 40 риксдалеров.

Раненый лейтенант или прапорщик 40 риксдалеров.

Нераненый лейтенант или фенрик (прапорщик) 20 риксдалеров.

Нераненый унтер-офицер 2 риксдалера.

Раненый рядовой 2 риксдалера.

Нераненый рядовой 1 риксдалер.

Простой солдат никогда не мог стать богатым, его счастье, если он хотя бы оставался в живых. Вместо этого рядовые своими жизнями помогали сколотить состояния высших офицеров-дворян, липкие от крови фамильные состояния, которые в некоторых случаях существуют еще и поныне»[4] .

В заключение я хотел бы добавить одну небольшую, но интересную

деталь, характеризующую нравы того времени.

Карл XII не терпел женщин и предпочитал им юношей. Петр I был бисексуалом, вспомним того же Алексашку Меншикова. Но и в шведской, и в русской армиях за гомосексуализм существовало единственное наказание – смертная казнь. Еще один парадокс эпохи.

Глава 3.
Нарвская конфузия

22 августа 1700 г. Петр выступил из Москвы к Нарве с пятью полками «нового строя», всего восемь тысяч человек. Через два дня туда двинулись и основные силы русских войск. 23 сентября русские осадили Нарву. По разным сведениям, число осаждавших было между 35 и 40 тысячами человек.

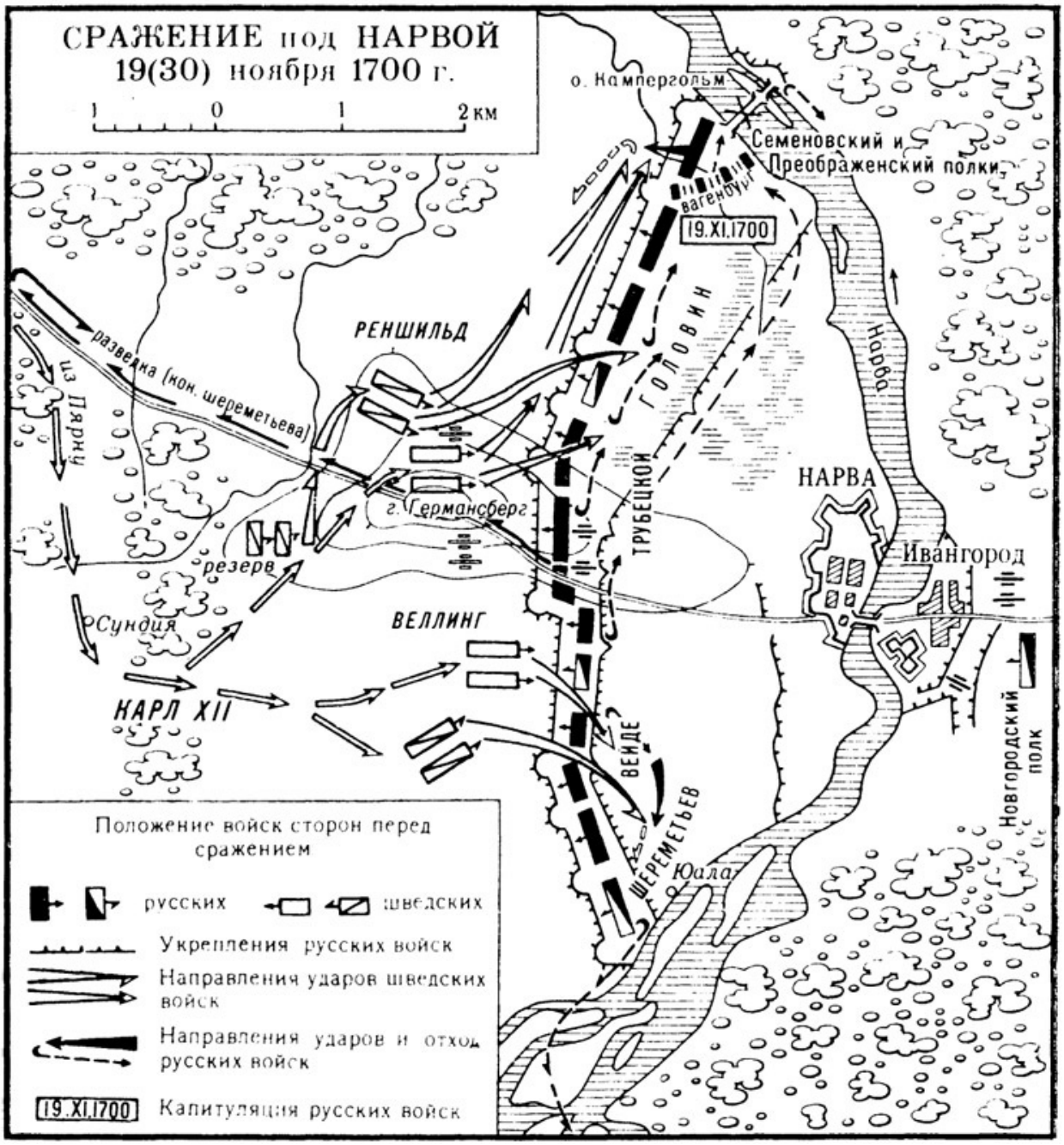
Гарнизон крепости Нарва был невелик – 300 пехотинцев и 150 кавалеристов, к которым присоединилось 800 вооруженных ополченцев (крестьян и горожан). По журналу же Петра Великого гарнизон состоял из 1300 пехотинцев, 200 кавалеристов и 400 мещан, то есть ополченцев. Дореволюционные русские историки не имели сведений об артиллерии Нарвы, и лишь отмечали, что при взятии Нарвы в 1704 г. в крепости было найдено свыше 600 орудий. Комендантом Нарвы был решительный и энергичный полковник Горн.

Передовой отряд русских, в составе которого был сам царь, подошел к Нарве 22 сентября. Интересно, что формально Петр не был командующим армией, а всего лишь капитаном бомбардирской роты. Войска, и особенно осадная артиллерия, подходили к Нарве крайне медленно. Первый выстрел по крепости был сделан лишь 18 октября, а массированная бомбардировка началась 20 октября.

На противоположном берегу реки Наровы два стрелецких полка осадили крепость Иван-город.

Узнав об осаде Нарвы, Карл XII с 32-тысячной армией морем прибыл в Пернов (Пярну). 26 октября Петр послал навстречу войскам Карла XII боярина Бориса Петровича Шереметева с пятью тысячами иррегулярной конницы (то есть боярское ополчение и казаков). 17 ноября царь получил от Шереметева донесение о приближении шведской армии. В ночь с 17 на 18 ноября царь «покинул армию». Так говорили в дореволюционных учебниках истории. В «Истории Северной войны» говорится, что, «оценив обстановку, Петр I решил отъехать из-под Нарвы в Новгород, с тем чтобы подготовить к обороне располагавшиеся там войска и одновременно ускорить присылку под Нарву подкреплений и боеприпасов»[5]. На самом же деле Петр трусливо бежал, бросив войско. Наши историки привыкли давать характеристики по принципу «хороший – плохой», «смелый – трусливый».

Увы, личность Петра Великого не вписывается в рамки привычных схем. Петр неоднократно проявлял смелость и даже рисковал жизнью без нужды, как, например, в шторм на яхте в Белом море. Но у него периодически случались приступы панического страха. Классический пример тому – ночь с 7 на 8 августа 1689 г., когда Петр, услышав, что де сторонники Софьи идут на село Преображенское, буквально без штанов бежал в Троице-Сергиев монастырь, бросив на произвол судьбы мать, молодую жену и потешные войска. Между прочим, стрельцы не только не собирались нападать, а наоборот, испугались атаки потешных и заперли ворота Москвы. Позже мы узнаем о приступе страха у Петра и во время Прутского похода. Петру не обязательно было кидаться в передовые шеренги солдат, стоявшие у Нарвы, он мог спокойно переехать реку и командовать боем, находясь в полнейшей безопасности среди войск, осаждавших Иван-город. В этом случае русские войска все равно потерпели бы неудачу, но зато удалось бы избежать катастрофы. Вместо себя Петр назначил командующим австрийского герцога де Кроа, поступившего на русскую службу лишь два месяца назад (в сентябре 1700 г.). 19 ноября Карл XII атаковал русских и наголову разгромил их. Под Нарвой русские потеряли убитыми и утонувшими свыше шести тысяч человек. Противнику досталась вся русская артиллерия: пушек осадных – 63, полковых – 50, мортир – 25, гаубиц – 7. Шведы, по русским сведениям, потеряли около двух тысяч человек.



После победы перед Карлом XII встал вопрос: а что делать дальше? До сих пор его действия были лишь реакцией на нападения стран антишведской коалиции. Позже шведский генерал Шлиппенбах вспоминал, что король, будучи в Нарве, отвел его «в свою спальню, где большой ландкарт был прибит, на котором он мне марш в Москву показывал, который бы, конечно, и учинился», если бы короля не отговорили генералы, рассчитывавшие «с Польши большие взятки взять, нежели с России».

3 декабря 1700 г. в Нарве Карл XII издал манифест, где призывал население России к бунту против царя, описывал его жестокости, обещал русскому народу свою королевскую волю, а в случае ослушания грозил истребить все огнем и мечом. В самой Швеции поэты слагали оды в честь восемнадцатилетнего полководца. Была отлита целая серия медалей, прославляющих короля. На одной король был изображен с надписью «Истина превосходит вероятие (Superant superata fidem)»; на другой Карл низлагает троих неприятелей, и надпись «Наконец правое дело торжествует!» Кроме медалей в честь Карла была медаль, выбитая в насмешку над Петром, с кощунственным изображением из истории апостола Петра. На одной стороне медали был изображен царь Петр, греющийся при огне своих пушек, из которых летят бомбы на Нарву; надпись «Бе же Петр стоя и греяся». На другой стороне изображены были русские, бегущие от Нарвы, во главе их Петр, царская шапка валится с его головы, шпага брошена, он утирает слезы платком, и надпись «Изшед вон, плакася горько». А пока Карл оставил Нарву и ушел с войском к мощному замку Ланс в 50 верстах от Дерпта, где оставался до весны 1701 г. Вопреки представлениям шведов, Петр не бросил шпагу. Наоборот, царь развил бурную деятельность, как после первого (неудачного) похода под Азов. Экстренно формируются солдатские и драгунские полки «нового строя». Только за зиму 1700/1701 г. в Москве было отлито 243 пушки, 13 гаубиц[6] и 12 мортир. Как и в предшествовавшие годы, проходила закупка западноевропейских орудий, поступавших в Россию через Польшу. Отдавая много времени перевооружению армии, Петр не забывал и о дипломатии. 31 января 1701 г. Петр покидает Москву и едет на переговоры с польским королем Августом II в город Бирта в Лифляндии. С Августом II был заключен новый договор. Союзники обязались продолжать войну всеми силами и не оканчивать ее без взаимного согласия. Царь обещал королю прислать от 15 до 20 тысяч человек хорошо вооруженной пехоты в полное его распоряжение, с обязательством: выдать деньги на учреждение провиантских магазинов, поставить в Витебск 10 тысяч фунтов пороху и выплачивать в продолжение трех лет по 100 тысяч рублей. Король будет применять свои войска против шведов в Лифляндии и в Эстляндии, дабы, отвлекая общего неприятеля, обезопасить Россию и дать царю возможность с успехом действовать в Ижорской и Карельской землях. А Лифляндию и Эстляндию царь оставляет королю Августу II и Речи Посполитой без всяких претензий.

Международная обстановка благоприятствовала войне Петра I и Августа II с Карлом XII. 1 ноября 1700 г. умер испанский король Карл II,

подписав перед смертью завещание в пользу Филиппа – герцога Анжуйского, внука французского короля Людовика XIV. Но император Священной Римской империи Леопольд I заявил, что он тоже де в родстве с испанскими королями, и потребовал корону для своего сына эрцгерцога Карла. Результатом этого соперничества стала «война за испанское наследство», продлившаяся с 1701 г. до 1714 г. Людовика XIV поддерживали Англия, Голландия и большая часть германских княжеств, остальные германские княжества и ряд итальянских государств примкнули к императору Леопольду.

Таким образом, вся Западная Европа была занята войной, и Петр с Августом могли не опасаться вмешательства ее в Северную войну.

23 марта 1701 г. царь вернулся в Москву и начал собирать деньги для Польши. В конце марта Августу II было отправлено 80 тысяч рублей и 40 тысяч ефимков, взятых из приказа Большой казны. Второй по размерам взнос сделала Ратуша – 40 тысяч рублей. Остальную сумму наскребли у многих учреждений и частных лиц: у Троице-Сергиева монастыря – 1000 золотых, у поручика Александра Меншикова – 420 золотых, 10 тысяч рублей у купца Филатова и т. д.

Выполнил Петр и военные статьи соглашения с Августом II. Восемнадцать солдатских полков и один стрелецкий полк (всего около 20 тысяч человек) под командованием князя Н.И. Репнина двинулся из Пскова к Динабургу. 21 июня русские полки соединились с саксонским войском. Саксонский фельдмаршал Штейнау писал о русской пехоте: «Люди вообще хороши, не больше 50 человек придется забраковать, у них хорошие маастрихтские и люттихские ружья; у некоторых полков шпаги вместо штыков. Они идут так хорошо, что нет на них ни одной жалобы; работают прилежно и скоро, беспрекословно исполняют все приказания. Особенно похвально то, что при целом войске нет ни одной женщины и ни одной собаки».

Однако злодей Карл помешал неторопливым сборам русско-саксонского воинства. 9 июля 1701 г. шведское войско форсировало Двину на глазах изумленных союзников. Саксонский фельдмаршал Штейнау, вместо того чтобы атаковать шведов на переправе, приказал своей армии готовиться к обороне. Мало того, он разделил свое войско, послав 16 тысяч русских солдат во главе с Репниным строить укрепления на Двине в 12 верстах от основных сил.

На левом берегу Двины Карл XII быстро построил полки и стремительно атаковал противника. Через два часа все было кончено. Союзники потеряли всю артиллерию, лагерь и две тысячи человек

убитыми, большинство из которых были саксонцы, поскольку в битве участвовало только четыре тысячи русских.

Услышав гром артиллерийской канонады, Репнин быстро поднял войска и без потерь форсированным маршем повел их через Друю и Опочку к Пскову. Там 15 августа он соединился с войсками Шереметева.

Новая победа поставила перед шведским королем старую дилемму – с кем воевать дальше? Есть сведения, что Карл думал захватить Псков и двинуться вглубь России. Однако через несколько дней Карл отказался от этого плана. Псков был сильно укреплен, да и от Пскова до Москвы по прямой 600 верст, а дороги плохие, кругом болота. Плотность населения в России гораздо меньше, чем в Польше, что, естественно, создавало сложности со снабжением армии. Наконец, в России многие ненавидели Петра, но открыто перейти на сторону шведов рискнули бы единицы, поскольку этому мешали патриотизм, православная вера и, чего греха таить, ксенофобия русского народа.

Совсем иная ситуация была в Польше. Там гораздо проще было решить основную проблему шведской армии – снабжение продовольствием. Плотность населения там высокая, народ побогаче, чем в России. Да и Швеция рядом, нет проблем с перевозкой по Балтийскому морю подкреплений, вооружения и продовольствия. В Польше хватало магнатов, недовольных Августом, а война против своего короля в Польше уже лет 200 считалась не преступлением, а делом житейским. Нельзя сбросить со счетов и субъективный фактор – девятнадцатилетний Карл люто ненавидел Августа II. В письме к французскому королю Карл выразился таким образом об Августе: «Поведение его так позорно и гнусно, что заслуживает мщения от Бога и презрения всех благомысящих людей».

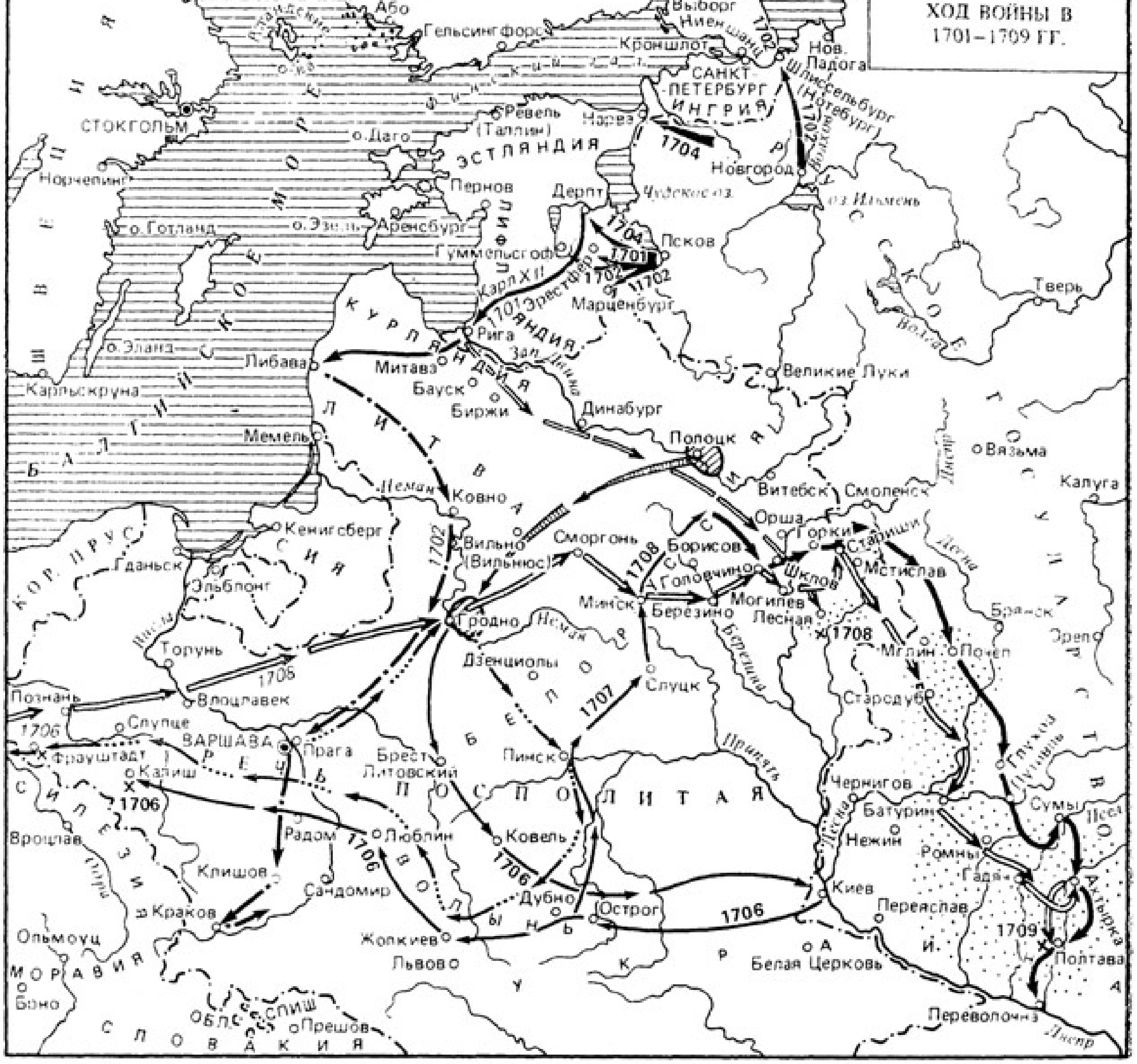
Наконец, Карл сделал выбор – шведская армия двинулась вглубь Курляндии.

Тут еще раз я напомню читателю, что эта книга о Полтавской битве, и главное внимание в ней будет уделяться боевым действиям на территории Речи Посполитой и Малороссии[7] , а не главному театру военных действий – Приневью, Прибалтике и Финляндии.

Тут важно заметить, что главным театром военных действий эти территории называю я. Что же касается Петра I, то он после Нарвы и, по крайней мере, до 1718 г. считал главным театром Речь Посполитую и германские княжества. Если судить по чинам, то, разумеется, царю виднее. Но любой непредвзятый историк может легко убедиться, что «принуждение к миру» шведов состоялось лишь после установления господства русского

флота в Финском и Ботническом заливах, полного занятия Финляндии и нападения русских войск непосредственно на Швецию. Русские же деньги и войска, направляемые Петром в Речь Посполитую и германские княжества, использовались, мягко говоря, неэффективно. Не зря в историю война 1700—1721 гг. вошла не как Германская или Польская, а как Северная.

Но поскольку боевые действия в Приневье, Прибалтике и Финляндии очень слабо сказывались на операциях в Речи Посполитой и Малороссии, о северном театре я буду упоминать лишь ретроспективно.



- Поход Карла XII в 1701–1702 гг. (в Польшу)
- Направление действий русских войск в 1701–1704 гг.
- Движение и район сосредоточения основных сил русских войск в 1705–1706 гг.
- Поход Карла XII в конце 1705–1706 гг.
- Выход русских войск из окружения в 1706 г. и последующие действия до июля 1708 г.
- Поход Карла XII в августе 1707 – в мае 1709 гг. (к Полтаве)
- Путь вспомогательного корпуса шведских войск под командованием Левенгаупта (август–сентябрь 1708 г.)
- Движение главных сил русских войск в июле 1708 – мае 1709 гг. (к Полтаве)
- Места важнейших сражений и боев (с указанием дат)
- Районы народной войны против шведских войск
- Границы государств к началу войны (в 1700 г.)

Глава 4.
Начало польской кампании

В январе 1701 г. Петр отправился в Литву на встречу с королем Августом II, которая произошла в местечке Бирж (Биржи, Бирзен) в замке Радзивиллов. Там Петр пообещал дать королю 200 тысяч ефимков (золотых монет) и 15—20 тысяч русских солдат. Оба монарха осмотрели польские крепости Митаву и Динамюнде, после чего царь отправился в Москву, а Август – в Варшаву. Прибыв 8 марта в столицу, Петр Алексеевич распорядился выслать в Лифляндию 19 полков под началом князя Никиты Ивановича Репнина. Они соединились с саксонским фельдмаршалом Штейнау близ города Копенгаузена.

Армия Карла XII, дислоцировавшаяся в районе Дерпта, получила зимой—весной подкрепление из Швеции (до 25 тысяч человек). В начале мая 1701 г. король отправил в Дерпт для защиты от русских корпус генерал-майора Шлиппенбаха, а сам с 30-тысячным войском двинулся в Лифляндию.

Серьезным препятствием на пути шведов стала Западная Двина. На левом берегу у Риги короля поджидал саксонский корпус генерала Штейнау, а ниже по течению – у Кокенхузенских порогов – князь Репнин с русскими полками.

20 июля 1701 г. Карл XII приступил к форсированию реки немного ниже Риги. Король приказал построить плоскодонные барки с высокими фальшбортами, которые могли опускаться на дно реки и использоваться как мосты для высадки пехоты. Форсировав реку, шведы стали ждать северного ветра. На левом берегу реки они разожгли множество стогов сырой соломы. Так на реке была создана дымовая завеса, скрывшая шведские суда с десантом.

Саксонцы, потеряв до тысячи человек, отступили. Потери шведов оказались вполовину меньше.

Хитрый Репнин вовремя начал отход и без особых потерь провел полки через Друю и Опочку к Пскову. Там он 15 августа соединился с войском Шереметева. Штейнау с саксонскими войсками ушел в Польшу. Все курляндские крепости без особого сопротивления сдались победителям.

В самой Польше магнаты потребовали от Августа II созвать сейм. И

вот 2 июля 1701 г. в Варшаве открылся сейм. Примас Радзеевский, гетман Сапега и ряд магнатов потребовали от Августа вывести саксонские войска из Речи Посполитой и не призывать туда русские войска. Кое-кто уже готовил свержение короля Августа.

Но, как обычно бывает на сейме, панство разбилось на многочисленные группы. Было много криков и угроз. В конце концов 17 августа сейм разошелся, так ничего и не решив.

Августу пришлось вывести саксонские войска из Польши. Петр тоже не спешил отправлять туда свои полки.

Август, не мудрствуя лукаво, решил помириться с Карлом XII. Деликатную дипломатическую миссию он возложил на… свою любовницу графиню Аврору Кенигсмарк. Не последнюю роль в этом выборе сыграло то, что мать Авроры была из шведских баронов Врангелей. Август предложил Карлу попросту поделить между собой Речь Посполитую.

Однако Карл категорически отказался дать аудиенцию графине. Тогда Аврора пошла на хитрость и подстерегла короля во время охоты. Но, увидев ее, Карл резко попятился, дернул поводья и ускакал. В своем круге король высказался об Авроре по-солдатски, близко в русском переводе к слову «б..дь».

Очевидно, тут дело было не только в нетрадиционной сексуальной ориентации шведского короля. Карл, начиная войну, решил свергнуть Августа с польского престола и взять под контроль всю Речь Посполитую. Сразу после форсирования Двины он издал манифест, в котором объявил себя защитником польских вольностей, а Августа – тираном, поправшим их.

Перезимовав в Курляндии, Карл XII весной 1702 г. вторгся в собственно Речь Посполитую. В мае 1702 г. шведы без боя заняли Варшаву. Карл распустил польский гарнизон и милицию, выставил шведские караулы и приказал населению сдать оружие. Размер контрибуции он определил в сто тысяч талеров.

В свою очередь Август ввел в Польшу двенадцатитысячное саксонское войско, а резиденцией себе выбрал старую польскую столицу Краков. К Августу примкнуло и несколько панов, приведших свои частные армии общей численностью около 12 тысяч человек.

Глава польской католической церкви примас Михаил Радзеевский обратился к Августу с предложением о посредничестве в поисках мира. Август разрешил примасу отправиться в Варшаву. Аудиенция примаса у Карла XII длилась всего 15 минут. В заключение ее король громко произнес: «Я не заключу мира с поляками, пока они не выберут другого

короля!»

9 июля 1702 г. войска Августа и Карла сошлись на равнине у городка Клишова между Краковом и Варшавой. В самом начале боя ядром был убит начальник шведской кавалерии герцог Фридрих Голштейн-Готторпский, зять (муж сестры) Карла XII. Рассвирепевший Карл возглавил конницу и лихо повел ее в атаку. Саксонские войска в центре и на левом фланге упорно защищались и трижды переходили в контратаку. Однако польские части на правом фланге бросились наутек от шведов. В итоге шведы одержали еще одну блестящую победу. Им досталась вся артиллерия и войсковая казна противника.

Август бежал в Краков. 31 июля 1702 г. Карл с тремястами всадниками взял Краков. К поведению защитников Кракова не подходят слова трусость или измена, они «обмаковались» – вспомним выражение Билибина из романа «Война и мир». Август чудом не попал в плен и успел ускакать в Сандомир.

Традиционно с усилением бардака в Польше начались выступления казачества. Бывший казацкий гетман Правобережной Украины Самусь перебил в городке Богуславе присланную туда новую польскую администрацию, а заодно и евреев. Далее Самусь занял Корсунь, убил тамошнего губернатора, истребил отряд польских драгун и традиционно перебил евреев (о последнем автор более упоминать не будет, поскольку это повстанцы творили повсеместно).

24 июля 1702 г. Самусь писал письмо на Левобережную Украину (то есть в ее русскую часть) казацкому полковнику Переяславскому: «…я по своей обиде принужден разбрататься с Ляхами, и не только из Корсуни, но и изо всех городов украинских их выгнал, а сами мещане неверных Жидов выбили, послыша от них отягчения, склоняясь под высоковладетельную державу царского величества и будучи готовы за веру христианскую умереть». Таким образом, восставшее Левобережье просилось в русское подданство.

Гетман Мазепа срочно пишет в Москву Головину, а также, через его голову, царю: «Сдается мне, что эта война нам не очень противна, потому что господа поляки, увидевши из поступка Самуся, что народ наш Малороссийский не может под их игом жить, перестанут о Киеве и об Украине напоминать. Рассуждаю и то: не знаю, смел ли бы Самусь приняться за такое дело один, потому что человек он простой, писать не умеет: не подучен ли он королем встать против Яблоновских, как неприятелей королевских? Если Самусь обратится ко мне за помощью – что мне делать?»

Вскоре к Самусю под Белую Церковь подошли полторы тысячи казаков, посланные полковником Семеном Гурко, более известным под прозвищем Палей. Мазепа не помогал явно, не брал его под свое регименторство (правление), но посылал Самусю порох и свинец, «чтоб его вовсе от себя не отогнать». От Белой Церкви Самусь вынужден был отступить, но зато взял Немиров и перебил там всех поляков.

Затем Самусь соединился с основными силами Палея и разгромил под Бердичевым большой отряд поляков. Бердичев был взят, всех неправославных там «порубали». В начале ноября 1702 г. Самусь и Палей наконец взяли Белую Церковь.

Поляки не могли сами унять казаков (правобережных, поскольку гетман Мазепа своих к Самусю не пускал), и коронный канцлер стал молить о помощи русского посла князя Григория Долгорукова. Мол, «казаки великие бунты завели… Свыше 4 000 [поляков] всякого чина побили» и т. п. Долгоруков 13 ноября 1702 г. отписал об этих жалобах Головину, тот доложил царю. И 28 декабря 1702 г. Петр послал грамоты «конному охотницкому полковнику Семену Палею и конному охотницкому полковнику Самусю Иванову», в которых предлагал им простить обиды полякам и вместе «иметь воинские промыслы над общими неприятелями нашими шведами».

Между тем лифляндец Паткуль проинформировал Григория Долгорукова о попытках Августа II заключить мир со шведами. В свою очередь Август сообщил русскому послу, что были перехвачены письма Паткуля к примасу Радзеевскому, где Паткуль просит ходатайствовать примаса о прощении у Карла XII. Долгоруков просил предъявить подлинники писем, чтобы сообщить об этом царю. Поляки ограничились различными отговорками, поскольку никаких писем у них не было. Весной 1702 г. Паткуль побывал в Москве, где был принят в русскую службу в чине тайного советника.

Весной 1703 г. к Карлу XII морем из Швеции прибыл 14-тысячный корпус. Получив подкрепление, Карл двинулся из Варшавы на северо-восток к Пултуску, где Август II формировал новой войско. Разлив рек и отсутствие мостов задерживали движение шведов. Карл оставил пехоту на переправе через Буг, а сам с кавалерией устремился вперед, переплывая и переходя вброд реки и рассеивая мелкие отряды поляков.

1 мая шведы атаковали противника у Пултуска. Часть саксонцев и поляков успела переправиться через реку Наров и уничтожить за собой мосты, но большинство было порублено шведской кавалерией или взято в плен.

Остатки воинства Августа укрылись в крепости Торн на Висле, а сам король бежал в Саксонию. Энергичному коменданту Торна Робелю удалось продержаться в осаде около полугода. И лишь когда из шеститысячного гарнизона в строю осталось 1 600 человек, крепость капитулировала.

Проходя мимо, Карл XII ограбил большие портовые города Данциг и Эльбинг, никогда не воевавшие со шведами. На них была наложена огромная контрибуция, а Эльбинг был вынужден отдать шведам и 200 крепостных пушек, защищавших город.

В декабре 1703 г. Карл XII обратился к польскому сейму с письмом, предлагая возвести на польский престол принца Якова Собеского и обещая поддержать его всеми силами.

Яков был сыном знаменитого польского короля Яна Собеского, некогда освободившего вместе с отцом Августа II Вену от турок.

Против попытки лишить Августа II польской короны решительно выступили Англия и Голландия. Английский посол Робинсон заявил Карлу, что «жестоко и несправедливо заставлять поляков свергнуть короля, которого они сами выбрали и хотят иметь. Кроме того, очень опасно давать народу возможность свергать своего короля». На что Карл ответил: «Удивительно слышать такие замечания от посланника того государства, которое имело дерзость отрубить голову своему королю. Позволивши себе такое дело, Англия теперь упрекает меня в том, что я хочу лишить короны государя, вполне достойного этого наказания».

В январе 1704 г. примас Радзеевский созвал сейм в Варшаве под предлогом заключения мира со шведским королем, который объявил, что хочет договориться только с республикой, а не с польским королем Августом. Этот предлог нужен был для того, чтобы сейм происходил в отсутствие короля. Уполномоченным от Карла XII на сейме был генерал Горн, а отряд шведов разместился около здания, где происходил сейм. Многие послы, не видя проку от этого сейма, стали разъезжаться, но Радзеевский и Горн, заметив это, расставили у всех выездов шведских солдат, которые никого не пропускали. 2 февраля Горн передал сейму письменное объявление, что король его не может войти ни в какие переговоры с республикой, пока она не будет свободна, то есть чтоб переговоры и решения настоящего сейма не могли ни от кого зависеть, а для этого необходимо, чтобы король Август II был свергнут с престола.

Шведы представили сейму несколько перехваченных писем Августа, где говорилось о скандальности, вероломстве и пьянстве поляков. Раздражение панов еще более усилилось, когда они узнали, что Август арестовал Якова Собеского и его брата Константина. Братья охотились в

Силезии, где на них внезапно напали тридцать саксонских драгун. Братья были отвезены в Кенигсштейн и заключены под стражу.

В итоге Варшавский сейм объявил, что «Август, саксонский курфюрст, неспособен носить польскую корону». Польский престол был единогласно признан свободным. Но, увы, на него теперь не было кандидатов. Шведский премьер-министр граф Пипер предложил Карлу XII самому стать польским королем. Но польский король должен быть обязательно католиком. Карл же был ревностным лютеранином и категорически отказался переходить в католичество. Пипер советовал ввести в Польше лютеранство, подобно тому как король Густав Ваза ввел его в Швеции. Но у Карла хватило ума отказаться. При диком религиозном фанатизме поляков это было бы безумием.

Карл же не унывал и заявил: «Ничего, мы состряпаем другого короля полякам». Он предложил корону младшему из Собеских – Александру, но тот проявил благоразумие и отказался. Тогда Карл предложил корону познаньскому воеводе Станиславу Лещинскому. Тот был молод, приятной наружности, честен, отлично образован, но у него недоставало главного, чтобы быть королем в такое бурное время, – силы характера и выдержки. Выбор человека, не отличавшегося ни блестящими способностями, ни знатностью происхождения, ни богатством, разумеется, был принципиальной ошибкой Карла XII.

Когда паны узнали о выборе короля, поднялся страшный ропот, поскольку десятки фамилий считали себя выше Лещинского. Примас Радзеевский обратился к королю с предложением снять кандидатуру Лещинского и заменить кемлибо из родственников коронного гетмана Любомирского. «Но что вы можете возразить против Станислава Лещинского», – спросил король. «Ваше величество, он слишком молод», – опрометчиво ответил примас. Карл сухо заметил: «Он приблизительно одного со мной возраста». И, повернувшись к примасу спиной, король тотчас послал графа Горна объявить сейму, что в течение пяти дней следует выбрать Станислава Лещинского польским королем.

7 июля 1704 г. Горн прибыл в Варшаву и назначил выборы на 12 июля. В воспитательных целях шведы жгли без пощады имения магнатов, стоявших за Августа II. Тем не менее на избирательный сейм не явилось ни одного воеводы, кроме Лещинского. Из епископов был только один познаньский, из важных чиновников – один Сапега.

12 июля, в субботу, в три часа пополудни, состоялось избрание. Вместо примаса председательствовал епископ Познаньский. На заседании открыто присутствовали Горн и два шведских генерала как чрезвычайные

послы Карла XII при Речи Посполитой. Рядом с местом, где проходил сейм, выстроилось 300 шведских конных драгун и 500 пехотинцев. Сам Карл с войском находился в пяти верстах от Варшавы.

На сейме паны горлопанили шесть часов, пока не был избран король Станислав. На следующий день Карл выделил для личной охраны короля Стася шведский отряд.

Тем временем Август II собрал под Львовом 23 тысячи саксонцев, поляков и русских. 19 августа 1704 г. Петр и Август заключили новый договор. Союзные державы обязались воевать против общего врага – шведского короля, на суше и на море, отдельных договоров с ним не заключать и ни в какие сношения не входить. Договором предусматривалось принудить Палея вернуть республике города, взятые им в смутное время. Все города и крепости, покоренные русскими в Ливонии, должны быть уступлены Польше. Царь посылает королю под его команду 12 тысяч войска, на 1705 г. выдает королю 200 тысяч рублей или 2 миллиона польских злотых на содержание польского войска, которое должно состоять из 26,2 тысячи человек пехоты и 21,8 тысячи конницы. В последующем, до окончания войны, царь обязуется выплачивать королю по 200 тысяч рублей ежегодно.

4 сентября 1704 г. Карл XII с одной кавалерией подошел к Львову, пехота и артиллерия отстали в пути. Но Августа уже не было в городе. 6 сентября Карл повел три спешенных драгунских полка на штурм Львова. Город был взят, шведы разграбили имущество сторонников Августа, а на многих богатых обывателей Львова наложили большую контрибуцию.

В свою очередь Август со своим войском напал на… Варшаву. Произошла своеобразная рокировка: Карл покинул Варшаву и взял Львов, а Август покинул Львов и взял Варшаву.

В Варшаве у Станислава Лещинского было шесть тысяч польских солдат и полторы тысячи шведов под начальством генерала Горна. Узнав о приближении 20-тысячного войска Августа, новоиспеченный король с семейством и присягнувшая ему шляхта разбежались из Варшавы буквально как тараканы. Генерал Горн занял Варшавскую цитадель и защищался несколько дней, но после интенсивного артобстрела сдался.

Дома и имения приспешников шведов в Варшаве и окрестностях были преданы разграблению. Познаньский епископ был арестован и отправлен в Саксонию, где вскоре и умер.

Август часть войска под началом Паткуля отправил осаждать Познань. Остальная часть под началом генерала Шулленбурга осталась в Варшаве. Сам Август благоразумно оставил столицу и уехал в Саксонию.

Как и следовало ожидать, Карл не замедлил показаться под Варшавой. Шулленбург спешно покинул столицу и начал отступать к Силезии, которая тогда принадлежала австрийскому императору. Карл XII преследовал саксонцев и атаковал их около города Гурнау. После кровопролитного боя Шулленбургу все же удалось в полном порядке увести остатки своей армии в Силезию.

Четыре русских полка отступали от Варшавы самостоятельно, под началом полковника Герца. Они были настигнуты шведами близ Фрауштадта, храбро защищались против численно превосходившего его неприятеля и, потеряв 900 человек убитыми, засели в деревне Тиллерот. На следующий день шведы напали на деревню, и русские солдаты защищали каждый дом. Шведы предложили сдаться, грозя поджечь деревню. Русские отвечали, что будут защищаться до последнего человека, и сдержали слово: многие из них пали с оружием в руках или погибли в подожженных шведами домах. Лишь немногим удалось уйти.

В начале ноября 1704 г. военные действия прекратились, и шведы расположились на зимние квартиры вдоль силезской границы.

Паткулю так и не удалось взять Познань и, сняв осаду, он отвел войска в Саксонию в город Лаузиць.

Глава 5.
Похождения Ивана Мазепы

Настало время вывести на сцену еще одно главное действующее лицо – гетмана Ивана Мазепу. Но говорить о личности гетмана вне контекста общей истории Украины бессмысленно. Сейчас 99,9% населения бывшего СССР абсолютно не представляют ситуацию в Малороссии в начале XVIII века. Благо, в этом преуспели советские, незалежные и, разумеется, рускоязычные либеральные историки. Как уже говорилось, никакого термина «Украина» до 1917 г. не было и в помине. Лишь изредка использовался этот термин как исключительно географическое понятие. Замечу, что в документах XV—XVIII веков сохранились сведения и о других «украинах» – рязанской, амурской и т. д. А вот передо мной книга литовского ультранационалиста Эдвардаса Удавичюса «История Литвы» (Москва, 2005. Т. 1. С. 399): «Смоленская, Витебская, Подольская, Киевская земли имели статус так называемых окраинных земель. Их дворяне призывались в войско по отдельным спискам…». Книга сия написана в XXI веке, а тогда и в Литве и в Московии говорили не «окраинных», а «украинных землях» или, чаще, просто «украинах». Действительно, и Киев, и Смоленск были украинами Великого княжества Литовского и имели одинаковый статус. Однако утверждение, что в XV—XVI веках в Киеве и Смоленске были другой язык и культура, чем, скажем, в Новгороде или Рязани, является полнейшим бредом. Свидетелем того, что украйна – это окраина государства, то есть понятие географическое, является сам русский язык. Русский человек до 1991 г. никогда не говорил, что он едет «в Север», «в Урал», «в Украину», а говорил «на Север», «на Урал», «на Украину». А вот перед названием всех стран стоит предлог «в» (или «во») – в Англию, в Баварию, в Нормандию, в Андалузию, в Малороссию и т. д.

До 1917 г. никакой Украины не было и в политическом отношении. После Батыева нашествия каждый район современной Украины развивался по-своему и независимо от других, вплоть до вхождения в состав России или СССР.

Так, Галиция с 1385 г. стала владением польского короля. Юг нынешней Украины был Диким полем, принадлежавшим татарам и бывший ничейной пустошью. Остальная часть современной Украины вошла в состав Великого княжества Литовского. В XIX веке о вхождении

русских земель в состав Великого княжества Литовского историки шутили: «Победила не Литва, а название».

В Великом княжестве Литовском основной конфессией было православие, государственным языком – русский, официальная документация велась кириллицей. Правили землями князья – помесь литовской династии Гедиминовичей и Рюриковичей. Правящий класс – бояре и богатые дворяне – были чистокровными русскими, с небольшой примесью принявших православие литовцев. Так продолжалось до Люблинской унии 1569 года, по которой Малороссия передавалась польской короне.

Сразу же после Люблинской унии начался процесс полонизации малороссийской знати, закончившийся где-то в 1620—1630 гг. В ходе этого процесса малороссийское дворянство приняло католичество, польский язык, польскую одежду, польскую культуру и т. д. В конце концов потомки русских князей и бояр стали считать себя поляками.

«В 1610 г. один из выдающихся православных деятелей Мелетий Смортицкий в скорбном трактате “Тренос, или Плач по Святой Восточной Церкви” так писал об утрате православной Русью ее знатнейших родов: “Где дом Острожских, славный пред всеми другими блеском древней веры? Где роды князей Слуцких, Заславских, Вишневецких, Сангушков, Чарторыйских, Пронских, Ружинских, Соломирецких, Головчинских, Крашинских, Мосальских, Горских, Соколинских, Лукомских, Пузин и другие, которых сосчитать трудно? Где славные, сильные, во всем свете ведомые мужеством и доблестью?..” Вопрос, конечно, риторический, ибо все прекрасно знали, где теперь эти знаменитые семьи украинских магнатов: в польско-католическом лагере»[8] .

В чем-то этих людей понять можно. Речь Посполитая и Швеция отгородили Московию от европейской культуры. Ну

и московские владыки тоже воспринимали западную культуру без особого энтузиазма.

Западные книги, танцы, одежда – все это привлекало малороссийских дворян. Ну а кто из юных малороссийских дворянок мечтал стать московской затворницей, а не плясать на балах, ездить на охоту, посещать театры и т. п.?

В итоге Малая Русь и Белая Русь потеряли свое дворянство, за 40—60 лет превратившееся в польских шляхтичей. Но мещанство в городах и особенно селянство осталось православным и верным своему языку и обычаям.

Мало того, в Малороссии, особенно в южной ее части, появилась

социальная прослойка – казачество. Ведь для отражения чуть ли не ежегодных набегов крымских татар Малороссии требовались тысячи воинов. Ну а специфика Речи Посполитой не давала возможности держать сильные польские гарнизоны на южной границе – «украине». Волей-неволей польским властям пришлось признать казаков в качестве иррегулярного войска – реестрового казачества.

Ниже Канева на Днепре начинались многочисленные протоки, образовывавшие не менее трехсот островов, поросших плавнями. Там находилось девять страшных больших Днепровских порогов, а также множество заборов. Заборы – те же гряды диких гранитных скал, разбросанных по руслу Днепра, как и гряды порогов, но не пересекавшие реку от одного берега до другого, а занимающие только ее часть, преимущественно с правого берега, и таким образом оставлявшие у другого берега свободный для судов проход. Всего на Днепре в запорожских пределах насчитывалось заборов 91.

Там жили знаменитые запорожские казаки. Откуда же они взялись? Почти все дореволюционные и советские авторы утверждают, что запорожцы – потомки крестьян, бежавших от гнета польских помещиков. Так, один из самых авторитетных историков запорожского казачества Д.И. Яворницкий цитирует летопись: «Поляки, приняв в свою землю Киев и малороссийские страны в 1340 году, спустя некоторое время всех живущих в ней людей обратили в рабство; но те из этих людей, которые издревле считали себя воинами, которые научились владеть мечом и не признавали над собой рабского ига, те, не вынеся гнета и порабощения, стали самовольно селиться около реки Днепра, ниже порогов, в пустых местах и диких полях, питаясь рыбными и звериными ловлями и морским разбоем на бусурман»[9].

Первые упоминания о запорожских казаках относятся к концу XV – началу XVI веков. Между тем Киевское княжество было передано полякам только Люблинской унией в 1569 г., а до этого никаких ляхов в среднем течение Днепра не было, как не было там и крепостного права. Так что теорию возникновения запорожских казаков из беглых крестьян придется оставить как несоответствующую реалиям того времени. Я же берусь утверждать, что первые запорожцы были местными жителями.

Русские летописи с 1147 г. упоминали о таинственных бродниках, живших в низовьях Днепра. В 1246 г. итальянский путешественник Джованни дель Плано Карпини писал, что с 4 февраля ехали в «ничейной зоне», где не было власти русских князей, и лишь 23 февраля впервые встретили пограничную татарскую заставу. Местные же жители

подчинялись какому-то ватману (атаману) Михею. Таким образом, 300—400 км в нижнем течении Днепра контролировались местными атаманами.

Задам риторический вопрос: стоило ли потомкам бродников уходить из столь благодатного места как Великий луг, где было немыслимое число зверя, птицы, рыбы и «девятидюймовых» раков. А главное, Великий луг с непроходимыми плавнями и лесами, протоками, лиманами и озерами представлял собой идеальную защиту от татарской конницы и от регулярных польских войск.

Так возникло независимое государственное образование – Запорожская сечь. Туда отправлялись толпы добрых молодцев, мечтавших о воинской славе и богатой добыче. Условие принятия в войско была лишь одно – принадлежность к православию. Замечу, что запорожцы вплоть до самого упразднения Сечи в 1775 г. считали себя русскими людьми, ходили под малиновыми знаменами, а все их грамоты написаны на языке, мало отличавшемся от русского языка того времени. Вопреки басням «оранжевых» историков, никто из них никогда не считал себя «украинцем» и не носил жевто-блакитных флагов.

Малороссийское дворянство (теперь уже панство), естественно, переняло не только культуру, но и буйные нравы поляков. В Малороссии паны учинили тот же беспредел, что и в этнической Польше.

Пан мог безнаказанно отнять земли, имущество и крестьян у более слабого соседа. Но, в отличие от Польши, обиженный в Малороссии мог поднять казаков, да и простых крестьян, видевших в панах иностранцев и врагов православной веры. Именно так начинались все казацкие восстания.

Так, осенью 1591 г. белоцерковский староста Януш Острожский силой захватил именье шляхтича Кристофа Косинского. А сей шляхтич, во-первых, еще не успел перейти в католичество, а во-вторых, участвовал в качестве казачьего гетмана в ряде походов на турок и татар. Косинский собрал отряд из реестровых казаков и запорожцев и 19 декабря 1591 г. напал на Белую Церковь. В Малороссии началась трехлетняя казачья война.

Жила-была в городе Остроге семья мещанина Наливайко. У него было два сына, Старший Дамиан (Демьян) состоял придворным попом у князя Константина Острожского. А младший Северин служил пушкарем в частной армии у того же Константина Острожского и отличился в войне Острожского против казаков Косинского. Все бы было хорошо. Отличил бы его пару раз Острожский, и стал бы Северин польским шляхтичем, и воевало бы его потомство 400 лет с Россией, а сейчас служило бы в войсках НАТО. Но судьба-индейка распорядилась иначе. У старика Наливайко был

небольшой участок земли в Гусятине. Он приглянулся богатому шляхтичу Калиновскому. Пан, не долго думая, захватил надел, а старика велел избить палками так, что тот на следующий день отдал Богу душу.

Узнав о гибели отца, Дамиан нашел утешение в монашестве, а Северин взялся за саблю. И опять началась трехлетняя гражданская война 1594—1596 гг.

В 1645 г. польский шляхтич чигиринский подстароста Даниэль Чаплинский напал на хутор Субботово, принадлежавший его соседу чигиринскому сотнику Богдану Хмельницкому. Чаплинский захватил гумно, где находилось четыреста копен хлеба, и вывез его. Но хуже всего было то, что подстароста умыкнул любовницу сотника.

Обиженный Богдан пошел по королевским судам, но, как мы уже знаем, в Речи Посполитой для богатых панов законы не писаны. И вот наш жалобщик дошел до самого короля. Престарелый Владислав только развел руками, его самого допекло буйство шляхты, но прав и реальной возможности унять беспредел король не имел. В конце аудиенции Владислав спросил: «А что, у тебя самого сабли нет? Выдать саблю пану Хмельницкому!»

18 апреля 1648 г. на майдане в Сечи Богдан выкрикнул: «Бей ляхов!» В воздух взметнулась королевская сабля. В ответ сотни глоток заорали «Слава Хмельницкому!» и вылетели из ножен сотни запорожских сабель. И пошло-поехало.

Война Хмельницкого с ляхами шла с переменным успехом. Однако Богдан и его окружение прекрасно видели неравенство сил. Воевать в одиночку с Речью Посполитой означало для Богдана заведомо обречь себя на поражение. Поскольку Москва по-прежнему отказывалась принимать Малороссию в свое подданство, Хмельницкий отправил послов к турецкому султану. И вот в 1651 г. Махмед IV признал Малороссию и запорожцев своими вассалами, пожаловав им тот же статус, которые имели Крым, Молдавия и Валахия.

Надо ли говорить, что православное население Малороссии не желало считать себя подданными бусурманского царя, а запорожцы к тому же лишались своего основного промысла – добычи «зипунов» у татар и турок.

Не исключено, что, обращаясь к султану, Богдан хотел только попугать царя Алексея, который несколько раз отклонял ходатайства о принятии Малороссии в его подданство. И вот в 1654 г. состоялась знаменитая Переяславская Рада. Историк-националист Орест Субтельный писал: «В 1954 г., во время помпезного празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией, в СССР было объявлено (правда, не историками, а

коммунистической партией), что Переяславское соглашение стало естественной кульминацией вековечного стремления украинцев и русских друг к другу, а союз двух народов явился главной целью восстания 1648 г.»[10] .

Нравится нам или нет, но тут советские историки абсолютно правы. Неоспоримо, что население Киевского и Брацлавского воеводств куда больше симпатизировало русскому царю и русскому народу, нежели султану с турками и татарами или королю с его панами. И если на Переяславской раде казаки голосовали саблями за союз с Москвой, то после Люблинской унии (1569 г.) десятки, если не сотни тысяч малороссов проголосовали ногами, бежав от поляков в Брянск, Путивль и на Дон. В том же 1654 году началась русско-польская война, а 27 июля 1654 г. скончался гетман Богдан Хмельницкий. Сразу после смерти Хмельницкого начинается отчаянная борьба за власть нескольких групп малороссийских старшин. Сейчас эпоху гетманов 1657—1686 гг. самостийные историки представляют «золотым веком Украины». Забавно, что все их предшественники от Грушевского до Субтельного именуют это время «Руиной»!

Малороссийские гетманы, а их иной раз было параллельно от двух до четырех, дрались между собой не за «вильну Украину», а за гетманскую булаву, города, хутора, пасеки, винокурни, солеварни и т. п. Ради этого они как перчатки меняли государей: польского короля, московского царя, крымского хана или турецкого султана.

Малороссийский летописец Величко в начале XVIII века, проезжая по Правобережью, писал: «Видел я многие города и замки безлюдные, опустелые, валы высокие как горы, насыпанные трудами рук человеческих; видел развалины стен приплюснутые к земле, покрытые плесенью, обросшие бурьяном, где гнездились гады и черви, видел покинутые впусте привольные украино-малороссийские поля, раскидистые долины, прекрасные рощи и дубравы, обширные сады, реки, пруды, озера, заросшие мхом, тростником и сорною травою; видел на разных местах и множество костей человеческих, которым было покровом одно небо»[11].

«В монастыре под Батуриным долгое время хранилась запись одного из архимандритов XVII века. Название ее говорит само за себя: “Руина”, и содержит она описание “деяний и злодеяний гетманов и прочих вождей народа малороссийского”, давая следующий их перечень:

Выговский Иван – клятвонарушение, братоубийство, привод татар на уничтожение народа малороссийского, продажа Руси католикам и ляхам,

сребролюбец велий.

Хмельницкий Юрий – клятвопреступник трижды, христопродавец веры и народа ляхам и бусурманам; привод татар.

Дорошенко Петр – мздоимец, лихоимец, клятвопреступник, виновник братоубийства и мук народных от татар претерпленных, слуга бусурманский.

Тетеря Павел – сребролюбец, клятвопреступник и холоп добровольный ляшский. Подстрекатель Ю. Хмельницкого на измену.

Многогрешный Дамиан – раб лукавый, двоедушный, к предательству склонный, благовременно разоблаченный и кару возмездия понесший.

Самойлович Иван – муж благочестивый, веры греческой, православной и народу русскому привержен»[12].

26 апреля (6 мая) 1686 г. в Москве был подписан «вечный мир» между Россией и Речью Посполитой. Согласно его статьям граница между двумя странами в Малороссии от города Лоева шла по Днепру вплоть до впадения в него реки Тясмины.

За Россией уже окончательно был закреплен маленький, но очень ценный правобережный анклав – Киев и Печерский монастырь с окружавшей его территорией, ограниченной речушками Ирпенью с севера и Стугной с юга и оканчивающийся на западной окраине окрестностей Киева у местечка Васильково (крайний западный пограничный пункт России до конца XVIII века).

Южнее устья реки Тясмины и до Запорожья территория по левую сторону Днепра принадлежала фактически и формально Войску Запорожскому, которое, согласно мирному договору, ставилось в вассальную зависимость с этих пор только от России, и в отношения которого с Россией польский король обязался не вмешиваться.

Итак, к 1700 г. владения малороссийского гетмана были ограничены узкой полоской (150—200 мм) на левом берегу Днепра и городом Киевом с окрестностями – на правом.

И только сейчас можно вывести на сцену нашего героя Ивана Степановича Мазепу. К крайнему неудовольствию самостийников, в жизни их «апостола» Ивана Мазепы много белых пятен. Так, до сих пор неизвестна даже дата его рождения. Костомаров писал: «По известию, доставленному в Археографическую комиссию графом Брюэль-Плятером, Иван Степанович Мазепа-Колединский, шляхетного происхождения герба Бонч, родился в 1629 году. Сообщение это имеет вес: граф Брюэль-Плятер – сам владелец архива князей Вишневецких и кроме того всегда находился в сношениях с другими польскими владельцами старинных архивов; но это

сообщение, не подтвержденное никакими современными свидетельствами, противоречит шведским известиям тех современников, которые близко видели и знали Мазепу в 1708 году; они говорят, что тогда было ему 64 года от рождения, тогда как ему должно было быть 79 лет, если б он родился в 1629 году. Очень может быть, что оба известия не вполне точны, как это читатель заметит из некоторых черт его жизни.

По общему мнению современников, Мазепа был уроженцем из малороссийского края и увидел впервые Божий свет в селе Мазепинцах, лежащем недалеко от Белой Церкви, на реке Каменке. Это имение пожаловано было в 1572 году королем Сигизмундом-Августом предку Ивана Степановича, шляхтичу Николаю Мазепе-Колединскому, с обязательством отправить за него службу по старостве Белоцерковскому»[13].

Отец отправил юного Ивана на воспитание ко двору короля Яна Казимира. Через некоторое время король послал Мазепу за границу учиться. Где он учился и чему в течение трех лет, до сих пор неизвестно. По возвращении в Речь Посполитую Иван начал делать карьеру при королевском дворе.

Увы, карьера Мазепы несколько раз обрывалась из-за его неуемных страстей. Костомаров писал, что «он завел тайную связь с одной госпожой, но муж последней, подметив это, приказал схватить Мазепу, привязать к лошадиному хвосту и пустить в поле; эта лошадь, еще не обученная и приведенная к господину из Украины, очутившись на воле, понеслась с привязанным к ее хвосту человеком в украинские степи. Козаки нашли его полумертвым от боли и голода, привели в чувство, и он, оправившись, остался между козаками. Другой историк, Стебельский, рассказывает тот же анекдот, прибавляя, что господин, с женой которого был в связи Мазепа, раздел его донага, облил дегтем, обсыпал пухом, посадил на дикую лошадь, привязав его к ней веревками, и пустил на произвол судьбы»[14]. До нас дошли и другие рассказы о похождениях Мазепы.

В конце концов Иван Степанович оказывается на службе * Богдана Хмельницкого. По одной версии он, находясь на королевской службе, попал в плен к татарам, а по другой – сам бежал к казакам, спасаясь от очередного пана-рогоносца.

На мой взгляд, обстоятельства перехода Мазепы к казакам особого значения не имеют. Важно другое: Мазепа родился в дворянской семье, несколько поколений которой верой и правдой служили польским королям. Он получил воспитание, обычное для богатых польских семей, и

практически не имел ничего общего ни с малороссийским народом, ни даже с казацкой старшиной.

В Малороссии Мазепа делал карьеру у многих гетманов. Так, от Павла Тетери он перешел к Петру Дорошенко. Кстати, будучи у Дорошенко, Мазепа вступил в брак с богатой вдовой Фридрикевич, у которой от первого брака был сын по имени Криштов. Национальность богатой вдовы неизвестна, но ее фамилия и имя сына – явно польские.

От Дорошенко Иван Семенович перебежал к гетману Самойловичу. В июне 1687 г. соединенная армия князя В.В. Голицына и гетмана Самойловича двинулась в Крым. Однако татары применили тактику выжженной земли, и армии пришлось вернуться. Татары и ранее постоянно поджигали степь при подходе неприятеля. Но тут малороссийские недруги Самойловича подали донос Голицыну, что поджег степи был совершен казаками по приказу Самойловича. Князю и его воеводам тоже надо было найти виноватого. Князь наябедничал правительнице Софье, и через две недели Самойлович был лишен гетманской булавы.

25 июля 1687 г. на реке Коломаке состоялась Рада, на которой «вольными голосами малороссийских казаков и генеральской старшины» был выбран гетман Мазепа. Его избранию гетманом сильно способствовал князь В.В. Голицын. Иван Степанович немедленно отблагодарил князя, дав ему 10 тысяч рублей, изъятых у Самойловича.

Приняв булаву, новый гетман присягнул царям Петру и Ивану, подписав 22 статьи, определявшие статус Малороссии и самого гетмана. Запорожцев непосредственно касались только две статьи. Во-первых, запорожцы должны были попрежнему оборонять от татар мало– и великорусские города и держать заслоны у Кызыкерменя и в других местах. Гетман должен был по-прежнему посылать жалованье запорожцам, в том же объеме, что и при Самойловиче. Запорожцы не имели право без санкции Москвы заключать мир с Крымом.

Во-вторых, гетман должен был построить укрепление (шанец) на левой стороне Днепра напротив крепости Кодак. «На Самаре и на Орели реке, и на устьях Орчика и Берестовой построить крепости и малороссийскими жителями населить и о том во все тамошние города универсалы послать с разъяснением о том, что в те места могут все желающие без всякого препятствия приходить; запорожцы же к тем крепостям и к жителям тех крепостей касаться не должны»[15].

Для запорожцев постройка крепостей на землях, которые они считали своей собственностью, являлась нарушением прав Войска, но они не вступали в открытый конфликт с Москвой. А вот к Мазепе у запорожцев

накопился длинный список претензий: строительство крепости, удержание хлебного жалованья из Москвы для Запорожского Войска, недопущение свободной торговли Малороссии с Сечью.

В 1689 г. князь Голицын вновь двинулся в Крым. После новой неудачи Василий Голицын приказал заложить на реке Самаре еще одну крепость – Новосергиевскую. Место для новой крепости выбрали в урочище Сорок Байранов выше Вольного брода. Крепость была начата строительством 20 июня 1689 г. и закончена 18 июля того же года. Официальное на звание крепости «Новосергиевская» употреблялось редко, а в основном ее звали Вольный городок.

После ухода русских казаки заключили мир с крымским ханом Эльхадж-Селим Гиреем. В ответ гетман Мазепа учинил полную экономическую блокаду Запорожья, запретив передвижение товаров и людей. Кроме того, несколько запорожцев подверглись нападениям в районе Севска и в гетманстве.

Все это вместе взятое вызвало возмущение запорожцев, которые собрали Раду и вопреки желанию кошевого атамана Гусака отправили письмо польскому королю Яну Собескому. В письме запорожцы объявили королю, что Москва нарушает их вольности, что она хочет сделать их рабами царей и бояр и потому просили королевское величество о том, чтобы он «привел их под свою державу», за что обещали верно служить ему, как служили их деды и отцы прежним королям. «Пусть святой дух светит сердца вельможностей ваших, – писали запорожцы польскому гетману, – и даст вам здравый совет, а наше желание таково, чтобы оба народа, польский и малороссийский, соединились в одно»[16].

Поляки не имели возможности, да и желания начинать войну с Москвой и предложили запорожским посланцам подождать до лучших времен, не отказывая в принципе. Однако позже в Сечи возобладала промосковская партия, и Сечь осталась в составе Русского государства.

Сейчас на Украине стало модно превозносить заслуги гетмана Мазепы в строительстве церквей и монастырей, увеличении числа учащихся Киевской духовной академии. На пушечном дворе в Глухове отличались мощные пушки и мортиры. Одновременно обличается «колониальная политика» Петра I, который забирал тысячи казаков на войну, увеличивал налоги, в 1706—1707 гг. привлек сотни малороссийских казаков и селян к постройке новой крепости в Печерске.

Спору нет, все вышесказанное более-менее справедливо. Но, с другой стороны, кого должна была защищать Киевская крепость – рязанцев, ярославцев? Да, несколько тысяч малороссийских казаков были

отправлены на войну с турками и шведами, а также на строительство Петербурга и Ладожского канала. Но на каждого погибшего или умершего там казака приходилось по несколько невольников – турок, шведов и особенно жителей Лифляндии, пригнанных домой казаками. Казаки пригоняли с собой десятки тысяч голов крупного рогатого скота (особенно из Лифляндии и Литвы) и невероятное количество награбленных ценностей.

С 1648 по 1686 год, то есть 38 лет, в Малороссии грохотали пушки. Один и тот же город мог многие десятки раз переходить из рук в руки – от одного гетмана к другому, от татар к ляхам, от ляхов к москалям, от москалей к туркам и т. д.

И вот с 1686 по 1707 год на Левобережье ни разу не ступал неприятель. Московские воеводы более не допускали не только гетманских междусобойчиков, но и даже лихих налетов шляхтичей на соседние хутора. Из этих 21-го поистине счастливых для Малороссии года 20 пришлось на правление Мазепы. Так причем тут «гетман-злодей»? Предположим, что булава осталась бы у Самойловича или ее бы передали Кочубею или Даниилу Апостолу. Неужели в экономическом отношении и культурном развитии Малороссии пошли бы по иному пути? Кстати, Апостол в 1727 г. стал гетманом, и экономика, и культура развивались так же, как и при Мазепе. А сколько для Малороссии сделал за 14 лет своего гетманства Кирилл Разумовский? При нем Малороссия процветала не в пример Мазепе, я уж не говорю о гетманах времен «Руины».

А теперь перейдем к любовной истории старого гетмана и семнадцатилетней Мотри (Матрены) Кочубей, благо она читателя интересует куда больше, чем церкви, построенные при Мазепе, и глуховские пушки.

В начале XVII века, как мы уже знаем, власть гетманов в Малороссии была достаточно велика, но четких разграничений между властью гетмана и царской зачастую не было. Поэтому при желании любой малороссийский ябедник мог найти какую-нибудь промашку в действиях гетмана и «настучать» в Москву. Петру на Мазепу было написано несколько десятков доносов. Благодаря поэме Пушкина «Полтава» двое доносчиков – генеральный судья Кочубей и полковник Искра – навечно вошли в нашу историю. Другой вопрос, что художественные произведения были бы чрезвычайно скучны, если бы они досконально соответствовали правде жизни.

Реальный Кочубей длительное время находился в приятельских отношениях с Мазепой. Они вместе служили у гетмана Дорошенко, потом у

Самойловича. Вместе способствовали свержению последнего. Когда Мазепа стал гетманом, они постоянно встречались, как по службе, так и за чаркой горилки. Кочубей выдал свою старшую дочь Анну за Ивана Обидовского – сына сестры гетмана. Мазепа произвел генерального писаря Кочубея в генеральные судьи.

В 1702 г. гетман овдовел. И вот 63-летнему Ивану Степановичу приглянулась младшая дочь Кочубея Матрена. И что самое интересное, шестнадцатилетняя Матрена ответила взаимностью Ивану Степановичу. То ли ей действительно понравился старый донжуан, то ли приспичило стать гетманшей, этого мы уже никогда не узнаем.

Мазепа сделал официальное предложение Матрене. И тут «встала на рога» старуха Кочубеиха. Наверное, каждый читатель знает мамаш, неудовлетворенных собственными мужьями и мечтающих увидеть свой идеал в зяте. Они скорее предпочтут, чтобы их дочь осталась старой девой, чем нашла мужа, не соответствующего стандартам тещи: «Этот молодой, но маленький, а этот высокий, да старый, а тот вообще лысый!»

А, возможно, Любовь Федоровна и сама была неудачно влюблена в Мазепу, и тут всплыла старая обида. Такое тоже часто бывает, вспомним мадам Шнейдер в «Милом друге» Мопассана.

17 мая 1707 г. Кочубей попытался выдать дочь за судейского чиновника Чуйкевича, но гетман и сама Мотря энергично воспротивились этому.

Н.И. Костомаров писал: «Мотря, находясь под строгим надзором родителей, тайком переписывалась с гетманом и в это время доходила до безумия – металась, плевала на отца и мать, а родители приписывали такие выходки влиянию чар. Кочубей писал к гетману, не обличал его прямо, а только жаловался на судьбу свою. “Делалось ли подобное с кем-нибудь из тех, которые живали при своих региментарях чиновно и не чиновно! – выражался он. – Горе мне, мизерному и всеми заплеванному! Обратилась в грусть надежда моя найти себе в дочери будущую утеху! Омрачился свет очей моих; обошел меня кругом мерзостный студ; не могу прямо смотреть людям в лицо; срам и поношения окрывают меня перед ближними и домашними! Всегда с бедною супругою своею плачу от сокрушения”. Гетман же припоминает Варвару великомученицу, убегавшую от злого отца, советует Кочубею воздержаться от мятежнического духа, угрожает, что через его и жены его высокомерие он доживет до какой-нибудь беды. Кочубей в своем письме к гетману намекнул о блуде, гетман прикинулся, как будто не понимает этого, и отвечал, что блудит, вероятно, сам он, слушая жены своей, сообразно пословице “Где хвост всем заправляет, там

голова блудит”»[17].

В конце концов старая дура Кочубеиха надоумила мужа написать в сентябре 1707 г. в Преображенский приказ Ф.Ю. Ромодановичу донос на гетмана. Потом Кочубей подключил к делу полковника Ивана Искру, и они уже совместно написали донос царевичу Алексею, который немедленно передал его отцу. Ни Кочубей, ни Искра не имели неопровержимых доказательств вины гетмана и на допросе признались во лжи. По приказу Петра их передали Мазепе и 14 июля 1708 г. обоим отрубили головы в местечке Борщаговка, недалеко от Белой Церкви.

Чтобы больше не возвращаться к теме Мотри и Мазепы, скажу, что в конце 1707 г. Кочубеям удалось выдать ее за Чуйкевича.

Любопытна и до сих пор мне не ясна роль в деле Кочубея и Искры миргородского полковника Даниила Апостола. Поначалу Даниил вроде бы участвовал в их доносе. А когда 17 марта 1708 г. гетман отрядил около тысячи всадников в Диканьку, чтобы арестовать там Кочубея, то Апостол послал гонца предупредить свата об опасности. Напомню, что сын Даниила был женат на Анне, дочери Кочубея. Тем не менее Мазепа выгородил перед царем Даниила Апостола.

Мотря и ее муж Чуйкевич не пострадали. После измены Мазепы Чуйкевич присоединился к нему. Тем не менее по неясным причинам Петр пощадил его и лишь сослал вместе с женой в Сибирь. Через некоторое время Мотря вернулась из Сибири одна (видимо, муж умер) и ушла в монастырь.

Итак, жизнь Мотри стала трагикомедией, но за неимением других персон она стала самой знаменитой женщиной Малороссии, по крайней мере до 1917 г. Через 120 лет А.С. Пушкин обессмертил ее имя в поэме «Полтава».

А в 2003 г. в городе Батурине в пригородном заповеднике «Парк Кочубеевский» на Аллеи Любви установили памятный знак «Большой любви Ивана Мазепы и Матрены Кочубей». На большом камне высечены строки из письма гетмана к Мотре:

«МОЕ СЕРЦЕ КОХАНЕЕ!
МА ЗНАЕШ, ЯКЯ СЕРДЕЧНО,
ШАЛЕНО ЛЮБЛЮ ВАШУ МИЛОСТЬ,
ЩЕ НІКОГО НА СВІТІ НЕ ЛЮБИВ ТАК».

В 2003 г. поставили памятнику дубу, где Мазепа и Мотря, подобно Дубровскому и Маше, «сношались через дупло». О памятниках Мазепе я

расскажу позже. А вот Кочубею и Искре в 1914 г. в Киеве был установлен памятник (автор П.А. Самсонов) на Арсенальной площади. Надпись на плите гласила: «Мученикам и героям за русскую идею Кочубею и Искре». В 1919 г. петлюровцы разрушили фигуры Кочубея и Искры. А в 1923 г. большевики на освободившемся постаменте установили «пушку арсенальцев» – 76-мм горную пушку обр. 1909 г. Памятник был поставлен в честь восстания рабочих военного завода «Арсенал» в январе 1918 г. Любопытно, что немцы за два года оккупации не тронули памятник. Но вот с 2006 г. раздаются требования о демонтаже пушки. Взамен кто-то предлагает поставить фигуру казака – сторонника Центральной Рады, а кто-то – фигуру Мазепы. Однако нашелся знаток, заявивший, что в расчете этой пушки был один петлюровец, и на этом основании ее трогать «не можно». Ряд «историков» предлагают пушку оставить, но поменять только надпись, сделав пушку памятником войск Центральной Рады, благо пушка, мол, смотрит дулом на завод «Арсенал». Пока, на ноябрь 2008 г., пушка стоит на «вулице Ивана Мазепы». А рядом находится самая глубокая в мире станция метро «Арсенальная», построенная русскими колонизаторами.

Глава 6.
Правобережье в огне

Советские и самостийные историки сделали ложь правдой, повторив ее тысячу раз. Сейчас 99,9% жителей Республики Украина и Российской Федерации на вопрос, кто такой Мазепа, скажут: «Гетман Украины». Но, как уже говорилось, Мазепа был гетманом не Украины и не Малороссии, а фактически узкой полоски земли в 150—200 км на Левобережье Днепра. Официальный же титул Мазепы – «Пан Иоанн Мазепа гетман войска его царского пресветлого величества Запорожского», – из надписи на глуховской пушке, отлитой в 1697 г. Пушку может лицезреть каждый, она находится во внешнем дворе Артиллерийского музея в Петербурге рядом с памятником казненным декабристам.

Замечу, что и Богдан Хмельницкий имел только один титул: «Гетман Войска Запорожского». Самое же любопытное, что Войско Запорожское никогда не подчинялось малороссийским гетманам – ни Хмельницким, ни Мазепе. Впервые на короткий срок Войско Запорожское было подчинено Елизаветой Петровной гетману Кириллу Разумовскому.

Тем не менее ситуация на Правобережье и в Запорожской Сечи сыграла важную роль как в поступках Мазепы, так и в истории Полтавского сражения. Поэтому нам придется сделать небольшое отступление и отправиться в XVII век. Польский король Ян Собеский для борьбы с турками решил возродить на Правобережье казачество. В 1683 г. он приказал шляхтичу Куницкому начать набор казаков, и к концу года таковых набралось около 8 тысяч. Но в начале 1684 г. казаки убили Куницкого и выбрали своим гетманом Андрея Могилу.

Однако к 1686 г. уже ни Могилы, ни единого командования у правобережных казаков не было, а значительная часть Правобережья оказалась под властью самозваных казацких полковников. Наибольшую известность среди них приобрел Семен Филиппович Гурко, получивший прозвище Палий, то есть поджигатель.

Палий сделал своей резиденцией город Фастов или, как его тогда называли, Хвастов. Палий в молодые годы жил в Сечи и всегда поддерживал тесные связи с запорожцами.

Полякам как-то удалось схватить Палия и заключить его в башню в городе Немирове. Но Семену удалось бежать оттуда. Освободившись, он

узнал, что Фастов захвачен частной армией католического епископа. Палий собрал казаков, взял Фастов и перебил там всех ксендзов. Именно с тех пор он стал непримиримым врагом католической церкви.

В 1688 г. Палий обратился в Москву с просьбой о принятии его в подданство. Но правительница царевна Софья не желала войны с ляхами, и Палию было рекомендовано вместе с казаками перебраться в Запорожье.

Однако честолюбивый Палий не захотел стать местечковым полковником, а то и есаулом, и остался в Правобережье. У поляков не было возможности, а может и желания отправить против Палия и других полковников крупные силы.

Статус у Палия и других полковников на Правом берегу был более чем странным. Так, в 1693 г. войско Палия вместе с казаками Мазепы разгромили татар на реке Кодыме, за что получили от царя Петра ценные подарки.

Казаки Палия повсеместно громили панские усадьбы. Так, например, при разгроме двумя сотнями палиевских казаков имения пана Стецкого один из вождей повстанцев, некий Прокоп, громко заорал: «За Вислу ляхов прогнати, щоб их тут и нога не ступала!»[18]. Уверен, что подобный лозунг использовался всеми православными Правобережья.

На грабежи казацкого полковника Кутиского-Барабаша последовала коллективная жалоба шляхты Киевского воеводства. Польский коронный гетман отправил к полковнику по сланцев с требованием уняться. А Кутиский-Барабаш посадил их в тюрьму, заявив: «Я ани короля, ани гетмана не боюсь; у меня король – царь турецкий, а гетман – господарь волоский, – бо треба тое ведати: где Барабаш, там ничого не маш»[19].

Сотник палиева полка Цвель со своими казаками напал на каптурового[20] судью Сурина, ездившего для исполнения своей судебной обязанности в село Калиновку. «Козаки, встретивши его на дороге, закричали: “Бийте ляхов, бийте! Нехай не ездють на суды; тут наш козацкий суд!” С такими словами козаки поколотили и самого господина, сидевшего в коляске, и его прислугу, забрали у него деньги, оружие, вещи, съестные запасы, а все судебные документы повыбрасывали и истребили»[21].

А с другой стороны, Палий периодически отправлял письма к польскому королю, в которых стремился показать себя верноподданным Речи Посполитой, терпящим постоянные обиды от панов и ксендзов. В 1700 г. коронный гетман послал под Фастов воеводу Цинского с 4 тысячами поляков. Пан Цинский подошел к Фастову, сжег посад, а затем ретировался.

По версии украинских историков отряд казаков напал с тыла на ляхов, и те были вынуждены отойти от Фастова. Поляки же утверждают, что Палий прислал Цинскому несколько бочонков с деньгами, и на том кампания была закончена ко всеобщему удовлетворению. Любопытно, что некоторые польские паны привлекали казаков Палия для решения своих личных дел. Так, зимой 1700/1701 г. пан Микульский поссорился со своей соседкой панной Головинской, взял от Палия «привоведный лист» для набора своевольных казаков и с этими казаками напал на имение Головинской, выгнал владелицу, сжег ее усадьбу и разогнал ее людей. Польские паны ситуацию на Правобережье начали сравнивать со временами Богдана Хмельницкого в конце 40-х годов XVII века.

Примерно с 1694 г. отношения между Палием и Мазепой начали портиться. Фастовский правитель был слишком популярен на обоих берегах Днепра, а Мазепе в общем и целом было плевать и на православие, и на народ малороссийский, его основной целью было удержать гетманскую булаву. Поэтому Мазепа пытался всеми средствами дискредитировать Палия.

В 1701 г. поляки направили в Правобережье большие силы, в основном состоявшие из частных армий. Полковник Самусь отправил Мазепе грамоту с просьбой о помощи и осведомлялся о возможности ухода на левый берег в случае полной победы ляхов. Мазепа отвечал: «Помочи тебе не подам и без царского указа тебя не прийму. Без моего ведома ты начал и кончай, как знаешь, по своей воле»[22].

А в своем донесении в Москву Мазепа высказывал соображения, что Самусь делает это по чужому наущению, поскольку сам он человек простой и необразованный, и едва ли без чужого совета додумался до этого. «Бунт распространяется быстро, – писал гетман, – уже от низовий Днестра и Буга по берегам этих рек не осталось ни единого старосты, побили много мещан – поляков и жидов, другие сами бегут в глубину Польши и кричат, что наступает новая хмельнищина. Впрочем, случившаяся на правой стороне Днепра смута принадлежностям нашим зело есть непротивна. Пусть господа поляки снова отведают из поступка Самусева, что народ малороссийский не может уживаться у них в подданстве; пусть поэтому перестанут домогаться Киева и всей Украины»[23].

По царскому указу в августе 1702 г. Мазепа пригласил Палия принять участие со своими казаками в войне против шведов. Палий ответил, что рад бы служить царю, да не смеет выйти, потому что на него собираются польские войска в Коростышове, и как только он выйдет, так они и Фастов

разорят, и людей православных перебьют. «Всему свету известно, – выражался Палий, – что ляхи уже не одного сына восточной церкви удалили с сего света и много христиан мечом истребили в нашей достойной слез Украине»[24].

Полковник Самусь решил не ждать польских войск, а сам осадил Белую Церковь. 7 сентября из своего табора под Белой Церковью Самусь разослал всем казацким старшинам универсал, в котором извещал, что присягнул за весь народ малороссийский быть до смерти верным царскому пресветлому величеству и пребывать в покорности гетману Мазепе. Далее в универсале говорилось, что в настоящее время Самусь с казацким войском находится под Белой Церковью напротив неприятелей-поляков и будет добиваться, чтобы ляхи навсегда ушли из Малороссии и более не возвращались. Самусь писал: «Прошу вас, господа, приложите все старание ваше, соберите изо всех городов поднестранских [приднестровских] охотное товариство в сотни и тысячи и поспешите стать с нами заодно. Как скоро Бог нам поможет взять белоцерковский замок, то не станем тратить времени и тотчас двинемся на противников наших польских панов»[25].

Универсал этот был послан и к приднестровским казацким старшинам Валозону, Палладию и Рынгошу.

Самусь недаром обратился в Приднестровский край. Начавшись от Богуслава и Корсуна, восстание, поднятое Самусем, пошло на запад к Бугу и Днестру. «Хлопы, жадные крови шляхетской, как выражались поляки, поднялись…». Город за городом, село за селом избавлялись от господства поляков, и вскоре восстание докатилось уже до Каменца. Подоляне прислали к Палию гонцов просить его быть «патроном» народного восстания против ляхов.

Две недели простоял Самусь под Белой Церковью, и тут приехал к нему эмиссар от коронного гетмана Любомирского пан Косовский и объявил, что если Самусь сложит оружие и покорится королевской воле, то получит прощение от короля и Речи Посполитой за все то, что происходило в Богуславе, Корсуне и других местах, где были побиты поляки и евреи. Самусь отвечал: «Мы тогда будем желательны королю и Речи Посполитой, когда у нас во всей Украине от Днепра до Днестра и вверх до реки Случи не будет ноги лядской»[26] .

А тем временем на помощь Самусю подошел и сам Палий с 15 тысячами казаков. На выручку крепости двинулось и большое польское войско во главе с Яковом Потоцким и региментарем Рущицем. Ляхи заняли

город Бердичев.

16 октября казаки Самуся внезапно ворвались в Бердичев и учинили там резню ляхов и евреев; Потоцкий и Рущиц бежали с небольшой частью своего воинства.

К концу ноября 1702 г. пала Белая Церковь. Трофеями казаков стали 28 пушек и большие запасы пороха. Палий въехал в город в карете, запряженной шестеркой лошадей, и объявил себя полковником белоцерковским. Казацкие полковники Палий, Самусь и Истра отправили Мазепе грамоту с просьбой принять Белую Церковь под власть царя.

Тем временем отряды Самуся двинулись на город Немиров. Местные казаки передались повстанцам, и город был взят с ходу. Всех поляков и евреев казаки перебили, за исключением нескольких, согласившихся принять православие. Вскоре судьбу Немирова разделил и город Бар.

Зимой 1702/1703 г. появился в Подолии «полковник Войска Запорожского» Федор Шпак. Он объявил, что паны утесняют крестьян вопреки королевской воле. Шпак отличался тем, что не только резал католиков и евреев, но и продавал их целыми толпами татарам.

В числе восставших крестьян и казаков оказался и дворянин Данило Братковский. Он был, наверное, последним из русских по крови дворян в Малороссии, сохранившим верность православию. Еще раньше Братковский напечатал попольски сочинение под названием «Мир, пересмотренный по частям» («Swiat poczesci przejrzany»), где в сатирическом тоне изобразил пороки шляхетского общества.

Естественно, что Братковскому не нравилась религиозная политика ляхов в Подолии после изгнания оттуда турок. Так, королевским указом в Каменце не дозволялось селиться православным. Весь Подольский край в церковном отношении был изъят из ведомства киевского митрополита и подчинен исключительно литовскому униатскому владыке, как будто там уже и не было и не должно было быть православных.

Братковский в 1701 г. стал распространять свои сочинения в защиту православной церкви. Полякам удалось схватить Братковского, его долго пытали и 25 ноября 1702 г. казнили в Луцке «мучительной смертью».

Гетман Мазепа не помогал восставшим на Правобережье. Тем не менее в ноябре 1702 г. он получил от царского резидента в Варшаве князя Григория Долгорукова следующее письмо: «Шведский король хитрыми вымыслами, по совету приставших к нему польских изменников, велел распространять слухи, будто его царское величество указал вашей вельможности послать 20 000 войска на помощь Самусю, назвавшемуся царским гетманом, и будто мятежи, поднявшиеся в Украине, возникли с

позволения нашего государя. Речь Посполитая приходит в немалое подозрение. Необходимо всем на деле доказать, что этот мятеж начался без воли царской и не приносит никой пользы его царскому величеству; необходимо стараться угасить этот огонь, препятствующий Речи Посполитой обратить оружие против шведов»[27].

Под давлением казацкой старшины Мазепа написал канцлеру Головину, что лучше было бы теперь принять от Палия Белую Церковь в царское владение. Петр же вместо этого вновь приказал Мазепе усилить караулы на Днепре, дабы не пускать правобережных казаков на помощь повстанцам.

Царь отправил к Палию генерала Паткуля уговорить его передать захваченные территории королю Августу. Палий фиктивно согласился, но делать ничего не стал.

Во второй половине 1703 г. войско польского гетмана Синявского сумело отбить у Самуся город Немиров, причем сам полковник ушел в Богуслав. Затем Синявский осадил город Ладыжин, где с несколькими тысячами казаков засел полковник Абазын. Ляхи штурмом взяли город. Абазына посадили на кол. По разным сведениям, было перебито от двух до десяти тысяч казаков.

В феврале 1704 г. киевский воевода[28] Потоцкий разбил отряд Федора Шпака. По приказу Потоцкого всем хлопам, заподозренным в участии в восстании, отрезали левое ухо и, по свидетельству современника, такому наказанию было подвергнуто до 70 тысяч человек. Польские суды по обвинению в мятеже приговаривали к смерти жителей целых селений. Их казнили скопом – правых и виноватых.

В январе 1704 г. Самусь и корсуньский полковник Истра бежали на левый берег и были приняты на службу к Мазепе.

В апреле 1704 г. Петр I приказал гетману Мазепе двинуть малороссийское войско на правый берег «чинить промысел над нерасположенными к королю Августу панами, нещадно опустошая огнем и мечом их маетности»[29] .

Между тем Мазепа строчил царю донос за доносом на Палия, что тот сносится с панами Любомирскими и хочет поступить на службу к шведскому королю Карлу XII.

В мае Мазепа отправил 1300 казаков на помощь польскому королю Августу. 15 июля к войску Мазепы, стоявшему на польской территории, подошел отряд Палия. Гетман радушно принял полковника и обильно угостил его горилкой.

1 августа Мазепа пригласил в очередной раз в свою ставку Палия, арестовал его и отправил в заключенье в Батуринский замок.

Между тем Петр I приказал Мазепе возвращаться домой. На Правобережье гетманская армия не вела боевых действий, а лишь грабила имения магнатов, перешедших на сторону короля Стася и шведов, как, например, тех же Любомирских.

12 октября 1704 г. Мазепа отправился с войском обратно и уже 29 октября прибыл в Батурин.

В августе 1704 г. Мазепа отправил на помощь полякам и саксонцам 10-тысячный отряд казаков под командованием переяславского полковника Ивана Михайловича Мировича. Казаки участвовали в обороне Львова и ряде других сражений. Поляки и немцы третировали казаков. В конце концов, почти весь этот и другие ранее посланные отряды казаков погибли или разбежались, и в Малороссию в ноябре 1704 г. вернулось лишь несколько десятков человек вместе с полковниками Мировичем и Апостолом.

Петр 10 декабря издал указ, что оба полковника достойны смертной казни «за распущение казаков и за самовольный уход со службы», но по ходатайству гетмана простил их.

Забегая вперед, скажу, что весной 1706 г. после боя русских со шведами у местечка Ляховицы в Польше раненый полковник Мирович был взят шведами в плен и умер в Стокгольме.

Дочь полковника Анна вместе с мужем Семеном Степановичем Забаллой и сын Федор бежали вместе с Мазепой. Петр приказал сослать в Сибирь вдову Ивана Михайловича вместе с многочисленными сыновьями и внуками.

В 1740 г. в Тобольске у ссыльного Якова Ивановича Мировича родился сын Василий. Именно он в ночь на 5 июля 1764 г. сделает неудачную попытку освободить из Шлиссельбургской крепости императора Ивана Антоновича, а позже погибнет на эшафоте.

В начале 1705 г. Мазепа направил царю очередную кляузу на Палия, заявив, что держать его в Малороссии опасно. По царскому указу Палия в марте 1705 г. доставили в Москву, а в конце лета отправили в Сибирь в Томск на вечное поселение.

Так закончилась «палиевщина» запорожских и местных казаков, которая могла привести все Правобережье под скипетр русского царя. Увы, в данном случае Петр показал себя ограниченным и недальновидным политиком. Он переоценил военное и политические значение польских магнатов, но они в качестве союзников ничего не хотели и не могли дать

России, а в качестве врагов – сколько-нибудь серьезно навредить. А вот оставление Правобережья под властью панов и ксендзов принесло огромный вред России. Это прекрасно понимали еще царские историки, и они постарались помпезной риторикой и словоблудием об измене Мазепы, Полтавской виктории и т. п. затмить палиевщину и сделать ее третьестепенным эпизодом, недостойным освещения в школьных и институтских учебниках истории.

Трудно понять, как Петр, имея достаточно опытных советников, как русских, так и иностранцев, не сумел понять, что за сброд представляют собой польские паны. Дело дошло до того, что царь приказал Мазепе подавить повстанческое движение на Правобережье и подчинить свои войска коронному гетману Синявскому.

Так, в начале 1708 г. царь потребовал от Мазепы собрать полки и отправиться на Правобережье, а также впустить польский гарнизон в крепость Белая Церковь.

Поскольку коронный гетман Любомирский перешел на сторону Карла XII, пан Адам Синявский сам себя объявил коронным гетманом. Любопытно, что на всякий случай жена Адама вела переписку с королем Станиславом Лещинским. Сам пан Синявский гордо говорил, что он де честный рыцарь и если перейдет на службу к шведскому королю, то сделает это открыто.

Кочубей обвинил Мазепу в сговоре с гетманом Синявским и в попытке перейти на сторону поляков.

А теперь сам Петр потребовал от Мазепы силой подчинить все Правобережье Синявскому. Мазепа вполне резонно запросил у графа Головина детальную инструкцию относительно действий на Правобережье: «Вам известно, что, по вечному миру между Государем и Королем, граница западной Украйны не показана. Ибо, начиная от того места, где выше Киева Ирпень в Днепр впадает, идучи Стугною до Триполя, от Триполя же степью на пять миль от Днепра до Стаек все отмежевано на сторону России. А вниз Днепра нет никакого еще определения, и если та земля, и города, на ней построенные, с селами пойдут Ляхам, то это разорит обывателей восточной Украйны, в особенности Переяславльских, Лубенских и других побережных. Они на западном берегу Днепра имеют грунты, пасеки, угодья, – не захотят их лишиться, и сами перейдут туда».

А по поводу Белой Церкви Мазепа писал 8 июня 1708 г., что «все Заднепровские Полковники негодуют за отдачу этого города Ляхам; говорят, что скорей погибнут, нежели отдадутся под иго Польское; и если Белу Церковь Ляхи приобретут от Государя, то будут вырезаны козаками,

которые станут искать иного покровительства. Он доказывал, что отдача Белой Церкви прекратит сообщение с союзниками; говорил, что тамошний полк теперь находится на службе Царской; а жены и дети, ненавидя прежнее тиранство магнатов и Республики, оставят домы и разбегутся из города; поляки начнут снова мучить народ православный; вспыхнет мятеж на западе Днепра; отзовется на востоке, и тогда не миновать возстания всеобщего».

В итоге Петр отменил свое распоряжение о насильственной передаче Правобережья полякам.

Глава 7.
Ввод русских войск в Речь Посполитую

Пока Карл XII завяз в Речи Посполитой, царь Петр не терял времени. Прежде чем овладеть Дерптом и Нарвой, Петр решает разделаться со шведской флотилией на Чудском озере. Шведская озерная флотилия в навигации 1702 и 1703 годов опустошала русские берега. Было уничтожено свыше 30 деревень и потоплено много русских судов, включая галиоты и галеасы. Осенью 1703 г. флотилия ушла зимовать в город Дерпт по реке Амовже (она же Эмбах и Эмайыги). В апреле 1704 г. семитысячный русский отряд при 18 пушках под началом генерал-майора Вердена скрытно занял позицию у впадения реки Амовжи в Чудское озеро. Верден получил указание не впускать шведскую эскадру в озеро. Ничего не подозревая, шведы двинулись вниз по течению, но 3 мая в устье реки попали в русскую засаду. С берега ударили пушки, а на воду были спущены лодки с пехотой, которая попыталась взять шведские суда на абордаж. Флагманское судно адмирал Лошер приказал взорвать, а остальные 13 сдались русским. Победителям досталось 86 пушек и 138 пленных. В донесениях взятые суда именуются шкутами. Они представляли собой небольшие парусно-гребные суда с вооружением от 2 до 14 пушек малого калибра. Вечером 4 июня под Дерптом появился авангард армии фельдмаршала Шереметева. Дерпт был укреплен сравнительно слабо. Строительство земляных бастионов еще не закончилось. Вооружение крепости состояло из 84 пушек, 18 мортир, 6 гаубиц и 16 дробовиков. Гарнизон состоял из 5 тысяч человек под командованием полковника Шютте.

9 июня к Дерпту подошли основные силы русских вместе с Шереметевым. Непосредственно осаду города вели пять драгунских полков общей численностью 4 975 человек и шесть пехотных полков численностью 5 702 человек. Вместе с ними прибыло 55 орудий и 159 человек прислуги. Всего в районе Дерпта силы русских составляли 21 578 человек.

Бомбардировка крепости была начата 10 июня 1704 г. Русские осадные батареи расположились на обоих берегах реки Амовжи. 3 июля к осадной армии внезапно приезжает сам Петр и фактически принимает командование на себя. 6 и 7 июля русские огнем 24 пушек и 11 мортир

обстреливают Русские ворота, снеся до основания башню над ними.

В ночь на 10 июня русские вывели из туров траншеи от ворот Святого Якова до Пороховой башни, приблизившись, таким образом, к пункту атаки с двух сторон. К вечеру 12 июля уже все было готово для штурма. Напротив Русских ворот через Амовжу под прикрытием дыма от загоревшегося на шведском берегу дровяного склада русские наскоро возвели мост. Штурм длился семь часов подряд. Штурмующие продвинулись до палисада перед крепостной стеной и срубили его, в то время как обороняющиеся расстреляли свои снаряды. Стволы их мушкетов так накалились, что нельзя было держать их в руках. Наши солдаты взобрались на равелин перед Русскими воротами, повернули шесть шведских пушек к воротам и разбили их. Когда русские овладели Пороховой башней, комендант полковник Шютте решил сдать крепость.

Один за другим погибли четыре шведских барабанщика, бивших «шамад» (сигнал к сдаче). Лишь звуки трубы приостановили сражение, и осажденные обратились «со упросительными от всего дерптского гарнизона пунктами», составленными комендантом крепости. Шютте просил разрешить гарнизону выход «с литаврами, с трубами и со всею музыкою», с распущенными знаменами, шестью пушками, всем огнестрельным оружием и месячным запасом продовольствия. Царь от имени фельдмаршала отправил коменданту не лишенный иронии ответ: «Зело удивляется господин фельдмаршал, что такие запросы чинятся от коменданта, когда уже солдаты его величества у них в воротах обретаются и которые так озлоблены, что едва уняты». Подобные условия были бы уместны до штурма, а не тогда, когда осажденные лишились выбора. Гарнизону было разрешено покинуть крепость с семьями, пожитками и запасом продовольствия, но без артиллерии. Победителям достались огромные трофеи: 132 орудия, 15 тысяч ядер, запасы продовольствия. Но и потери были достаточно велики: 800—900 человек убитыми и 2250—2500 ранеными. Осажденные потеряли около полутора тысяч человек убитыми.

Вскоре прекратила свое существование и сама крепость: в 1708 г. Петр, опасаясь с возвращением Карла XII из Саксонии потерять Лифляндию, приказал срыть крепостные укрепления Дерпта, но после Ништадского мира снова приказал восстановить Дерпт. В 1772 г. крепость была окончательно упразднена.

Отпраздновав наскоро взятие «праотеческого города», Петр сел на яхту и по реке Амовже, Чудскому озеру и реке Нарове добрался до крепости Нарва.

Еще 26 апреля 1704 г. окольничий П.М. Апраксин с тремя пехотными

полками и тремя ротами конницы (всего около 2 500 человек) занял устье реки Наровы (при впадении реки Росоны). Предусмотрительность русского командования оправдалась: 12 мая шведский адмирал де Пру, подошедший к устью Наровы с эскадрой и транспортными судами, пытался доставить в Нарву подкрепление в количестве 1 200 человек и запасы, но, встреченный огнем русских береговых батарей, вынужден был уйти в Ревель.

30 мая русская армия переправилась на левый берег реки Наровы и расположилась лагерем со стороны моря в пяти верстах от Нарвы. Позднее она заняла то место, которое занимала в 1700 г., примыкая флангами к реке у деревни Юала и близ острова Хампергольма. Четыре драгунских полка обложили собственно Нарву, два полка окружили Иван-город, а остальные войска расположились лагерем в трех верстах от крепости. П.М. Апраксин остался у устья Наровы. Но русская армия не могла приступить к осаде до подвоза пушек и мортир. Командовал войсками в отсутствие Петра сначала генерал Шенбок, а с 20 июня – фельдмаршал Огильви.

В русской армии после подхода войск Шереметева и прибытия артиллерии насчитывалось до 4 500 человек (30 пехотных полков и 16 конных) при 150 орудиях. Шведский гарнизон Нарвы состоял из 3 175 человек пехоты, 1 080 конницы и 300 артиллеристов, всего 4 555 человек при 432 орудиях в самой Нарве и 128 орудиях в Иван-городе. Комендантом был тот же мужественный и энергичный генерал Горн.

Вскоре после начала осады среди осажденных и осаждающих распространился слух, что на помощь Нарве идет из Ревеля корпус генерала Шлиппенбаха. В связи с этим Меншиков предложил Петру устроить «маскарад», то есть переодеть четыре полка в синие мундиры, чтобы они походили на шведов. Эти полки и должны были изображать корпус Шлиппенбаха. Маскарадный отряд во главе с Петром двинулся к крепости. Их притворно атаковали осаждающие во главе с Меншиковым и князем Репниным. На помощь ряженым из крепости вышел небольшой отряд шведских драгун. Русские войска попытались отсечь шведов от крепости. Однако те быстро раскусили обман и в порядке отступили. По русским данным, удалось взять в плен четверых офицеров и 41 солдата. Несколько шведов было убито. Петр был в восторге и повсеместно хвалился своей викторией. Полковник Рен за эту операцию был произведен в генерал-майоры. Но, увы, в целом операция провалилась.

Началась правильная осада крепости. Русское командование решило захватить два северных бастиона крепости – Викторию и Гонор, которые простреливались как с правого, так и с левого берегов Наровы. Для отвлечения внимания противника была запланирована атака на Иван-город,

а также имитация атаки ни южные бастионы Триумф и Фортуна. Первое заложение траншей для атаки на правом берегу реки Наровы последовало в ночь на 13 июня. В 750 метрах от бастиона Гонор был построен редут, от которого повели подступы к крепости и ход сообщения назад. В ночи на 16 и на 17 июня русские отрыли подступы на левом берегу Наровы, где в прошлую осаду была мортирная батарея. Осажденные противодействовали работам вылазками и артиллерийским огнем, но не могли остановить приближения подступов к крепости. 25 июня была начата атака на Иван-город. Апраксин, оставив при устье один полк, с остальными войсками подступил к Иван-городу.

17 июля к Нарве из Дерпта прибыл Петр, 18 июля прибыла осадная артиллерия. 30 июля был открыт огонь с возведенных осадных батарей: с пушечной – по бастионам Виктория и Гонор, а с мортирных – по внутренности атакованного фронта и городу. Непрерывный огонь батарей продолжался до 9 августа. До конца осады всего было выпущено 4 556 бомб. 30 же июля из Дерпта прибыли пехотные полки и, расположившись напротив южных фронтов крепости, повели на них ложную атаку.

2 августа главная атака на левом берегу подступами приблизилась к бастиону Виктория. 6 августа была построена шестая батарея (№ 17) на гребне гласиса, чтобы сбить орудия с двойных фланков бастиона Виктория, защищавших подступ к бастиону Гонор. В этот же день обрушился левый фас бастиона Гонор, образовав пологий и широкий обвал. Фельдмаршал Огильви отправил тогда письмо коменданту Нарвы с предложением сдаться, не дожидаясь приступа.

Канонада между тем продолжалась. Русские войска приблизились ко рву. На следующий день, 7 августа, Горн прислал ответ, в котором говорилось, что он без королевского повеления сдать крепость не может. В виду такого ответа в русском лагере собрался военный совет, и решено было штурмовать Нарву 9 августа. Командование войсками возлагалось на фельдмаршала Огильви. Он назначил три штурмующие колонны: генералу Шенбеку было приказано ворваться в бастион Виктория, где тоже была брешь; генералу Чемберсу – двинуться на обвал бастиона Гонор; генералу Шарфу – к равелину напротив бастиона Глория. Еще 8 августа штурмовые лестницы были скрытно поднесены в ближайшие подступы. Напротив бастиона Виктория, у самого контрэскарпа была поставлена четырехпушечная батарея для стрельбы во время приступа. В ночь на 9 августа в подступы ввели назначенных для штурма гренадер.

Штурм крепости начался по сигналу в 2 часа дня 9 августа 1704 г. Шведы упорно оборонялись, защищая вершины обвалов, подрывая мины и

скатывая штурмовые бочки. Но это не остановило русских – уже через 45 минут после начала штурма победители ворвались в Нарву.

Только тогда Горн приказал барабанщикам в знак сдачи ударить в барабаны. Однако рассвирепевшие русские солдаты не обращали на это внимание и кололи барабанщиков. Тогда сам Горн ударил в барабан. Тем не менее русские продолжали убивать в городе всех, кто попадался под руку, не делая разницы между солдатами и мирными жителями.

Петр приказал навести порядок в городе и, сев на коня, обскакан нарвские улицы. По пути Петр лично заколол двух русских мародеров. Прибыв к ратуше, где собралась знать города, Петр увидел между ними и Горна. Царь подбежал к генералу и влепил ему увесистую плюху. Петр кричал в гневе: «Не ты ли всему виноват? Не имея никакой надежды на помощь, никакого средства к спасению города, не мог ты давно уже выставить белого флага?» Потом, показывая шпагу, обагренную кровью, Петр продолжал: «Смотри, эта кровь не шведская, а русская. Я своих заколол, чтоб удержать бешенство, до которого ты довел моих солдат своим упрямством». Мало того, царь велел посадить его в тот самый каземат, где по распоряжению Горна содержались коменданты сдавшихся крепостей (Нотебургской – полковник Густав Вильгельм Шлиппенбах и Ниеншанской – полковник Полев).

16 августа без боя капитулировал гарнизон Иван-города. Неделя, предшествующая сдаче Иван-города, была посвящена выработке условий капитуляции. Комендант гарнизона подполковник Стирнстарль на приказание Горна сдать крепость ответил отказом на том основании, что Горн находился в плену и не волен выражать свои подлинные мысли. «Я считаю за стыд отдать по первому требованию крепость, врученную мне королем», – говорил Стирнстарль. Это была всего лишь бравада, так как лишенный запасов продовольствия гарнизон численностью в 200 человек, конечно же, обрекал себя на полное уничтожение. Офицеры гарнизона оказались благоразумнее коменданта, и все до единого согласились сдаться. Крепость капитулировала на условиях, продиктованных русскими: гарнизону разрешалось удалиться в Ревель и Выборг, но без артиллерии и знамен.

При штурме Нарвы русские потеряли 1 340 человек ранеными и 359 человек убитыми. Потери шведов за всю осаду составили 2 700 человек. В Нарве было взято пушек, мортир и гаубиц 425, фальконетов и дробовиков 82, ружей 11 200. В Ивангороде пушек взято 95, мортир и дробовиков 33.

После взятия Нарвы Петр в подражание римским полководцам решил устроить триумф в Москве. Триумф состоялся лишь 19 февраля 1705 г. из-

за сложностей с доставкой в столицу трофейных шведских пушек. В торжественном въезде Петра в Москву принимало участие 159 пленных офицеров во главе с генералом Горном. Торжественно провезли 80 шведских пушек. У Триумфальных ворот митрополит Стефан Яворский произнес хвалебную речь в честь Петра и т. п. Кончился триумф многодневным сражением с греком Бахусом и россиянином Ивашкой Хмельницким. И, как и в предшествующих баталиях, Бахус с Ивашкой одолели бомбардира Петра Михайлова и всю его компанию.

После Нарвы и до начала лета 1705 г. основные силы русских бездействовали. Исключение представляли русские части, отправленные под командование Августа II в Польшу, и казаки гетмана Мазепы, действовавшие в правобережной Украине.

12 июня 1705 г. Петр прибыл в Полоцк, где была сосредоточена вся русская армия, генералитет и министры. На военном совете 15 июня Шереметеву было поручено командовать походом против генерал-майора Левенгаупта, так и не состоявшимся в зимние месяцы. Цель похода была четко определена в первом пункте инструкции: «Идти в сей легкой поход (так, чтоб ни единого пешего не было) и искать с помощию Божиею над неприятелем поиск, а именно над генералом Левенгауптом. Вся же сила сего походу состоит в том, чтоб оного отрезать от Риги».

Передовой отряд русских численностью 1 400 человек под командой генерал-майора Родиона Бауэра напал на шведский отряд в предместье Митавы (с 1917 г. город Елгава). Было убито около 100 шведов, взято в плен 6 офицеров, 72 солдата и две пушки. После сражения Бауэр отступил и соединился с главными силами фельдмаршала Шереметева.

Петр потребовал от Шереметева ни под каким видом не выпускать Левенгаупта из Курляндии. 16 июля 1705 г. войска Шереметева атаковали шведов у местечка Муро-Мызе. В начале боя русская конница смяла шведов. Но вместо того, чтобы завершить разгром противника, драгуны, казаки и калмыки бросились грабить шведский обоз. Шведы получили передышку, перестроились и контратаковали русских. Шереметев был вынужден отступить, бросил на поле боя 13 пушек и 10 знамен. Потери русских в живой силе составили около двух тысяч человек.

Генерал-майор Левенгаупт не имел достаточных сил, чтобы развить свой успех под Муро-Мызе, и был вынужден отступить под защиту крепостных стен Риги. Воспользовавшись этим, 25 августа 1705 г. русские осадили Митаву. Формально осаждавшими командовал князь Репнин, а фактически – сам Петр.

Укрепления Митавы состояли из старинного замка и четырех

земляных бастионов, защищавших его. Хотя гарнизон замка не превышал и тысячи человек, его комендант Кюрринг отказался сдаться. Петру пришлось вести правильную осаду. После того как в конце августа из Полоцка была подвезена тяжелая осадная артиллерия, положение осажденных стало безнадежным, и 3 сентября гарнизон капитулировал. В Митаве было найдено 290 пушек, 58 мортир и гаубиц, 13 505 ядер и 2 125 бомб. Для читателя – не специалиста в военной истории замечу, что взятие в крепости свыше 300 орудий вовсе не означало, что все они принимали участие в боевых действиях. Зачастую большая часть их, как это было в Митаве, просто была складирована. Крепости, как в России, так и в других государствах, помимо своего основного назначения выполняли и роль военных складов. А чтобы использовать пушку при осаде крепости, надо было найти к ней лафет, ядра нужного калибра, место в системе укреплений, расчет и т. п. При отсутствии хотя бы одного этого элемента пушка лежала мертвым грузом в крепости.

Взятие Митавы было важно для русских тем, что шведы, засевшие в Риге, Ревеле и других укрепленных пунктах, лишались сухопутных коммуникаций с Карлом XII, находившимся в Польше.

После Митавы Петр направился к небольшой крепости Бауск, расположенной в 40 верстах юго-восточнее Митавы. Гарнизон Бауска был менее 500 человек, и крепость 14 сентября сдалась без особого сопротивления. В Бауске было найдено 55 орудий. Согласно условиям капитуляции гарнизон Бауска, как и Митавы, был отпущен в Ригу.

11 сентября Петр получил известие о восстании стрельцов и населения Астрахани. На следующий день царь приказал отправить из Курляндии несколько полков в Астрахань. Командовать ими было поручено фельдмаршалу Шереметеву.

16 сентября 1705 г. Петр прибыл в Гродно, где сосредоточилась большая часть русской армии. В районе Гродно было решено оставить армию на зимние квартиры. Несмотря на все успехи в Курляндии, Петр чувствовал себя крайне неуверенно. Ведь до сих пор он имел дело с небольшими отрядами шведов, а что будет, когда придет Карл XII с большой армией? Следствием неуверенности в завтрашнем дне была отправка трех с половиной сотен крепостных орудий из Митавы по зимнему пути в Москву. Таким образом, Петр даже не думал оборонять захваченные крепости в Курляндии в случае прихода туда шведского короля.

Осенью 1705 г. Петр предпринимает отчаянные попытки заключить мир с Карлом XII. Предложить прямые переговоры шведскому королю царь

не решался – последовал бы неизбежный и оскорбительный отказ и «великая конфузия». Поэтому Петр пытался действовать через посредников – прусского короля Фридриха I и английскую королеву Анну. 10 ноября 1705 г. Петр отправил прусского посла в Москве Георга Иоганна Кейзерлинга в Берлин с целью выяснения возможности привлечения к посредничеству Фридриха I. 30 ноября Петр подписал грамоту английской королеве. В ней содержалась просьба выступить посредницей в обмене пленными «ради несносного их утеснения» в Швеции. Причем русская сторона в соответствии с международной практикой обязывалась не привлекать освобожденных из плена на службу в армии. Канцлер Головкин в частной беседе изложил послу Витворту более обширные планы. Царь, заявил Головкин, проявляет «готовность прекратить пролитие христианской крови и охотно бы вступил в переговоры о мире: для этой цели он считает более достойным обратиться к посредничеству ее величества».

Огромные суммы от Петра получил фактический руководитель британской внешней политики герцог Марльборо. Денежки герцог взял, но, увы, так ничего и не сделал. Карлу XII запала в голову навязчивая идея заключить мир с Польшей, лишив короны Августа II, и с Россией, согнав с престола Петра.

Что касается первой части своего плана, то Карл, явно, преуспел. 4 октября 1705 г. в Варшаве состоялась коронация Станислава Лещинского. Архиепископ Львовский торжественно надел корону польских королей на ставленника Карла XII. Сам же шведский король наблюдал церемонию инкогнито.

Карл придавал слишком большое значение коронации и терял время, вместо того чтобы разбить русских, стоявших в польских пределах в районе Вильно – Гродно. На предложения своих генералов и магнатов – сторонников Станислава, Карл отвечал, что не будет помогать полякам до коронации.

В конце декабря 1705 г. Карл внезапно поднял свои войска, расположившиеся на зиму в районе Варшавы, и двинулся на Гродно. К этому времени в Гродно располагалась 20-тысячная русская армия под начальством Александра Меншикова и фельдмаршала Огильви, туда же приехал Август II с небольшим отрядом саксонцев. Сам же Петр оставался в Москве.

Путь на Гродно пролегал по безлюдной местности, непроходимым лесам – убежищам зубров и лосей, по рекам, покрытым еще таким тонким льдом, что на него приходилось настилать солому и поливать ее водой.

13 января 1706 г. шведы вышли к замерзшему Неману, к большому удивлению Меншикова и всей честной компании. Данилыч немедленно дал деру. Позже посол Витворт записал: «…царский любимец при первых же выстрелах бежал за пятьдесят английских миль, не выпуская поводьев из рук». Если правда, что Меншиков поехал встречать Петра, но тот далее Смоленска так и не добрался. На следующий день шведы по льду форсировали Неман и отбросили к Гродно русских драгун. Русские и саксонцы заперлись в городе.

Карл XII не имел артиллерии для штурма города, и, вопреки своим правилам, он не атаковал Гродно, а обогнул город и расположился в местечке Желудки в 70 верстах восточнее Гродно. Таким образом, ему удалось блокировать русскую армию.

В ночь с 17 на 18 января 1706 г. Август II бежал из Гродно, взяв с собой конный отряд саксонцев (600 сабель) и четыре полка русских драгун.

Русские войска в Гродно лишились даже постоянной связи с царем. Так, одно из царских посланий было доставлено в город поручиком гвардии Яковлевым, которому удалось миновать шведские дозоры, переодевшись польским крестьянином.

По приказу Августа на выручку осажденным в Гродно войскам двинулся из Саксонии корпус генерала Шулленбурга. В его корпусе было 20 тысяч саксонцев и 7 тысяч русских, артиллерия корпуса насчитывала 32 пушки. Кроме того, у Шулленбурга был полк французских драгун. Этот полк попал в плен к саксонцам в 1704 г. в битве при Гохштете, где была разбита армия Людовика XIV.

2 февраля 1706 г. у города Фрауштадт корпус Шулленбурга был атакован шведским корпусом генерала Карла Реншильда, у которого было менее 10 тысяч солдат и ни одного орудия. Тем не менее Шулленбург потерпел полный разгром. У союзников было убито свыше 7 тысяч человек, причем в основном это были русские. Шведы избивали их с особым ожесточением, потому что они четыре часа мужественно сдерживали их натиск. «А которые из солдат взяты были в полон, и с теми неприятель зело немилосердно поступил, по выданному об них прежде королевскому указу, дабы им пардона не давать, и, ругательски положа человека по 2 и по 3 один на другого, кололи их копьями и багинетами, и тако из россиян спаслось живых и с ранеными с 1 600 человек, которые разными дорогами вышли», – говорится в «Гистории Северной войны».

Французский полк сдался шведам после первых же выстрелов и целиком был принят Реншильдом на шведскую службу.

Это потрясающее при такой разнице в силах поражение Петр сначала

приписал измене, зная, что саксонцы недовольны войной своего короля со шведами, и в этом смысле он писал Головину 26 февраля: «Ныне уже явна измена и робость саксонская, так что конница, ни единаго залпу не дав, побежала, пехота более половины, киня ружья, отдалась, и только наших одних оставили, которых не чаю половины в живых. Бог весть какую нам печаль сия ведомость принесла, и только дачею денег беду себе купили». Тут Петр имел в виду огромные средства, переданные Россией Августу на содержание армии.

Петр поехал в Минск, отправив в Гродно следующее приказание: «По несчастливой баталии саксонской уже так делать нечего, но дабы немедленно выходили из Гродни, и шли по которой дороге способнее и где ближе леса; а буде вскроется Неман, то лучше, перешед Неман, идти на левую руку, потому что неприятель через реку не может так вредить, тако ж по той дороге гетман и иныя наши войска с ним; однако ж полагается то на их волю, куда удобнее».

13 марта 1706 г. Петр уезжает в Санкт-Петербург, а командование армией в Гродно поручает Меншикову, который находился в тот момент в Минске. Но Данилыч в Гродно так и не попал, да, по-видимому, к тому и не стремился.

24 марта русское войско под командованием фельдмаршала Огильви покинуло Гродно, переправившись по понтонным мостам через Неман. Перед уходом русские бросили 15 тяжелых пушек в Неман.

Русские двинулись не на восток, где их ждал Карл XII, а на юго-запад, где шведы их не ждали. Достигнув Такотина, русские круто повернули на Брест-Литовск.

Узнав об уходе русских из Гродно, Карл XII немедленно бросился в погоню. Но ледоход разрушил шведский понтонный мост. Навести новый шведы сумели лишь через пять дней. Некоторые шведские генералы предлагали Карлу двинуться на север, чтобы выбить русских из Прибалтики и разрушить Санкт-Петербург. В тот момент русских войск на севере было мало. А шведы, используя первоклассные порты Ревель, Ригу, Выборг и другие, могли беспрепятственно и оперативно получать подкрепления и продовольствие из Швеции и Польши. Но Карл действовал не как стратег, а как гончая собака, не видящая ничего, кроме ускользающей дичи. И Карл продолжал идти на юг – в неизведанные страны. Шведские историки оправдывали его поход тем, что он хотел преградить дорогу Огильви и наказать верного Августу II воеводу Вишневецкого, у которого в Полесье были громадные имения.

Отступающую русскую армию Меншиков настиг лишь 27 марта и

сразу начал интриговать против Огильви. Русская армия описала дугу радиусом примерно в 380 км и к середине мая прибыла в Киев. Меншиков срочно приступил к укреплению города.

Но шведам было не до Киева. Сплошные болота Полесья в апреле превратились в громадные озера. Редкое население спасалось в лесах и за болотами. Крестьяне истребляли мелкие шведские отряды, посылаемые за провиантом. Продвижение осложнялось русскими заградительными отрядами. Около монастыря Березы среди лесов и бездонных болот тянулась узкая дорога, перерезанная несколькими разрушенными мостами. В конце ее русские построили редут и засели в нем в количестве 1 500 человек. Шведский авангард во главе с Карлом промерил пиками глубину болота и на штыках взял редут. Подобная преграда встретилась шведам и возле монастыря Сельце. В итоге шведы с трудом добрались до Пинска, от которого до Киева было 760 верст. Лишь там Карл понял бессмысленность дальнейшего преследования русских, сказав: «Я вижу, что здесь написано мое non plus ultra»[30].

В Пинске Карл объявил о походе на… Саксонию. Шведы вновь прошли Речь Посполитую из конца в конец. 4 августа 1706 г. они форсировали Вислу, а через месяц вошли в Силезию, даже не уведомив об этом Вену.

Августу пришлось ограничиться ролью безголосого зрителя при вторжении шведов в его наследственные владения. Август находился в Кракове, где у него было всего пять полков – два русских, два саксонских и один польский.

1 сентября 1706 г. шведы вступили в Саксонию и заняли ее без сопротивления в течение пары недель. Карл XII приказал саксонским Штатам собраться и прислать ему реестр финансов курфюршества для определения суммы контрибуции. При чтении этого документа у короля и его свиты захватило дух: Саксония была поистине золотым дном. Ежемесячная контрибуция была определена в 625 тысяч риксдалеров (125 тысяч из них выплачивались натурой). Кроме того, каждый шведский солдат получал ежедневно за счет саксонской казны 2 фунта мяса, 2 фунта хлеба, 2 кружки пива и 4 су, а кавалеристы – еще и фураж.

Теперь Август лишился не только Польши, но и Саксонии. Надеяться Августу было не на кого: Петр далеко, а в Европе по-прежнему идет война за испанское наследство. Через верных людей барона д’Эмгофа и советника Фингстена Август вступает в тайные переговоры со шведским королем. Посланцы Августа были приняты Карлом XII и получили от него письменный ответ: «Я соглашусь заключить мир на следующих условиях,

причем нечего ожидать, чтобы я согласился на какие-либо изменения:

1. Король Август навсегда отказывается от польской короны: он признает Станислава Лещинского законным королем и обещает никогда не думать о возвращении на престол, даже после смерти Станислава.

2. Он отказывается от всех других договоров и, главное, от договоров, заключенных с Московией.

3. Он отправляет с почестями в мой лагерь князей Собеских и всех, взятых им в плен.

4. Он передает мне всех дезертиров, перешедших к нему на службу, и особенно Иоганна Паткуля, и прекращает всякие преследования против тех, кто от него перешел ко мне».

Посланцы Августа были напуганы такими строгими условиями договора. Они несколько раз совещались с Пипером, пустив в ход все уловки и уговоры, но тот неизменно отвечал: «Такова воля государя, моего короля; он никогда не меняет своих решений». 20 октября 1706 г. в Альтранштадте договор был подписан.

Тут мы ненадолго оставим Августа и вернемся к Петру. Царь был несказанно обрадован уходом Карла в Саксонию. Теперь у него были развязаны руки. Петр решил действовать в двух направлениях – взять Выборг и двинуть войска в Польшу. В Польшу Петр направил корпус под командованием Меншикова, а сам 21 августа отправился в Санкт-Петербург, куда прибыл 8 сентября.

Выборг был для шведов естественной базой для нападения на Петербург. В июне 1705 г. генерал Майдель двинулся из Выборга к Петербургу с восьмитысячным корпусом. Он дошел до Невы, но был отбит артиллерийским огнем орудий Петропавловской крепости и стоявших на Неве русских судов.

3 октября 1706 г. из Санкт-Петербурга на Выборг двинулся 20-тысячный корпус, которым фактически командовал сам Петр. В Выборге находилось три тысячи шведских солдат под командованием генерала Майделя. 11 октября русские подошли к Выборгу и с ходу овладели шведскими укреплениями (шанцами) в двух верстах от Выборга, взяв две шведские пушки.

Русская осадная артиллерия застряла в грязи по дороге в Выборг. На военном совете было решено тяжелые пушки отправить обратно в Санкт-Петербург, а под Выборг доставить только мортиры. 22 октября русские начали бомбардировку города, продолжавшуюся четыре дня. Затем Петр решил снять осаду и вернуться в Санкт-Петербург. В качестве причины русские историки выставляли отсутствие флота и осеннюю распутицу.

Возникает вопрос: а что Петр ранее не подумал об этом и учинил такую авантюру?

Отступление от Выборга скорее напоминало бегство. 23 октября Петр отдал приказ: «1) За день до прекращения действий 3 мортиры отпустить вперед с нерегулярными на волах. 2) Отступить вечером, а где огни, там, заготовя дров на сутки, дабы по отступлению пехоты конница их раскладывала, офицера с барабанщиком на рассвете послать в город (для ложных переговоров). Коннице, не мешкав, идти прочь. 3) В первый день идти как можно дале, прочие дни – по воле, мосты портить, в узких местах делать засеки». Из сего приказа создается впечатление, что у Майделя было 20 тысяч солдат, а у Петра – 3 тысячи.

После каждого большого поражения у нас срочно начинают искать героев и подвиги. Не обошлось и на этот раз. 12 октября 52 гренадера-преображенца под командованием сержанта Михаила Щепотьева взяли на абордаж одномачтовый шведский бот «Эсперн», вооруженный четырьмя малокалиберными пушками. Схватка была жаркая. По русским сведениям в ходе абордажа было убито 34 русских гренадера и 78 шведов.

В этом деле осталось много неясностей. Как пишут историки, «в составе экипажа было пять офицеров и 103 матроса». Для бота эта цифра явно несуразная. Среди пленных числилось и «трое девок». Выяснить, что произошло на боте «Эсперн», вряд ли удастся, но, видимо, там наряду с матросами были и мирные жители, которые и составляли большинство.

Между прочим, захватом «Эсперна» началась карьера будущего адмирала Наума Сенявина, который был произведен за этот бой в офицеры.

Меншиков в Польше оказался более удачлив, нежели Петр на Карельском перешейке. В Люблине русские соединились с войсками Августа II. Оттуда Данилыч писал Петру: «Королевское величество зело скучает о деньгах и со слезами наедине у меня просил, понеже так обнищал: пришло так, что есть нечего. Видя его скудность, я дал ему своих денег 10 000 ефимков». Меншиков пока и не подозревал о сговоре Августа со шведами, и решил атаковать противника у горда Калиш.

У шведского генерала Марденфельта было около 7 тысяч шведов (3 тысячи пехоты и 4 тысячи кавалерии) и до 20 тысяч поляков – сторонников короля Стася. У Меншикова было 17 тысяч человек и у Августа II – около 15 тысяч.

Август II направил в шведский лагерь парламентера, который, улучив момент, остался наедине с Марденфельтом и передал ему письмо с предупреждением о наступлении и советом спешно отступить на запад, не ввязываясь в сражение. Письмо осталось без ответа. Возможно, шведский

генерал, не будучи осведомленным о переговорах между Августом и Карлом XII, счел письмо провокацией и заявил парламентеру, что не нуждается в советах врагов.

Битва при Калише началась после полудня 18 октября 1706 г. Поначалу она шла с переменным успехом, но вскоре поляки короля Стася не выдержали атаки русских драгун и бросились бежать. (Позже они укрылись в шведском обозе).

Польские кавалеристы Августа, развивая успех и преследуя поляков Стася, напоролись на шведскую пехоту, плотный огонь которой вынудил их отступить. Преследуя отступавших, шведы попали под огонь русских драгун, но, построившись в каре, защищались так упорно, что драгуны ничего с ними не могли поделать до тех пор, пока Меншиков не распорядился спешить несколько эскадронов. Они-то вместе с отправленной Меншиковым на фланги кавалерией и решили исход сражения. Сражение продолжалось три часа и закончилось капитуляцией шведов, а на следующий день сдались в плен и поляки Лещинского, засевшие в обозе. В плен к русским попали генерал Марденфельт, 2 281 швед и 493 француза, а также почти все поляки короля Стася. В бою погибло около пяти тысяч шведов и тысяча поляков Стася. Поэтому Меншиков не без оснований писал Петру, что от поляков мало толку, и что они хороши лишь для преследования неприятеля.

После победы под Калишем Август II въехал победителем в Варшаву, но тут к нему явился Фингстен с текстом Альтранштадского договора. Август бросает армию и с небольшой свитой отправляется в Саксонию к Карлу XII. 16 декабря 1706 г. в Лейпциге состоялось свидание Августа и Карла. Но надежды Августа на то, что шведский король смягчит свои требования, не оправдались. Августу пришлось отослать королю Стасю польские королевские драгоценности и королевский архив, а также в собственноручном письме поздравить его со вступлением на престол. Август обманом забрал у Меншикова всех пленных шведов, взятых у Калиша, и вернул их Карлу. Еще более неприятным и позорным актом стала выдача шведам Паткуля.

В октябре 1707 г. по приказу Карла XII Паткуль был колесован. Его выдача и казнь вызвали гнев Петра, так как Паткуль уже несколько лет находился на русской службе.

В 1707—1708 гг. русская дипломатия по приказу Петра развивала буквально бешеную активность. Детали ее – предмет отдельного исследования. Скажу лишь, что Петр преследовал две цели: найти посредников для переговоров с Карлом XII, а в случае неудачи переговоров

вовлечь в войну со шведами Англию и Голландию.

Петр предложил фактическому правителю Англии герцогу Марльборо до конца жизни герцога доход в сумме 50 тысяч ефимков в год от одного из трех княжеств: Киевского, Владимирского или Сибирского. Если дело с миром будет улажено, то Марльборо мог рассчитывать еще на два дорогих подарка: рубин, «какого или нет, или зело мало такого величества в Европе, також и орден святого Андрея прислан будет». Герцог поехал в Альтранштадт. Но, увы, на встрече с Карлом XII он убедился в непреклонной воле короля заключить мир с Россией только после устранения с престола Петра.

В сентябре 1707 г. 34-тысячная шведская армия оставила Саксонию и двинулась на восток.

Глава 8.
Начало русского похода Карла XII

Петр давно ожидал и боялся похода Карла вглубь России. Еще 25 апреля 1707 г. Петр из Жолкве (около Львова) отправил в Москву наказ о подготовке столицы к возможной осаде. Царь повелевал отремонтировать крепостные сооружения Кремля и Китай-города, укомплектовать гарнизон, сосредоточить запасы продовольствия, выкопать в Кремле колодец и др. Наказ предусматривал эвакуацию из Москвы «с лучшею святынею, також с церковными и казенными богатствы и нужными посольскими письмами» в район Белоозера и предписывал кроме Москвы «укрепить и полисадировать» Серпухов, Можайск и Тверь. Сведения о том, как «полисадировали» Серпухов, Можайск и Тверь, до нас не дошли. Скорее всего, к работам так и не приступили, так как все силы были брошены на совершенствование обороны Москвы. Причем вооружение Кремля производилось в спешке и даже панике. Со страху даже зарядили пушки. Позже их разрядили, но не все. Тяжелая осадная пушка «Лев» осталась заряженной комбинированным зарядом – ядром и картечью. Так она и простояла, готовая к стрельбе, до 1980 г., когда инженеры Академии им. Дзержинского начали приводить в порядок орудия Московского Кремля. Как уже говорилось, Карл двинул из Саксонии 34-тысячную армию, 16-тысячный корпус Левенгаупта находился в Лифляндии и 15-тысячный корпус Либекера – в Южной Финляндии. Армии Карла Петр противопоставил 57,5-тысячную армию Шереметева. Корпус генерала Бауэра численностью до двух тысяч человек дислоцировался между Дерптом и Псковом и прикрывал Новгород и Санкт-Петербург от Левенгаупта. С севера Санкт-Петербург прикрывал корпус Ф.М. Апраксина в составе 20 тысяч пехоты и 4,5 тысяч кавалерии.

План действий русской армии на территории Польши был разработан Петром на военном совете в Жолкве. В Журнале Петра Великого говорится: «Тут же в Жолкве был Генеральный совет, давать ли с неприятелем баталии в Польше, или при своих границах, где положено, чтоб в Польше не давать: понеже, ежели б какое несчастие учинилось, то бы трудно иметь ретираду [отступление. – *А.Ш.*]; и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет; а в Польше на переправах, и партиями, так же оголожением провианта и фуража, томить

неприятеля, к чему и польские сенаторы многие в том согласились».

Шведы медленно двигались по разоренной Польше. Осенняя распутица задержала их на Висле до декабря 1707 г. Перейдя Вислу, король продолжал свой путь на восток через Мазурию – большую болотистую и лесистую область рядом с границей Восточной Пруссии. Эти края еще никогда не пересекала ни одна армия, очень уж они были труднопроходимы. Одной из причин выбора такого маршрута было желание Карла побыстрее соединиться с корпусом Левенгаупта.

Шведский историк Петер Энглунд описал этот марш шведов: «Тремя колоннами вторглись шведы в Мазурию. Идти было тяжело из-за плохих дорог и глубокого снега. Замышляя свой гениальный ход в игре, король не подумал о народе этой области, который не слишком охотно впускал оравы голодных шведов в свои дома.

Крестьяне сначала пытались вступить в переговоры с армией, они хотели сами определять, по каким дорогам она должна идти и сколько они готовы отдать на ее содержание, но крестьянские представители были просто-напросто тут же убиты шведами. Вспыхнула короткая и очень ожесточенная партизанская война. Население ушло в леса, разобрало гати на болотах, а на лесных дорогах сделало засеки. Большие крестьянские отряды с мужеством отчаяния пытались остановить движение шведов через их страну. Нападения из засады случались каждый день.

Шведы отвечали с ужасающей жестокостью. В леса посылались отряды с приказом убивать каждого мужчину старше 15 лет, забивать весь скот, который невозможно увести с собой, а также сжигать все деревни. Но в то время как армия, убивая и опустошая, прокладывала себе дорогу, партизанская война упорно продолжалась. Деревни Мазурии одна за другой рассыпались дождем искр. Главной трудностью было выжать из непокорного народа достаточно продовольствия. Для этого без колебаний прибегали к старому испытанному средству – пыткам. Например, засовывали пальцы крестьянина в кремневый замок ружья и зажимали их в этих примитивных тисках, пока не выступит кровь. Другой прием, применявшийся шведской армией еще в Польше, – обвязать несчастному голову и затягивать повязку с помощью палки, пока глаза не вылезут из орбит. В Мазурии жестокость армии достигла новых высот: ловили маленьких детей, били их кнутом и делали вид, что вешают их, чтобы заставить родителей быть посговорчивее. Некоторые воинские части даже переходили от угрозы к ее исполнению и убивали детей на глазах у родителей.

Когда армия примерно через десять дней покинула заснеженные леса

Мазурии и вышла на литовские равнины, она оставила за собой глухую пустыню»[31].

Через десять дней шведская армия добралась до Литвы, оставив в Мазурии выжженную пустыню. Драгунский пол* ковник Нильс Юлленшерн вспоминал: «Множество народу было убито, а также все было сожжено и разорено, так что, думается мне, оставшиеся в живых нескоро забудут шведов». Вечером 25 января 1708 г. Карл подошел к Неману и узнал, что в Гродно находится Петр. 26 января русские войска во главе с Петром в панике оставили Гродно. Карл всего с 800 всадниками ворвался в город. Шведы захватили мост через Неман, который охранял русский отряд под командованием бригадира Мюленфельса. Петр приказал его арестовать и отдать под суд. Однако Мюленфельсу удалось бежать из-под стражи и поступить на службу к шведскому королю. После Полтавского сражения Мюленфельс был взят в плен и по приказу Петра посажен на кол[32].

Из Гродно Карл двинулся на запад. В феврале 1708 г. шведы заняли Сморгонь, где простояли до 17 марта. Затем королевские войска вошли в Радошковичи и задержались там на три месяца, чтобы переждать весеннюю распутицу.

Шведское вторжение в Россию в 1708−1709 гг.

Петр покинул армию и 20 марта прибыл в Петербург. В любимом «Парадизе» царь занялся устройством… дамской флотилии. Из Москвы в Петербург срочно вызвали вдову царя Ивана Алексеевича, царицу Прасковью Федоровну, с дочерьми Екатериной, Анной и Прасковьей; сестер царя Наталью Алексеевну, Марью Алексеевну и Феодосью Алексеевну. Туда же был вызван «всепьянейший собор» и некоторые вельможи с супругами.

Петр устроил родственницам торжественную встречу – пригнал в Шлиссельбург девять буеров и выехал навстречу за восемь верст от города. Царицу Прасковью Федоровну с дочерьми и своих сестер Петр усадил в буера, а в верстах четырех от Петербурга флотилию встретила яхта с адмиралом Апраксиным на борту, приветствовавшая гостей пушечной пальбой. Царь приказал нарядить царицу и царевен на голландский манер в короткие безрукавки, юбки и шляпы и велел им вести жизнь морских путешественниц. Гостей часто вывозили в море, возили в Кроншлот и в

Петергоф.

25 марта в Радошковичи к Карлу XII прибыл генерал Левенгаупт для получения инструкций. На вопрос, куда вести курляндский корпус, король дал уклончивый ответ, «как делал не раз, не желая преждевременно раскрывать своих планов», – вспоминал впоследствии Левенгаупт. Эта уклончивость потом дорого обошлась и Левенгаупту, и Карлу.

6 июня Карл XII покинул Радошковичи и повел свою армию дальше на восток. На вопрос своего генерала-квартирмейстера Гилленкрока о направлении движения Карл ответил: «Теперь мы идем по дороге на Москву, и если только будем продолжать, то, конечно, дойдем». Гилленкрок посетовал, что русские, без сомнения, будут воздвигать на пути шведского войска укрепления и защищать их. Но Карл только отмахнулся: «Все эти укрепления ничего не стоят и не задержат наступления».

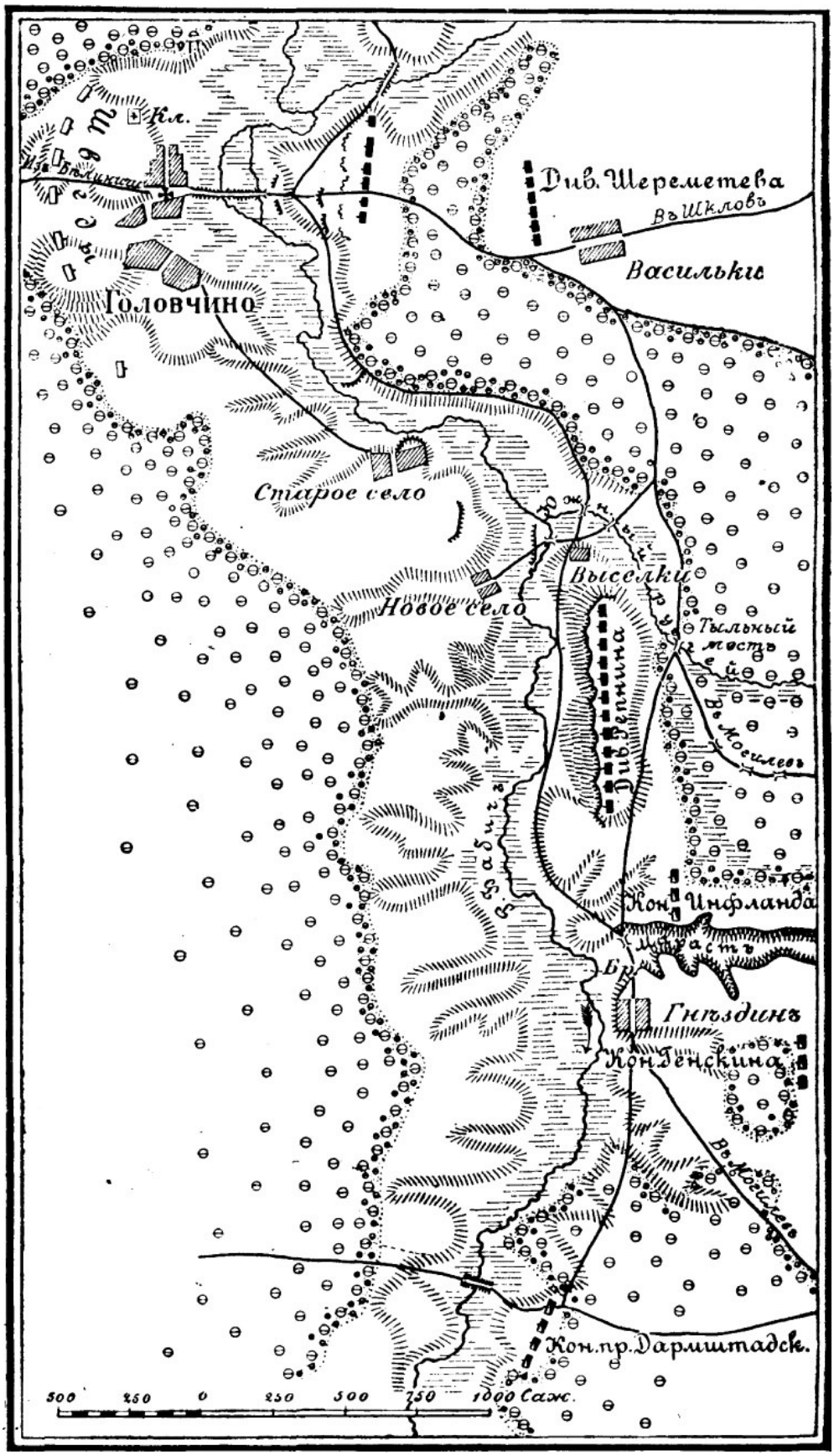
Карл XII простился с королем Стасем и оставил ему восемь тысяч новобранцев под началом генерала Крассау. На прощание Карл заявил Станиславу: «Я надеюсь, что князь Собеский нам всегда останется предан. Не полагаете ли вы, что он мог бы быть отличным царем России?»

Нельзя поручиться за 100-процентную достоверность этой фразы, но она очень хорошо показывает авантюризм Карла XII, граничивший с безумием. Идти с 30– или хотя бы с 50-тысячной армией вглубь России и при этом надеяться разрушить русское государство и посадить на престол королябасурмана? Ни до Карла XII, ни после ни одному политику или полководцу не приходил в голову подобный бред! Гитлер и его генералы, идя на Россию, ошиблись в расчетах и, кстати, не так уж сильно. Другой вопрос, что на войне малейшая ошибка может привести к трагедии. Наполеон, переходя Неман, вообще не думал ни о взятии Москвы, ни о разрушении Российской империи. Он планировал разгромить русскую армию в большом приграничном сражении и заключить с Александром I мир без территориальных потерь для России, но исключавший возможность вмешательства ее в европейские дела.

Карла же в глубине России ждала неизбежная гибель. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения, но элементарные расчеты показывают, что Карл, двинувшись на север и соединившись с Левенгауптом, мог выбросить русских из района Невы, нанеся им огромные потери в живой силе. А дальше не было никакой нужды идти на восток, достаточно было построить мощные крепости в Орешке, Ниеншанце и Нарве, но не по канонам XIII—XIV веков, какими их брал Петр, а по образцам французских крепостей начала XVIII века, и, разумеется, оставить там сильные шведские гарнизоны.

«Путь [Карла XII] лежал на восток, к тому месту, которое принято было называть “речными воротами”. (Две большие реки, Двина и Днепр, были водной преградой вдоль тогдашних русских границ, от Балтийского до Черного моря, за исключением узкого коридора, где оба водных пути сворачивают на восток: это и были “речные ворота”.) Через этот коридор шла широкая большая дорога на Москву. Хотя она не нарушалась большими реками, ее все же пересекало множество притоков. Русские предполагали использовать их как линии защиты. Их силы были разбиты на много отрядов, которые стояли наготове, чтобы остановить движение шведов. Из всех притоков самым большим была Березина, и лучшая переправа через эту реку находилась у Борисова, а следовательно, именно в этом пункте глаза рябило от оружия и выжидающих русских отрядов. Однако шведское командование предприняло искусный маневр: выбрали дорогу южнее, а в Борисов послали большой отряд конницы. Этот отвлекающий маневр заставил русских поверить, что основной удар действительно будет направлен на Борисов. А тем временем шведское войско по малым тропкам добралось до другой переправы, которая была практически не защищена. Еще раз шведское войско с минимальными потерями обошло своего противника. Однако желанного выигрыша все-таки не получилось, потому что поход, отягченный большим обозом и замедленный прескверными дорогами и прескверной погодой, проходил слишком медленно. У русских нашлось время, чтобы отступить и перегруппироваться на новой позиции за небольшой речкой Бабич у местечка Головчин»[33] .

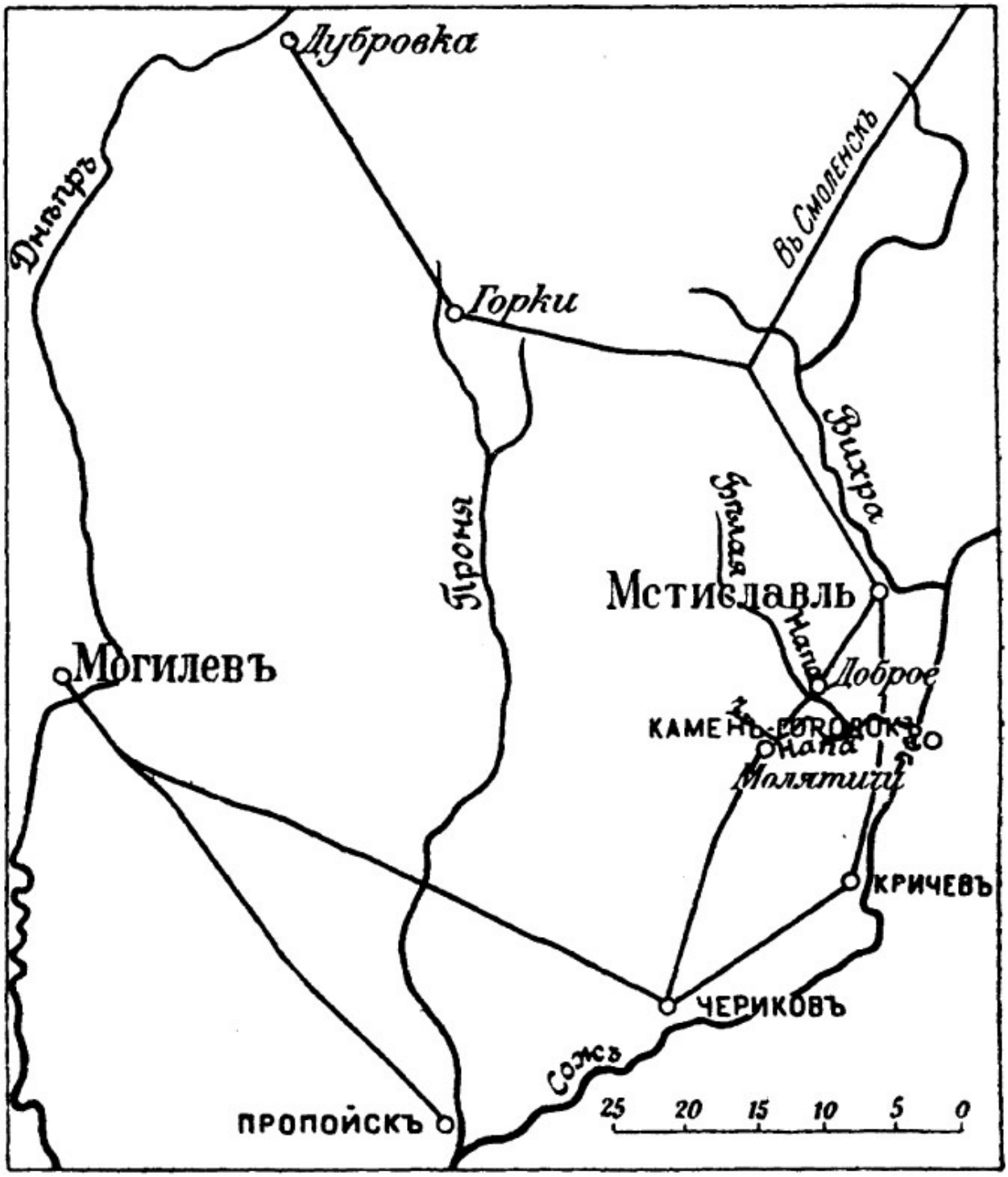
В конце июня 1708 г. русские заняли оборонительную позицию у местечка Головчин (Головчино). Позиция располагалась на протяжении 10 верст, Южным ручьем и оврагом Мараст она делилась на три части: северную – ряд небольших высот, окруженных с трех сторон водой и болотами; среднюю – возвышенность, удобную для обстреливания противника, наступавшего с запада, но переход с которой в наступление был затруднителен, и южную. Пути отступления шли на Шклов и Могилев. Связь по фронту затруднялась болотистой долиной Южного ручья и оврагом Мараст. Переправа через реку могла производиться по трем мостам и броду.


Кл.
Див. Шереметева
Въ Шкловъ
Васильки
Головчино
Старое село
Новое село
Выселки
Тыльный мостъ
Въ Могилевъ
Див. Репнина
Кон. Инфланда
Гнѣздинъ
Кон. Денскина
Въ Могилевъ
Кон. пр. Дармштадск.
500 250 0 250 500 750 1000 Саж.

Сражение при Головчино.

Русские возвели на позиции укрепления, причем на среднем участке они были не окончены и имели вид непрерывного окопа («транжамента») длиной более версты, с двумя фланцами под тупым углом. Линия огня правого фланга была в полверсты—версте от моста на реке Бабич, что у Выселок, а линия огня «транжамента» в 500—700 шагах от Бабича, что превосходило тогдашнюю дальность ружейного огня.

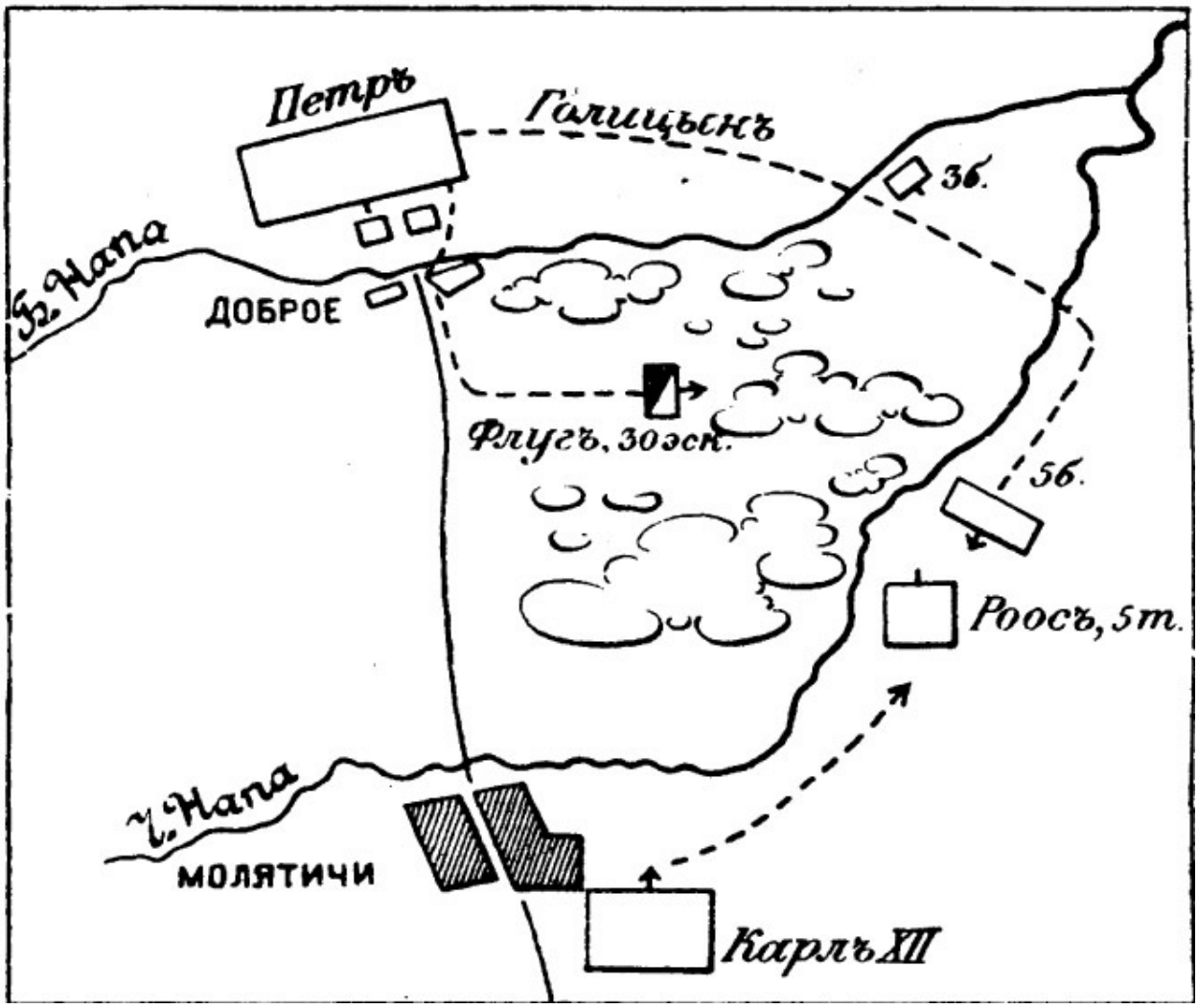
Главные силы русской армии были сосредоточены напротив села Доброе на левом берегу реки Белая Напа. К Горкам была двинута одна пехотная дивизия в качестве заслона против Левенгаупта, который должен был двинуться из Риги на соединение с Карлом XII.



Район боевых действий при Головчино.

Поскольку король почти не получал продовольствия из центральной Польши, ему приходилось двигаться рассредоточенно для удобства фуражиров, грабивших население. Правая колонна шведской армии (4 пехотных и один кавалерийский полк, всего 5 тыс. человек) под началом

генерала Рооса расположилась в трех верстах от главного шведского лагеря у деревни Молятичи, причем перед ее фронтом находилась плотина через Черную Напу.



Движение войск в сражении при Головчино.

Имея точные сведения о расположении шведской армии и зная об отделении Рооса, Петр 29 августа решил воспользоваться неосторожностью неприятеля и разгромить эту колонну. Для нападения были назначены два отряда: генералмайора князя Голицына (8 батальонов) и генерал-лейтенанта Флуга (30 эскадронов). Первый должен был атаковать Рооса с фронта, а второй – обойти его с левого фланга.

На рассвете 30 августа князь Голицын атаковал шведов. После двухчасового упорного боя русским удалось потеснить шведов. Но вскоре подошло подкрепление, посланное Карлом XII, и Голицын отступил

обратно за реку Черную Напу.

По русским данным наши потери убитыми и ранеными составили 1 566 человек, у шведов, соответственно, 1 020 человек. Кроме того, было взято шесть шведских знамен.

Петр отправил в Москву сообщение о победе и наградил князя Голицына орденом Андрея Первозванного.

На следующий день после сражения русская армия отступила к Мстиславлю, потом к Мигновичам. Неприятель следовал за ней по опустошенной местности. 9 сентября за три мили до Мигновичей генерал-майор Мекушев, отряженный от Бауэра, с двумя тысячами драгун напал на авангард противника и разбил его. Петр был чрезвычайно доволен. «Неприятель, – писал он Апраксину, – в таком трактаменте не знает, что и делать».

Энглунд так описывал движение шведской армии: «Лето было холодное и дождливое. Рядовой состав мучился ужасно. Хлеба в это лето созревали медленно, и приходилось косить незрелые зеленые злаки на полях и потом молоть на маленьких ручных мельницах. Тесто приготовлялось в кухонных котлах или в наспех выкопанных земляных печах; в результате получался черный невкусный хлеб, а иногда и его не было. Кроме того, солдатам было трудно выкроить время, чтобы вообще приготовить себе еду. Горизонт перед ними струился бесчисленными дымовыми столбами, а вокруг них все время роилась русская легкая кавалерия. Чтобы быть всегда готовыми к бою, солдаты чаще всего спали одетыми, и много раз по утрам их будили крики казаков. Эти, словно крылатые, вражеские конники были всегда поблизости и готовы напасть. Особенно они любили нападать на обоз: убивали солдат, возниц, работников и больных, резали лошадей и грабили, что могли. Когда шведские солдаты строились во фронт и шли на них в атаку, казаки с быстротой молнии разбегались, а если шведы пускались их преследовать, они только загоняли лошадей. Чтобы солдаты не заблудились в незнакомых лесных чащобах в темноте, в непогоду, иногда приходилось выставлять вперед барабанщика, который дробью своих палочек указывал путь голодным, мучимым жаждой и усталым солдатам. После долгого дневного перехода часто вечером не удавалось как следует разместиться на постой, потому что русские либо сжигали все дома, либо так тревожили квартирмейстеров, что они никак не успевали распределить места для постоя. Да вечер сам по себе и не означал, что солдатам можно будет отдохнуть. Их ожидал либо долгий грустный дозор или караул, либо различные тяжелые работы, например, их могли послать запасаться

фуражом. Армия нуждалась в лошадях, а лошади нуждались в корме, и солдат посылали собирать то, в чем все нуждались. Для этого требовалось подолгу, пренебрегая опасностью, скакать по болотам и мрачным лесам, полным вражеских казаков и поджидающих в засаде озлобленных крестьян. Солдаты проклинали своего вечно ускользающего противника, перенося на него вину за трудности и изнурительную работу, и своего русского противника презрительно называли “болотным Иваном”. Все с нетерпением ждали решающего сражения, после которого наступит отдых, а может быть, и мир. Армия уже порядком устала от войны»[34].

11 сентября шведское войско остановилось у Старишей – пограничного городка, раскинувшегося по обе стороны большой дороги на Москву. Отсюда до Смоленска было всего около 14 верст.

Четыре дня Карл XII оставался в нерешительности. По приказу Петра русские разоряли собственную страну так же, как и Польшу. Чтобы не быть голословным, приведем цитату из указа Петра: «Ежели же неприятель пойдет на Украйну, тогда идти у оного передом и везде провиант и фураж, також хлеб стоячий на поле и в гумнах или в житницах по деревням (кроме только городов)… польский и свой жечь, не жалея, и строенья перед оным и по бокам, также мосты портить, леса зарубить и на больших переправах держать по возможности». Нарушителей ждала суровая кара: «…сказать везде, ежели кто повезет к неприятелю что ни есть, хотя за деньги, тот будет повешен, також равно и тот, который ведает, а не скажет». В другом указе царь велел не вывезенный в Смоленск хлеб «прятать в ямы», а «мельницы, и жернова, и снасти вывезть все и закопать в землю, или затопить где в глубокой воде, или разбить», чтобы «не досталось неприятелю для молонья хлеба». Генерал-поручик Бауэр получил аналогичный приказ Петра: «…главное войско обжиганием и разорением утомлять».

15 сентября Карл отдает приказ о походе на Малороссию. Армия поворачивает на юг и движется на город Стародуб.

Глава 9.
«Правда» Кондрата и завет Игната

Здесь я вынужден прервать рассказ о походе Карла XII в Малороссию и рассказать о Булавинском восстании, сыгравшем значительную роль в войне в Малороссии. Замечу, что в советские времена в учебниках истории, как в школьных, так и в вузовских, это восстание изымалось из контекста Северной войны и давалось отдельно, где-нибудь после 1721 г., так, чтобы у читателя борец за освобождение крестьян Булавин был отделен от «злодеев» Карла XII и гетмана Мазепы. Еще 6 июля 1707 г. в Люблине царь отправил указ полковнику князю Ю.В. Долгорукову навести порядок на Дону: «…сыскать всех беглых и за провожатыми и з женами и з детьми выслать по-прежнему в те ж городы и места, откуда кто пришел». Петр прекрасно знал неписаный закон казаков: «С Дона выдачи нету». Зачем ему понадобилось злить казачество накануне вторжения Карла XII, можно только гадать. 2 сентября 1707 г. Юрий Долгоруков с двумя сотнями солдат прибыл в Черкассы. Атаман войска Лукьян Максимов и старшина формально согласились с царским указом, но выполнять его не спешили. Тогда Долгоруков решил сам начать ловлю беглых. В Черкассах он не рискнул проводить розыск и отправился вверх по Дону. В Багаевском городке было выявлено 11 беглых. Кроме того, полковник арестовал там 16 «жен», мужья которых, пришедшие на Дон после Азовских походов, находились в Польше, в составе казачьих полков русской армии. В Мелиховском городе Долгоруков поймал еще 20 беглых.

Долгоруков не понимал, что он не на рязанщине, и для поимки беглецов раздробил свои силы на несколько отрядов. В ночь с 8 на 9 октября 1707 г. казаки под командованием атамана Кондрата Булавина убили Долгорукова и еще 16 офицеров и подьячих, солдат же обезоружили и отпустили. Так началось знаменитое Булавинское восстание.

18 октября 1707 г. отряд Булавина был разбит у речки Айдары казаками, оставшимися верными царю. Ими командовал атаман Л. Максимов. Потерпев неудачу на Дону, Булавин отправился в Чортомлыцкую Сечь и начал призывать казаков идти «бить бояр». Три раза по этому поводу собиралась Рада в Сечи, и всякий раз «молодята» требовали от старшин похода в Малороссию, чтобы бить панов и арендаторов, но «старики» всякий раз их удерживали, выдвигая два

возражения против похода на города: первое – теплая зима и не совсем замерзшие реки, и второе – пребывание в Москве запорожских казаков, которые были туда отправлены за жалованьем и с началом бунта могли быть там арестованы.

В целом запорожцы остались нейтральными, но вокруг Булавина собралось несколько сот «запорожьских гультяев», которые построили городок на речке Вороной ниже Звонецкого порога. Оттуда Булавин рассылал запорожцам «прелестные грамоты»: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с военным походним атаманом Кондратьем Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять по чистому полю красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте на черны вершины самарския»[35].

Сичевики разрешили Булавину жить в Кодаке, но запретили призывать на помощь крымских татар. Мазепа отправил в Сечь батуринского сотника с приказанием выдать Булавина. Сначала Рада решила выполнить требование гетмана, но на другой день пьяницы и «гультяи» взяли верх над стариками и закричали, что Булавина выдать невозможно, потому что «издавна в Сечу волен каждому приход, и Сечь никогда никого не выдавала».

Булавину же в Кодак казаки послали приказание жить смирно, распустить всякое «гультайство» и не затевать ничего противного государю. Но вскоре в Сечи произошел переворот: сменили кошевого, избрали Костю Гордиенко, «древнего вора и бунтовщика», как его называл в своих донесениях Мазепа.

Напрасно гетман слал одно за другим требования выдать или хотя бы прогнать Булавина. Тот сидел в Кодаке, откуда разослал 260 агентов по окраинам Московского государства и на Дон с «возмутительными грамотами». Донцам Булавин писал, что «деды и отцы положили старое поле и то старое поле держалось крепко, а ныне злые бояре и немцы казаков ругают и оскорбляют, жгут и казнят жестоко и старое поле переводится ни во что». Он же, Булавин, восстает за старое поле и с ним заодно все запорожские казаки и белогородская орда. Он дает такой приказ Войску Донскому и всем городам украинным: со всех страниц половина жителей пусть идет к нему, а половина остается дома.

Всех начальных и простых черных людей посадских и волостных, в селах и деревнях украинных городов Булавин призывал истреблять дворян, прибыльщиков, немцев, но требовал между собой не враждовать, никого безвинно не оскорблять под страхом смертной казни, всех заключенных в

тюрьмах освободить и всем везде устроиться по казацкому обычаю в десятки, выбрав атаманов и есаулов.

Теперь, при новом кошевом, Булавину не только не запрещали приглашать татар, но и решили, что когда к Булавину пристанут белогородские татары, горские черкесы и калмыки, тогда и запорожцы пойдут на великорусские города.

Булавин переправился через Днепр, встал у урочища Вороное и оттуда рассылал призывы.

20 апреля 1708 г. гетман Мазепа по царскому приказу отправил в Сечь городового атамана Барышевского с приказанием кошевому атаману и всему войску поймать в Сечи «вора и изменника» Булавина и прислать его в Москву или в Батурин. Не довольствуясь только приказом, Мазепа одновременно двинул против Булавина полтавского полковника Ивана Левенца с полком.

Однако на гетманский приказ запорожцы ответили, что того бунтовщика Булавина нет в Сечи, но что они обещают, когда он явится в Сечь, поймать его и доставить в город Батурин.

И действительно, в начале 1708 г. Кондрат Булавин двинулся с Днепра на Дон, а вместе с ним шло около 6 тысяч запорожцев. В марте 1708 г. Булавин уже был в Пристанском городке на Хопре.

12 апреля 1708 г. царь повелел майору лейб-гвардии князю Василию Владимировичу Долгорукову, брату убитого, подавить Булавинское восстание. Любопытна инструкция Петра по обращению с донскими казаками: «Понеже сии воры все на лошадях и зело лехкая конница, того для невозможно будет оных с регулярною конницею и пехотою достичь и для того только за ними таких же послать по разсуждению. Самому же ходить по тем городкам и деревням (из которых главной Пристанной городок на Хопре), которые пристают к воровству и оные жечь без остатку, а людей рубить, а завотчиков на колесы и колья, дабы сим удобнее оторвать охоту к приставанию воровства у людей, ибо сия сарынь кроме жесточи не может унята быть. Протчее полагается на разсуждение господина маеора»[36].

А пока Долгоруков собирал полки, Булавин 9 апреля 1708 г. на реке Лисковатке наголову разгромил казацкое войско атамана Максимова, а сам Лукьян бежал в Черкассы. 1 мая ближайший сподвижник Булавина Игнат Федорович Некрасов взял Черкассы и захватил Максимова. По приказу Игната Максимов и пять других старшин были казнены. 9 мая донские казаки собрали «круг»[37] в Черкассах.

Через 4 дня в Сечи была собрана широкая Рада, на которой часть казаков потребовала присоединиться к Булавину, а другая часть возражала. Дело дошло до большой драки. В конце концов казачество сошлось на компромиссе – вместо похода в глубь России совершить нападения на царские городки на реке Самаре, которые давно сидели в печенках у всех запорожцев.

Однако в этот момент из Межигорского монастыря в Сечь прибыли новые иноки на смену прежних. Видя, куда собираются походом запорожцы, иноки вынесли из сечевой церкви на площадь Евангелие и крест и стали увещевать казаков не поднимать войны против своих же православных собратьев. Перед этим казаки не устояли и отложили Раду до следующего дня. Наутро страсти приутихли, и казачество решило пока погодить.

17 мая 1708 г. в Сечи получили письмо Булавина кошевому атаману Косте Гордиенко, в котором рассказывались подробности о взятии Черкасского городка, о казни атамана Максимова, о выборе самого Булавина в атаманы донских казаков. Там же сообщалось о сборе царских полков на реке Донце близ Святогорского монастыря и о намерениях их идти под Черкасск. «И мы всем войском донским, войсковой наш атаман Кондратий Булавин, просим у вас, атаманов молодцов, у тебя, войскового атамана Константина Гордеевича, и у всего войска запорожского милости: если услышите про приход государевых полков на наше разорение, дайте нам помощи, чтобы нам стать сообща и напрасно не дать себя в разорение, а где они будут стоять, вам бы о том известить нас вскоре. А о чем у нас с вами, атаманы молодцы, меж себя был совет на ваших господарей и на панов, и как вы обращались с нами, тако и делайте, чтобы наш благой совет был к нам непременен. А во всем вы, атаманы молодцы, войско запорожское, против супостат надейтеся на милость божию, и мы войском донским вам все помощники, и о том к нам в Печерский прислать бы вам от себя человек 20 или 30 лучших людей»[38].

В конце мая 1708 г. Кондратий Булавин прибыл в город Бахмут и оттуда послал в Сечь универсал, в котором призывал всех запорожцев идти под слободу Ямполь, чтобы дать отпор князю Василию Долгорукову, пришедшему на юг истреблять всех казаков. Запорожцы, получив этот универсал, стали переходить к Булавину как по отдельности, так и партиями в несколько сотен человек. «Так, 30 числа перешла к нему с кумачовыми знаменами одна партия в 300 человек; июня 9 числа перешла другая партия в 500 человек, всех же набралось около 1 200 человек»[39].

Как видим, запорожские казаки предпочитали ходить под кумачовыми знаменами, а вот о «жевто-блакитных» они и не слыхивали.

Между прочим, еще в 1410 г. под Грюнвальдом Киевский полк шел на крестоносцев под червленым стягом. Под красным флагом воевал Северин Наливайко. В 1644 г. король Владислав, затевая войну с Турцией, передал запорожским казакам через выборных «красное адамашковое знамя с белым орлом и 600 злотых на постройку чаек. В числе этих выборных был и Богдан Хмельницкий[40]». Сам же Богдан воевал под малиновым стягом.

Впервые же желто-голубой флаг, похожий на самостийный, появился в 1848 г. во Львове на территории Австрийской империи, когда в разгар венгерского восстания имперское правительство создало в Галиции Головну Руську раду, чтобы иметь в тылу у восставших верные себе войска.

По одной версии, этот флаг был сконструирован из цветов галицкого флага – вверху золотой цвет льва, внизу – голубой цвет фона. По другой версии некогда у галичан было красно-синее знамя (это подтверждается документами), а мать императора Франца-Иосифа заменила красный цвет желтым, чтобы в галицком флаге было что-то от желточерного знамени Габсбургов. И австрийский наместник торжественно вручил его «руським галичанам».

Царь был напуган действиями запорожцев и 14 июня 1708 г. написал Василию Долгорукову: «крепко смотреть о том, чтобы не дать случиться запорожцам с донцами, в противном случае может разыграться очень худое дело»[41].

В начале мая Кондрат Булавин допустил стратегическую ошибку, разделив свои силы и направив их по расходящимся направлениям. Любопытна грамота атамана Никиты Голого, разосланная в южные русские города: «В русские великого государя городы стольником и воеводам и приказным людям, а в селех и в деревнях заказным головам и десятникам и всей черни, Никита Голой со всем своим походным войском челом бьем. Стою я в Кулаковом стану и по Лазной, а со мною силы 7 000 казаков донских да 1 000 запорожских казаков же. И хотим идти под Рыбной. А Семен Драной пошел своею силою по Изюм, а с ним силы 10 000. А Некрасов пошел на Саратов и на Козлов, а с ним силы 40 000. А сам наш войсковой атаман Кондратей Афонасьевич Булавин пошел под Азов и под Таган, а с ним силы ворон и 2 000 кубанцев и запорожцов и наших козаков. А нам до черни дела нет. Нам дело до бояр и каторые неправду делают. А вы, голотьва и вся, идите изо всех городов конные и пешие, нагие и босые,

идите не опасайтеся: будут вам кони и ружье и платье и денежное жалованье. А мы стали за старою веру и за дом пресвятые богородицы и за вас за всю чернь, и чтобы нам не впасть в ельнинскую [эллинскую] веру»[42].

В этой примитивной грамоте хорошо показаны цели булавинцев и, что для нас важно, участие запорожцев в боевыхдействиях.

В конце июля 1708 г. казаки Семена Драного осадили небольшую крепость Тор на Северном Донце, немного ниже Изюма. На помощь осажденным были отправлены несколько полков под командованием бригадира Ф. Шидловского. В ночь со 2 на 3 июля в урочище Кривая Лука произошло ожесточенное сражение. Из 6 500 казаков было убито и утонуло свыше 1 500. Погиб и сам Семен Драный.

5—6 июля состоялось ожесточенное сражение у стен крепости Азов, в ходе которого казаки атамана Лукьяна Хохлача были наголову разбиты и бежали. Сам Хохлач сдался в плен.

7 июля 1708 г. в Черкасске казацкие старшины во главе с Иваном Зерщиковым произвели переворот. Кондрат Булавин был убит, а по другой версии застрелился.

Успешным оказался лишь рейд атамана Игната Некрасова вдоль Волги на Камышин и Царицын. Узнав о гибели Булавина, Некрасов привел своих людей в район Переволочны (между Доном и Волгой).

На Дон были стянуты большие силы карателей. И вот тут начинаются недомолвки дореволюционных и советских историков. Казни вожаков и даже рядовых бунтарей были обычным явлением для XVIII века, возьмем, к примеру, восстание Пугачева. Но в 1708 г. Петр приказал не только казнить участников восстания, но и уничтожать десятки казацких городков вместе с населением. Солдаты убивали женщин и детей (чаще всего топили в Дону) и сжигали все строения. Только отряд В.В. Долгорукова уничтожил 23,5 тысячи казаков мужского пола, жен и детей не считали[43]. Кстати, в карательной армии были и малороссийские казаки, посланные Мазепой. Мало того, православный царь не постеснялся натравить на казаков орды калмыков. Калмыки резали всех подряд, но, в отличие от князя Долгорукова, не вели учета своим жертвам. И еще не убивали женщин, а уводили их с собой. В такой ситуации Игнату ничего не оставалось, как увести свой отряд численностью от 3 до 8 тысяч казаков (по разным источникам) в ногайскую степь, а затем на Кубань и отдаться под покровительство крымского хана. Замечу, что это было не паническое бегство, а организованное отступление. Казаки ехали строем под

знаменами, в отряде было не менее 7 пушек. За ними ехали многие сотни телег с женщинами и детьми. Крымский хан разрешил некрасовцам поселиться между Темрюком и Копылом (сейчас Славянск на Кубани). Любопытно, что развалины одного из казачьих городков на Кубани еще в начале XX века называли Некрасово городище. Оказавшись в окружении иноверцев, казаки законсервировали свои обычаи и культуру. Во главе «Славного кубанского войска» стоял войсковой атаман, избираемый на один год. На него возлагалась исполнительная власть. Высшая же власть, как и в Донском войске, принадлежала войсковому кругу, на котором право голоса имели все мужчины, начиная с 18 лет. В отличие от других казачьих войск, на собраниях круга могли присутствовать и женщины, правда, с совещательным голосом. Серьезные преступления – убийство, изнасилование, предательство – карались смертной казнью. Бытующее до сих пор в станицах и хуторах выражение «в куль да в воду» как раз и показывает, каким образом приводился в исполнение приговор. Наиболее же распространенным было наказание розгами, причем кара эта распространялась даже на атамана. В таком случае старейший и уважаемый всеми казак забирал у атамана булаву – символ власти, а после наказания атаман обязан был сказать: «Спаси, Христос, что поучили!» Возвратив атаману булаву, казаки кланялись, приговаривая: «Прости Христа ради, господин атаман», на что последний отвечал: «Бог простит! Бог простит!»

Свод казачьих законов был написан самим Некрасовым. «Игнатова книга» хранилась в войсковой церкви. Из уст в уста передавались «заветы Игната», главным из которых было «…в Россию при царе не возвращаться».

На Кубань к некрасовцам ежегодно бежали сотни донских казаков, а также раскольники со всей России. Это вызывало беспокойство царских властей. По приказу Петра дворянин Василий Блёклый прибыл в Бахчисарай к хану Девлет Гирею с большими подарками просить выдачи некрасовцев. Хан подарки взял, а по поводу казаков удивился: «…чего мне отдать, чего у меня нет».

В мае 1710 г. Игнат Некрасов с тремя тысячами казаков и двумя тысячами калмыков и кубанских татар объявился в Приазовье и стал лагерем на реке Берда. К нему начали присоединяться донские и запорожские казаки. Царским войскам удалось вытеснить некрасовцев из Приазовья.

В 1711 г. казанский и астраханский губернатор П.М. Апраксин отправился на Кубань ловить некрасовцев, но, потеряв 150 солдат и 540 калмыков, возвратился восвояси.

В 1717 г. атаман С. Ворон водил некрасовцев на Хопер, Медведицу и Волгу. Борьба некрасовцев с царями только начиналась.

А над Кубанью звучала горькая песня: «Так прощай, прощай, наш Тихий Дон. А тебе, царю шельме, не за что. Через тебя иду во неволюшку, во неволюшку, во туречину…»

Как уже говорилось, главным заветом Игната было «не возвращаться в Россию при царе». Понятно, что некрасовцы с надеждой восприняли весть о свержении самодержавия и постепенно стали возвращаться на родину. Так, в 1921 г. по указанию Совнаркома некрасовцы на Кубани основали поселок на 76 дворов недалеко от станицы Приморско-Ахтарской.

Возвращение последних последователей Игната стало почти триумфом. 26 сентября 1962 г. в Стамбуле на пристани советский консул вручил некрасовцу Петру Стеклову красное знамя, и 999 последователей Игната поднялись на борт лайнера «Грузия». Но на Кубань прибыло 1 000 некрасовцев. Тысячный реэмигрант, названный Семеном, родился на борту «Грузии».

Немного настроение казакам подпортило турецкое правительство, которое не разрешило вывезти из Майноса, последнего приюта некрасовцев, в общей сложности 107 икон древнего письма, 90 старопечатных книг, шесть колоколов, всю церковную утварь, мотивируя это тем, что за давностью лет все эти предметы являются национальным достоянием Турецкого государства. В настоящее время все это содержится в научном отделе при храме Св. (Айя) Софии в Стамбуле.

Н.С. Хрущев, рьяно боровшийся с «опиумом для народа», на сей раз сделал исключение и выделил некрасовцам деньги и место для постройки церквей. И казаки немедленно приступили к возведению храмов: в поселке Новокумском – Успенского, а в Кумской долине – Троицкого, то есть тех самых приходов, которые у них оставались еще в Турции.

Благожелательно отнеслась к раскольникам и Русская Православная Церковь. Патриарх Алексий I удивил всех, сказав некрасовским священникам: «Вы ничего не меняйте в своих обрядах. Как молились, так и молитесь». И направил их в центр старообрядчества на Рогожское кладбище в Москве. «Посещая православные храмы на Ставрополье, в Москве, мы чувствовали, что что-то не то, – вспоминал один из некрасовских священников. – Когда же пришли на Рогожское кладбище, почувствовали, что это родное». Московские старообрядцы помогли некрасовцам с устройством храмов.

Переселившиеся в СССР некрасовцы обязательно крестили детей, при вступлении в брак венчались. Если ктонибудь из их детей вступал в брак с

представителями окрестного населения, непременным условием со стороны родителей-некрасовцев было требование к жениху или невесте перейти в православие «древнего благочестия». Второе поколение родившихся в России некрасовцев состоит только в смешанных браках. Честность некрасовцев стала аксиомой для окрестного населения. Местные парни с большой охотой берут в жены девушек из некрасовских семей: они и аккуратны, и хозяйственны, и верны своим мужьям.

На Кубанской земле впервые установились дружественные отношения между русскими рыцарями запорожцами и некрасовцами, которых выбросили из нашей истории Петр I и Екатерина II.

Глава 10.
Измена Мазепы

А чем тем временем занимался гетман Мазепа? Он исправно выполнял все указания Петра и сам готовился к отражению возможного вторжения в Малороссию. Так, гетман приказал устроить в Чернигове хлебный магазин для царского войска и собрал туда 15 тысяч четвертей хлеба, разложив сбор на жителей Черниговского полка – по четверику[44] житной муки с дыма, рассылая по всем полкам универсалы, в которых убеждал народ пребывать в непоколебимой верности царю, везде по церквам приказывал публично молиться о даровании царю победы над еретиками шведскими, а жителям приказывал прятать в землю свои запасы и самим уходить в города, спасаясь от неприятеля.

1 августа гетман с войском стоял в Киеве в ожидании указаний, куда ему посылать конницу. 4 августа Петр приказал Мазепе, не отходя от Киева, послать три или четыре (по своему соображению) тысячи конницы в Польшу на помощь отправленным туда еще раньше полковникам киевскому и белоцерковскому, «дабы поляков доброжелательных содержать и все, что неприятелю к пожитку может быть, разорить». Другую часть конницы Петр приказал отправить в Литву, к Пропойску, для содействия великорусским войскам, которые должны были отражать шведскую армию.

Гетман исполнил волю царя и отправил в Литву к Пропойску 4 500 человек городовых казаков разных полков и 1 600 «компанейцев», а в Польшу на подмогу полковникам послал 2 000 гадячан, находившихся ранее в киевской крепости, и еще тысячу «молодиков», то есть только начинавших воинскую службу казаков.

Кроме того, по приказу Петра гетман отправил к Смоленску Нежинский и Переяславский полки – две тысячи пехоты и тысячу конницы. Позже Мазепа жаловался, что остался с небольшим войском и 16 августа просил вернуть ему посланные к Смоленску полки, чтобы усилить ими киевский гарнизон.

6 сентября Петр пишет Мазепе, чтобы тот готовился в поход к Белой Церкви. 14 сентября царь подтвердил это приказание. Но через день, 16 сентября, Головкин послал гетману указ остановиться.

14 сентября Петр созывает военный совет, на котором было принято решение разделить армию. Большей части армии во главе с

фельдмаршалом Шереметевым указано идти за Карлом в Малороссию, а 10-тысячный корпус (корволант) с 30 полковыми пушками двинуть навстречу Левенгаупту. Командовать корволантом было поручено Меншикову, а фактически им командовал сам Петр.

Движение русских и шведских войск накануне битвы при Лесной.

Между тем корпус Левенгаупта двигался из Риги по направлению Шклов – Пропойск. О том, что Карл XII изменил план действий, Левенгаупт ничего не знал и продолжал двигаться к переправе через Днепр у Шклова. 21 сентября 15-тысячный корпус шведов с 16 орудиями и

огромным обозом (свыше 7 тысяч повозок) переправился через Днепр и продолжал движение к Пропойску. (Тут я привожу русские данные о численности шведских войск, а по Энглунду у Левенгаупта было 12 500 солдат. Возможно, разница эта возникла за счет возниц обоза и т. д.)

Большую часть петровского корволанта составляли отборные полки – Преображенский, Семеновский, Ингерманландский и один батальон Астраханского полка. Кавалерии было около 7 тысяч, из них 10 драгунских полков и несколько сотен казаков и калмыков.

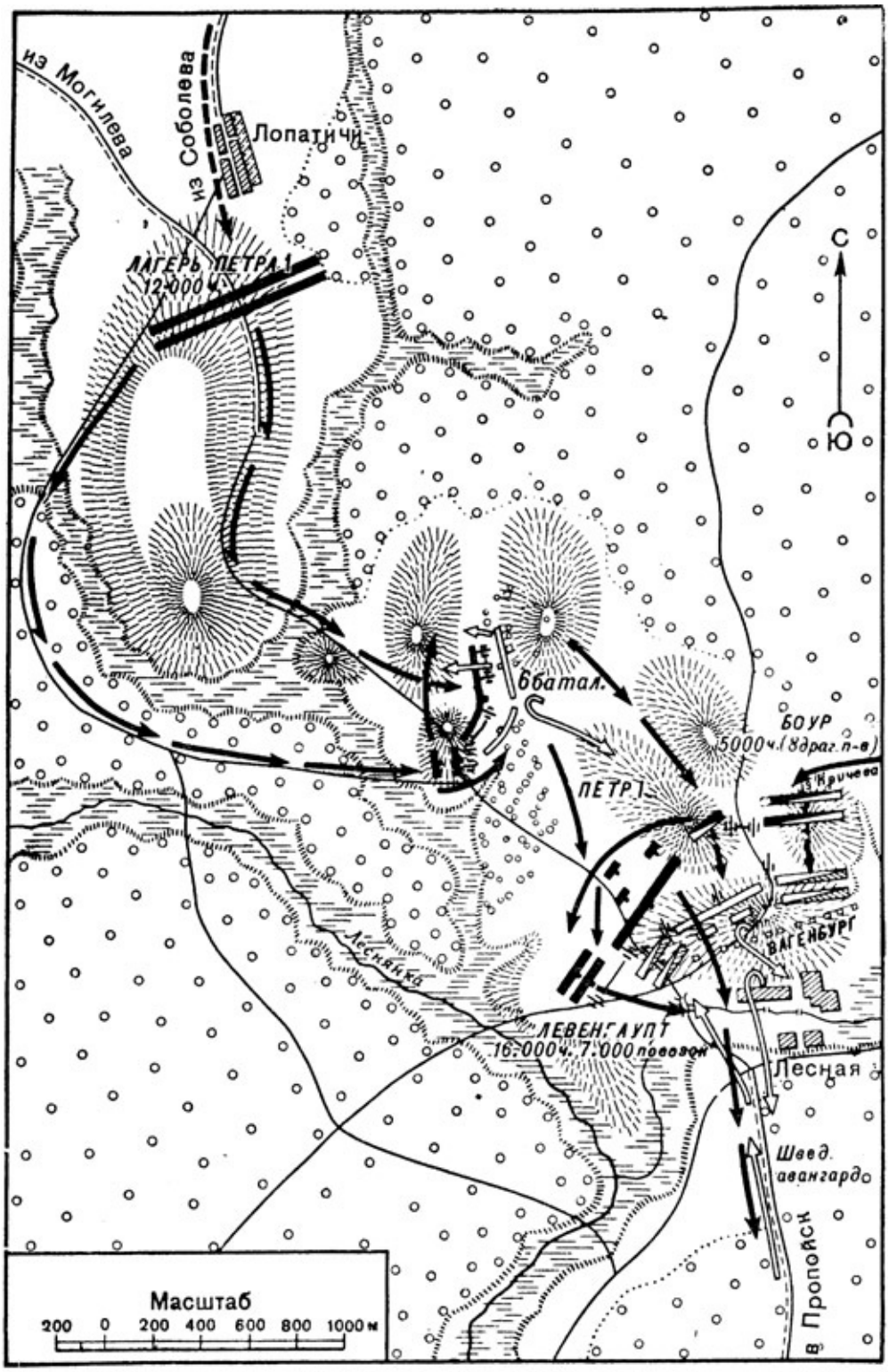
По приказу Петра часть пехоты и артиллерийской прислуги была посажена на лошадей.

25 сентября кавалерия Меншикова обнаружила шведов и выяснилось, что у Левенгаупта не 8 тысяч солдат, а пятнадцать (так в донесении Алексашки). Получив донесение 26 сентября, Петр, чтобы не упустить Левенгаупта и восстановить баланс сил, приказал отряду двинуться форсированным маршем за Левенгауптом, а Бауэру с 4 тысячами драгун идти немедленно на «случение» с ним. Остальные два полка Бауэра (бригада Фастмана – 1 тыс. человек) были отправлены к Пропойску, чтобы помешать переправе противника через реку Сож.

Послав за Бауэром, находившимся у Кричева, Петр на собранном 26 сентября военном совете решил ждать его не больше двух дней, после чего в любом случае атаковать шведов. Решение это царь основывал на том, что Левенгаупт уже на третий день мог успеть переправиться через Сож, что позволило бы ему уйти от русской армии. Кроме того, исход боя, давая огромное преимущество в случае победы, не мог иметь особенно плохих последствий при поражении, так как Левенгаупт, стесненный громадным обозом, не решился бы преследовать летучий отряд Петра.

26 сентября русская конница атаковала арьергард шведов, но атака была отбита, и Левенгаупт успел благополучно переправиться через реку Ресту, разрушив после себя мост.

В течение 27 сентября шведы занимали позицию за Рестой, сдерживая русские войска, чтобы дать время обозу под прикрытием 3 тысяч человек продвинуться к Пропойску. Лишь к вечеру под огнем наших пяти орудий Левенгаупт оставил позицию и отступил к деревне Лесной.



Битва при Лесной.

В ночь на 28 сентября царь велел построить два моста через Ресту и наутро двинулся к Лесной, решив атаковать шведов, не дожидаясь Бауэра.

Позиция, выбранная Левенгауптом для боя, представляла собой поляну, окруженную лесом. Здесь и расположились шведские войска, устроив позади себя укрепленный лагерь, прикрывающий дорогу на Пропойск. Севернее этой поляны находилась другая поляна, которую Левенгаупт решил занять шестью батальонами пехоты. Эта передовая позиция была удобна тем, что с левого фланга она прикрывалась рекой Леснянкой, а с правого – густым лесом, что затрудняло выход русских войск из леса.

Переправившись через реку Реста, русские войска приблизились к шведам. Петр разделил корволант на две колонны. Во главе левой колонны (один пехотный и семь драгунских полков) стал Меншиков, правой колонной (два пехотных, три драгунских полка и один батальон) командовал сам Петр. В каждой колонне насчитывалось 5—6 тысяч человек. Пехота передвигалась на лошадях.

Любопытно, что впервые в России Петр приказал прислугу длинных полупудовых гаубиц посадить на лошадей. Такие гаубицы придавались как пехотным, так и драгунским полкам[45].

В полдень левофланговая колонна, выйдя из леса, стала быстро развертываться для построения в боевой порядок. Однако шведы, стремясь использовать свое выгодное положение, атаковали русскую пехоту, в результате чего создалась тяжелая обстановка. В это время к Петру, объезжавшему полки, обратился солдат с просьбой «повелеть, чтобы находившиеся за регулярною пехотою казаки и калмыки кололи всех, кто подастся назад». «Товарищ! – обратился Петр к солдату. – Я еще от тебя первого слышу такой совет и чувствую, что мы не проиграем баталии». Этим солдатом был разжалованный князь Репнин. Как видим, заградотряды ввел не Сталин, а Петр Великий, а моду стрелять из пулеметов по собственным отступающим войскам ввел в 1915 г. генерал Брусилов.

В час дня русские войска вновь атаковали шведов, а к трем часам «неприятеля с поля паки сбили». Шведы были отброшены к вагенбургу[46], потеряв при этом 8 орудий. К пяти часам из-под Кричева подошла кавалерия Бауэра. Петр поставил на правый фланг еще два полка драгун, усилив таким образом боевой порядок. Было решено атаковать вагенбург, направляя главный удар на левый фланг, с тем чтобы занять мост и дорогу на Пропойск и закрыть шведским войскам пути к отступлению. Бой шел успешно, мост через Леснянку был захвачен. Но в это время на помощь шведам подошел трехтысячный авангард, и в результате контратаки мост был ими отбит. Бой продолжался до вечера. На ночь шведы укрылись в

вагенбурге. Ночью поднялась сильная метель. Воспользовавшись этим, Левенгаупт решил отступить через реку Сож, куда раньше направился весь обоз. Однако драгуны генерала Фастмана уничтожили мост. Левенгаупт, стремясь спасти остатки своего корпуса, бросил остальную часть обоза и, посадив пехоту на обозных лошадей, спешно двинулся вниз по Сожу, ища место переправы. 30 сентября остаткам корпуса Левенгаупта удалось переправиться у деревни Глинки. Оттуда шведы, постоянно тревожимые русской конницей, двинулись в Севрскую область на соединение с Карлом XII. Радостный Петр отписал в Москву: «Оного неприятеля сломив, побили на голову, так, что трупом с восем тысячь на месте осталось…». В плен было взято 45 офицеров, 730 солдат и захвачено 16 орудий. Спустя несколько дней русские взяли в плен еще 385 шведов, бежавших во время боя. В этих боях русские потеряли 1 111 человек убитыми и 2 856 ранеными. После Лесной царь простил князя Репнина и вернул ему чин генерала. 12 октября остатки корпуса Левенгаупта численностью около 6 500 человек соединились с армией Карла XII. Король был крайне расстроен, но он не только не наказал Левенгаупта, а наоборот, отправил в Стокгольм бюллетень, где на шести листах рассказывалось о том, как шведы весь день храбро от ражали нападения 40 тысяч московитов и как к вечеру варвары отступили. О потере обоза не было сказано ни слова.

16 сентября 1708 г. Карл XII направил генерала Лагеркрону с тысячью пехоты и тысячью всадников для захвата города Мглина. Однако Лагеркрона, что было редкостью в шведской армии, заблудился. Вместо того чтобы взять влево, он уклонился вправо и вышел не к Мглину, а к Стародубу.

Позже полковник Скоропадский заявил, что он де подослал к шведам мужика – потомка Ивана Сусанина. Но, увы, Скоропадский физически не мог знать о планах шведов, чтобы осуществить эту спецоперацию.

Узнав о неудаче Лагеркроны, Карл XII 21 сентября сам двинулся к Мглину. 25 сентября авангард шведов, не имевший пушек, атаковал укрепления Мглина, но был отбит русским гарнизоном, насчитывавшим около 300 человек. После этого русские оставили Мглин, куда и вошли шведы.

29 сентября русский генерал Инфлянт вошел в Стародуб и начал выжигать окрестности города.

Карл XII, узнав, что к 1 октября Стародуб еще не занят, пробормотал: «Лагеркрона совсем сошел с ума». А когда ему доложили о движении Лагеркроны к Мглину, возмущенно воскликнул: «Он совсем сумасшедший и не знает, что делает!» Король приказал Лагеркроне вернуться и взять

Стародуб. Тот атаковал город, но безуспешно – потеряв тысячу человек, он был вынужден отойти.

После этого Карл XII решил оставить Стародуб в покое и двинулся к Новгород-Северскому, но, не дойдя двух миль до города, повернул на юг. Позже ряд историков будут утверждать, что у короля имелся план похода на Москву с югозападного направления по маршруту Курск—Тула—Москва. Однако реальных подтверждений этому, увы, нет.

Почти три столетия иностранные и отечественные историки спорят, насколько измена гетмана Мазепы повлияла на решение Карла повернуть на юг. Неменьший предмет споров вызывает и сама личность гетмана.

Возьмем для примера нашего великого специалиста по Петру I Н.И. Павленко: «Иван Степанович Мазепа принадлежал к числу тех людей, для которых не было ничего святого. В нем в одном сосредотачивались едва ли не все пороки человеческой натуры: подозрительность и скрытность, надменность и алчность, крайний эгоизм и мстительность, коварство и жестокость, любострастие и трусость. В случае надобности он умел под личиной покорности скрывать злобу, ловко плести интриги, мог быть беспредельно подобострастным, внешне покладистым»[47]. Увы, сей портрет ничего не имеет общего с реальным гетманом Мазепой.

Чего же на самом деле хотел Мазепа? Тот же Кочубей, а вслед за ним сонм отечественных историков, стали утверждать, что де Мазепа хотел передаться польскому королю и включить Левобережную Украину в состав Речи Посполитой. Причем никто не замечает очевидной бредовости таких утверждений. Какому королю хотел поддаться Мазепа – шведскому ставленнику Стасю или отказавшемуся от престола Августу? Кстати, к этому времени польский сейм официально лишил их обоих власти и хотел выбрать третьего короля, но депутаты не сошлись в кандидатурах и на том разошлись. Да, Мазепа мог собрать больше сабель, чем у обоих королей вместе взятых. Главное же то, что и до войны власть польского короля была номинальной, и отдать Левобережную Украину Польше означало отдать ее под власть жадных и жестоких магнатов, гонителей православия. Естественно, этого не хотел ни простой народ, ни украинские шляхтичи. Мазепа мог писать чего угодно, обещать чего угодно, но его желанием было – себя наследственным государем. Повторяю до поворота шведов на Украину Мазепа верой и правдой служил царю Петру. Когда к гетману пришла весть, что Карл от Смоленска повернул на Украину, он воскликнул: «Дьявол его сюда несет! Все мои интересы перевернет, войска великороссийские за собою внутрь Украйны впровадит на последнюю ее руину и на погибель нашу!» Мазепа лучше, чем кто-либо другой в

Малороссии, знал и лично видел 300—400-верстовую зону выжженной земли, которую делали русские перед шведской армией. И он не без оснований предполагал, что война обратит Малороссию в руины. Был у него и личный мотив. Ведь разорение Малороссии припишут не королю или царю, а ему лично. Поэтому даже в случае победы Петру придется менять гетмана. А претендент уже был – Алексашка Меншиков давно метил в гетманы и всеми правдами и неправдами лез в малороссийские дела.

Когда же Мазепа решил вступить в союз с неприятелем? Этот вопрос до сих пор вызывает споры историков. Как мы уже знаем, доносы на Мазепу с обвинениями в сношениях с королем Стасем и шведами шли уже как минимум два года. Историки говорят и об иных доказательствах измены Мазепы.

Так, тот же Костомаров писал: «Неудовольствие против великороссиян в малороссийском народе все более и более разгоралось и было кстати для Мазепы, когда он намеревался ввести в Украину шведов как освободителей от московской власти. Но тут случилось событие, которое чуть было не открыло замысла Мазепы. Когда генерал Лагеркрона вошел в Стародубский полк, тотчас стали разноситься воззвания, называемые у русских “прелестными” письмами. Шведский генерал убеждал малороссиян не бояться шведов, жить спокойно в своих домах, а из Стародуба пусть выходит к нему навстречу бурмистр со знатнейшими обывателями и пусть везут к ним на продажу хлеб и всякое съестное. Жители не поддавались на эти прельщения, а бежали без оглядки, спасаясь как от шведов, так и от великороссиян. Между разносителями таких “прелестных” писем попался польский шляхтич Якуб Улашин: он вез письмо от пана Понятовского, находившегося резидентом Станислава при шведском короле. Письмо было к Мазепе. Понятовский просил малороссийского гетмана отпустить на свободу его пленного брата, в воспоминание доброго приема, оказанного когда-то Мазепе в Луцке. Почему-то этот господин показался подозрителен, и генерал Инфлянт 1 октября отправил его в походную канцелярию, бывшую тогда в Почепе. Улашина подвергли пытке огнем, и тот, не стерпя мучений, объявил, что Мазепа поколебался в верности царю, и Понятовский послал к нему передать словесно, чтобы, как шведы войдут в Украину, он отписал бы к Понятовскому и при Божией помощи со всем войском запорожским приставал к шведам. Улашина еще раз поджарили, но он более не открыл. Показанию Улашина не придали веры, и копию с него отправили к гетману. Не только все происходившие перед тем явления в таком роде настроили

царя и его министров считать всякие обвинения на Мазепу лживыми, но в это самое время Мазепа заявлял свою преданность, сообщая Головкину весть, что Станислав с шведскими и польскими войсками направляется на Волынь, чтоб оттуда ворваться в Украину, просил скорейшей присылки регулярных войск, потому что малороссияне могут изменить и пристать к неприятелю. Вместе с тем снова звали гетмана на соединение с царскими силами. Мазепа [6 октября. – *А.Ш.*] отвечал, что показания поляка Улашина – не более как коварные затеи неприятеля, который хочет привести верность гетмана в подозрение у государя и тем посеять в Украине смятение. “Никакого брата Понятовского у меня нет, я о нем не слыхал”, – писал гетман. Что касается до требования ехать самому к великороссийскому войску, то Мазепа отговаривался тем, что в малороссийском крае возникли беспорядки от пьяных бродяг, безобразничающих толпами в полках Полтавском, Гадяцком, Прилуцком, Миргородском, Лубенском и Переяславском, и это зло переходит уже в полки: Черниговский, Нежинский и Стародубский, где прежде велось смирнее. Гетман на основании присланных ему донесений сообщал, что появились две шайки разбойников: одна под начальством Перебийноса в числе 800 человек, другая – Молодца в числе 1 000. Они своевольствовали, грабили и убивали людей в приднепровском крае и к ним притекали со всех сторон “купы” бродяг, словно вода. Если гетман с войском отдалится в Стародубский полк, то своевольники нападут на городы и встретят себе единомышленников в поспольстве. Полковники и полковые старшины ропщут и говорят, что если их поведут в Стародубщину, то на крайнюю погибель их семейств и на разорение их имуществ, потому что тогда простонародье захочет грабить и убивать честных и богатых людей. Кроме этих причин, гетман указывал на опасность скорого вторжения Станислава в Украину»[48].

На мой взгляд, показания шляхтича Улашина ни о чем не говорят. Его сильно «поджаривали», и тот сказал, чего от него требовали, а дальше, несмотря на продолжение пыток, молчал, потому что сам ничего не знал, да и допросчики не сумели ему подсказать ничего путного. 10 октября Мазепа получил сообщение из царской ставки, что Петр повелел киевскому воеводе князю Дмитрию Михайловичу Голицыну, чтоб он с царскими ратными людьми, находившимися в Киеве, и «с пристойною артиллерией» шел в середину Малороссии с целью не допускать в малороссийском народе «шатости». Гетман должен послать к царю для той же цели казацкий отряд из разных полков своего регимента, а сам со всем остальным войском немедленно должен идти к Новгород-Северскому,

расставить свое войско над рекой Десной и сам лично приехать в главную армию для совета с фельдмаршалом. Была и еще одна причина, вызвавшая необходимость его прибытия: в народе носились слухи, будто гетман покидает Малороссию во время неприятельского наступления, и гетману следует своим появлением при царском войске рассеять такие слухи. Насчет опасности вторжения Станислава царь успокаивал гетмана: слухи, полученные им о Станиславе, неверны, министрам же точно известно, что Станислав находится еще в Мариенбурге и ранее конца октября не выступит из Пруссии. Чтобы избавить себя от подозрений, гетман в октябре отправил к Петру войскового есаула Максимовича с «просьбою дать указ утвердить и отмежевать земли, скупленные им у помещиков Рыльского уезда, и дозволить населить их пришлыми вольными людьми. Кто бы мог после этого подумать, что этот человек намерен оторваться от царской державы, когда он в этой державе приобретает себе поземельную собственность! Максимович от имени гетмана поднес царю в дар 2 000 червонцев, а царь, вероятно, тогда в них нуждался. В то же время Мазепа поздравлял царя с победою при Лесном в красноречиво составленном письме, в котором, по своему обычаю, желал царю “до конца” сокрушить своих врагов. Царь после победы при Лесной находился в Смоленске и по обычаю своему, наблюдаемому после каждой военной удачи, праздновал победу, въезжал в город триумфально, при пушечной пальбе; за ним везли отнятые от неприятеля знамена и пушки; он посылал разные распоряжения на Дон, где князь Долгорукий добивал булавинцев, и на север, где Апраксин расправлялся с шведским генералом Либекером, а 20 октября выехал из Смоленска к войску в Малороссию»[49].

И вот наконец Мазепа решил вступить в переговоры с королем. Гонцом к шведам он выбрал своего управителя поляка Быстрицкого. Как писал Костомаров: «Тогда Мазепа велел [своему секретарю] Орлику составить инструкцию к графу Пиперу по-латыни, а своему аптекарю перевести ее на немецкий язык и вместе с латинским подлинником вручил Быстрицкому. Не было ни печати, ни подписи на этой инструкции. От себя лично Мазепа также не посылал никакого письма ни к королю, ни к графу Пиперу. Содержание этой инструкции было таково: гетман поручал Быстрицкому передать свою радость по поводу вступления шведского короля в Украину, просил Карла оказать протекцию гетману войска запорожского и всему народу малороссийскому в деле освобождения от тяжелого московского ига. Он предлагал шведским войскам безопасность и просил скорее прислать к нему наперед вспомогательный отряд для обороны, которому обещал устроить паромы для переправы на Десне у

Макошинской пристани»[50].

Замечу, что Костомаров верит на слово изменнику Орлику, написавшему воспоминания уже после Полтавской битвы. Отправив Быстрицкого к шведам, Мазепа в тот же день послал графу Головкину письмо, в котором извещал, что он уже более десяти дней не ест и не спит и едва жив, «только надеется чудотворного облегчения от елеосвящения». 20 октября Меншиков со своей кавалерией остановился в местечке Горск на реке Снове. Туда прибыл племянник гетмана Войнаровский и привез от дяди письмо. Мазепа извещал Меншикова, что он при последнем издыхании: «от подагры и хирагры приключилась ему эпилепсия». Извещая об этом царя, Меншиков изъявлял сожаление о болезни гетмана. Но вместе с тем Меншиков отзывался вообще неодобрительно о казаках, которых гетман по царскому приказанию отправил на службу против шведов. Действительно, отправленные гетманом в поход полковники, бывшие в сговоре с гетманом, докладывали ему рапортом, что казаки миргородские, прилуцкие и других полков заволновались и просят, чтоб их не посылали за Десну, потому что «великороссияне причиняют их братии всякие обиды и утеснения». Подобное настроение казаков, показывавшее неприязненное отношение к царским генералам, было тогда на руку Мазепе и позволяло надеяться, что Карл найдет себе в Малороссии союзников.

Быстрицкий, отправившись вместе со шведским пленником, представился шведскому королю в селении Паноровке на реке Ревке в 26 верстах от Стародуба на пути к Десне. Быстрицкий был немедленно отпущен назад, но письма Мазепе не привез, зато устно сообщал, что король обещал быть к Десне 22 октября, то есть в тот же день, когда вернулся и Быстрицкий.

23 октября Войнаровский приехал в Борзну с известием, что вслед за ним едет в Борзну сам Меншиков и прибудет к обеденному времени в воскресение. Сам Войнаровский говорил, что убежал от Меншикова тайно, бросив и свои возы, и прислугу, потому что услыхал, как один офицер немецкого происхождения говорил другому офицеру: «Помилуй, Господи, этих людей! Завтра они будут в кандалах». «Я не знаю до сих пор, – пишет передающий события тех дней Орлик, – точно ли слышал это Войнаровский или Мазепа научил его так говорить, чтоб нас всех обольщать».

Но из письма Меншикова к царю видно, что Меншиков действительно имел тогда намерение посетить Мазепу.

Гетман, получив известие о приезде к нему Меншикова, тотчас

«порвался как вихорь», по выражению современника, и поспешил в свой Батурин. За ним поехали бывшие при нем старшины. В Батурин он прибыл к ночи 23 октября. Последняя ночь, проведенная Мазепой в своей резиденции, прошла в распоряжениях. Нужно было отпустить царского полковника Анненкова, и гетман отправил его к Меншикову с письмом, в котором просил прощения своему племяннику Войнаровскому, ускользнувшему тайно от Меншикова, и называл его поступок легкомысленным. Так под благовидным предлогом гетман успел удалить из Батурина царского наблюдателя, не смевшего, разумеется, подозревать за Мазепой ничего дурного.

Затем гетман поручил Батурин сердюцкому полковнику Дмитрию Чегелу, арматному (то есть пушечному, артиллерийскому) есаулу Кенигсену, немцу по происхождению, и батуринскому сотнику Димитрию. С ними в Батурине было оставлено четыре сердюцких полка (Чегелов, Покотилов, Денисов и Максимов) и часть городовых полков – Лубенского, Миргородского и Прилуцкого, другую часть этих полков гетман увел с собой.

Начальники, оставляемые в Батурине, уже знали о замысле Мазепы. Гетман наказывал им не сдавать города, если придут русские, отбиваться от них и дождаться шведской помощи. Он уверял, что вернется скоро к ним на выручку и приведет с собой самого шведского короля с его храбрым войском.

Утром 24 октября гетман простился навеки с своей столицей, переправился через Сейм и в тот же день к вечеру прибыл в Короп[51], переночевал там и утром 25 октября переправился через Десну у Оболонья[52].

Казаки были уверены, что гетман по царскому указу ведет их против неприятеля. С Мазепой переправилось от четырех до пяти тысяч человек. Другая часть, от пяти до шести тысяч, была оставлена на левом берегу Десны. Поскольку многие казацкие полки заранее были разосланы на царскую службу в разные места, то вместо тысяч двадцати готовых и вооруженных воинов, как надеялся Карл по обещаниям от Мазепы, его новый союзник едва мог привести и четверть от обещанного.

Но и с оставшимися нужно было еще объясняться. Кроме немногих единомышленников, никто ни из старшин, ни из рядовых не подозревал даже, что Мазепа ведет их вовсе не на бой со шведами.

После переправы через Десну, двинувшись немного вперед, гетман приказал казакам построиться и начал говорить речь. Тут только гетман

объявил своему казачеству, что он ведет его не против короля, а против царя – «утеснителя козацкой вольности». Гетман перечислил разные утеснения, которые творил царь в Малороссии, и напирал на то, что царь хочет казаков обратить в солдаты. Такие слухи давно уже ходили между казаками. Гетман уверял, что, часто беседуя с царем, он выведал все его тайные намерения: «хочет он потоптать все вольности и права Малороссии и ввести московское правительство в крае. Метко было задумано Мазепою затронуть козацкое сердце: боязнь московского правительства и начальствующих лиц великороссийского происхождения вместо туземцев тревожила малороссиян при прежних гетманах и передавалась в поколения»[53].

«Я, – говорил Мазепа, – много раз старался отвратить царя от намерений погибельных для всего народа малороссийского. Но из того не вышло ничего доброго: только я сам подпал его гневу и злобе и не нашел иного способа спасения себе, как обратиться к великодушию шведского короля. Он обязывается уважать наши права и вольности и защищать их против всех тех, которые на них посягают и вперед станут посягать. Братия! Пришла наша пора; воспользуемся представившимся случаем: отомстим москалям за их долговременное насилие над нами, за все совершенные ими жестокости и несправедливости, охраним на будущие времена нашу свободу и права казацкие от их посягательств! Вот когда пришло время свергнуть с себя ненавистное ярмо и сделать нашу Украину страною свободною и ни от кого независимою. Вот к какой будущности я вас всех призываю. Вы, братия, верно достигнете этой цели при вашем мужестве и при содействии шведского короля, который предлагает вам воевать против москалей вместе со шведами».

Казаки выслушали гетмана молча. Однако уже ночью началось массовое дезертирство. Гетман послал обозного Ломиковского и писаря Орлика к передовому шведскому посту, состоявшему из двух драгунских полков. Они квартировали в деревне за Орловкой[54]. Командирами были Гьельм и Гилленкрок. Они удивились появлением казаков. Полковник Гьельм не поверил и подозревал уловку противника. У него в полку служил капитаном один итальянец, который раньше состоял на русской службе и знал Мазепу лично. Гьельм послал его к казакам опознать гетмана. Тот быстро вернулся и доложил, что это действительно сам Мазепа.

Гьельм принял гетмана с подобающими почестями и продержал его у себя до 28 октября, пока шла переписка с королем. Так шведский бюрократизм сорвал замыслы Мазепы.

Пока извещали шведского короля, Мазепа опять созвал своих казаков и велел им присягнуть, что вступают в союз со шведами для освобождения Малороссии «от московского ига». И тут гетман прослезился, увидев, что у него осталось не более полутора тысяч казаков, остальные попросту «дали тягу».

«Вечером 28 октября Мазепа приехал к шведскому королю. Гетман представился ему на другой день, 29 октября. Около короля находились тогда знатнейшие вельможи и военачальники; между ними были: канцлер граф Пипер, генерал-квартирмейстер Гилленкрок, верховный судья, два генерал-адъютанта и несколько полковников. С Мазепою внесли два знамени его гетманского достоинства – бунчук и булаву. Мазепа произнес перед королем короткую, но складно составленную речь на латинском языке. В этой речи он просил короля оказать козакам покровительство и благодарил Бога за то, что посылает им избавление от царского рабства. В уважение к летам и к подагрическим страданиям гетмана его пригласили сесть. Король беседовал с ним стоя.

Так велась беседа шведского короля с гетманом до полудня. Шведы с любопытством смотрели на Мазепу и слушали его речи. По известию секретаря Карла XII, перед ними был старик 66 лет от роду, среднего телосложения, худощавый, без бороды, но с усами по польскому обычаю. Вообще, он имел вид важный, но временами проявлял проблески веселого и живого нрава, шутил с очень метким остроумием и развеселял слушателей; в речах его замечали большой такт и много ума. Видно было, что он был человек образованный и превосходно владел латинским языком. Карлу он сразу понравился и был приглашен к королевскому столу вместе с ближайшими к нему особами из генеральных старшин. Для прочих Козаков накрыто было два больших стола и, кроме того, некоторых из них пригласили еще обедать к себе граф Пипер и генерал Реншильд.

После обеда король отошел в свои покои, а за ним Мазепа с бунчуком и булавой; в знак своей покорности королевской воле он положил эти знаки к ногам шведского короля. Наконец гетман простился с королем и сел на коня при звуке труб, на которых заиграли его люди»[55].

Как видим, встреча гетмана и короля «прошла в теплой дружественной обстановке». Подобное поведение короля и * гетмана меня поражает, ведь оба были знатоками военного дела и неплохими политиками. Как до них не дошло, что они упускают драгоценнейшее время и проигрывают кампанию? Карл XII ограничился лишь тем, что послал вечером 29 октября полковника Дельдорфа с отрядом шведской кавалерии и казаками вниз Десны к Оболонью следить за движениями неприятеля и прикрывать левое

крыло войска. С 25 по 30 октября шведская главная квартира продолжала находиться в Горках.

29 октября царское войско перешло через Десну. Русские, следуя позади шведов, спешили предупредить переход через Десну своих противников, арьергард войск сжигал на покидаемом берегу все селения, в том числе Почеп[56] и Погар[57].

Русский главнокомандующий Шереметев еще не подозревал Мазепу и в день своего перехода через Десну писал к нему, убеждая послать универсалы по всей Малороссии, чтобы народ не склонялся на «прелестные» шведские универсалы, распущенные по краю.

Между тем Меншиков, обещавший посетить лично гетмана, 24 октября отправился в путь, но, доехав до Мены[58], встретил направлявшегося к нему полковника Анненкова. Тот подал Меншикову письмо от Мазепы и известил, что Мазепа приехал в Батурин.

Меншиков давно недоброжелательно относился к Мазепе, а сейчас его подозрения усилились. Теперь ехать в Борзну не было надобности, и Алексашка сказал Анненкову: «Пошли же скорей нарочного к гетману известить, что я к нему еду».

К Меншикову вскоре присоединился киевский губернатор князь Дмитрий Михайлович Голицын. Меншиков и Голицын переправились в ночь с 24 на 25 октября через Десну и быстро покатили в Батурин. В селе Обмачеве близ Батурина к Меншикову явился некто Соболевский и объявил за собой «слово и дело государево». Его позвали на свидание с Меншиковым в одну сельскую хату.

Там Соболевский рассказал Меншикову: «Мазепа уехал к шведскому королю, а в Батурине дал приказание не впускать русских, пока он сам не придет со шведскими силами, если русские придут в большом числе, если же в небольшом, то впустить, но задержать военачальников». Это была ошеломляющая новость. Меншиков обошелся с Соболевским ласково, но до конца ему еще не поверил. И оба военачальника поехали в Батурин, куда и прибыли к полудню. В батуринском подворке (посаде) оставались русские офицеры и солдаты полка Анненкова. Они объявили, что гетман вчера, в воскресенье, уехал в Короп. Сердюки и батуринские обыватели ушли в замок и заперлись в нем. На стенах стояли вооруженные люди, наведены были пушки. Меншиков отправил Анненкова объясниться с запершимися в осаду. «Что это значит? – спросил Анненков, подъехав к стенам. – Зачем вы укрепились, будто против неприятеля? Отворите ворота, впустите в город князей и с ними царских ратных людей». Ему отвечали со

стен: «Гетман не велел впускать никого из великороссийских людей, потому что от них делается великое разорение малороссийским людям, и уже немало городов и сел совсем от них пропали». «Но где же гетман?» – спрашивает Анненков. Ему отвечали: «Он уехал в Короп, оттуда отправится к царскому войску». «Злой у них поступок!» – сказали офицеры и отправились в Короп, где надеялись застать гетмана.

В местечке Новые Млины[59] Меншиков и Голицын получили известие, что Мазепа переправился через Десну под Оболонью. «Теперь, – сказал Меншиков, – уже ясно, что он отъехал к неприятелю! Вот зачем Войнаровский в прошлую пятницу ночью, не простясь со мною, уехал от меня и с тех пор гетман ко мне не отзывался! Вот зачем, уезжая из Батурина, он никого из русских с собою не взял, а заранее их по сторонам разослал. Иначе нельзя рассуждать о том, как только, что совершенно изменил».

Меншиков отправился в местечко Макошин[60]. Там к нему стали являться сотники и простые казаки из ближних мест, подтверждавшие известие об отъезде Мазепы к неприятелю, пори** цали его поступок и просили ходатайствовать за себя перед царем, так как они вовсе не причастны измене гетмана. Меншиков отправил к царю курьера с известием о случившемся и советом поскорее «утвердить» простой народ чрез публичное извещение, выставив на вид все «озлобления и тягости, какие чинились народу во время гетманского управления Мазепы», чтобы таким образом народ не склонялся к его «прелестям».

Глава 11.
Штурм Батурина – мифы и реалии

27 октября Петр, стоявший в местечке Погребки на реке Десне в двух милях от Новгород-Северского, получил извещение Меншикова об измене Мазепы. На следующую ночь царь ответил Алексашке: «Мы получили письмо ваше о не чаянном никогда злом случае измены гетманской с великим удивлением. Надлежит трудиться, как бы тому злу забежать и не допустить войску козацкому переправляться через реку Десну по прелести гетманской: немедленно пошли к тем местам, где они, несколько полков драгун, которые бы им помешали. А полковников и старшину вели сколько возможно ласково призывать и говорить им, чтоб они тотчас ехали сюда для избрания нового гетмана. А буде полковник миргородский где поблизости обретается, то прикажи его, сыскав, к нам прислать, обнадежа его милостию нашею, потому что он великий был неприятель Мазепе. И вы немедленно приезжайте». В тот же день был написан манифест: царь извещал все казацкое войско, стоявшее у Десны и в других местах, а также все духовные и мирские чины в Малой России, что гетман Мазепа куда-то безвестно пропал и возникает сомнение, нет ли тут неприятельских «факций». Поэтому всем генеральным старшинам и полковникам и прочим приказывалось немедленно ехать в царский обоз для совета, а если окажется, что гетман изменил, то и для выбора нового гетмана. Видно было, что царь до такой степени доверял гетману, что и теперь еще сомневался и не решался заявить, что гетман изменил. Этот манифест разослали во многих списках по всем полкам с собственноручною царскою подписью, а на обертке было означено приказание рассылать его от сотни до сотни как можно скорее.

На следующий день явился к царю убежавший из Батурина канцелярист Андрей Кандыба и сообщил, что гетман с некоторыми генеральными старшинами и полковниками ушел к шведам, а для защиты в Батурине оставил сердюков и казаков.

Тогда Петр издал другой манифест, где уже прямо заявлялось: «Гетман Мазепа, забыв страх Божий и свое крестное целование, отъехал к неприятелю, шведскому королю, по договору, заключенному прежде с ним и с Лещинским, дабы при их содействии поработить малороссийский край по-прежнему под польское владение и отдать в унию церкви Божия и

славные монастыри». Приглашались все старшины генеральные и полковые съезжаться в город Глухов для выбора нового гетмана вольными голосами, сообразно старинным казацким правам.

29 октября Петр разослал пригласительные письма к полковникам обеих сторон Днепра и к кошевому атаману в Сечу. Царь убеждал всех их «отвращаться от прелестей изменника», который имеет замысел поработить малороссийский народ полякам и ввести унию, каждого приглашал в Глухов для выбора гетмана, а тех, которые за отсутствием настоящих полковников были наказными, заранее давал обещание произвести в настоящие.

Тогда же Петр послал письмо полковнику Чегелу, начальствовавшему в Батурине. Нисколько не показывая и тени сомнения в верности Чегела, царь указывал впустить в замок один полк великороссийской пехоты для безопасности от неприятеля и обещал скоро сам лично приехать в Батурин.

30 октября к царю в Погребки приехал Меншиков. Петр устроил военный совет, положивший взять Батурин и, в случае сопротивления, истребить его как «главный притон силы, неприязненной царю Малороссии». Ранее Меншикова приехал к Батурину князь Дмитрий Михайлович Голицын и послал в замок царский указ. Бывшие там старшины и товарищи дали такой ответ: «Без нового гетмана мы не пустим в замок москалей, а гетмана выбрать надлежит общими вольными голосами. Теперь же, когда неприятель швед стоит в нашей земле, невозможно выбирать гетмана».

К полудню 31 октября прибыл к Батурину Меншиков с 5 тысячами драгун и солдат и послал в замок сотника Андрея Марковича.

«Замок был отовсюду заперт, ворота засыпаны землею, но сотнику дали возможность туда проникнуть, втащивши его по стене. Сперва Маркович подвергся трепке от мятежной толпы и не без труда добился, чтоб его провели к сердюцкому полковнику Чегелу. Кроме Чегела и Фридриха Кенигсена, арматного асаула, которым Мазепа поручил охрану Батурина, там были в те дни влиятельными лицами: Левон Герцик, бывший полтавский полковник, генеральный асаул Гамалея, реент (делопроизводитель) Мазепиной канцелярии, батуринский сотник и батуринский городничий. Маркович от княжеского имени убеждал отворить ворота и впустить царское войско в Батурин. Ему отвечали: “Этого мы не смеем сделать, потому что гетман не приказал”.

“Но гетман ваш изменил, переехал к неприятелю, – представлял им Маркович. – Вы же верные подданные люди государя, а князь Меншиков министр нашего государя, так как же можно вам перед ним затворяться?”

Ему отвечали: “Мы не смеем без региментарского приказания, а чтоб наш гетман изменил и отъехал к неприятелю, тому поверить мы никак не можем”.

Напрасно сотник уговаривал их не прикидываться незнайками, напрасно представлял им доводы, что в царском войске уже все довольно об этом знают, – все убеждения остались безуспешны»[61].

После полудня царские генералы стали готовить полки к переправе через реку Сейм: там раньше были мосты, но перед приходом царских сил осажденные их разобрали, теперь надо было заново наводить их. Вдруг мазепинцы из замка выставили шесть пушек и направили их дула на царское войско.

Тогда русские полки двинулись вниз по берегу и выстроились в боевые порядки. Начальство решало, что там удобнее – строить мосты или переходить реку вброд. Но, увидев движение русского войска, из замка выехали пять мазепинцев и прокричали через реку: «Не ходите, а если пойдете силою, то станем вас бить».

Из царского войска им ответили: «Пусть придут к нам человека два-три на разговор». Но мазепинцы на это только выругались.

Тогда на двух лодках на другой берег переправились 50 гренадеров, и тотчас те батуринцы, которые были высланы из замка с пушками, «с великою тревогою» побежали в город, а русские свободно стали наводить мосты, чтобы ночью перебраться через реку. «Ни малейшей склонности к добру у них не является, и все говорят, что хотят до последнего человека все держаться», – писал Меншиков в донесении царю вечером 31 октября.

Наступила ночь. Меншиков разместился в хате в поселке за рекой. Туда к нему явились депутаты из Батурина: они уверяли, что если бы в самом деле гетман изменил царю, то они остаются в прежней верности и готовы впустить царские военные силы в батуринский замок, только просили дать им на размышление три дня сроку. Меншиков понял, что это говорилось «с звычайною политикою», и батуринцы думают выиграть время, чтобы шведы успели подойти к ним на выручку. «Довольно с вас времени намыслиться одной ночи до утра», – сказал им Меншиков, но письменного ответа не дал. С тем депутаты и ушли.

Наступило утро. Не получивши письменного ответа, батуринцы стали палить из пушек и подожгли посад (подворку) Батурина. Это показывало, что, собираясь защищаться и согнавши жителей в замок, мазепинцы готовы стоять до последней капли крови и истребляют жилища около замка, чтобы не дать там укрытия своим противникам.

Меншиков в ответ на их письмо, принесенное ночью, послал к

мазепинцам письменное предложение. Письмо было послано с каким-то Зажарским. Батуринцы впустили его в замок, собрали Раду и хотели читать письмо Меншикова, но тут раздались крики: «Некогда чинить нам отповеди». Самого же Зажарского мазепинцы чуть не разорвали на куски, с трудом удержались от убийства и выгнали его с таким единогласным решительным ответом: «Все здесь помрем, а президиума не пустим».

«В ночь на 2 ноября все изменилось. В батуринском замке между козаками была часть Прилуцкого полка; один из полковых старшин, Иван Нос, явился к Меншикову и указал ему тайный способ добыть Батурин. По преданию, Нос указал в батуринской стене незаметную ни для кого калитку, через которую возможно было во время ночи гуськом царским людям проникнуть в замок. Меншиков отрядил туда солдат. Тайный вход был открыт; за первыми, туда вошедшими, последовали другие, а с другой стороны был начат приступ, и батуринцы, отбивавшись в продолжение двух часов, наконец сдались»[62].

В XXI веке взятие Батурина Меншиковым стало козырной картой самостийников, вторым «голодомором». Президент Ющенко заявил, что в Батурине русские убили 21 тысячу человек, а затем сбавил цифру до 15 тысяч. В иных же публикациях число убитых доходит до 30 тысяч человек. В школьном учебнике истории написано: «…всех казаков и жителей вырезали. Не пожалели ни стариков, ни женщин и девиц».

Особые надежды «оранжевые» историки возлагали на археологию. Но и она подвела. Искали 15—20 тысяч убитых. И что? В результате многолетних целенаправленных усилий совместной канадско-украинской экспедиции на месте разрушенной крепости удалось обнаружить всего около семидесяти «захоронений». Некоторые из них походили на то, что так трепетно ожидалось («погребение ребенка без гроба», «череп подростка в сгоревшем жилище», «останки женщины 20—30 лет с расколотым саблей черепом», «череп с пулевым отверстием в затылке подростка 9—12 лет, несколько десятков засыпанных пеплом скелетиков детей 1—5 лет»), но выдавать это за результат «геноцида в Батурине» просто неприлично. Тем не менее украинские археологи упорствуют: «Резня была тотальной, и в Батурине не осталось никого».

А что скажет на это неангажированный и серьезный историк? На основании полученных данных он лишь сделает вывод, что в Батурине люди умирали. Не всегда планово. Детская смертность была высокая. Кто может доказать, что женщина «с расколотым саблей черепом» не была убита пьяным казаком на бытовой почве? Или что деревянный дом, где было найдено несколько детских скелетов, не сгорел раньше в результате

неосторожного обращения с огнем?

Понимая это, один из руководителей экспедиции доктор В. Мезенцев признает: «Мы не можем нашими исследованиями посчитать каждого человека, но уверены, что массовые захоронения были. Однако “История Русов” свидетельствует, что много трупов было потоплено в Сейме».

Замечательное оправдание! Из уст уважаемого археолога такая ссылка звучит как приговор его профессиональной компетентности. Но если бы он был один такой! Ведь есть утверждения похлеще. Так, известный украинский кинорежиссер Юрий Ильенко в одном из интервью выдал: «На раскопках Батурина не нашли ни одного скелета, потому что все жители были вырезаны, распяты, прикреплены к плотам и пущены по водам Сейма, Десны и Днепра для запугивания. … В той “реке мертвых”, между прочим, плыли и мои предки. И вы хотите, чтобы я, украинец, любил Петра?»

Надо сказать, что идея с плотами – одна из самых интересных. На ней, возможно, особенно видна вся иррациональность аргументации защитников «факта» резни.

Во-первых, о «распятых украинцах» и вообще о плотах, пущенных русскими по рекам Малороссии в ноябре 1708 г., не говорит ни один исторический источник.

Во-вторых, штурм Батурина был произведен 2 ноября (по старому стилю), а на следующий день русские войска ушли, опасаясь подхода шведов. Когда им было заготавливать бревна, связывать их в плоты, распинать там тысячи «щирых украинцев» и т. д.?

Самостийные мифотворцы не понимают, что болтают. Как, к примеру, 5 тысяч солдат и драгун Меншикова, не имея ни единой пушки, могли взять хорошо укрепленный Батурин, где имелось свыше 70 исправных орудий и гарнизон которого составлял 15—20 тысяч человек? Что, мазепинцы пьяные в стельку были? Да, кстати, и эта версия мелькает в украинской прессе. Мол, «украинское войско» отбило нападение москалей, а затем де казаки изрядно наклюкались. Тут-то злыдень Данилыч вернулся и учинил «батуринскую резню».

А серьезно, сколько пушек было в Батурине? Мазепа собрал туда лучшую часть артиллерии и огромные припасы пороха и ядер. Меншиков сумел вывезти из Батурина 70 пушек, а наиболее тяжелые были взорваны или заклепаны на месте. Замечу для сравнения, что Карл XII привез в Малороссию всего около 30 пушек.

Оперативные действия Александра Данилыча лишили королевские войска и артиллерии, и боеприпасов. Заодно были сожжены и

многочисленные хлебные «магазины» (так до XX века именовали склады).

По моим расчетам, в Батурине на 2 ноября 1708 г. находилось от 4 до 6 тысяч комбатантов, из которых большинство составляли сердюки и «компанейцы», то есть наемники. А их даже националист Микола Грушевский называл «всяким сбродом». Действительно, малороссы составляли в них меньшинство. Там в основном служили поляки, молдаване, татары и те же «клятые москали».

Вполне допускаю, что при штурме часть комбатантов была перебита. Естественно, пострадали и батуринские обыватели. Как уже говорилось, посад, то есть основную часть города, сожгли сами мазепинцы, а строения в батуринском замке – русские. Не оставлять же замок шведам?!

Но приказа специально убивать мирных жителей не давали ни Меншиков, ни сам Петр.

22 декабря 1708 г. новый гетман Скоропадский выдал батуринскому атаману Даниилу Харевскому универсал, разрешавший жителям Батурина селиться на прежних местах. Любопытно, мертвецам, что ли, он давал сей универсал – ведь самостийные мифотворцы перебили всех батуринцев еще 2 ноября.

Мало того, Скоропадский упоминает об «изменничем универсале» князя Меншикова, согласно которому большая часть взятых в Батурине сердюков и городовых казаков была распущена по домам.

Спору нет, заводчики обороны Батурина были четвертованы или колесованы по приказу царя. Замечу, что главнейший из них – Чегел – сумел уйти из города, но в ближайшем же селении его узнали казаки и отвели к Меншикову.

Но в том же ноябре 1708 г. специальным царским указом были отменены «аренды [отдача на откуп винной, дегтярной и табачной торговли. – *А.Ш.*] и многие иные поборы», которые, как говорилось в указе, Мазепа «наложил на малороссийский народ, будто на плату войску, а в самом деле ради обогащения своего». Царь увеличил жалованье запорожским казакам, приказывал великороссийским военачальникам обращаться с казацкой старшиной «сколько возможно ласкаво» и т. п.

Еще до обнаружения гетманской измены Петр I принял меры по недопущению в Малороссии конфликтов между войском и населением (такие конфликты во время войн являлись обычным делом в тогдашней Европе). «Надобно драгунам учинить заказ под потерянием живота, дабы они черкассам [так иногда называли малороссиян. – *А.Ш.*] обид не чинили; и ежели кто им учинит какую обиду, и таковых велите вешать без пощады», – предписывал Петр своим генералам. Предписания не

оставались пустым звуком. «Мы войскам своим великороссийским под смертною казнью запретили малороссийскому народу никакого разорения и обид отнюдь не чинить, за что уже некоторые самовольные преступники при Почепе и смертью казнены», – объявлялось в указе от 6 ноября 1708 г. С начала XIX века «украинствующие» политиканы пытаются доказать, что Мазепа заключил с Карлом XII какой-то договор. Появилось даже несколько текстов подобного договора. Но, увы, все они оказались фальшивыми. Поэтому даже Грушевский, неоднократно шедший на подлог в своих исторических трудах, был вынужден констатировать: «В каком смысле было установлено между ними [гетманом и королем. – *А.Ш.*] соглашение, об этом не имеем никаких точных сведений и только из позднейших актов можем заключить, чего хотели Мазепа и старшина, присоединяясь к шведскому королю:

“Украина по обе стороны Днепра с войском Запорожским и народом малороссийским должна быть навеки свободной от всякого чужого владения”. Швеция и другие союзные государства “ни с целью освобождения, ни с целью опеки, ни с какими иными видами не должны претендовать на власть над Украиной и войском Запорожским или на какое-нибудь верховенство, не могут собирать каких-нибудь доходов или податей. Не могут захватывать или занимать своими гарнизонами украинских крепостей, какие были бы оружием или трактатами добыты у Москвы. Должны сохранять Украину в целости и не позволять кому-нибудь другому поработить ее. Должны свято сохранять целость границ, неприкосновенность свобод, прав и привилегий, чтобы Украина на вечные времена пользовалась свободно своими правами и вольностями безо всякого ущерба”»[63].

Вроде бы Мазепа оказывается борцом за «вильну Украину». Увы, сей «позднейший акт» – грубая фальшивка, и далеко ходить за доказательствами не надо. Есть сотни неопровержимых свидетельств того, как круто обращался Карл с польскими магнатами и самим королем Стасем. Так что даже после четырех «Полтав» самовлюбленный и презирающий всех король никогда бы не подписал подобного договора с Мазепой. После присоединения Мазепы к шведам главная шведская квартира была переведена в Дехтеревку – местечко в четырех верстах ниже Горок по течению Десны, в 14 верстах от Новгород-Северского. Оттуда Мазепа отправил письмо к стародубскому полковнику Скоропадскому. Гетман выставлял причины, побудившие его пойти на измену: «…издавна враждебная власть московская в последнее время возымела намерение отобрать в свою область малороссийские города, ограбить и выгнать из них

обывателей и наполнить их своими войсками. Так поступали москали не только в полках Стародубском, Черниговском и Нежинском, под лживым предлогом будто делают так ради наступления шведов, но и в других, более отдаленных полках, где шведов никак не ожидали. “Нас предостерегли по секрету приятели, что москали хотят прибрать в свои руки гетмана, генеральных старшин, полковников и запровадить в тиранскую неволю, затем всех казаков обратить в драгуны, изгладить совершенно со света имя запорожское и поработить навеки весь малороссийский народ”»[64].

«С этой целью де Меншиков и Голицын заманивали гетмана в московский обоз. Но гетман, с согласия генеральных * особ, полковников и всех старшин Войска Запорожского, прибегнул к покровительству шведского короля в надежде, что он оборонит малороссийскую их отчизну от тиранского московского ига и не только возвратит казакам отнятые права и вольности, но еще умножит и расширит их, и в этом король дал свое слово и письменное удостоверение». Гетман убеждал Скоропадского в союзе с переяславским и нежинским полковниками перебить московский гарнизон в Стародубе, а если у него не хватит сил на это, то убегать в Батурин, стараясь не попасться к русским в плен. 31 октября король подвинулся еще ниже по Десне к селу Игнатовке[65] и в сопровождении генералов своего родственника принца Вюртембергского и Аксель-Спарре, а также своей гвардии близ села Мезина[66] наметил место, удобное для переправы через Десну. Переправиться удалось с большим трудом 4 и 5 ноября.

Русские войска охраняли противоположный берег и устроили батареи, с которых палили на готовившихся переходить реку шведам. Это вынудило Карла XII начать переправу там, где русские никак не могли ожидать ее – в очень неудобном месте. Берег там был настолько крут, что солдаты и офицеры сползали к воде, а лошадей приходилось стаскивать веревками. На отмели шведы наскоро нарубили деревьев, наделали колод, связывали их веревками и на таких плотах переправлялись на другой берег. Первым там высадился отряд генерал-майора Стакельберга, прокладывая себе путь ружейным огнем и штыками.

Установленные на крутом берегу двенадцать шведских орудий осыпали русских картечью, что заставило их отступить. Тогда шведы навели два моста, через которые уже свободно переправилось все их войско. Во время этой переправы Мазепа находился рядом с королем.

5 ноября день выдался холодный. Король же, по своему всегдашнему обычаю, был одет очень легко. Гетман заметил ему: «Вы, государь,

надеетесь на свою молодость. Я понимаю, в молодости есть огонь, который греет, но он с летами проходит. И мне когда-то холод был нипочем, а теперь вот, как пришла старость, так нелишнею оказывается и шуба. Ваше величество вынесли уже долговременную войну, от которой немало потерпело и ваше государство, и ваши подданные. Настоящая война может еще затянуться на многие годы. Вашему величеству необходимо сохранять свое здоровье, чтоб вы могли жить еще долгое время для счастия ваших подданных, тогда как Бог пошлет мир».

Карл отвечал: «Не привык я к мехам и никогда их не носил». Однако Мазепа на другой день преподнес королю в дар несколько шкур дорогих чернобурых лисиц. Король, уверенный, что это подносится от искреннего сердца, принял дар и приказал подбить себе мехами сюртук. Но скоро до короля дошел слух, что в его войске какой-то весельчак сказал: «С чего это наш король так потолстел?» Карл сбросил с себя обновку и уже никогда не надевал меховых одежд.

Глава 12.
Зимняя кампания короля Карла

Сейчас «оранжевые» историки пытаются вдолбить малообразованным слоям населения миф о том, что де гетман Мазепа поднял «антиколониальное восстание» против царя Петра. Однако все сохранившиеся документы показывают нам совсем иное.

5 ноября к Петру прибыли челобитные из Прилук, Лубен, Лохвиц и Новгорода-Северского, из сотен полков Прилуцкого (Варвинской, Сребненской, Иченской), Лубенского и Миргородского (тех полков, полковники которых ушли с Мазепой). Все эти челобитные содержали заверения в верной службе царю.

1 ноября в Богдановке[67] явились к царю полковники: стародубский – Скоропадский, черниговский – Полуботок и наказные: переяславский – Тамара и нежинский – Жураховский. Каждый прибыл с кружком сотников и войсковых товарищей своего полка.

Петр поручил организовать избирательную Раду своему ближнему боярину князю Григорию Федоровичу Долгорукову, при котором должен был находиться дьяк Посольского приказа Родостамов с двумя подьячими. Местом созыва Рады царь назначил Глухов. Для охраны Долгорукова с подьячими в пути им был придан белозерский драгунский полк. Все делалось как и положено по старым обычаям, всегда соблюдавшимся при выборе гетмана.

3 ноября все прибыли в Глухов. Сотник Туранский встретил прибывших как хозяин места. В тот же вечер полковники и прочие начальные лица собрались у князя Долгорукого и обменялись с ним взаимными предположениями о выборе.

На другой день, 4 ноября, в Глухов прибыл и сам царь. Князь Долгоруков, переговоривший с полковниками, сообщил Петру, что достойнейшими получить гетманский сан казаки считают двух полковников: черниговского и стародубского. «Полуботок очень хитр, – сказал Петр, – с него может выйти другой Мазепа. Лучше пусть выберут Скоропадского». Обстоятельства были таковы, что при малочисленности участников выбор вольными голосами мог считаться только для вида, а на самом деле гетманом должен был стать тот, на кого укажет царь.

5 ноября 1708 г. по приказу царя в городе Глухове состоялась

театрализованная церемония лишения Мазепы гетманства и его последующей заочной казни. На церемонии помимо старшины и рядовых казаков присутствовали многочисленные представители малороссийского и русского духовенства во главе с Феофаном Прокоповичем. На эшафоте была возведена виселица, к которой привязали куклу, изображавшую Мазепу в полный рост, в гетманском облачении и со всеми регалиями. Взошедшие на эшафот андреевские кавалеры Меншиков и Головкин разодрали выданный Мазепе патент на орден Андрея Первозванного и сняли с куклы андреевскую ленту. Лишенную «кавалерии» куклу палач вздернул на виселице.

На следующий день собралась Рада. После литургии и молебна в церкви Святой Троицы малороссийские полковники и старшины вышли на улицу, где уже стояла толпа казаков и посполитых. Князь Григорий Долгоруков произнес вступительную речь, а посольский дьяк Родостамов, встав на стол, прочитал царскую грамоту.

«Теперь, – сказал князь Долгоруков, – по древнему вашему обыкновению пусть все войско малороссийское и народ, съехавшийся на избрание гетмана, подают голоса, кому быть гетманом».

Он отошел. Должно было произойти совещание. Но все уже было решено заранее.

«Быть гетманом стародубскому полковнику Ивану Ильичу Скоропадскому! – провозгласили начальные люди. – Понеже он человек есть царскому величеству верный и в войске малороссийском заслуженный и в делах искусный».

«Я стар, – отвечал Скоропадский. – Я не могу снести такого тягостного уряда. Гетманом быть следует человеку молодому и заслуженному. Изберите черниговского полковника Полуботка».

Большинство казаков действительно расположено было тогда избрать Полуботка. Его все любили. Полуботок притом был всегда верен царю.

Павел Полуботок и его отец Леонтий много лет конфликтовали с Мазепой. Однако полковники и старшины были заранее предупреждены, что царь хочет именно Скоропадского. Посему старшины предупредили дальнейшие толки, еще раз провозгласив имя Скоропадского. Схватили его под руки и поставили на стол, с которого перед тем посольский дьяк читал царскую грамоту. Скоропадский поклонился и сказал, что недостоин такой чести. «Нет, нет, – кричали старшины, – ты достоин! Ты – старый и верный слуга царского пресветлого величества». Затем все ему кланялись и поздравляли с возведением в гетманское достоинство.

Тогда князь Долгоруков по принятому обычаю вручил новоизбранному

гетману один за другим клейноты: бунчук, знамя, булаву, царскую грамоту и печать малороссийского края, сделанную по образцу печати, применявшейся прежними гетманами. По окончании этого обряда все пошли в церковь. Там после эктении, в которой за именем царя помянули имя нового гетмана, Скоропадский присягал по присяжному листу, выданному из посольского приказа. В этой присяге, кроме обычного обещания верности, гетман обязывался не водить пересылки и сообщения с царскими неприятелями, особенно с бывшим гетманом Мазепой, и доносить царю о всякой «шатости» и склонности к сношениям с неприятелями в малороссийском народе. Произнесением присяги руководил глуховский протопоп Борзаковский. Полковники со своими полковыми старшинами стояли тут же, но сами присягнули уже после, 9 ноября, когда к ним присоединился приехавший на избирательную Раду наказной лубенский полковник Василий Савич со своими полковыми старшинами.

Во время Рады Петр находился в помещении Меншикова вместе с фельдмаршалом Шереметевым и канцлером Головкиным. Новоизбранный гетман с полковниками и полковыми старшинами явился к царю на поклон. Царь поздравил его, а за царем поздравили и вельможи. Гетман уехал от царя с почетом – в карете, запряженной шестеркой лошадей, в сопровождении князя Долгорукого. Вечером гетман дал обед, к которому были приглашены полковники и полковые старшины. Целый день происходила стрельба, а народу разбрасывались от новоизбранного гетмана деньги в бумажных свертках, от семи алтын до гривны в каждом свертке.

Петр и его походная канцелярия оставались в Глухове несколько дней. 11 ноября туда приехали киевский митрополит Иоасаф Кроковский со своим духовенством и переяславский епископ Захария Корнилович. 12 ноября в той же Троицкой церкви, где происходила присяга гетмана, после литургии в присутствии царя, вельмож и малороссийских чинов служился молебен, а после молебна духовными властями была провозглашена анафема и вечное проклятие вору и изменнику Мазепе. Новгородсеверский протопоп Афанасий Заруцкий говорил проповедь, в которой вспоминал прежде бывших изменников и оправдывал проклятие, наложенное на Мазепу.

Малороссийские архиереи, черниговский и переяславский, издали от себя пастырское послание к народу о предании Мазепы проклятию и увещевали повиноваться новоизбранному гетману Скоропадскому. В тот же день по заранее присланному царскому распоряжению в московском Успенском соборе после литургии в присутствии царевича Алексея

Петровича и царских вельмож духовные власти произнесли анафему над Мазепой.

Блюститель патриаршего престола митрополит рязанский Стефан Яворский произнес поучение, сообразное настоящему событию, помянул с похвалой прежние доблести и добродетели Мазепы, потом порицал его измену и, заканчивая свою речь, сказал: «Нам, собранным во имя Господа Бога Иисуса Христа и святых апостолов, дано от самого Бога вязати и решити, и аще что свяжем на земли, будет связано и на небеси! Изменник Иван Мазепа, за клятвопреступление и за измену великому государю, анафема!» Он провозгласил эти слова три раза. Все остальные архиереи за ним возгласили трижды: «Анафема, анафема, анафема, буди проклят». Стоит заметить, что анафема с Мазепы, вопреки домыслам «оранжевых», православной церковью еще не снята.

Во время своего пребывания в Глухове царь издал два манифеста к малороссийскому народу. В одном, от 9 ноября, он увещевал всех малороссиян не верить «прелестным» универсалам врагов, старающихся уверить народ, будто московская власть нарушает права и вольности. «Можем непостыдно сказать, что нет ни одного народа под солнцем, который бы похвалился такою свободою и льготами, как малороссийский, так как во всем малороссийском крае мы не берем ни единого пенязя в казну».

Объявлялась денежная награда за каждого пойманного и приведенного шведского пленника, сообразно его чину: за генерала – две тысячи рублей, за полковника – тысячу, за прочих офицеров – меньше, по их чинам, а за рядового – по пять рублей; за убиение же каждого неприятельского воина – по три рубля. Под страхом смертной казни запрещалось привозить неприятелю па продажу всякие припасы.

Царь убеждал народ из сел и деревень прятать свои семьи и пожитки. Списки с этого манифеста приказано было прибить по городским ратушам и по приходским церквам и, сверх того, прочитывать их народу.

Другим манифестом, от 10 ноября, царь убеждал всех тех, которые «изменою вора Мазепы заведены были и неприятельские руки», отлучиться от него и вернуться к верной службе своего государя. Объявлялось прощение и тем, которые знали о злом намерении Мазепы, «но не доносили, опасаясь его власти, и потому были с ним в согласии». Им давался один месяц с 10 ноября. Если в течение этого срока они явятся, то им обещалось «сохранение чинов и маетностей их без всякого умаления». В противном случае они объявлялись царскими изменниками, лишались чинов, урядов и маетностей, которые передавались другим лицам, верным

государю. Жены и дети изменников отправлялись в ссылку, а сам же изменник, когда будет пойман, подвергался смертной казни.

Пребывая в Глухове, царь оказал милости тем, которые показали свою верность во время измены Мазепы. 14 ноября наказные полковники получили звание настоящих полковников и жалованные грамоты на разные села и маетности. Ивану Носу, получившему прилуцкое полковничество, была дана похвальная грамота за содействие при взятии Батурина. Щедрее всех был тогда наделен черниговский полковник Полуботок – ему пожаловали маетности его шурина, бывшего гадяцкого полковника Михаила Василевича, которого когда-то так настойчиво преследовал Мазепа, и, кроме того, богатые маетности в Черниговском полку, – все это за верность царю, как выражено в жалованной грамоте.

Переправившись через Десну, шведы сразу поняли, что Мазепа их попросту надул. Местное население не было расположено принимать их как своих избавителей. Напротив, все сельские жители разбегались при появлении незваных гостей. Исключение было в одной Атюше[68] , где их встретили с хлебом-солью.

12 ноября (н.с.) шведы переправились через Сейм близ Батурина. И тут они вместо хорошо укрепленной гетманской столицы с сильным гарнизоном и мощной артиллерией, а главное, с магазинами, полными продовольствия, которого хватило бы их армии на всю зиму, нашли лишь развалины. Гарнизон и жители, как уже говорилось, были частично перебиты, а остальные разбежались.

На Мазепу развалины Батурина произвели страшное впечатление. «О, злые и несчастные наши початки, – говорил он своему писарю. – Вижу, что Бог не благословил мое намерение!»

Но вскоре гетман взял себя в руки и решил собрать совет своих сторонников в местечке Поросночка под Бахмачем, где у него был еще один дворец. Оттуда Мазепа рассылал свои официальные универсалы, а также приватные письма к старшинам.

16 ноября Карл XII выступил из Городищ на Голенки, откуда послал генерала Лимрота к своим войскам, шедшим позади, но казаки напали на него на дороге. Были убиты Лимрот и весь конвой. К Карлу прискакал лишь один тяжело раненый швед.

Карл XII 17 ноября занял Дмитровку на реке Ромне в 44 верстах от Конотопа, а на следующий день перешел в местечко Ромен (Ромны).

19 ноября Мазепа с отрядом шведов под командой полковника Дальдорфа отправился к Гадячу. Они без боя овладели городом. Мазепа оставил при Дальдорфе часть своих казаков и велел исправить укрепления

городка, а сам отправился снова в Ромен, чтобы находиться при короле.

Шведская армия расположилась от Ромена и Гадяча до Лохвицы и Прилук на расстоянии десяти и двенадцати миль вокруг. Край этот был густо заселен, сел и хуторов было много. Поэтому шведы и надеялись получить столь необходимый провиант на зиму. Однако малороссияне в подавляющем большинстве были враждебно настроены к шведам.

Вот характерный пример. Отряд шведов подошел к городку Смелый на реке Бышкина и 2,5 верстах от Ромен. Однако жители закрыли ворота и отказались впустить шведов. А когда с другой стороны подошел отряд русских под началом генерала Рена, то их впустили в крепость. Под городом произошел бой, в котором два шведских полка были изрядно потрепаны и отступили. Взбешенный король послал на Смелый большие силы.

Петр I не желал пока устраивать большое сражение, и Рен отступил. В результате король захватил Смелый и велел его сжечь. Жители были убиты или разбежались.

«К этому времени русские войска расположены были на рубеже Гетманщины и Слободской Украины»[69]. Тут следует сделать небольшое пояснение. Гетманщина – это Левобережная Малороссия, а Слободская Украина[70] – это не Украина, а часть Великороссии. В документах XV—XVIII веков фигурируют Рязанская Украина, Амурская Украина и т. д., имевшие такое же отношение к Малороссии, как Китай-город к Китайской народной республике. Слободская Украина никогда не заселялась украинскими казаками и крестьянами, бежавшими от гнёта польских магнатов с территории Украины, находившейся в составе Речи Посполитой. Селились слободами (отсюда название «С. У.»). Казачье население стало называться слободскими казаками. С. У. с севера заселяли русские служилые люди и беглые крестьяне. В 1765 на территории С. У. образована Слободско-Украинская губерния, в 1835 переименована в Харьковскую губернию». входила в состав Гетманщины, а подчинялась напрямую русским царям.

Ставка Петра I находилась в Лебедине, а князя Меншикова – в Хорунжевке на реке Гусе в 35 верстах от Ромен. В середине Гетманщины оставалось два отряда царских войск: один – в Миргороде, другой – в Нежине.

В конце ноября 1708 г. к Мазепе прибыли малороссийские сотники: лохвицкий, лукомский, чигирин-дубровский, пирятинский, чернукский и сенецкий. Мазепа приказал им собрать для шведов с Лубенского полка

провианта – 24 тысячи волов, 40 тысяч свиней, 60 тысяч «осмачек» ржаной и 40 тысяч «осмачек» пшеничной муки. Но собрать этого было невозможно, потому что селяне разбежались, и шведы сами начали грабить.

Еще один характерный пример. Лохвицкий сотник Яков Еременко по приказанию шведского генерала Мейерфельда, стоявшего в Лохвице с четырьмя тысячами шведов, поехал для сбора запасов в Сенчи[71], но местный атаман препроводил его в Сорочинцы[72] к русскому генералу Волконскому, который отправил сотника в Лебедин в главную квартиру к царю на расправу. Большинство же сотников отвергли требования Мазепы, например, в Опошне, Груне, Котельве, и за это получили от Головкина похвалу за свою верность. Полтавский полковник остался верен царю, хотя на него и пало подозрение. Сосед его по полку ахтырский полковник Осипов, уже признанный верным человеком еще по кочубеевскому делу, писал Головкину, что полтавский полковник Левенец не хочет повиноваться царской воле, не едет в Глухов и даже приказывает молиться в церквах не за царя, а за шведского короля. Хотя Левенец и не поехал в Глухов по зову Головкина, но ему за то не было поставлено в вину, так как он сослался на необходимость находиться в Полтаве, ввиду опасности от шведов. Левенец по приказанию генерала Волконского впустил отряд царских войск в Полтаву, а вслед за тем «возбуждал универсалами свой полк служить верно царю и сам привез в Харьков заложниками своей верности свою семью, отдав своих сыновей в тамошнее училище».

Белоцерковский полковник Михайло Омельченко, несмотря на то, что Мазепа прежде ему покровительствовал, доложил царю, что на правой стороне Днепра все казаки верны законным властям и ненавидят имя Мазепы, тем более что Мазепа в этой стороне обращал казаков в мужиков и заставлял их исполнять разные «панщины».

В Чигирине, в Корсуне, в Богуславе жители захватили мазепинских агентов, приезжавших туда с возмутительными посланиями, и доставили их в Киев. Тогда в белоцерковскую крепость была доставлена казна, которую туда заранее отправил для хранения Мазепа. Личные вклады Мазепы арестовал князь Голицын в Киево-Печерском монастыре. Царь издал манифест, которым повелевал отыскивать повсюду собственность Мазепы, и всем объявлял: где найдется что-либо принадлежавшее изменнику – половина указанного обещалась указателю, «понеже изменник раздает свои пожитки единомышленникам для возмущения народа».

Селяне под воздействием универсалов гетмана Скоропадского стали

составлять партизанские отряды и нападать на шведов.

21 ноября из шведского стана бежали миргородский полковник Даниил Апостол и генеральный хорунжий Иван Сулима.

21 ноября Апостол приехал в свою маетность Сорочинцы и тотчас написал Скоропадскому. Он просил ходатайствовать перед Петром о смягчении царского гнева, уверял, что был завлечен Мазепой по собственному незнанию и должен был поневоле повиноваться ему, пока не предстал случай освободиться.

Царь потребовал Апостола в Лебедин, допустил его лично к себе, принял чрезвычайно ласково, объявил ему, что за ним остаются его прежний чин и маетности, и обещал в будущем царские милости.

Апостол сообщил, что видел у Мазепы привилегию Станислава Лещинского, в которой Малороссии обещались по окончании войны все те вольности, какими славились польская корона и Великое княжество Литовское. Мазепа показывал ему и письма, полученные от великого канцлера коронного Яблоновского и Щуки, подканцлера литовского, уверяющие в том, что привилегия Станислава будет утверждена сеймом, но ни с привилегии, ни с писем Апостол не мог сделать копии. Вместе с тем Апостол сообщил, что из Бахмача Мазепа посылал к королю Станиславу какого-то Нахимовича с письмами от себя и от шведского короля, просил поспешить в Малороссию и обещал для его польского войска помещение в трех полках: Киевском, Нежинском и Переяславском.

Апостол слышал, что у неприятеля такой план: король шведский пойдет на Москву, но подлинно неизвестно, через какие города, а Станислав – на слободские полки. Наконец, что важнее всего, миргородский полковник сообщил, что Мазепа обещает предать в руки царя шведского короля со знатнейшими генералами, но просил непременно, чтобы договор с ним о его безопасности гарантировали иностранные дворы, им указанные. Головкин несколько затруднился относительно вопроса о гарантии, но Апостол сразу сказал, со слов Мазепы, что без этого условия ничего быть не может. Тогда Головкин объявил, что согласны будут и на гарантию, но все еще не показывал к этому делу полного доверия и не позволял Апостолу давать письменный ответ Мазепе.

Через несколько дней явился к Апостолу с письмами от Мазепы цирюльник, служивший у Войнаровского, и тогда Апостол написал Мазепе – впрочем, в неопределенных выражениях – о принятии его предложения.

Вскоре явился еще один перебежчик из шведского стана – охотный полковник Игнат Калаган, который принес от Мазепы повторение прежнего

предложения. Тогда уже Головкин написал Мазепе, что государь изъявляет полное согласие на его предложение с тем, чтоб он постарался «добыть главнейшую особу», или, по крайней мере, других знатных особ.

Апостол был хорошо поощрен. Ему, через гетманский универсал, не только возвратили все прежние маетности, но придали еще новые, принимая во внимание ущерб, понесенный от неприятельского вторжения. И Апостол, и его товарищи, возвратившиеся из шведского стана, подписались на «выборе» гетмана Скоропадского наряду с участвовавшими при избрании.

«В какой степени давалась вера не только предложению Мазепы, но даже искренности самых тех лиц, которые словесно передавали это предложение, – мы не знаем, но политика царя, сообразно тогдашним нравам, не пренебрегала никакими случайностями, когда они являлись и могли отнять у неприятеля надежду на дальнейший успех. Предположение о примирении с Мазепою не состоялось. Понятно, что со стороны Мазепы оно никак не могло быть искренним: оно делалось человеком, способным всех и каждого обманывать и обращаться на всякую сторону, когда того требовать будут обстоятельства. Затевая сношения с царем и показывая готовность предать своего нового союзника, Мазепа, однако, не знал, как посмотрят русские на его предложение, и продолжал действовать в пользу Карла, точно так, как он прежде работал и действовал в пользу Петра, когда исподтишка вел во вред Петру сношения с Карлом.

Еще не получая никакого известия от миргородского полковника, 5 декабря Мазепа отправил роменского жителя Феська Хлюса с письмом к Станиславу Лещинскому, в котором вторично убеждал его поспешить с войском для взаимного действия оружием против “Москвы”, которая своими грамотами возбуждает простой народ в Украине. Но посланец Мазепы был задержан в Лисянке и препровожден в Киев. Там у него изъяли собственноручное письмо Мазепы с его печатью и отправили к Петру, а Петр приказал передать его Скоропадскому, для того чтоб обнародовать в переводе, в обличение лживости Мазепы, который уверял соотечественников, будто отступил от царя затем, чтобы малороссийский край был независим и не находился ни под царскою, ни под польскою властью, на самом же деле в своем письме обличает себя, именуя себя подданным Лещинского, а Украину называет его наследием и тем показывает, что у него было намерение предать малороссийский народ под польское иго. Кроме того, был схвачен в селе Корейце, близ Глухова, посланный Мазепою козак Грицько Пархоменко. Он показал, что послан Мазепою с письмами к черниговскому архиепископу и к князю

Четвертинскому и отдал им эти письма. Когда его подвергли пытке, то он сознался, что ходил волновать народ, а писем никаких с ним не было, только Мазепа приказал ему разглашать о таких письмах, чтобы лиц, не сочувствующих его замыслам, привести в подозрение и немилость у государя. И это событие, вместе с известием о перехваченном письме Мазепы к Станиславу, царь огласил в своем манифесте, чтобы внушить в народе омерзение к злобе и коварству бывшего гетмана»[73].

Шведы после побега миргородского полковника стали подозрительно относиться к малороссиянам. Так показывали лица, одно за другим перебегавшие к русским и бывшие перед тем в Ромене.

За Апостолом хотел было уйти лубенский полковник Зеленский, но шведы узнали об этом и поставили во дворе его 50 караульных: одни стояли у ворот, другие в сенях, а третьи в доме. Под домашним арестом Зеленского держали до приезда в Ромен его жены, и только тогда он получил послабление. Генеральный есаул Максимович также находился под стражей за то, что хотел, по слухам, писать письмо к царю. И за другими старшинами был устроен караул по два человека шведских солдат за каждым. Больше доверия стали оказывать старшинам только тогда, когда их жены приехали к ним, но все-таки и после этого шведы наблюдали за теми и другими и не разрешали одновременно выходить из дома мужьям с женами.

У Мазепы всегда стоял почетный караул, как будто ради почета, а фактически гетман тоже находился под домашним арестом.

Главную силу Мазепы составляли компанейцы, которых у полковника Кожуховского было 500, а у полковника Андриаша – 150 человек. Из старшин близки были тогда к Мазепе – Орлик, Чуйкевич, Ломиковский и Горленко, остальные держались с ним на достаточной дистанции. Сам Мазепа, вернувшись из похода к Гадячу, постоянно болел и лежал в постели, обложившись пластырями.

Недоверие шведов к казацким старшинам уменьшилось лишь после окончания срока царской амнистии. Домашний арест лишил Мазепу возможности вести дальнейшие секретные переговоры с Головкиным.

С середины декабря начались постоянные военные действия между русскими и шведами. В Лебедине, в главной царской квартире, собрался военный совет, на котором военачальники составили план выгнать шведского короля из Ромен. Для этого вначале решили напасть на Гадяч – передовой пункт шведов. Таким образом русские надеялись выманить туда короля, рассчитывая, что со своим горячим характером он не удержится, чтобы не пойти на выручку своим, а тем временем, как он выйдет из Ромен,

отправить туда другой русский отряд и занять этот город. Недалеко от Гадяча уже стояло русское войско.

В 12 верстах от Гадяча находилось местечко Веприк, тогда оно было укрепленным городом. После занятия Гадяча шведами и мазепинцами вооруженные малороссийские мужики, не желая повиноваться Мазепе и предпочитая служить царю, просили помощи от русских. К ним пришел туда русский гарнизон из 1 500 солдат. По окрестным селам и хуторам расположился отряд генерала Рена. Этому генералу поручено было взять Гадяч, занятый неприятелем.

Как только Карл XII получил известие о концентрации русских войск под Гадячем, он двинул туда крупные силы. Русские войска, стоявшие под Гадячем, при приближении шведов сожгли предместье и ушли.

А тем временем русский генерал Аларт пошел на Ромен. План, составленный заранее в Лебедине, удался. Шведских войск в Ромнах не оказалось, и в ночь на 18 декабря русские беспрепятственно вошли туда. Мазепа за два часа до прихода русских убежал из Ромен и чуть было не попался в плен.

Роменские жители, по словам современника, обрадовались, но их радость была недолгой: солдаты стали грабить и бесчинствовать, на что их командиры смотрели сквозь пальцы, в результате чего были сожжены местечко и пригородные села. Впоследствии Петр послал туда специальную комиссию для производства следствия и наказания виновных.

Между тем, потеряв Ромны, Карл XII уже туда не вернулся, но решил оставить часть войска в Гадяче, а с другою частью идти дальше. Едва он дошел до селения Красная Лука[74], как ударили такие сильные морозы, что дальнейшее продвижение войска стало невозможным. Часть войска вернулась в Гадяч, но там не хватало теплых помещений. Город сам по себе был невелик, а туг еще русские недавно сожгли целую треть строений, и многие шведы вынуждены были за недостатком хат проводить ночи на снегу на улице.

Костомаров писал: «По общему свидетельству современников, в эту зиму по всей Европе была ужасная стужа. В Швеции снежные сугробы до такой степени были высоки, что захватили в себя деревья до самых вершин; все Балтийское море стояло покрытое льдом; в озерах вода замерзла до самого дна. В средней Европе погибли все плодовые деревья; даже в Италии и Испании, где обыватели никогда не видывали льда на реках, теперь замерзли реки и болота, и земля очень глубоко промерзла. В открытых украинских равнинах морозы были тем нестерпимее, что там свирепствовали бури и вьюги. Птицы падали на лету; повсюду валялось

множество замерзших диких животных. Снега нападало так изобильно, что за непроездными сугробами прекращались сообщения между жилыми местностями. Тогда от трех до четырех тысяч шведских воинов погибло от невыносимой стужи. Конные окоченевали, сидя верхом на лошадях, пехотинцы примерзали к деревьям или повозкам, на которые облокачивались в последние минуты борьбы со смертью. Сам король приморозил себе нос и должен был долго тереть его, пока не возбудил правильного кровообращения. Иные шведские солдаты думали согреться водкою, которой было большое изобилие в малорусском крае, но водка им не помогала: при ее содействии они только скорее делались добычею смерти. Город Гадяч обратился в лазарет, так как туда при возможности тащили полуживых от холода; из домов слышались раздирающие крики больных, которым хирурги отпиливали отмороженные члены, а перед домами валялись куски отрубленных человеческих членов и между ними ползали еще живые, но обезумевшие от боли и отчаяния калеки»[75].

Шведы повсеместно грабили местное население, а при малейшем сопротивлении прибегали к массовым репрессиям. Вот запись из дневника шведа Адлерфельда: «10 декабря полковник Функ с 500 кавалеристами был командирован, чтобы наказать и образумить крестьян, которые соединялись в отряды в различных местах. Функ перебил больше тысячи людей в маленьком городке Терее (Терейской слободе) и сжег этот городок, сжег также Дрыгалов (Надрыгайлово). Он испепелил также несколько враждебных казачьих деревень и велел перебить всех, кто повстречался, чтобы внушить ужас другим». Шведы придумали такой трюк: останавливаясь в деревне, давали за провиант деньги, а, уходя, отбирали их. «Таким образом, – пишет Адлерфельд, – мы постоянно находились в драке с обитателями, что в высшей степени огорчало старого Мазепу». Лютеране шведы демонстративно оскорбляли православные храмы – заводили туда лошадей и кололи иконы штыками, а то и вообще разогревали пищу на кострах из икон. Храмы нещадно и методично грабились. На иконах Полтавского Крестовоздвиженского монастыря шведы вырезали шахматные доски.

27 декабря 1708 г. Карл XII с четырьмя колоннами и без пушек подошел к городу Веприк и сходу повел солдат на штурм. Три приступа шведов были отбиты.

30 декабря шведы отступили и пошли к городку Зенькову. Там засели вооруженные мужики, не желавшие впускать ни шведов, ни русских. Они были постоянно пьяны и гонорились. Но городок Зеньков был укреплен слабо: вал невысок, ров неглубок. Вся городская стена состояла из

деревянного частокола. Шведы подожгли село и бросились разбивать городские ворота. Тогда осажденные сдались на милость победителя.

В Зенькове Карл XII встретил новый 1709 год. Морозы по-прежнему не отступали, но Веприк не выходил из ума у короля. 6 января, когда наконец чуть потеплело, король снова явился под Веприк и послал его коменданту требование сдаться, а в случае сопротивления грозил всех истребить без пощады. Комендант ответил в почтительном тоне, что он, сообразно воле своего государя, будет защищаться до последних сил, но надеется, что король, уважающий мужество своих воинов, оценит это качество и у врагов, если возьмет крепость после упорного сопротивления. Пользуясь ослаблением мороза, комендант приказал полить городские валы водой, и они покрылись ледяной корой. Ворота были завалены.

В полдень 7 января шведы начали приступ. Они приставляли лестницы, думая взобраться до гребня вала, окаймлявшего Веприк, но осажденные стреляли по ним и бросали камни, лили на них кипяток. Шведские ядра отскакивали от оледеневшего вала и наносили вред самим шведам. Вечером король приказал прекратить приступ, еще раз послал коменданту предложение сдаться, обещал оставить пленным все их имущество. При этом король отметил, что крепость не может остаться невзятой, когда подойдет подкрепление. И уж тогда шведы никого не оставят в живых.

Комендант согласился сдаться. Отворили ворота. Вошли шведы и взяли в плен 1 400 русских и 400 малороссиян. У них были только четыре пушки. Коменданта, родом шотландца, Карл принял ласково и оставил ему шпагу. Пленный гарнизон был отправлен в Зеньков, много пленных по пути погибло от мороза, но прибывшие в Зеньков получали хорошее содержание и почти не охранялись. Каждому из них король выдал по десять польских злотых.

Веприк по королевскому приказанию был сожжен майором Вильдемеером, а все малороссияне обоего пола по настоянию Мазепы пущены на свободу.

С этих пор Карл XII, лишившись Ромна, которым овладели русские, расположил свою главную квартиру в Зенькове. Войско разместилось по окрестностям: генерал Спарре с шестью пехотными полками стоял в Лютенке[76], весь обоз с канцелярией находился в Гадяче. Там же король поселил и Мазепу. Но 13 января они перешли в Зеньков.

Побывавшие в шведском стане недоумевали, почему Мазепу и в Зенькове постоянно сопровождал шведский караул, тогда как взятым в плен русским в Веприке дозволялось ходить всюду без караула.

Была надежда прибытия короля Станислава с поляками. Для перехвата войск короля Стася в декабре 1708 г. в Речь Посполитую был отправлен русский отряд под начальством генерал-фельдмаршала Генриха Гольца. У него имелось три пехотных и три драгунских полка. Чтобы не возвращаться более к действиям русских войск на территории Речи Посполитой, я немного забегу вперед.

В марте 1709 г. Гольц имел несколько стычек с отрядами бобруйского старосты Яна Сапеги. Замечу, что король Стась возвел последнего в чин великого гетмана литовского.

13 мая 1709 г. при Лудухове Голц наголову разгромил частную армию пана Огинского. По донесению Гольца, более двух тысяч поляков «легло на месте», до пятисот «погибли в лесах и во время преследования». У русских был убит поручик и 15 драгун, 42 человека получили ранения.

В сентябре 1709 г. шеститысячный отряд графа Потоцкого внезапно напал на один из отрядов Гольца и разбил его. Но Гольц собрал силы и гнал ляхов до границы с Венгрией.

Карл, не дождавшись войск короля Стася, посчитал необходимым выгнать русские войска из Гетманщины и перенести войну за ее пределы. Граф Пипер, всегда рассудительный и осторожный, а потому часто несогласный с планами своего взбалмошного короля, советовал уйти на Правобережье, то есть на территорию Речи Посполитой и там установить надежные сообщения с панами, поддерживавшими Лещинского. По мнению первого министра, ресурсы Правобережья плюс поставки продовольствия польскими панами помогут шведам не только продержаться, но и переформировать армию. «Через это, – говорил он, – король умножил бы свои силы, тогда как теперь в чужой стране, отрезанные от Швеции, они беспрестанно умаляются и отнюдь не пополняются». «Нет, – отвечал Карл, – отступление за Днепр походило бы на бегство; неприятель станет упорнее и высокомернее. Мы прежде выгоним из козацкой земли русских, укрепим за собою Полтаву, а между тем наступит лето и тогда оно покажет нам, куда направляться». Костомаров писал: «Мазепа со всех сил старался удерживать короля в Гетманщине и отклонить от совета переходить за Днепр. Это было естественно: переход на правую сторону Днепра показывал бы совершенное оставление той цели, с какой Мазепа затянул короля в Гетманщину, и его-то влиянию, главным образом, приписывали современники возникшее у короля желание во что бы то ни стало выгнать русских из Гетманщины и овладеть Полтавою»[77].

Хорош украинский патриот! На его родине идет кровавая война, обе

стороны грабят (реквизируют) и используют так* тику выжженной земли. Русские сжигают города, чтобы не достались шведам, а те – чтобы не достались русским. И вот возникает план увода шведской армии за Днепр в Речь Посполитую. Нетрудно догадаться, что большая часть русских войск последует за Карлом XII.

Ну а дальше население Гетманщины выигрывало бы в любом варианте. Устроит Карл Петру «Нарву» – остатки царских войск бегом промчатся по Гетманщине в Центральную Россию. Получат шведы «Полтаву» – русские уйдут на северо-запад Речи Посполитой или в Германию.

В любом случае тысячи жизней малороссиян на Гетманщине были бы спасены, я уж не говорю об огромном экономическом ущербе, нанесенном Левобережью кампанией 1709 года.

Но Мазепе плевать на судьбы старшины, казачества и поселян, ему куда важнее собственные амбиции. Иван Степанович прекрасно понимает, что за Днепром его значение в глазах шведов упадет до нуля. И что если даже какое-либо местечко в Речи Посполитой станет второй Нарвой, то ему все равно не быть гетманом. На Левобережье немедленно вместо Скоропадского изберут нового гетмана, благо желающих было более чем достаточно. И Карл захочет иметь дело с этим новым гетманом. А старика Мазепу пошлют куда подальше или, наоборот, будут держать под крепким караулом, дабы не вздумал мутить воду на Левобережье. Вот таким был реальный Мазепа, нынешний герой «оранжевого» эпоса. В ночь с 27 на 28 января 1709 г. Карл XII с двумя тысячами конницы отправился лесом к Опошне[78], где стоял русский генерал Шаумбург с шестью драгунскими полками, шестистами гренадерами и двумя тысячами казаков. Шведы овладели городком Опошней, взяли у русских много трофеев, захватили даже обед, приготовленный Шаумбургом для Меншикова, который прибыл туда, выехав из Ахтырки для обозрения Полтавы. Оба русских генерала едва успели унести ноги. Но из письма Меншикова к Петру 29 января видно, что успех шведов был непродолжителен, и русские быстро вернули Опошню.

Карл из Опошни двинулся к Котельве[79]. Русские отступили в Ахтырку. Карл вступил в Слободскую Украину со своими драбантами[80], с семью или восемью кавалерийскими полками и с полевой артиллерией. Русские ждали, что король пойдет на Ахтырку, укрепили ахтырский замок и сожгли предместья, чтобы не дать неприятелю в них закрепиться. В Ахтырке были оставлены три русских пехотных полка. А конная группа в

составе десяти драгунских полков под командованием генерал-лейтенанта Ренне отошла от Ахтырки в направлении на Белгород. 8 февраля Карл XII выступил из Котельны в направлении к Ахтырке и достиг деревни Хухры. Не планируя продолжать свое наступление вглубь России и довольствуясь уже достигнутыми результатами, Карл XII решил вернуться за реку Ворсклу, начав попутно опустошать прилегавшие к ней местности.

Высланная королем 9 февраля разведка выяснила, что Ахтырка занята тремя русскими пехотными полками и что русская конница перешла в Краснокутск. Поэтому Карл наметил для возвращения на правый берег Ворсклы окружной путь через Краснокутск, что облегчало снабжение шведской армии продовольствием из местных средств, приводило к опустошению более обширного района и, кроме того, давало возможность отодвинуть еще далее на восток русскую конницу, перешедшую в Карснокутск.

10 февраля Карл XII выступил из деревни Хухры против Ренне, который «постирунг имел» от Краснокутска до Городного. Подойдя к Краснокутску, король, находившийся впереди со своей кавалерией, атаковал построившийся за этим местечком в боевой порядок русский авангард (два драгунских полка генерала Шамбурга) и вынудил его отступить по направлению к Городному, где находился Ренне с остальными драгунскими полками.

Театр боевых действий в районе Краснокутска.

Ренне спешил часть отряда и поставил ее за засекой во рву южнее Городного, а другую, большую часть расположил севернее селения. Между тем разгоряченная преследованием быстро отступавшего русского авангарда шведская кавалерия по мере приближения к Городному растягивалась и теряла порядок. Часть полков опередила главные силы и следовала на плечах отступавших, другая часть отстала и могла подойти к Городному лишь с большим опозданием.

Впереди шведской кавалерии скакал король с драбантами и двумя полками – Дукерта и Таубе. Приблизившись к Городному и планируя охватить русских с обоих флангов, он разделил идущие впереди войска на две части. Один драгунский полк составил правую колонну и был

направлен южнее селения, а другой полк и драбанты под личным командованием Карла составили левую колонну и двигались в обход селения с севера. Правая колонна внезапно натолкнулась на устроенную Ренне засаду и пришла в расстройство, а прибывшие к русским на помощь несколько эскадронов дали возможность немедленно перейти к преследованию отхлынувшего противника и гнать его вплоть до Краснокутска.

Такая же неудача постигла и левую колонну, пытавшуюся атаковать правый фланг русских. Шведы в беспорядке бежали к Краснокутску, бросив своего короля, увлеченного рукопашным боем, лишь с небольшой кучкой драбантов.

По донесению русского командования, король остался только с несколькими драбантами, и лишь наступление ночи спасло Карла от гибели.

По шведским же данным, полковник Дукерт, прогнав русских в Городной, на обратной дороге наткнулся на русскую засаду, укрывшуюся возле болота за плетнями и кустарниками. Шведы обратились в бегство: сначала бежала орудийная прислуга, а за нею драгуны. Шведский генерал Крузе перехватил их, остановил, привел в порядок и повел туда, где находился король.

Увидев подходивших шведов, король с драбантами выскочили из укрытия и атаковали русских. Очевидец писал: «С величайшим изумлением мы смотрели, как его величество гнал врага и через наполненные водой, но не замерзшие болота, и по глубокому снегу через леса и высоты, причем полегло много врагов».

659 русских кавалеристов погибли по дороге от Краснокутска до Городного и еще 115 – на улицах Городного, где «его величество ворвался в середину русских». Все убитые «были пронзены шпагами драбантов». Шведы же потеряли 132 человека убитыми и ранеными.

Сражение у Краснокутска вызвало если не панику, то большое смущение в ставке царя в Белгороде. Петр немедленно оставил армию и поехал в Воронеж «укреплять город».

Теперь Карл XII мог легко выйти на дорогу на Белгород. Мазепа, находившийся в этом походе при короле, решил ему польстить: «Война для вашего величества идет очень счастливо: мы уже дошли только за восемь миль от рубежей Азии!» На что король ответил: «sed geographi non conveniunt (с этим не согласятся географы)».

Однако 13 февраля Карла вновь подвела погода. Внезапно наступила оттепель, разлились реки, и даже разразился «ужаснейший ливень» с

громом и молнией. А ночью подморозило, и промокшая одежда солдат превратилась в ледяную корку. Граф Пипер писал жене: «…армия находится в неописуемо плачевном положении».

12 февраля Карл пошел на Мурахву[81] и оттуда дал приказание сжечь городки Краснокутск и Городной, а жителей оттуда выгнать. Генерал Гамильтон опустошил и сжег несколько городков и слобод, лежавших в стороне, и в том числе городок Олешну (Олешню)[82], где шведы встретили сопротивление. Три кавалерийских полка шведов в пешем порядке штурмовали Олешну. Русский гарнизон был перебит, а комендант взят в плен. Началась полнейшая распутица, так что нельзя было идти в неведомый путь. Генералы убедили короля отказаться от своего намерения и вернуться в Гетманщину. Но и обратный путь не обошелся без трудностей и потерь. Берега Коломака уже походили на большое озеро. Река Мерла за полсуток покрылась водой. Мелкие речонки разливались с неимоверною быстротою. Снегу за зиму навалило очень много, и теперь от быстрого его таяния полились водные потоки. Пехота целыми днями шла в воде по колено, и если не удавалось к вечеру добраться до сухого места, то и ночь проводили в воде. Воды везде было так много, что невозможно было определить, где находятся реки и протоки, а на речках, покрывшихся водой, лед стал так хрупок, что многие шведские солдаты потонули вместе с лошадьми, наткнувшись нечаянно на реку, которой не могли заранее распознать среди залитого водой пространства.

От Коломака до Будищ на пути встретилось несколько длинных и высоких плотин, на которых гибли люди и лошади, особенно в темные ночи: стоило только на такой плотине споткнуться, и гибель была неминуема. На реке Мерле, когда еще шведы шли на Слободскую Украину, была большая плотина, а теперь от нее не осталось и следа, так что кавалерия переходила реку вплавь. Лошади плыли, положив головы на крупы передних лошадей. Много тогда потонуло лошадей и повозок. Переправа на Мерле длилась полтора дня.

На Ворскле шведские полки переправлялись вплавь с большими затруднениями в течение четырех суток. Ворскла изобиловала маленькими островками, вершины которых едва виднелись в воде, а между островками река была особенно глубока, и многие, попав в такие места, тонули. Король благополучно переехал Ворсклу на лошади вплавь в числе первых, его примеру следовали многие офицеры. Прибыв в Опошню, король приказал строить на Ворскле мосты для переправы остального войска и всего обоза. Много погибло шведов в этом походе, но те, которые вернулись целыми,

восхищались своим королем, который разделил все тяготы наравне с простыми солдатами.

В то время, когда король совершал свой бесполезный поход в Слободскую Украину, позади него, в Гетманщине, русские громили шведские гарнизоны. Еще в январе князь Григорий Долгорукий, находившийся в Нежине, послал генералмайора Гинтера взять Прилуки. Шведы, занимавшие этот город с конца ноября, ушли оттуда, не дождавшись прихода русских, а с ними вместе уехали находившиеся там семейства нескольких старшин, перешедших к Мазепе.

Гинтер занял Прилуки, поставил там коменданта и прислал к царю составленную им опись этого города, из которой стало ясно, что в Прилуках имелся довольно обширный замок или город с высоким валом и рвом около него, но вал требовал в некоторых местах починки. Прилуки страдали от недостатка воды, и в замке не было ни одного колодца. Генерал Гинтер приказал туда навозить льду, «дабы в самой последней нужде можно оный вместо воды употреблять».

Вслед за Гинтером явился назначенный царем прилуцкий полковник Нос и сразу же распорядился о сборе и доставке в Прилуки провианта. 22 января князь Долгорукий из Нежина послал туда солдатский Ямбургский полк с пушками, приказав командиру этого полка Вестову держаться в Прилуках до последнего.

Ревностным приверженцем царя был миргородский полковник, еще недавний сторонник Мазепы. Он активно боролся с неприятелем, отбивал шведские и мазепинские возы, взял Гамалею и своего зятя вместе с женами, которых везли шведы, сражался со своевольными разбойниками, которые бесчинствовали, пользуясь военным временем и суматохой.

Мазепа во многом рассчитывал на правобережных казаков, но обманулся. Не говоря уже о том, что белоцерковский полковник в числе первых объявил себя на стороне царя, в других городах то и дело ловили и доставляли русскому генералу Инфлянту Мазепиных комиссаров, то под видом чумаков, то под другими видами являвшихся для возмущения народа против царя.

В феврале фельдмаршал Шереметев отправил бригадира Бема с четырьмя драгунскими полками и с двумя батальонами лейб-гвардии, в числе которых были преображенцы, выгнать из Рашевки[82] стоявших там шведов. В Рашевке находился шведский полковник Албедиль с 325 драгунами, а к нему из Гадяча подошли еще 130 пехотинцев с артиллерийскими лошадьми и большим стадом скота под прикрытием капитана Дидрона. Албедиль со своими драгунами вышел к ним навстречу

и наткнулся на русских. Произошла схватка, Албедиль попал в плен, Дидрон погиб, а пытавшиеся спастись бегством были переловлены и перебиты мужиками. Тогда Шереметев решил взять Лохвицу, где стоял шведский генерал-поручик Крейц и куда для безопасности Мазепа отправил свою текущую гетманскую казну. В Лохвицу пришли шведы, ушедшие из Прилук. Там же находились семьи перешедших к Мазепе казаков, которые последовали за шведами из Прилук. Генерал Крейц понимал, как важно было охранить гетманскую казну и не выпускать из рук казацких жен, ставших заложницами верности шведскому королю своих мужей. Крейц вышел из Лохвицы, перешел Хорол, потом Псел в Савинцах[84]. Русские пытались помешать переправе шведов и захватили несколько возов, в том числе и с мазепинской казной. Здесь-то и отличился миргородский полковник, захвативший в плен, как уже говорилось, двух соучастников Мазепы – генерального есаула Гамалея и своего зятя Андрея Горленка, сына прилуцкого полковника. Оба уверяли, что следовали за шведами с намерением уйти от них и перейти к русским.

Крейц стал в Решетиловке[85]. За Крейцем оставили свои позиции шведы, стоявшие в Камышне[86], в Зуеве[87], в Лютенке[88], – и все пошли к главному войску, которое расположилось вдоль правого берега Ворсклы, а главная квартира былаперенесена в Великие Будищи[89]. Шереметев стоял в Голтве[90]. Таково было расположение враждебных войск в марте 1709 года. Полномасштабных боевых действий не ожидалось до окончания половодья, которое на Левобережье прекращается только в июне. До этого низменные места заливались водой, и даже прерывалось сообщение между жителями различных местечек.

Глава 13.
Запорожцы начинают и… проигрывают

А сейчас мы ненадолго отвлечемся от походов Карла и поговорим о делах малороссийских. Начну с судьбы семейств казенных Кочубея и Искры. Они содержались Мазепой под крепким караулом в гетманском замке в Батурине. Далее происходит их таинственное бегство из замка при подходе отряда Меншикова. Если верить Костомарову, «вдовы казненных Кочубея и Искры были кем-то предуведомлены об этом, вышли переодетые вместе с меньшим сыном Кочубея, Федором, сели в повозку под видом черниц и выехали из города, а дочь Кочубея Прасковия с прислугою, переодевшись в платье простолюдинки, вышла пешком и соединилась с остальными за городом»[91].

Прав или неправ Костомаров, неясно. Но главное для нас факт, что все, кто хотел, от полковника Чегеля до семейств Искры и Кочубея, сумели из Батурина выбраться. Бежавшая из Батурина семья Искры уехала в село Шишаки[92] – маетность пана Кулябки, женатого на одной из дочерей миргородского полковника Апостола. Оттуда семейство Искры пробралось в Сорочинцы – маетность Апостола. Там уже нахо** дился старший сын Кочубея Василий с женой, туда же съехались и другие родственники. Пробыв в родном кругу несколько дней, они разъехались: Василий Кочубей с женой, тещей и своей сестрой Анной Обидовской уехал в Крылов, а вдова Кочубея и ее сестра – вдова Искры с давним приятелем дома Кочубеев Захаржевским поехали на Слободскую Украину и остановились в Ровненском хуторе[93] на Коломаке, принадлежавшем Искре. Туда прискакал их родственник Жученко и привез письмо от Меншикова, написанное из Конотопа к сыну казненного Кочубея. В письме говорилось: «Господин Кочубей! Кой час сие письмо получишь, той час поезжай до царского величества в Глухов и возьми матку свою и жену Искрину и детей, понеже великая милость государева на вас обращается». По царскому указу гетман Скоропадский издал универсал, которым возвращались вдове Кочубея с детьми и ее сестре, вдове Искры, оставшейся бездетной, все маетности покойных мужей и даже с небольшой прибавкою новых. 16 декабря 1708 г. были пожалованы маетности разным войсковым старшинам: Андрею Лизогубу, Ивану Бутовичу и другим. Также Петр издал указ «об охранении малороссийских обывателей от бесчинств и самовольств великороссийских

солдат», которые без офицеров, малыми партиями самовольно вторгались в местечки и селения, отнимали у жителей хлеб, всякую живность, лошадей, резали скот, забирали даже одежду хозяев. Тогда-то вспомнили об одной из прежних жертв Мазепы – о Палее, томившемся в Енисейске. Идею вернуть Палея нежинские старшины подали находившемуся там князю Григорию Долгорукову, а тот сообщил об этом царю. Петр издал указ о возвращении Палея. А теперь настало время поговорить и о Запорожском войске – одной из главных сил в Малороссии. Еще раз напомню, что хотя титул Мазепы звучал как «Гетман Войска Запорожского», ни ему, ни другим малороссийским гетманам запорожцы не подчинялись. Запорожцы постоянно конфликтовали с Мазепой. Они неоднократно писали, что прежние гетманы были им отцами, а Мазепа стал отчимом. По словам известного украинского историка Д.И. Яворницкого, «идеалом простой казацкой массы было сохранить вольности предков, но под верховенством “доброго и чадолюбивого монарха российского”»[94].

Петр понимал это и 30 октября 1708 г. сразу после получения известия об измене Мазепы написал в Сечь на имя кошевого атамана Кости Гордиенко грамоту, в которой увещевал запорожцев пребыть верными русскому престолу и православной вере, за что обещал «умножить» к ним свою милость, которой они раньше были лишены из-за наветов на них со стороны коварного Мазепы, обвинявшего их в неверности русскому престолу.

12 ноября 1708 г. царь отправил в Сечь новую грамоту, в которой внушал запорожцам не слушать «прелестей» Мазепы, твердо стоять за православную веру и своего великого государя, слушать нового гетмана Ивана Ильича Скоропадского, о чем он будет по царским указам писать войску. И за это запорожцам посылалось царское жалованье «на каждый курень по 1 500 золотых украинских на каждый год сверх прежнего настоящего годового жалованья».

Грамоту привезли царские стольники Гаврила Кисленский и Григорий Теплицкий. Также они привезли 500 червонцев для кошевого атамана, 2 000 червонцев для старшины и 12 тысяч червонцев для куренных. Как особую царскую милость Петр через своих посланцев обещал прислать запорожцам войсковые клейноты – знамя, бунчук, литавры и трости – кошевому атаману и войсковому судье.

Вместе с царскими стольниками прибыл и посланник от гетмана Скоропадского – сотник Василий Савич, а от киевского митрополита – архимандрит Межигорского монастыря Ирадион Жураховский.

Возник раскол: старые казаки стояли за Петра, молодые же во главе с

кошевым атаманом Костей Гордиенко были против. Молодость победила на Раде. Казаки отобрали у прибывших в Сечь царских послов деньги, а самих послов обругали. Архимандрита Жураховского обозвали «шпигом» (шпионом) и грозились сжечь его в смоляной бочке, а остальных посланцев грозились убить или утопить.

Надругавшись таким образом над царскими посланниками, запорожцы написали Петру письмо, в котором, «не щадя государя за прежние его к ним враждебные отношения, чиня досадительные укоризны и угрозы, многие неприличные запросы, с нареканием и безчестием на самую высочайшую особу царя», предъявили к нему следующие требования:

1) Чтобы всем малороссийским полковникам не быть, а быть бы на Украине вольнице, как и в Сечи. 2) Чтобы все мельницы по речкам Ворскле и Пслу, а также перевозы через Днепр у Переволочны, запорожцам отдать. 3) Чтобы все царские городки на Самаре и левом берегу Днепра у Каменного Затона срыть. Таким образом, запорожцы предлагали провести кардинальные изменения в Малороссии, но они непосредственно не задевали интересов России, да и лично царя. Однако личные амбиции Петра не позволили ему принять предложение запорожцев или хотя бы взять его за основу для переговоров. Максимум, на что был готов царь, – на подарки старшине и жалованье Войску Запорожскому. Русские войска начали занимать позиции для борьбы с запорожцами. Понятно, что и Мазепа попытался привлечь запорожцев на свою сторону. Он отправил в Сечь «знатную особу» с универсалом и с листом для всего низового Запорожского войска. В универсале Мазепа извещал «славных молодцов» о том, что «передался на сторону шведского короля с той целью, чтобы защитить Украйну от тирании московского царя, который не раз говорил ему, Мазепе, что сделает все, чтобы истребить войско запорожских казаков, это скопище, на его языке, воров и негодяев. Гетман отлично знает, что москали, отступая перед шведским королем, сами завлекли его на Украйну, но его величество шведский король не имеет никакого дурного намерения относительно запорожского войска. Запорожцы должны воспользоваться таким счастливейшим случаем, свергнуть с себя иго московское и сделаться навсегда народом свободным. По всему этому гетман советует запорожцам разорить [украинские] крепости Каменный Затон и Самарские Городки. Независимо от посылки в Сечь “знатной особы” Мазепа вступил в тайную переписку с Кошем через “писаря войска запорозкаго низового кошового”, Григория Рогулю. Сам же Рогуля отсылал свои листы журавлевскому сотнику Демьяну Якубовичу, которого просил “доложить ясновельможному о сем, як будут в Сечи послы от наияснейших милостей,

королей шведского и польского посылати, то щоб писма поруску писали для нашое невместности и для войскового латвейшого вирозумления”»[95].

Запорожцы, получив гетманский лист, долго обдумывали предложение Мазепы и выставили ему несколько условий, изложив их в обстоятельном письме: «…велможность ваша панская, с общаго согласия и полного совета с генеральными особами, полковниками и иною войсковою старшиною разсудили и усмотрели отдаться под протекцию, опеку и оборону найяснейших королей их милостей шведского и полского».

По поводу просьбы Мазепы напасть на Каменный Затон и Самарские городки запорожцы отвечали: «…мы, кошевой атаман и все войско запорожское низовое, сим листом нашим войсковым объявляем, что в настоящее время, в виду того, что очень мало войска на Коше и без него не может быть общей войсковой рады, мы отправили нарочно на Низ посланного нашего, чтобы все войско собралось до Сичи и вместе сошлось к предстоящему празднику святителя Христова Николая. Мы просим и желаем, чтобы к тому дню, к празднику святителя Христова Николая [6 декабря], присланы были особы от наияснейших королей их милостей шведского и полского и от вельможности вашей для словесной совершенной умовы [договора] и доскональных прогиворов войсковых, потому что мы, войско запорожское, отдалившись от царя московского, желаем знать, под кем будем жить и кого себе за верховнейшего пана иметь и чтобы нам права и волности и клейноты войсковыве и иныя дачи получить, как за давних королей полских войско имело у себя…».

Замечу, что Мазепа не зря пытался спровоцировать запорожцев на нападение на Каменный Затон и Самарские городки. С одной стороны, эти укрепленные пункты не имели никакого значения в русско-шведской войне, поскольку были крайне удалены от театра военных действий. С другой стороны, для запорожцев эти малые крепости давно были как кость в горле. Для Мазепы же был важен сам факт вступления Запорожского войска в войну с царем.

В конце декабря 1708 г. бунчуковый товарищ Иван Черняк, посланный из Малороссии в Крым с известием о выборе нового гетмана Ивана Ильича Скоропадского, ехал через Запорожье со своими спутниками Семеном Васильевичем Ечемчуком и Григорием Савичем. В саму Сечь они прибыли вечером накануне Рождества и были хорошо приняты запорожцами. Черняк подал кошевому атаману письмо от гетмана, которое кошевой прочел вслух перед всем войском на Раде. В письме говорилось, чтобы запорожцы не верили Мазепе и не соглашались с ним. По прочтении письма кошевой отослал Черняка с Радной площади на постоялый двор, а сам вместе с

войсковым судьей бросил свою шапку на землю, на шапку положил войсковую трость и объявил всем, что он отказывается от своего чина и сдает его другому. Войско же стало кричать, зачем кошевой оставил свой чин, или он хочет служить Мазепе, а не царю? Казаки подняли трость с земли и насильно вручили ее кошевому. Тогда кошевой, взяв трость, стал кланяться войску на все стороны и говорить: «Ныне кому мы будем служить, и понеже прежде были письма от Мазепы, а теперь от нового гетмана Скоропадского». На это все запорожцы закричали, что они должны служить царю, как единоверному государю, при котором обретаются их отцы и сродники. Кошевой, продолжая кланяться войску, сказал: «Зело добро, что вере святой православной произволяетесь».

Через два дня запорожцы вновь собрали Раду и, призвав Черняка, потребовали от него письма, которые он вез в Крым от Скоропадского, чтобы узнать, не написано ли там что плохого о запорожцах. Черняк письма казакам отдал, казаки прочли и убедились, что в них ничего противного Войску Запорожскому не содержалось. Тогда казаки запечатали гетманские письма, отдали их Черняку и, дав ему трех провожатых из старых и надежных казаков с собственным письмом к хану, с честью отпустили его в Крым.

Во время пребывания Черняка и его спутников в Сечи там было собрано почти все Войско Запорожское в полной боевой готовности.

Иван Черняк уехал в Бахчисарай, а два его спутника – Григорий Савич и Семен Ечемчук – отправились из Перекопа обратно в Глухов. При проезде через Сечь их «ласково» встретил Костя Гордиенко. Вместе с Ечемчуком и Савичем кошевой атаман отправил двух запорожских полковников с письмами от войска к царю Петру. В них запорожцы повторили свою давнюю просьбу о снесении Каменного Затона и Самарских городков, за что выражали свою готовность, все до последнего человека, идти на службу царского величества, куда приказано будет.

Как видим, запорожцы долго колебались. Спору нет, на Раде в Сечи много говорили о притеснениях царем малороссов и запорожцев. Но на самом деле это была сплошная демагогия. Тон задавали молодые казаки – «гультяи», как их называли. Они 9 месяцев назад порывались идти в поход с Булавиным, и, кстати, многие пошли с Кондратом на Дон. Так может, Булавин и Некрасов тоже воевали за «незалежну Украину»? Понятно, что «молодым казакам» до смерти хотелось пограбить, а кого – это дело десятое.

Чтобы представить себе ситуацию в Сечи в конце 1708 г. – весной 1709 г., следует сказать пару слов о социальном расслоении запорожцев.

Запорожцы в XVI веке создали миф о равноправии и братстве всех запорожских казаков и старались поддерживать его в последующие века. Да, чисто формально все казаки были равны. Выборы атаманов и гетманов действительно были более демократичные, чем сейчас наши президентские и думские выборы. Однако реальная власть, большей частью скрытная, находилась в руках «знатных старых» казаков.

Древние мифы запорожского казачества крайне пригодились в XX веке как советским, так и националистическим историкам. Первые доказывали, что действия казаков были исключительно элементом классовой борьбы крестьян против феодалов, а вторые утверждали, что как запорожские, как и реестровые казаки представляли собой особый класс украинского народа, который боролся за национальную независимость «вильной Украины» в границах 1991 года. Как видим, цели у «совков» и националистов были разные, а мифологию они создавали примерно одинаковую.

Вопреки устоявшимся взглядам, многие запорожцы были… женаты и жили не в Сечи, а в зимовниках, то есть на хуторах, расположенных на Великом лугу. Жившие в зимовниках казаки занимались хлебопашеством, скотоводством, торговлей, ремеслами и промыслами и потому назывались не «лыцарями» и «товарищами», а подданными или посполитыми сичевых казаков, «зимовчиками», «сиднями», «гниздюками». Помимо этого сичевые казаки звали сидней в насмешку «баболюбами» или «грегносиями».

Тем не менее сидни, как писал Яворницкий, «несмотря на то, что были женаты, обязаны были нести воинскую службу беспрекословно; в силу этого каждому женатому козаку вменялось в обязанность иметь у себя ружье, копье и “прочую козачью сбрую”, а также непременно являться в Кош “для взятья на козацство войсковых приказов”; кроме воинской службы, они призывались для караулов и кордонов, для починки в Сичи куреней, возведения артиллерийских и других козацких строений. Но главною обязанностью гнездюков было кормить сичевых козаков. Это были в собственном смысле слова запорожские домоводы: они обрабатывали землю сообразно свойству и качеству ее; разводили лошадей, рогатый скот, овец, заготовляли сено на зимнее время, устраивали пасеки, собирали мед, садили сады, возделывали огороды, охотились на зверей, занимались ловлею рыбы и раков, вели мелкую торговлю, промышляли солью, содержали почтовые станции и т. п. Главную массу всего избытка зимовчане доставляли в Сичь на потребу сичевых козаков, остальную часть оставляли на пропитание самих себя и своих семейств»[96].

Тот же Яворницкий писал: «Как велико было у запорожских козаков количество лошадей, видно из того, что некоторые из них имели по 700

голов и более… Однажды кошевой атаман Петр Калнишевский продал разом до 14 000 голов лошадей, а у полковника Афанасия Колпака татары при набеге увели до 7 000 коней… …В одинаковой мере с коневодством и скотоводством развито было у запорожских козаков и овцеводство: у иного козака было до 4 000, даже по 5 000 голов овец: “рогатый скот и овцы довольно крупен содержат; шерсти с них снимают один раз и продают в Польшу”»[97].

Может ли один человек, без жены и детей, пусть даже не занятый походами и пьянством, обслуживать 700 лошадей или ** 5 000 овец? Понятно, что нет. Кстати, и Яворницкий пишет: «…овечьи стада назывались у запорожеских казаков отарами, а пастухи – чабанами, – названия, усвоеные от татар»[98].

Итак, экономика Войска Запорожского держалась на тысячах гниздюков (сидней) и сотнях или тысячах чабанов.

Понятно, что старшина, то есть богатые запорожцы, могли безбедно жить и в мирное время, а каково молодым (бедным) казакам, жившим в Сечи в куренях-казармах? Питались они если не впроголодь, то весьма скудно. Женщин в саму Сечу (имеется в виду крепость, а не территория Войска Запорожского) действительно не пускали под страхом смертной казни. Так что молодым казакам (не по возрасту, а по положению) оставалось целыми днями слушать бандуристов, играть в карты, в кости и мечтать о походах, славе, а главное, богатой добыче. С конца XV века главным источником добычи запорожцев были крымские татары и турки. Казаки регулярно грабили Крым и все Причерноморье – Сухум, Трапезунд, Синоп, Варну и т. д. Периодически они появлялись даже на берегах Босфора. Но, заключив в 1700 г. мир с Турцией, царь Петр под страхом строжайших кар запретил казакам нападать на крымских татар и турок. И вот восемь (!) лет запорожские молодые казаки были без походов и добычи. Мелкие грабежи татар и проезжих купцов не в счет. Какое тут «антиколониальное восстание»! Оголодавшие гультяи были готовы идти в поход «за зипунами» с кем угодно – с Булавиным, Мазепой, Карлом XII, да хоть с самим Люцифером. Ситуацию в Сечи понимали в ставке Петра. 21 февраля 1709 г. граф Шереметев «предписал гетману Скоропадскому послать в города и местечки по батальону от пехотных полков и при них “от кумпании” по собственному рассуждению, а во все места, удобные для сооружения мостов и перевозов, велел отправить легкие партии за реку Псел для поисков над запорожцами… Царь Петр Алексеевич извещал князя Меншикова, находившегося в то время в городе Харькове, что

запорожцы собрались близ крепости Новобогородицкой на реке Самаре и что поэтому нужно опасаться, как бы они не причинили ей чего-нибудь дурного, а также как бы они не были проведены своим кошевым атаманом и войсковым судьей через Переволочну на соединение к шведам. Поэтому государь приказывал князю поставить в удобном месте ингерманландский русский полк, “дабы иметь око на их поход”; также, если возможно, прибавить в Новобогородицкую крепость и в Каменный Затон полка два или больше того гарнизонного войска; в самой же Сичи постараться переменить через посредство миргородского полковника Даниила Апостола главную старшину – кошевого атамана и войскового судью»[99].

В самом начале марта 1709 г. царь писал князю Меншикову: «Запорожцы, а паче дьявол кошевой, уже явные изменники стали, и зело опасно Богородицкова не для города, но для артиллерии и амуниции, которой зело там много, а людей мало; того ради зело потребно один конный полк, хотя из тех, которые с Кампелем, послать в оную, и велеть оному там побыть, пока из Киева три полка будут в Каменный Затон, из которых велеть сот пять водою туда отправить на перепену сему конному; впрочем извольте сами сему подобных дел смотреть; ибо я, отдаления ради, не всегда и не скоро могу слышать все»[100].

Чтобы сломить сопротивление старых запорожцев, твердо стоявших за Петра, кошевой атаман Гордиенко сделал хитрый ход. Он собрал до тысячи молодых казаков, взял в Сечи девять пушек и пошел к крепости Переволочне, где стоял гарнизон Войска Запорожского во главе с полковником Нестулей. Замечу, что все эти действия Гордиенко произвел в инициативном порядке, без санкции Рады в Сечи. Мало того, Гордиенко устроил у Переволочны незаконную Раду. В ней приняли участие уже упомянутые тысяча гультяев из Сечи и пятьсот казаков из гарнизона Переволочны. Туда уж прибыли ехавшие в Сечу мазепинские посланцы – генеральный судья Чуйкевич, киевский полковник Мокиевский и бунчуковый товарищ Федор Мирович, сын переяславского полковника. «12 марта в субботу собрали раду. Прочли длинное послание Мазепы. В нем излагались разные тягости, которые терпела Украина от московского ига, а для Запорожья эти тягости выставлялись еще чувствительнее. Мазепа уверял, что сам слышал, как царь говорил: “Надобно искоренить этих воров и злодеев запорожцев”. У шведского короля, объяснял Мазепа, нет вовсе злых умыслов ни против Украины, ни против Запорожья. Король только преследует своих неприятелей – москалей, которые сами раздражили шведов, а теперь не в силах противостоять им и бросились на Украину, где

поступают хуже, чем шведы, которых выставляют чужими неприятелями. Запорожцы вместе с малороссиянами должны радоваться прибытию шведского государя, потому что оно подает всем возможность свергнуть с себя московское ярмо и стать свободным, счастливым народом. Затем в послании Мазепы приводилась прежняя сказка о намерении царя перевести малороссиян за Волгу. Мазепины посланцы привезли кошевому деньги. Костя Гордиенко тотчас же стал раздавать их товарищам, и те, выслушавши письмо Мазепы, кричали: “За Мазепою, за Мазепою!” “Правда, – рассуждали тогда на этой раде, – царь прислал в Сечу деньги, но за это мы не должны служить царю против шведского короля и Мазепы: деньги, присланные к нам, были прежде отняты москалями у наших же братьев козаков”. Вероятно, они разумели тут удержание назначаемого в Сечь жалованья по поводу бывшей жалобы турецкого паши за грабеж греческих купцов. Сильно подействовало на запорожцев и полученное письмо крымского хана: он подавал совет держаться гетмана Мазепы и обещал помогать запорожцам в нужде. Нестулей с своими товарищами, бывшими в Переволочне, несколько было поупрямился, но потом склонился на сторону Мазепы. Костя Гордеенко написал к шведскому королю, что все запорожцы на его стороне, испрашивают его покровительства, готовы на всякие усилия для восстановления своей свободы и молят Бога об успехах шведского короля»[101].

По настоянию кошевого атамана к шведскому королю была отправлена депутация из запорожцев с этим письмом.

А пока посланцы Гордиенко гостили у шведов, начались стычки русских с запорожцами. Так, у местечка Царичанки 800 запорожцев атаковали бригадира Кампеля, у которого было три полка драгун (три тысячи человек). Запорожцы изрубили 100 драгун и 115 захватили в плен, потеряв своих только 30 человек. Молодые запорожцы и примкнувшая к ним малороссийская вольница составили почти 15-тысячное войско. Запорожцы вскоре овладели городками по рекам Орели, Ворскле и Днепру, и везде оставляли в них по сильному гарнизону. 26 марта прибыл к Будищам сам Костя Гордиенко с товарищами. За полмили до Будищ Мазепа послал к ним навстречу двух полковников с двухтысячным отрядом, чтобы провести их в Диканьку, куда Мазепа приглашал Костю на свидание. Костя Гордиенко вошел в дом, где уже находился Мазепа (вероятно, это был дом Кочубея). Запорожских гостей встретили мазепины старшины, и Костя Гордиенко в знак уважения склонил перед ними свой бунчук. В другой комнате стоял Мазепа перед столом, на котором лежали знаки его гетманского достоинства. Гордиенко поклонился ему, склонил перед ним

свой бунчук и сказал: «Мы уверены, что с этой целью, а не для ваших собственных выгод, не из каких-нибудь приватных видов решились вы прибегнуть к протекции шведского короля. Мы хотим верно вам содействовать, мы разом с вами будем жертвовать и кровию, и жизнию своею, будем во всем повиноваться вам, лишь бы достигнуть желанной цели». Мазепа заявил запорожцам: «Я по долгу чести и сердечной любви не могу сложа руки оставлять этот край на произвол неправедного угнетателя. Мне слишком известно, что царь намеревался переселить нас всех в иной край, а вас, запорожцы, всех повернуть в драгуны и ваши жилища разорить дотла. Если вы, запорожцы, еще сохранили вашу свободу, то этим обязаны вы только мне, Мазепе. Если бы замысел царский осуществился, вы все были бы перевязаны, перекованы и отправлены в Сибирь. Уже Меншиков двигался с ужасающею силою войска, и нужно признать особое руководительство Провидения над нами, что в эту самую пору шведский король вступил в наш край и подал всем доброжелательным людям надежду на освобождение от угнетателей. Я счел своим долгом обратиться к шведскому королю и надеюсь, что Бог, избавивший нас недавно от опасности, поможет нам свергнуть с себя постыдное иго. Будемте заодно, запорожцы! Я обяжусь вам присягою, а вы с своей стороны присягните мне в неизменной верности и дружбе»[102].

Как видим, вся речь Мазепы – дикая и беспардонная ложь. Спору нет, Петр сурово покарал казаков за измену, но у него и в мыслях не было обращать в драгун ни запорожских, ни донских казаков. Замечу, что и через 65 лет Екатерина II разгонит Сечь, но запорожских казаков не будет отдавать в драгуны, а просто распустит их – кто куда хочет. В результате кто вступит в Черноморское казачье войско, а кто уйдет строить Сечь на Дунай, в туретчину. Но повторяю, и в 1775 г. речь о насильственном обращении казаков в драгун идти не будет.

Ну а то, что, по мнению Мазепы, Провидение привело Карла в Малороссию, не нуждается в комментариях. Достаточно вспомнить, что, узнав о движении в Малороссию шведского короля, Мазепа сказал: «Дьявол его сюда несет… на погибель нашу!»

После торжественной части началось застолье. Захмелевшие запорожцы начали грабить дом. Их пытался пристыдить дворецкий. «Запорожцы не стерпели таких замечаний от человека, которого происхождение считали низким, и пожаловались своему кошевому. Гордиенко вообразил, что обида была сделана умышленно ему лично и что сам Мазепа напустил дворецкого. В досаде Гордиенко приказал всем запорожцам седлать лошадей и хотел с ними уезжать, не простившись с

гетманом. Но Мазепа узнал об этом в пору и послал к Гордиенку сказать, что сожалеет о случившемся беспорядке, а чтобы доказать свою невиновность в этом деле, готов им отдать дворецкого на расправу. Такая снисходительность успокоила Гордиенка и его товарищей. Дворецкий был им выдан головою. Запорожцы повалили его на землю, топтали ногами, перебрасывали его между собою от одного к другому, наконец один из них ударил дворецкого ножом в живот, и дворецкий умер под этим ударом.

На другой день после того Гордиенко с 50 товарищами представлялся королю в Будищах. Все были допущены к королевской руке. Представили королю приведенных с собою 115 русских пленных, взятых в Цариченке. Гордиенко произнес речь, выражал благодарность королю за обещание покровительствовать им и всей Украине против общего врага. Государственный секретарь Гермелин от имени короля произнес им ответ на латинском языке, а комиссар Сольдан перевел его. В этом ответе уверяли запорожцев в неизменной благосклонности к ним короля и поставляли им на вид, как много хорошего могут они получить, если воспользуются представившимися обстоятельствами, чтоб утвердить свою старинную вольность; воздали, наконец, запорожцам хвалу за их храбрость, оказанную в Цариченке. “Мы, – сказал Гордиенко, – уже послали с сотню москалей крымскому хану напоказ и надеемся, что когда их увидят татары, то станут с ними заодно”.

В продолжение нескольких дней по королевскому приказанию угощали запорожцев; те, которые воевали в цариченской битве, получили 1 000 золотых в разделе между собою. Гордеенко и старшины получили еще особо суммы от короля при открытом письме, которое надлежало прочитать в Сече на раде: иначе сечевики стали бы домогаться, что и эти суммы следует разделить между всеми поровну, как обыкновенно у них делилась добыча. Мазепа от себя подарил запорожцам 50 000 золотых в раздел, а сечевым старшинам особо каждому немалые суммы. Запорожцы и украинские козаки заключали между собою обязательство действовать взаимно, и Мазепа, как гетман козацкий, за все украинское козачество присягнул на Евангелии и на распятии, в котором вложены были частицы святых мощей. Мазепа сделался опять нездоров, не выходил из покоев и произнес присягу у себя. Запорожцы присягали в будищанской церкви»[102].

После свидания с Мазепой в Диканьке и представления Карлу XII запорожцы 30 марта выехали из Великих Будищ и решили спуститься в Новосанджары ниже Полтавы, где и расположились станом. «Группа казаков во главе с кошевым Гордиенко в сопровождении шведов проходила в нескольких сотнях метров от полтавского вала. Оттуда полетели русские

ядра. Кошевой в ответ приказал сотне казаков приблизиться к городу. Сотня казаков приблизилась на расстояние 500 шагов (около 170 метров) и выстрелила в москалей. Выстрел этот оказался столь метким, что 40 человек русских солдат свалились замертво. В это же время один из запорожцев, заметив на башне русского офицера в мундире с галунами, пустил в него один выстрел и тем выстрелом свалил замертво несчастного офицера»[103].

Замечу от себя, что дело тут не только в уменье запорожцев. Дело в том, что у гладкоствольных ружей меткость и баллистика зависят от качества их исполнения в несколько раз больше, чем у нарезного оружия. Запорожцы же крайне ревниво относились к своему огнестрельному оружию, многие из них имели очень дорогие ружья, обеспечивавшие точный бой. Не исключено, что у запорожцев были и нарезные ружья. Важную роль играло качество пуль и пороха, а также точность взвешивания зарядов. Понятно, что у запорожцев они были куда выше, чем у русских солдат. Другой вопрос, что скорострельность у солдат была выше.

От Полтавы отряд Гордиенко двинулся в Новосанджары, где и стал лагерем. Это местечко находилось между расположением шведской армии и границей земель Войска Запорожского.

Часть казаков Гордиенко перебежала в царское войско. Да и сам Гордиенко, вернувшись от короля и Мазепы в Сечу, говорил на пути жителям: «Разглядел я этих шведов, – полно при них служить! Мне теперь кажется, лучше нам попрежнему служить царскому величеству».

Как уже говорилось, значительная часть запорожских казаков осталась в Сечи. Миргородский полковник Даниил Апостол хорошо знал правила запорожцев. И он в инициативном порядке посылает в Сечь своих старшин – бывших запорожцев – с деньгами и письмами, а также с наказом любым способом свергнуть кошевого атамана и войскового судью «и во всех противностях учинить диверсию». Старшины должны были публично, на войсковой Раде, объявить всему Войску Запорожскому, что кошевой атаман и войсковой судья перешли на сторону Мазепы не потому, что считали его правым, а потому, что были подкуплены изменником.

По прибытии посланников в Сечь там была собрана войсковая Рада, на которой сразу же образовались две партии – «старых казаков», стоявших за царя, и «молодых казаков», выступавших против царя. Последние одержали верх. Решено было письмо, привезенное посланцами Апостола, отправить с войсковым есаулом к Гордиенко, а самих посланцев задержать в Сечи. И все время, пока посол ездил к Гордиенко, запорожцы держали

апостольских посланцев прикованными к пушкам за шеи и постоянно грозили им смертной казнью. Но так как руки у пленников оставались свободными, они сумели освободить друг друга и бежать из Сечи.

После бегства апостольских посланцев в Сечи снова собралась войсковая Рада. На этот раз партия «старых казаков» взяла верх над «молодыми», и решено было стоять за русского царя, а к кошевому Гордиенко отправить о том письмо с семнадцатью посланцами. В письме запорожцы сваливали всю свою вину на Гордиенко и отказывались повиноваться ему как кошевому: «Как ты делал, так и отвечай; ты без нас вымышлял, а мы, верные слуги царского величества, выбрали себе вместо тебя другого кошевого». И действительно, сичевые запорожцы заочно лишили Гордиенко звания кошевого атамана и вместо него выбрали Петра Сорочинского. Новый кошевой отправил запорожцам в Переволочну и в другие места письмо с советом не приставать к Гордиенко, а ждать известий из Сечи. Меншиков, находившийся в Харькове, получил известие об этом письме 5 апреля 1709 г. и сообщил о происшедшем в Сечи царю. Петр же в это время был в Воронеже. Он все еще не терял надежды удержать за собой по крайне мере тех запорожцев, что оставались в Сечи, поэтому приказал написать 7 апреля для них новый увещевательный лист и отправить им. Там говорилось, что «царское величество получил известие в городе Воронеже об измене кошевого атамана Костки, но надеется, что такое дело произошло от некоторых бездельников помимо воли искрение преданных русскому престолу запорожцев. Поэтому царское величество приказывает верным запорожцам, согласясь вместе, выбрать другого “доброго” кошевого атамана, учинить присягу на верность русскому престолу и прислать в город Воронеж некоторых полковников или знатнейших старшин; туда же доставить всех противников и изменников во свидетельство верности царскому величеству; за такую нерушимую верность царское величество обещает наградить войско своей высокою милостию. По избрании же нового кошевого атамана товариство должно своими универсалами объявить о нем всему войску, дабы по тому объявлению верные, находящиеся при Костке казаки могли возвратиться назад; через то, во-первых, прекратится пролитие невинной христианской крови, уже пролитой в Царичанке и в других местах, где вследствие измены некоторых своевольников много погибло невинных людей; во-вторых, сохранится в целости отчизна [Малороссия] и будет предотвращена собственная гибель казаков, которая, несомненно, может последовать после заключения мира русских со шведами, уже ищущими и желающими такого мира»[104].

Как бы в ответ на это письмо царь 11 апреля получил от русского резидента в Константинополе Петра Толстого такую новость: «Четвертого числа получил я ведомость о злых замыслах казаков запорожских; прислали к крымскому хану просить, чтоб их принял под свой протекцион, о чем хан известил Порту; от себя доношу, что нималаго о том не извольте иметь сомнения; сколько мне Бог помогает, тружусь усердно и уповаю на Бога, что Порта к соблазнам таких плутов не склонится»[105].

Султан и его министры были в растерянности. Крымский хан Девлет Гирей II стоял за запорожцев и доносил, что они просятся в его протекцию. Силистрийский правитель Юсуппаша, задаренный русскими, доносил падишаху, что запорожцы перешли на сторону шведского короля, а русский резидент говорил султану, что запорожцы преданы русскому царю и только немногие из них пошли за гетманом Мазепой и шведским королем.

Ряд серьезных историков считают, что Иван Мазепа и Костя Гордиенко сыграли решающую и, увы, роковую роль в измене запорожцев. Так, историк Войска Запорожского Яворницкий[106] писал в 1895 г.: «В действительности же запорожцы еще колебались и не знали, на чью сторону им склониться. Если бы войско не было смущено Мазепой, если бы оно не было увлечено Гордиенком, то все дело окончилось бы тем же, чем оканчивались в Запорожье подобные затеи и раньше: запорожцы, главным образом молодята, пошумели бы на раде, покричали бы на площади, даже, может быть, и передрались бы между собой, но все-таки в конце концов не решились бы поднять оружие против русского государя. Возбужденные Гордиенко сичевые казаки уже вскоре после избрания в кошевые Петра Сорочинского собрались на раду вместе с новым кошевым атаманом, объявили себя сторонниками шведского короля, а потом отправили посланцев из Сичи к крымскому хану просить его принять под свою протекцию. Как ни соблазнительно было для него такое предложение, но он не решился исполнить просьбы запорожцев и сообщил о том великому визирю. Великий визирь отвечал хану советом не допускать к себе запорожцев, чтобы устранить всякий повод к ссоре падишаха с русским государем»[107].

А тем временем у кошевого Гордиенко в Новосанджаре собралось до 38 куреней, а поскольку в курени может быть от 150 до 300 человек, то в среднем где-то около 7 500 человек, в числе которых были как запорожцы, так и примкнувшие к ним селяне и бродяги.

В это время район между реками Ворскла и Орель занимали войска генерал-лейтенанта Ренне. Против запорожцев он выделил отряд

полковника Кампеля. Сей полковник взял штурмом городки на Орели – Малку и Нехварощу – и перебил там всех жителей. Тут следует заметить, что совсем недавно драгуны Кампеля подверглись нападению запорожцев в Царицинке, где те с большим удовольствием резали сонных русских.

На помощь запорожцам Карл XII послал генерал-майора Карла Густава Крузе с конным отрядом в 2 730 сабель при четырех пушках. Вместе с ними отправилось 500 мазепинцев. К ним присоединилось до трех тысяч казаков Гордиенко.

Рано утром 12 апреля 1709 г. эти силы подошли к местечку Соколки на левом берегу реки Ворсклы, где стоял русский корпус генерал-лейтенанта Ренне численностью около 7 тысяч солдат и драгун.

На счастье шведов стоял густой туман, и им удалось внезапно атаковать русских. Корпус Ренне был прижат к реке. Однако тот сумел остановить бегущих и пошел на прорыв. В это время запорожцы занялись грабежом русского лагеря и отказались повиноваться Крузе.

По версии шведского историка Нордберга[108] русские бежали, а шведы их преследовали на расстоянии свыше 11 миль.

У русских было убито 400 человек и ранено 1 000. У шведов убито и ранено до 290 человек. При этом Нордберг признает, что на следующий день Крузе увел свои войска от Соколок.

По данным же Ренне, сражение у Соколок закончилось в пользу русских. Шведы оставили на поле боя 800 убитых, в том числе полковника Гильденштерна. Много шведов и запорожцев утонуло при переправе через Ворсклу. Трофеями русских стали четыре пушки. Потери русских составили около 50 человек.

Во время этого сражения фельдмаршал граф Шереметев стоял за рекой Псел в городе Голтве. Узнав, что запорожцы пошли к Соколке, фельдмаршал приказал отряду в 2 500 человек атаковать запорожский лагерь в Новосанджарах. Эта партия «нерегулярных войск выслана была от Голтвы вниз» 13 апреля и напала у Новосанджар на запорожцев. Те не ожидали нападения и потеряли убитыми 60 человек и пленными 12. Тогда из местечка Решетиловка шведский генерал Крейц послал на русских отряд своих солдат, и русские немедленно отошли.

О сражении русских со шведами и запорожцами в Соколке Меншиков отправил царю Петру подробную реляцию, представив исход дела в пользу русских. Петр, находившийся в это время в Азове, на донесение Меншикова 22 апреля ответил письмом, имея в виду и избрание в Сечи кошевым атаманом Сорочинского вместо Гордиенко: «Мы зело порадовались, что Господь Бог в начале сей кампании таким щастием

благословил, а наипаче тому я рад, что проклятые воры [запорожцы] сами видели, что шведов разбили, от чего принуждены оные будут разбежаться; а что кошевым выбрали Сорочинского, он добрый человек, я его знаю».

Но надежды, возлагаемые Петром на Сорочинского, не оправдались. По прошествии двух недель после написания царем этого письма Петр узнал, что и новый кошевой атаман, а за ним и большинство сичевиков склонились на сторону шведов.

Яворницкий писал: «Что произошло за это время в Сичи – неизвестно, но только царь Петр Алексеевич отдал приказание князю Меншикову двинуть из Киева в Запорожскую Сичь три полка русских войск с тем, чтобы истребить все гнездо бунтовщиков до основания. Князь Меншиков возложил исполнение царского приказания на полковника Петра Яковлева и велел ему по прибытии на место прежде всего объявить запорожцам от имени государя, что если они принесут повинную, выберут нового кошевого атамана и прочих старшин и пообещают при крестном целовании верно служить государю, то все их вины простятся и сами они будут при прежних своих правах и вольностях.

Полковник Петр Яковлев сел с полками на суда под Киевом и пустился вниз по Днепру. За ним по берегу Днепра должна была следовать конница, чтобы не дать возможности запорожцам отрезать пути двигавшейся по Днепру русской флотилии»[110].

16 апреля полковник Яковлев спустился на судах к местечку Келеберда. Яковлев послал требование, чтобы жители покорились царю. Келебердинцы, поджигаемые запорожцами, «учинились противны». Тогда Яковлев приказал идти на приступ. Келебердинский сотник решил сдаться, но Яковлев заподозрил какой-то подвох и приказал солдатам продолжать приступ. Сотник и жители успели уйти, сотник убежал в Переволочну. Яковлев сжег Келеберду, пощадив только церковь. Это было сделано в отместку за то, что раньше келебердинцы доставляли Мазепе и запорожцам провиант, а свои семьи отправили под защиту запорожцев. 18 апреля Яковлев прибыл к Переволочне. Крепость Переволочна находилась у брода на Днепре, недалеко от впадения в него Ворсклы. При царе Алексее Михайловиче крепость входила в состав Полтавского полка. К началу XVIII века она была хорошо укреплена и имела внутри замок с 26 пушками. В марте 1709 г. гарнизон крепости передался без боя запорожцам. Ко времени подхода к Переволочне полковника Яковлева там находился запорожский полковник Зилец с тысячью запорожцев и около двух тысяч обывателей и селян. «Яковлев, по данному ему наказу, прежде всего послал предложение сдаться и признать власть царя; запорожцы отвечали

выстрелами из пушек и ружьев. Запорожцы считали себя искуснее москалей в военном деле, но ошиблись. Русские военные люди были многочисленнее и искуснее защитников Переволочны: они ворвались в местечко, рассеяли защищавших его козаков и стали метать в замок ядра и бомбы; защитники отстреливались, но ничего не могли сделать. После двухчасового дела замок был взят, запорожцы в числе 1 000 человек побиты, иные засели обороняться в избах и сараях и были там сожжены вместе с их убежищами; прочие все бросились спасаться бегством, но попали в Ворсклу и в Днепр и потонули. Взято было в плен только 12 человек; солдаты в погоне за беглецами без разбора всех убивали, не щадили ни женщин, ни детей. В Переволочне была самая удобная переправа через Днепр, и потому там находился большой запас судов, на которых сразу можно было переправить через реку до 3 000 человек. Полковник Яковлев приказал все эти суда сжечь, также велел истребить огнем в местечке мельницы и все хоромное строение, которого там было немало, потому что Переволочна считалась в Украине городом богатым, торговым, где существовала и таможня, с которой доход шел в войсковый скарб Запорожской Сечи. Неудача в Переволочне до такой степени навела уныние на запорожцев, что они стали покидать городки на Ворскле, где уже разместили свои гарнизоны»[111].

28 апреля флотилия Яковлева поплыла по Днепру в Старый Кодак. Запорожский полковник, начальствовавший в этом городке, не сопротивлялся с большинством казаков и принес повинную, но некоторые казаки убежали на острова. Яковлев всех покорившихся законной власти отправил в Новобогородск, а за убежавшими на острова послал погоню. Спасаясь от погони, многие из бежавших ушли в степь. Русские успели нескольких перебить и взяли в плен 11 человек, из которых трое оказались великороссийскими беглыми солдатами из Киева. Были там и бабы с детьми – остатки жителей, убегавших из Малороссии в Запорожские земли. 30 апреля Яковлев форсировал Кодацкий порог. При этом погибли два судна, но люди с них спаслись. Русские шли без лоцманов, поскольку все лоцманы, имевшиеся в Кодаке, разбежались при приближении флотилии Яковлева. Полковник Яковлев приказал сжечь крепости Старый и Новый Кодак с их предместьями, чтобы там уже не было более пристанища «ворам». Он отправил по обе стороны от Днепра в степи отряды, в одну сторону – подполковника царского войска Барина и казацкого полковника Кандыбу, в другую – подполковника царского войска Башмакова, и приказал истреблять всех бежавших запорожцев. Вскоре подошла конница и двинулась параллельно флотилии по левому берегу Днепра. Русская

флотилия успешно прошла все остальные пороги и 7 апреля прибыла к царской крепости Каменный Затон.

Эта крепость по приказу Петра I была построена в 1698– 1701 гг. Там находился русский гарнизон численностью 1 500 человек. Там Яковлев получил подкрепление в количестве 772 офицеров и солдат, а также продовольствие и боеприпасы. Это сведения Яворницкого, но он же сообщает о «заразительной болезни», ходившей в Каменном Затоне. Зачем тогда Яковлев брал оттуда солдат, неясно.

От Каменного Затона Яковлев двинулся к Сечи. Он послал к запорожцам казака Сметану с увещательным письмом Меншикова. Сметана не вернулся. Пойманный запорожский казак сказал, что посланца, привезшего письмо, вместо ответа бросили в воду. Яковлев попытался послать в Сечу другое письмо, уже лично от себя, пересказывая прежде посланное письмо Меншикова. От запорожцев пришел ответ (неизвестно, устный или письменный) в том смысле, что запорожцы не бунтовщики, держатся стороны царского величества, но царских посланных близко не допускают. Между тем один запорожец на допросе сообщил, что кошевой атаман Петр Сорочинский и Кирик Менько ездили в Крым, а потом хан прислал из Крыма в Сечь 15 татар, которых запорожцы отправили к Мазепе, а сами с часу на час ожидают в помощь татарский отряд.

Яковлев трое суток ждал положительного ответа и, не дождавшись, решил взять Сечь приступом. Для этого он приказал осмотреть Сечь со всех сторон и отыскать удобное место для приступа. Для осмотра были отправлены переодетые в казацкое платье русские офицеры. Возвратившись, офицеры доложили, что подступать на лошадях к Сечи нельзя, так как она со всех сторон окружена водой. Это было 10 мая, когда вода в Днепре и в его рукавах после весеннего разлива достигла наибольшего уровня. Обычно Сечь заливалась только с трех сторон, но в этот год она была залита и с четвертой, степной, стороны, где обычно был сухой подход к Сечи. Предание гласит, что по совету Якима Богуша запорожцы в тот год выкопали со стороны степи глубокий ров и пустили в него воду. Так это или нет, но в то лето воды там было так много, что она даже чуть было не затопила казацкие курени.

Лазутчики также сообщили Яковлеву, что недалеко от Сечи находится отъезжий запорожский караул, который легко можно перебить. Тогда Яковлев отправил против караула нескольких солдат, которые частью его перебили, частью утопили, а одного доставили к полковнику живым. От него-то Яковлев и узнал, что запорожцы все как один решили действовать против русских войск. «Замерзело воровство во всех», писал Яковлев

Меншикову.

Тогда русские решили устроить шанцы, на них поставить пушки и обстрелять Сечь через воду. Но из-за большой дистанции выстрелы не достигали цели.

После этого Яковлев приказал сделать приступ на лодках. Запорожцы подпустили русских на близкое расстояние и разом выстрелили по ним из пушек и ружей. Несколько офицеров были ранены, триста солдат, в том числе полковник Урн, убиты, несколько человек попали к запорожцам в плен, и те их «срамно и тирански» умертвили.

После этой неудачи русские отступили. Положение Яковлева было сложным. Но 14 мая на помощь русским прибыла от генерал-майора князя Григория Волконского помощь – полковник Галаган с компанейским полком и драгунами.

Иван Иванович Галаган был сыном малороссийского казака из селения Омельника[112]. Вначале Галаган был полковником в Запорожской Сечи, потом состоял полковником «охочекомонных полков» в Малороссии. В качестве полковника он находился при гетмане Мазепе, когда тот перешел на сторону шведов, и, как положено верному служаке, сам перешел к шведам. Потом отпросился у гетмана на разъездную, вне шведского лагеря, линию, внезапно захватил несколько шведских драбантов и ушел с ними и со своим полком в русский лагерь. Там он повинился царю Петру, уверил его, что перешел к шведам по принуждению гетмана Мазепы. Царь взял с него слово, что он не «сделает с ним такой же шутки, какую сделал с Карлом», заставил его присягнуть на верность русскому престолу и потом долго держал его в разъездах для добычи «языков».

Запорожцы издали увидели подходящую конницу и решили, что им на выручку идет кошевой с запорожцами и татарами. Запорожцы пошли на вылазку, но были отбиты. На плечах отступающих малороссийские казаки и драгуны ворвались в Сечь. На острове завязался упорный бой. Но тут выскочил вперед полковник Игнат Галаган и закричал казакам: «Кладите оружие! Сдавайтесь, бо всем будет помилование!» Запорожцы сперва не поверили словам Галагана и продолжали отбиваться, но Галаган поклялся перед ними в верности своих слов, и тогда казаки бросили оружие. Но это был обман. Над сдавшимися казаками была устроена дикая расправа. Яковлев, и в особенности Галаган, действовали при этом с неслыханной свирепостью

«Учинилось у нас в Сече то, что по Галагановой и московской присяге товариству нашему голову лупили, шею на плахах рубили, вешали и иныя тиранския смерти задавали, и делали то, чего и в поганстве, за древних

мучителей не водилось: мертвых из гробов многих не только из товариства, но и чернецов откапывали, головы им отсекали, шкуры лупили и вешали»[113]. После расправы в живых остались войсковой судья, 26 куренных атаманов, 2 монаха, 250 простых казаков, 160 женщин и детей. Из них 5 человек умерло, 156 человек атаманов и казаков казнено, причем несколько человек было повешено на плотах, а плоты пущены вниз по Днепру на страх другим.

Трофеями русских стали 36 медных и чугунных пушек, 4 мортиры, 10 пушечных станков, 12 больших и малых гаковниц, 62 рушницы или ружья, 450 пушечных ядер, 600 ручных ядер (гранат?) и 13 знамен.

Из сечевой церкви были взяты резной с царскими вратами иконостас с поставными иконами и с Деисусом, писанными на досках и на полотне; восемь больших и малых колоколов, три железных креста с купола церкви, одно евангелие, а кроме того свечи, воск и ладан, 441 медный котел, 9 железных котлов и 4 пуда ломаной меди. Русские потеряли убитыми урядников и рядовых солдат 288 человек, умерло от ран 6 человек, всего раненых было 141 солдат и один офицер.

Когда Петр I, находившийся в Троицкой крепости, 23 мая получил донесение Меншикова о разгроме Чортомлыцкой Сечи, он ответил Алексашке: «Получили мы от вас письмо о разорении проклятого места, которое корень зла и надежда неприятелю была, что мы, с превеликою радостью услышав, Господу, отмстителю злым, благодарили с стрельбою, и вам заоное премного благодарствуем, ибо сие дело из первых есть, которого опасаться надлежало было. Что же пишите о деташаменте полковника Яковлева, чтоб оному быть в армии, и то добро, только подлежит из оного оставить от 700 до 500 человек пехоты и от 500 до 600 конницы в Каменном Затоне, дабы того смотрели, чтоб опять то место от таких же не населилось, також, которые в степь ушли, паки не возвратились, или где Инде не почали собираться, для чего ежели комендант в Каменном Затоне плох, то б из офицеров доброго там на его место оставить, а прочим быть в армию»[114].

В заключение скажу, что русские войска в 1709 г. сражались не только с запорожскими казаками, но и с некрасовцами, ежегодно вторгавшимися в русские пределы. Из той же Троицкой крепости в начале мая 1709 г. писали Апраксину о движении 1 500 некрасовцев вверх по Дону. Спасибо «оранжевым» баснописцам, что они некрасовских казаков не записали в борцы за «вильну Украину».

Глава 14.
Осада Полтавы

Весной 1709 г. в шведской армии авторитет Карла XII по-прежнему был высок, но у генералов уже появились сомнения в успешном исходе войны. Ряд военачальников по-прежнему уговаривали короля уйти за Днепр в Речь Посполитую. Граф Пипер был того же мнения, утверждая, что тогда король может соединиться с королем Стасем и с корпусом генерала Крассова, стоявшим в Польше. Мазепа больше всех противился этому и добивался сначала взять Полтаву, чтобы иметь опору в Малороссии и поддерживать коммуникации с Запорожьем. Карлу казалось, что Полтаву взять легко, потому что она укреплена не очень сильно, а осадные работы можно поручить запорожцам. Тогда генералквартирмейстер Гилленкрок, вообще нерасположенный оставаться в Малороссии и постоянный противник Мазепы, иронически сказал своему королю: «Если с нами не станется какое-нибудь чудо, то ни один из нас не выйдет из Малороссии; потеряет король и свое войско и свое государство и будет несчастнейший из государей в истории». 24 апреля Карл XII отправил генерала Шпара с восемью пехотными полками из местечка Лютеньки к Полтаве. Полтава находится на правом высоком и крутом берегу Ворсклы близ впадения в нее реки Коломаки. Обе реки образовывали в месте слияния множество рукавов, протекавших в широкой низменной и болотистой долине, затруднявшей сообщение города с левым берегом Ворсклы. Город состоял из крепости, расположенной на господствующей высоте, и предместья перед северной частью крепостной ограды. Укрепления были построены для защиты от набегов татар, а в начале зимы 1709 г. исправлены по приказанию царя. Оборонительная ограда располагалась в виде неправильного бастиона, стороны которого местами имели фланговую оборону, и состояла из земляного вала, усиленного деревянным палисадом, и рва впереди вала.

Комендантом крепости был бригадир (по другим сведениям – полковник) Алексей (Иван) Степанович Келин (Келен). Сведения о нем, как видим, крайне противоречивые. Неизвестна даже национальность Келина. Но, судя по всему, он был немцем.

Келин поступил на русскую службу в 1702 г., участвовал в боях под Нотенбургом, Ниеншанцем, Дерптом и Нарвой. В 1708 г. он командовал

Тверским пехотным полком, который носил его имя. А в начале 1709 г. царь назначил Келина комендантом Полтавской крепости.

Гарнизон крепости состоял из трех пехотных полков (всего 4 182 солдата), а также 91 пушкаря и около 2 600 вооруженных местных казаков и обывателей.

В крепости имелось 12 чугунных пушек (в том числе пять 24-фунтовых и четыре 18-фунтовые), 16 медных пушек калибра от 3 до 1 фунта и одна двухпудовая медная мортира.

Шведы немедленно начали осадные работы у валов крепости.

1 мая шведский король переехал в Жуки поближе к Полтаве. Мазепа с обозом оставался в Будищах. Там же Карл XII оставил «обсервационный отряд» генерала Рооса в составе двух пехотных и двух драгунских полков.

Шведский историк Энглунд дал интересное описание осадных работ: «Шведские осадные траншеи находились к югу от города. Они были направлены против южной части крепости и предместья Мазуровки. Всякая осада как таковая была в высшей степени сложным предприятием, которое чаще всего разворачивалось по точно заданным правилам. Существовала определенная формула, которой надлежало следовать в таких ситуациях. Она называлась атакой Вобана, по имени французского маркиза, который разработал новые эффективные типы крепостей и в то же время, последовательности ради, выдумал новые, по меньшей мере такие же эффективные приемы, чтобы завоевать эти его создания. Прежде всего надо было построить укрепленные линии вокруг и против вала, чтобы защитить себя от вражеских отрядов извне крепости и вылазок из крепости. Для этого следовало ночью вырыть на расстоянии 600 метров то, что на профессиональном языке называлось первой параллелью: она, среди прочего, должна была вмещать тяжелые артиллерийские батареи. Потом следовало продвигаться все ближе. На расстоянии примерно в 300 метров надо было затем выкопать вторую параллель, где также разместить пушки, и, наконец, третью параллель заложить почти у самого крепостного вала. Между этими параллелями вырывались апроши – траншеи, которые шли зигзагообразно. Если крепость к тому времени еще не сдавалась, можно было выкопать сапы – подземные ходы, которые все вели к той точке у стены, где артиллерия осаждавших должна была пробить большую и аккуратную брешь. (Осаждающие могли также прорыть ходы под крепостным валом врага, заложить туда мощные заряды или мины и взорвать их, чтобы таким образом пробить брешь.)

Шведы во многом следовали этой формуле, хотя и в небольшом масштабе. Были вырыты три параллели с апрошами и всем необходимым,

установлены батареи, и делались даже попытки заложить мины под частокол. Сначала король категорически запретил штурмовать крепость, но в попытке усилить давление на осажденных 12 мая была предпринята атака. В этот день была пробита брешь в защитных укреплениях и захвачен кусок частокола, где впоследствии на бревнах была установлена небольшая батарея. Шведы оказывали непрерывное, хотя и не слишком сильное давление на маленький город; не тратили ядер на слишком опустошительный обстрел, но продолжали подкопы под валами. Закладывались новые мины, гарнизон предпринимал небольшие вылазки, и русские войска делали тщетные попытки прийти на помощь городу с другого берега реки. Все было точно так, как полагается при осаде.

По мере того как проходило время, положение внутри крепости ухудшалось. В это воскресенье кончились еда и боеприпасы. За отсутствием снарядов русские стреляли маленькими кусочками железа и камушками. (По меньшей мере так же важно было то, что у Келина не было средств платить солдатам жалованье. Этот недостаток был очень опасен, потому что, не получая жалованья, солдат не станет сражаться на пределе своего мужества.) Поскольку не было также свинца и другого материала для изготовления ручных гранат, русские солдаты кидали сверху в осаждающих шведов камни, поленья, гнилые корни и дохлых кошек. Шведы отвечали тем, что тоже кидались камнями, – так близко друг к другу находились воюющие войска. Был случай, когда самому королю попала в плечо дохлая кошка. Шведы ответили на это неслыханное оскорбление таким шквалом ручных гранат, что русские несколько дней не позволяли себе подобных дерзостей. Но большинство снарядов были не так уж безвредны. Русские “охотники” постоянно подкрадывались и стреляли в шведских солдат и работников, рывших траншеи. Дня не проходило, чтобы ктонибудь из шведов не расстался с жизнью. За один день на одном месте погибло пять шведских караульных. Все они были убиты “снайперскими” пулями, размозжившими им головы. Работа в апрошах была очень опасна и очень однообразна. Во время дождей траншеи наполнялись водой, и солдатам приходилось шлепать по грязи, доходившей им до бедер, между тем как их палатки тоже наполнялись водой и все в них промокало. Единственное преимущество проливных дождей состояло в том, что они смывали и уносили с собой раздутые смердящие лошадиные трупы, которыми были усеяны поле и холмы.

К востоку от крепости крутые поросшие лесом холмы спускались к реке и лугу площадью примерно в квадратный километр, который ежегодно затапливался паводком. Почти до самого лета этот луг оставался похожим

на болото и только к осени высыхал и превращался в хорошее пастбище для местного скота. В этом и других болотцах вокруг реки буйно расплодились в этом году мириады лягушек и жаб, которые своим скрипом и кваканьем многим не давали спать. Другим ночным звуком была громкая перекличка русских часовых – они восклицали “добра хлеба, добра пива!”, намеренно дразня и соблазняя своих противников.

К югу от города, позади кустарника и возделанных полей, которые шведские осадные укрепления искромсали на мелкие кусочки, пролегала одна из многочисленных лощин, повсюду пересекавших Полтавское плато. По большей части поросшая лесом лощина круто обрывалась, становясь сухой и голой, и имела много ответвлений. Кое-где в длинной лощине стояли группы домов, и там же находился лагерь Сёдерманландского и Крунубергского пехотных полков, занявших накануне траншеи. Немного южнее этого бивака был лагерь запорожских казаков. В ходе осады им досталась роль разнорабочих и вместе с тем мишеней для русских, которые стреляли в них сверху, с городского вала. В этот период осады потери запорожцев превосходили потери шведов. «Лыцари» стали дровосеками, землекопами, носильщиками... Их боевой дух дошел до нижней отметки. Шведам было трудно заставить запорожцев исполнять приказы.

К северу от города плоскогорье над рекой также прорезала длинная и широкая лощина. Она шла в направлении с севера на юг и вскоре терялась в обширном Яковецком лесу, который со своими оврагами, ручьями и запрятанными среди деревьев маленькими озерцами разделял шведские позиции вокруг крепости и большой русский лагерь в нескольких километрах отсюда. Примерно в километре к северо-востоку от города, на другой стороне поросшей ольхой болотистой впадины возвышался продолговатый холм. Они примыкал к зеленому массиву Яковецкого леса, и его склоны были покрыты большими вишневыми садами. На самом дальнем конце холма, на его южной стороне стоял монастырь, воздвигнутый в 1650 году, где расположилась ставка короля и его штаб, походная канцелярия и драбанты, а также и весь придворный штат. Здесь же, на монастырской возвышенности, среди вишневых садов стояла лагерем в это воскресенье и шведская пехота, не участвовавшая в осаде.

Многочисленными длинными рядами располагались полк за полком: ряды высоких пирамид, в которые были составлены пики, а также ружья под специальным прикрытием, палатки маркитанток, костры и выгребные ямы, – конечно, раздельные для командования и незаметных героев. Поскольку местность со своими ручьями, лесом и садами была мало пригодна для лагеря, не допуская почти геометрической правильности, к

которой обычно стремились при его разбивке, лагерь носил отпечаток домашности и беспорядка. Гвардия уже давно занимала позиции у монастыря, но другие соединения стояли там на биваке всего пять дней. Солдаты спали под открытым небом, палатки были не нужны в эту тяжелую и липкую знойную погоду.

В четырех километрах к западу от растрепанного лагеря пехоты, на волнистой равнине между безлюдными деревнями Рыбцы и Пушкаревка протянулся в длину лагерь шведской кавалерии. Кроме трех кавалерийских и двух драгунских полков, которые находились в других местах, здесь стояла вся шведская конница, собранная в длинную, тщательно составленную шеренгу из квадратных малых лагерей, вписанную в большую систему лесистых лощин. Лагерь размечал фельдмаршал Реншёльд собственной высокой персоной. Южнее Пушкаревки стояла большая часть армейского обоза, охраняемая двумя драгунскими полками. Тысячи и тысячи телег и повозок стояли там, частично защищенные большим ущельем, которое считалось “inaccessible” (неприступным). Позади раскинувшегося обоза прочерчивалась глубокая теснина. (Местоположение обоза, вероятно, было выбрано с таким расчетом, чтобы в случае отступления он мог служить опорным пунктом для всей армии; здесь можно было, опираясь на широко разветвленную сеть оврагов и лощин, остановить атаку русских, а обоз тем временем вывести дальше на юг, по дороге, которая вела на Кобеляки и дальше – к Днепру.) То, что части лагеря также и в этом положении, когда войско было стянуто к Полтаве, все же были так разбросаны, было не случайно. Шведская армия избегала сосредоточения всех своих сил в одном месте, поскольку это в скором времени привело бы к росту смертности. Обычно среди зловония и нечистот гигантских лагерей пышным цветом расцветали болезни. Разбросать войска по разным лагерям, как сделало шведское командование, было простым средством от заразы.

Строевые части шведской армии насчитывали в это июньское воскресенье около 24 300 человек. Это было твердое ядро армии. Кроме того, в войске имелось большое количество нестроевых, чьи горе и радость полностью зависели от капризных перемен военной удачи. Среди этих нестроевых были прежде всего около 2 250 раненых, больных и инвалидов. Далее следовало примерно 300 нестроевых артиллеристов, а также 1 100 чиновников канцелярии. Неизбежную, но часто забываемую группу, без которой никогда не могла бы действовать армия, составляли многочисленные конюхи, денщики, возницы, работники и мальчики на побегушках в обозе, которые часто были на подхвате и выполняли

наименее почетную работу: таких было около 4 000 человек. В войске была также другая часто забываемая группа – женщины и дети. Особенно среди офицеров было в обычае брать с собой в поход всю семью; жену и детей, большой штат прислуги, а иногда даже меблировку. Также и рядовых солдат могли сопровождать семьи. Вкраплены в этот кочевой город из брезента в то утро были примерно 1 700 жен, служанок и детей. Были женщины, как, например, две поварихи, Мария Бок и Мария Юхансдоттер, которые заботились о том, чтобы у короля была еда на столе; среди прочего они должны были участвовать в приготовлении дичи, которую специальный придворный охотник Кристоффер Бенгт притаскивал домой к королевскому столу. Мы имеем также и другие примеры, такие как жена трубача Мария Кристина Спарре, двадцати одного года, родом из Померании, или Гертруда Линеен, супруга одного лейтенанта из драгунского полка Дюккера. Еще одна из этих женщин была Бригитта Шерценфельд, родившаяся в июне 1684 года в замке Бекаскуг… Поскольку таких, кто взял с собой на войну жен, было все-таки немного и незамужних женщин тоже мало, мы можем предположить, что в армии ощущался сильный сексуальный голод. Вполне понятно, что в источниках трудно найти чтолибо касающееся этого вопроса. Мы можем спокойно предположить, что в войске находились проститутки, хотя раньше и они так или иначе были проблемой. Некоторые мужчины обращались друг к другу, хотя за гомосексуальные отношения полагалась смертная казнь. То, что к этому «содомскому греху» прибегала по крайней мере часть офицерского корпуса, нам известно. Встречалось и скотоложство, хотя за него тоже полагалась смертная казнь. В последнем случае виновному грозила такая нелепость, как тройная смертная казнь. (Об одной из таких казней осужденного за скотоложство солдата, имевшей место во время похода, рассказывается, что он “был повешен, потом положен в костер и должен был еще быть обезглавлен, но палач не смог рубить”)»[115].

Шведы попытались овладеть Полтавой с хода, но штурм крепости 29 и 30 апреля не удался. Поэтому шведы, как уже го* ворилось, приступили к осаде. Комендант крепости Келин в ночь на 1 мая сделал вылазку, оттеснил охранение противника и завладел передовыми укреплениями шведов. Карл XII немедленно двинул свежи силы, которые, не найдя уже русских в окопах, двинулись к крепости. В час ночи 1 мая на крепостной ограде закипел горячий бой, окончившийся отступлением шведов.

В ночь на 2 мая шведы снова приступили к работам. Новая вылазка Келина на время приостановила их, но большой пользы не принесла, так как шведы быстро исправили все разрушения.

3 мая Келин произвел еще одну вылазку и опять выбил противника из апрошей и разрыл траншею. Однако, несмотря на столь энергичное сопротивление гарнизона, работы шведов продвигались вперед и к вечеру 3 мая дошли до крепостного вала. Карл, считая штурм еще трудным, приказал продолжать инженерные работы, а гарнизон крепости, производя вылазки, замедлял эти работы.

К началу осады Полтавы русские полевые войска располагались следующим образом: 700 драгун Ренне находились около устья Коломака; Шереметев стоял в Лубнах, а князь Меншиков – в Богодухове.

Лишь 6 мая Меншикову стало ясно положение Полтавы. На собранном им в этот же день военном совете было решено произвести диверсию к стороне Опошни и тем отвлечь к северу от Полтавы главные силы Карла XII и заставить его снять блокаду крепости. Но эта попытка и бой при Опошне не привели к желаемым последствиям, и наши войска отошли за Ворсклу. Приведенные же Карлом XII к Опошне войска (два гвардейских батальона и четыре драгунских полка), узнав об отходе русских на левый берег Ворсклы, утром 8 мая перешли в Будище. Там Карл оставался 8 и 9 мая, но увидев, что русские больше ничего не предпринимают, 10 мая выступил к Полтаве.

В это же время Меншиков получил от царя письмо, в котором Петр предлагал ему или совершить диверсию на Опошню с целью отвлечения внимания шведов от крепости, или перейти к Полтаве, стать у города на левом берегу Ворсклы и установить связь с гарнизоном. Так как первый из рекомендованных Петром способов уже был испытан, то оставалось идти на соединение с отрядом Ренне.

12—13 мая Меншиков двинулся по левому берегу Ворсклы к деревне Крутой Берег, расположенной напротив Полтавы, а 14 мая его передовые части уже находились близ крепости.

В ночь на 15 мая Меншикову удалось усилить гарнизон Полтавы, направив туда от 900 до 1 200 человек бригады Головина, и построить редут недалеко от моста через Ворсклу, обеспечивавший сообщение армии с Полтавой.

Шведы же 16 мая приступили к постройке редута на правом берегу Ворсклы в 300 саженях (640 метров) от русского редута.

18 мая разбросанные по Малороссии русские отряды наконец-то объединились. Фельдмаршалу Шереметеву было приказано оставить в распоряжении гетмана Скоропадского три драгунских полка генерал-майора князя Волконского, а с остальными конными и пехотными полками идти «в случение к Полтаве».

Тут так и хочется сделать маленькое отступление и спросить еще раз киевских баснописцев об «антиколониальном восстании на Украине». На всем Левобережье русских войск осталось всего три драгунских полка, то есть от одной до двух тысяч человек. Предположим, что хотя бы треть малороссов на левом берегу сочувствовали бы шведам, так они легко перебили бы несчастных драгун.

А на правом берегу, кроме небольшого киевского гарнизона, который к тому же не должен был покидать крепость вообще, русских войск вообще не было. Почему же правобережное казачество и селянство не формируют войско и «провиантские обозы» для гибнущей шведской армии?

Единственное разумное объяснение этому – подавляющее большинство малороссов на обоих берегах Днепра было на стороне православной Руси и считало себя ее частью. Я подчеркиваю, речь идет не об обожании Петра Великого – это через 100 лет придумают придворные историки, – а об отношении к православной Руси.

Соединение Шереметева с Меншиковым произошло 27 мая. Русская армия заняла позицию на широком фронте между деревнями Крутой Берег и Искровка. Скоропадскому 21 мая было приказано двинуться вверх по Пселу и стать при Сорочинце.

А в это время шведы прилагали все усилия, чтобы овладеть Полтавой. К 15 мая противник прошел сапами через ров и вышел к палисаду. Чтобы подорвать вал, шведы заложили под ним мину, но русские обнаружили подкоп и вытащили бочки с порохом.

Неудача минной атаки, сосредоточение к Полтаве главных сил Петра и усиление гарнизона крепости повлекли за собой штурмы 15, 23 и 24 мая, которые были отбиты.

1 июня Карл XII приказал произвести бомбардировку Полтавы, в результате чего в крепости возникли сильные пожары. Обрадованные шведы пошли на штурм, но были отбиты.

2 июня на предложение генерала Рейншильда сдаться на «аккорд» Келин произвел вылазку, захватив при этом четыре шведские пушки и разрушив часть их окопов.

4 июня к армии прибыл Петр Великий. Первым делом он собственноручно написал коменданту крепости письмо, переброшенное туда через позиции шведов в пустой мортирной бомбе. Петр сообщал Келину о своем прибытии и благодарил его гарнизон и граждан за ревностные подвиги, а также извещал о том, что он, «Великий Государь, немедленно приложит старание освобождения города Полтавы, чтобы в том упование имели на Бога». Келин в ответном письме царю (также

перекинутом в бомбе) выражал радость граждан и войска по случаю прибытия к крепости монарха и извещал о воскресшей надежде на освобождение, а также просил Петра прислать в крепость бомб и пороху.

Осмотрев войска и ознакомившись с общим положением дел, Петр пришел к заключению, что Карл или попытается овладеть Полтавой штурмом, или снимет осаду и начнет отступление в Польшу. И в том и в другом случае царь решил помешать Карлу, хотя бы для этой цели пришлось принять решительное сражение.

Петр поджидал подхода калмыцкого хана Аюк-Тайдчи. В шведских источниках (воспоминаниях лейтенанта Вейса и других) говорится о сорокатысячном калмыцком войске. Разумеется, у хана Аюка такой армии не было, да и физически быть не могло. На самом деле к царю с Волги шли не более трех тысяч калмыков.

Петр опасался отхода шведских войск в Речь Посполитую. Поэтому он 6 июня приказал Скоропадскому занять переправы на реках Пселе и Груне, и таким образом преградить Карлу XII все пути в Польшу.

Петр был прав. С начала 1709 г. Карл и его министры делали отчаянные попытки улучшить свое положение. Так, Карл приказал шведскому корпусу Крассау, оставленному в Польше, идти на Украину вместе с войском короля Станислава Лещинского.

Делались попытки вовлечь в войну Оттоманскую империю и крымских ханов. В конце марта было послано письмо крымскому хану Девлету Гирею II, а также через Бендеры султану Ахмеду III в Константинополь. Однако стало ясно, что ждать помощи извне шведам бесполезно.

22 июня полковник Сандул Кольца вернулся из своего дипломатического визита в Бендеры. Вместе с ним также возвратился письмоводитель Отто Вильхельм Клинковстрём, который ехал от командующего шведской армией в Польше Крассау. Их сопровождали эмиссары, возвратившиеся от крымского хана. Вести, которые они привезли, горько разочаровали короля. Корпус Крассау и войска польского короля, как оказалось, стояли за рекой Сан под Ярославом в западной Польше и не могли двинуться с места. Между ними и шведской армией встал у Львова корпус русского генерала Гольца (этот корпус к тому же взаимодействовал с польсколитовским войском гетмана Синявского). Кроме того, на дороге от Львова до Полтавы, по которой должен был идти Крассау, находился город-крепость Киев с царским гарнизоном. Расстояние между Ярославом и Полтавой было более тысячи верст. Другими словами, всякая надежда получить подкрепления от Крассау и короля Станислава

Лещинского была потеряна.

Нечего также было ожидать помощи от турок и татар. Новый татарский хан Девлет Гирей II так и рвался пограбить русские земли. Но султан предпочел не вмешиваться в войну и урезонил хана. Дело в том, что Карл XII своими «подвигами» напугал не только царя Петра, но и султана Ахмеда III. Турки давным-давно положили глаз на польские земли, и оккупация Речи Посполитой шведами их совсем не устраивала. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что Ахмед III на 22 июня 1709 г. более боялся Карла, нежели Петра.

К 10 июня главные силы шведов под началом короля сосредоточились около Полтавы. Мазепа с казаками занимал деревню Жуки. Городки Старые Сенжары и Новые Сенжары были заняты отрядами шведов. Численность шведской армии сильно уменьшилась, в некоторых полках насчитывалась лишь по 250 человек.

7 июня на письмо Меншикова Келину, написанное по приказу Петра и содержащее запрос о состоянии продовольственных запасов в крепости, был получен ответ: «…на будущий месяц провианту не будет и на три дня», поэтому «не только солдатам, но и всем будет нужда». На основании этих сведений Петр счел опасным далее «утруждать» шведов осадой Полтавы и 12 июня собрал совет, на котором было принято решение о немедленной деблокаде крепости. Для этого решили произвести демонстративное нападение на противника с нескольких сторон. Однако эти нападения, предпринятые 14 и 15 июня и причинившие шведам немалое беспокойство, не заставили Карла снять осаду.

Кроме того, на совете 12 июня было принято решение отбить у шведов городок Старые Сенжары, лежавший на Ворскле в 45 верстах ниже Полтавы и занятый шведами еще в апреле 1709 г.

Еще немного ниже Старых Сенжар на Ворскле в городке Новые Сенжары стояли отряды запорожцев Кости Гордиенко. В Старых Сенжарах помимо небольшого шведского гарнизона находились русские пленные, в основном сдавшиеся в крепости Веприн. Среди последних был подполковник Юрлов, который послал гонца к Петру с сообщением, что шведов в городке мало, а при подходе русские войск пленные устроят бунт.

Поверив Юрлову, Петр направил в Старые Сенжары генерал-поручика Гейкинга с семью драгунскими полками. 14 июня русские пленные перебили своих караульных и помогли Гейкингу овладеть городом. Шведы упорно оборонялись: 800 человек пало в битве, а остальные 300 человек сдались. Освобождено было 1 200 русских пленных. Эта победа русским досталась нелегко, они потеряли 80 человек убитыми и 150 ранеными.

Приятным сюрпризом для русских стал захват королевской казны – 200 тысяч талеров.

В середине июня к шведам в лагерь прибыл граф Гавриил Иванович Головин с очередным мирным предложением Петра. Царь ставил два условия: признать за ним все завоевания русских в Прибалтике и не вмешиваться в польские дела. Карл XII ответил на это: «Его величество король шведский не отказывается принять выгодный для себя мир и справедливое вознаграждение за ущерб, который он, король, понес. Но всякий беспристрастный человек легко рассудит, что те условия, которые предложены теперь, скорее способны еще более разжечь пожар войны, чем способствовать его погашению».

16 июня русские под командованием генерал-поручика Ренне сделали последнюю попытку прорвать блокаду шведами Полтавы со стороны Ворсклы. Драгуны Ренне, усиленные пехотой, произвели демонстрационную переправу на правый берег у деревни Петровки, а дивизия Алларта к этому времени начала свои приготовления к переправе в одной версте ниже Полтавы.

Ренне, переправившись и оттеснив сторожевые части противника, к утру 16 июня построил тет-де-пон (предмостное укрепление), прикрывший переправу.

16 июня Келин произвел навстречу Ренне вылазку, но, встретив сильный отпор, был вынужден отступить.

Положение шведов под Полтавой ухудшалось с каждым днем. В этой ситуации Карл решил попросить совета у генерала Левенгаупта, на которого он был обижен за неудачу под Лесной. Вечером 16 июня, когда Левенгаупт уже лег, не раздеваясь, в постель, к нему неожиданно вошел король, много дней с ним не разговаривавший, и стал спрашивать совета – что делать. На что Левенгаупт ответил, что не знает. Король стал ходить взад и вперед и потом снова спросил генерала о том же, но уже более примирительным тоном. Тогда Левенгаупт сказал: «Остается оставить осаду Полтавы и ударить всеми силами на неприятельский стан», но тотчас пожалел об этом, поскольку было видно, что королю этот совет не понравился. Пробило 11 часов. «Я слышал, – сказал король, – что русские хотят переходить через реку; поедем вместе верхом к реке».

Поехали. Король до рассвета беспричинно ездил взад и вперед по берегу. Наступило утро 17 июня – день рождения короля. Тут Карл спустился еще ниже к реке. Из-за реки засвистали пули русских, увидавших неприятелей, совершающих рекогносцировку. Карлу такая прогулка под неприятельскими пулями доставляла огромное удовольствие.

Он называл это «amusement a la moutarde» [забавляться пустяками (*фр.*)] и любил так проезжаться со своими генералами, чтобы показать врагам удальство и отвагу шведов.

Левенгаупт заволновался и предупредил: «Ваше величество, не оставайтесь здесь так долго. Безо всякой причины нельзя выставлять на убой простого солдата, не то что королевскую особу». В этот момент неприятельская пуля убила под Левенгауптом лошадь. «Ваше величество! – закричал падающий Левенгаупт, – ради самого Бога, оставьте это место!» «Bagatelle!» [пустяк (*фр.*)] – воскликнул Карл, – вы получите другую лошадь».

После этих слов Карл спустился еще ниже к реке и стал ездить взад и вперед, явно издеваясь над опасностью. Левенгаупту привели другую лошадь. Его беспокоила безрассудная дерзость короля, он подъехал к нему, пытался еще раз отвлечь его и сказал ему в дружеском тоне: «Ваше величество! Нельзя бесполезно губить и солдат, не то что генералов. Я поеду своей дорогой». И с этими словами он повернул свою лошадь. Королю стало неловко: выходило, что он подвергает опасности без всякой цели не только себя, но и своих верных генералов. Он поехал за Левенгауптом, но ехал медленно.

Вдруг Карл заметил, что русские пытаются перейти Ворсклу. Он приказал нескольким находившимся невдалеке шведским солдатам ехать с ним отгонять русских. Но русских не было: быть может, королю только показалось, что они переходили реку, или они уже отступили, сделав ложное движение. Король снова стал ездить по берегу то взад, то вперед. Наконец он повернул свою лошадь, чтоб удалиться от реки, и в этот момент неприятельская пуля задела ему пятку левой ноги, прошла вдоль подошвы и застряла между пальцев ног. Карл держался так, как будто с ним ничего не произошло. Драбант, сопровождавший его верхом, заметил, что у него из сапога выступает кровь. Карл с виду был спокоен, но стал слабеть и бледнеть. Тогда драбанты подогнали его лошадь, чтобы скорее доскакать до стана. На пути Карла встретил Левенгаупт со словами: «Ах, ваше величество! Сталось-таки то, чего я так боялся и что предрекал». «Ничего, – ответил король, – это только в ногу. Пуля в ноге застряла, но я велю ее вырезать».

Несмотря на сильную слабость, Карл поехал не к себе, а к траншеям, где раздал приказания своим генералам Спарре и Гилленкроку и только через час вернулся в свое помещение. Рана тем временем воспалилась так, что нога разбухла, и нельзя было снять сапога, пришлось его разрезать, что причинило королю жестокую боль. Много костей в ступне оказалось

раздробленными. Хирург производил глубокие взрезы и вынимал осколки костей. Карл не кричал от боли, но ободрял хирурга, говоря: «Режьте живее – это ничего». Он даже не допустил никого помогать себе и собственными руками поддерживал изуродованную ногу. Когда после того явились к нему генералы Реншильд и граф Пипер, Карл заметил их скорбный вид и стал утешать: «Не беспокойтесь за меня, рана вовсе не опасна. Я через несколько дней опять буду ездить верхом».

Однако, как король ни бодрился, а рана заставила его пролежать несколько дней в постели. После первой операции появилось «дикое мясо». Хирург боялся применять инструмент и хотел выжигать больное место ляписом. Король не согласился, взял ножницы и собственноручно, по указанию хирурга, обрезал себе «дикое мясо».

Стояла сильная жара. Все боялись, что у короля начнется гангрена и тогда придется ампутировать ногу. Медики уже не надеялись, что Карл протянет и сутки. Кризис наступил на пятый день после получения раны. Только тогда уговорили Карла принимать предписанные врачами лекарства, так как он всегда терпеть не мог лечиться. Когда Карла наконец вынудили принять лекарство, он заснул, и после этого ему полегчало.

Все время, пока раненый оставался в постели, его «тафельдекер» Гутман развлекал больного короля рассказами о старых скандинавских битвах героических времен. Особенно Карлу понравилась сага о Рольфе Гетрегсоне, который одолел русского волшебника на острове Ретузари, покорил своей власти русскую и датскую земли и тем самым приобрел себе славу на всем свете. Очевидно, Карлу хотелось тогда стать таким сказочным богатырем.

Оценив значение обеих переправ – у Петровки и в версте ниже Полтавы, Петр I решил воспользоваться для переброски армии на левый берег Ворсклы переправой у Петровки, что давало возможность в случае неудачи отступить в Центральную Россию.

Ночью 19 июня главные силы русских выступили вверх по левому берегу Ворсклы к деревне Черняхово, 20 июня перешли через Ворсклу по мостам у деревни Петровки и бродами у деревни Семеновки и приступили к устройству укрепленного лагеря в Семеновки в 8 верстах от Полтавы. Этот укрепленный лагерь был необходим для прикрытия переправ.

Но царь, ознакомившись с местностью, нашел ее чрезмерно пересеченной и труднопроходимой. К тому же русская армия, оставаясь у деревни Семеновки, слишком удалена от Полтавы и не будет в состоянии подать своевременную помощь гарнизону крепости. Поэтому Петр решил передвинуться к деревне Яковцы, дождавшись подхода войска

Скоропадского.

Скоропадский подошел к Семеновке 24 июня, и на следующий день русская армия перешла к Яковцам. Передвижение прошло скрытно, в сумерках, и наутро 26 июня был уже построен новый укрепленный лагерь в 5 верстах севернее Полтавы. С тыла он прикрывался Ворсклой, с его правого фланга тянулся глубокий овраг, а с левого фланга к нему примыкал густой труднопроходимый лес, тянувшийся вплоть до Полтавы. Перед фронтом лагеря на 28 верст простиралась открытая равнина, заканчивавшаяся лесом между деревнями Малые Будищи и Тахтаулова, замыкавшими равнину с северо-запада. Между этим лесом и лесом, расположенным на левом фланге лагеря, оставался промежуток шириной около версты, который при тогдашних линейных построениях являлся наиболее удобным подступом как для русских в случае их наступления от деревни Яковцы к Полтаве, так и для шведов в случае движения их от Полтавы к Яковцам.

Давать сражение раньше 29 июня, то есть до подхода калмыков, Петр не хотел, но предполагал, что Карл в силу своего бойцового характера не станет ждать атаки, а сам перейдет в наступление. И царь принял меры для принятия боя в наиболее выгодных для себя условиях. Подступы к лагерю со стороны противника были укреплены с помощью инженерных сооружений и соответствующей группировки войск. Ознакомившись с местностью в районе деревни Яковцы, Петр приказал перегородить промежуток между обоими лесами шестью редутами, один от другого на расстоянии действительного ружейного огня, а кроме того, возвести еще четыре редута перпендикулярно первым.

К вечеру 26 июня постройка восьми редутов (кроме двух передних) была закончена. Редуты вместе с укрепленным лагерем должны были образовать позицию, которая в случае нападения шведов передавала все выгоды инициативы от наступавших оборонявшимся. Не в состоянии двигаться по густому лесу, шведы, наступая по открытой местности, должны были встретить четыре продольных редута, а следовательно, должны были или штурмовать их (то есть нести большие потери), или обойти их, что позволяло защитникам этих редутов обстреливать шведов во фланг. При дальнейшем наступлении шведская армия встречала линию поперечных редутов и снова должна была или атаковать их, или прорываться между ними под перекрестным огнем. 25 и 26 июня царь осматривал конницу, артиллерию и пехоту, распределил пехоту по дивизиям и разъяснял офицерам значение предстоящего боя. К вечеру 26 июня русская армия заняла следующее расположение: два батальона

Белгородского полка с несколькими орудиями составили гарнизон редутов. Вся регулярная конница Меншикова была поставлена за поперечной линией редутов. Главные силы (59 батальонов и 70 орудий) остались в укрепленном лагере. Казачье войско Скоропадского расположилось в районе между деревнями Малые Будищи и Решетиловка, преградив все удобные пути от деревни Яковцы (через Крепенчуг и Переяславль) в Правобережье. Таким образом, шведам при неудаче оставался свободным лишь один путь – к Переволочне. Но, отступая в этом направлении, шведы должны были попасть в мешок, образуемый Днепром и Ворсклой. Карл XII, получив 21 июня сведения о переходе русской армии через Ворсклу, приготовился атаковать противника и не допустить его до Полтавы. Но обнаружив, что русские, дойдя до Семеновки, остановились, Карл изменил свое решение. Не желая оставлять у себя в тылу во время боя крепость, он дважды – 21 и 22 июня – штурмовал ее. Неся громадные потери, шведы устремлялись к захвату крепостного вала, но в тот момент, когда казалось, что цель уже достигнута, гарнизон Полтавы находил в себе силы и сбрасывал противника с вала. Поздно вечером 22 июня шведы прекратили свои атаки, потеряв около 2,5 тысяч человек убитыми[115].

Глава 15.
И грянул бой

22 июня Карл XII собрал военный совет, на котором было решено дать генеральное сражение. По приказу короля вечером того же дня больных, калек и раненых, а также безлошадных кавалеристов, вместе со всем обозом, штатскими и почти всей артиллерией отвели в деревню Пушкаревку. Для защиты обоза были выделены безлошадные кавалеристы и около трех тысяч запорожцев. Поскольку король из-за ранения не мог ходить, для него сделали специальные носилки, которые поместили между двумя жеребцами. По восемь лучших драбантов должны были находиться с каждой стороны этого тандема. Наступление шведской армии хорошо показано у Энглунда: «Единственный более или менее громкий шум за эти долгие часы во мраке был звук одиночных выстрелов на севере, ближе к реке. Валашский полк, воинская часть легкой кавалерии под командованием полковника Сандула Кольцы, насчитывавшая примерно 1 000 шпаг, выдвинулся вдоль хребта, тянувшегося параллельно Ворскле, по направлению к деревне Яковцы, находившейся точно на юге от укрепленного лагеря. Там стояло довольно большое соединение русской пехоты и кавалерии. (Возможно, участвовала и рота конных егерей, составлявшая 130 солдат, легкое соединение, которое часто использовалось в разведывательных предприятиях.) Целью этого маневра было отвлечь внимание русских от движения армии. В остальном царили тишина, темень летней ночи и ожидание.

Около одиннадцати часов спящих разбудили. Призыв разорвал тишину, передаваясь над головами еще не совсем проснувшихся солдат: “Подъем, подъем, выступаем”. Это и был сигнал, которого ждали. Вестовые были посланы в разные лагеря пехоты и конницы с приказом о выступлении. Задремавший Левенгаупт проснулся от призыва и вскочил. Он кликнул своих денщиков и приказал им бежать вперед, не дожидаясь его, и проследить, чтобы его лошади были готовы. Постой генерала, с лошадьми и солдатами, был в 400 метрах. Придя туда, он вскочил на коня и поскакал обратно, чтобы поймать Реншёльда. Разумеется, он не нашел его в непроглядной тьме. Выход пехоты из биваков не обошелся без путаницы, и последующее построение в колонны тоже скоро превратилось в неразбериху. Согласно плану каждый батальон имел свое место в одной из

четырех колонн. В темноте возник беспорядок, и часть соединений оказалась не на своих местах. По этой причине Левенгаупт приказал тотчас же прекратить уже начавшееся движение. Он провел тщательное перераспределение частей в колоннах, чтобы все точно соответствовало плану… Несмотря на то, что было потеряно столько драгоценного времени, устроили богослужение. Это была центральная часть в очень важной психологической подготовке каждого сражения. Тем, кто в последние дни не причащались, как правило, в подобных случаях приказывалось причаститься. Была даже специальная молитва, которую следовало читать, как указывалось в Военном уложении, “когда предстоял поход либо при других опасных случаях”: “Дай мне и всем тем, кто вместе со мной будет сражаться против наших неприятелей, прямодушие, удачу и победу, дабы наши неприятели увидели, что Ты, Господь, с нами и сражаешься за тех, кто полагается на Тебя”. Непосредственно перед большими сражениями, кроме того, еще всегда пели псалом 96, стих 6.

С надеждой на помощь зовем мы Творца,
Создавшего сушу и море,
Он мужеством нам укрепляет сердца,
Иначе нас ждало бы горе.
Мы знаем, что действуем наверняка,
Основа у нашего дела крепка.
Кто может нас опрокинуть?

В час ночи, когда богослужение закончилось, вся пехота снова пришла в движение. Одна рота примыкала к другой; не издающие ни звука барабанщик и трубач шли впереди, за ними капитан во главе первых отрядов мушкетеров по пятьдесят человек в каждом. Далее шли два отряда пикинёров, между которыми шагал прапорщик, несущий ротное знамя, а за ними следовали остальные два отделения мушкетеров, возглавляемые лейтенантом. Примерно так выглядели они все, ровно 70 рот пехоты, входившие в состав 18 батальонов. Колонна за колонной трогалась с места в молчании. Первая пехотная колонна под командованием генерал-майора Акселя Спарре состояла из двух батальонов Вестманландского полка по 1 100 солдат в каждом; Нерке-Вермландского полка, также из двух батальонов, в сумме 1 200 солдат; за ними следовал основательно сокращенный Йончёпингский полк, единственный батальон которого

включал всего лишь 300 рядовых. Вторая колонна, под командованием генерал-майора Берндта Отто Стакельберга, состояла из двух слабых батальонов Вестерботтенского полка, примерно по 600 человек в каждом; слабого Эстергётландского пехотного полка, в который входило только 380 солдат, собранных в один батальон; двух батальонов Уппландского полка, по 690 человек в каждом. За ними шли по пятам генерал-майор Роос и его третья колонна, где авангард составляли два батальона Далекарлийского полка по 1 100 человек, от них не отрывались два батальона пехотинцев лейб-гвардии. В следующей за ними четвертой и последней колонне, под началом генерал-майора Лагеркруны, находились остальные два батальона гвардии. Всего лейб-гвардия насчитывала около 1 800 человек. Посреди лейб-гвардии передвигался на своих белоконных носилках король, тесно окруженный драбантами и сопровождаемый многочисленной свитой. Последними шли Кальмарский и Скараборгский полки, каждый состоял из одного-единственного батальона примерно в 500 солдат. Вместе взятые около 8 200 пехотинцев тяжелой поступью уходили в ночь.

С того мгновения, как солнце исчезло за горизонтом, шведская кавалерия стояла наготове с оседланными конями. Двое вестовых, которые были посланы к ней с приказом о выступлении, Якоб Дюваль и Лоренц Крёйц, потратили примерно полчаса, чтобы проскакать полмили по равнине до лагеря кавалерии. Сразу же, как только прозвучал сигнал, около двенадцати часов в полки полетел приказ “По коням”. Все прошло тихо и эффективно. Кавалерия состояла из 14 полков плюс корпус драбантов. Часть составляли восемь “чисто” кавалерийских полков: лейбгвардии Конный полк, полк лена Обу, полки Смоланда и Нюланда, Эстергётландский, Северо-Сконский и Южно-Сконский драгунские полки, а также Уппландский резервный конный полк. Другую часть составляли шесть драгунских полков – конница, вооруженная мушкетами, которая могла выполнять функции пехоты: лейб-драгуны и Сконский драгунский полк, а также драгуны Ельма, Тоба, Дюккера и Юлленшерны. Всего было 109 эскадронов общей численностью примерно 7 800 человек, разделенных на шесть колонн. Когда все были в седле, колонны двинулись»[116].

Ночные марш и атака имели свои плюсы и минусы. Главным плюсом была внезапность, а минусом – потеря ориентации. Вся искусно продуманная операция могла провалиться из-за мелких непредусмотренных случаев, что сейчас и происходило. Реншёльд в нетерпении разъезжал взад-вперед. Вестовых одного за другим посылали выяснять, почему не появляется конница, и поторопить ее. С каждой минутой приближался рассвет. Риск быть обнаруженными все возрастал.

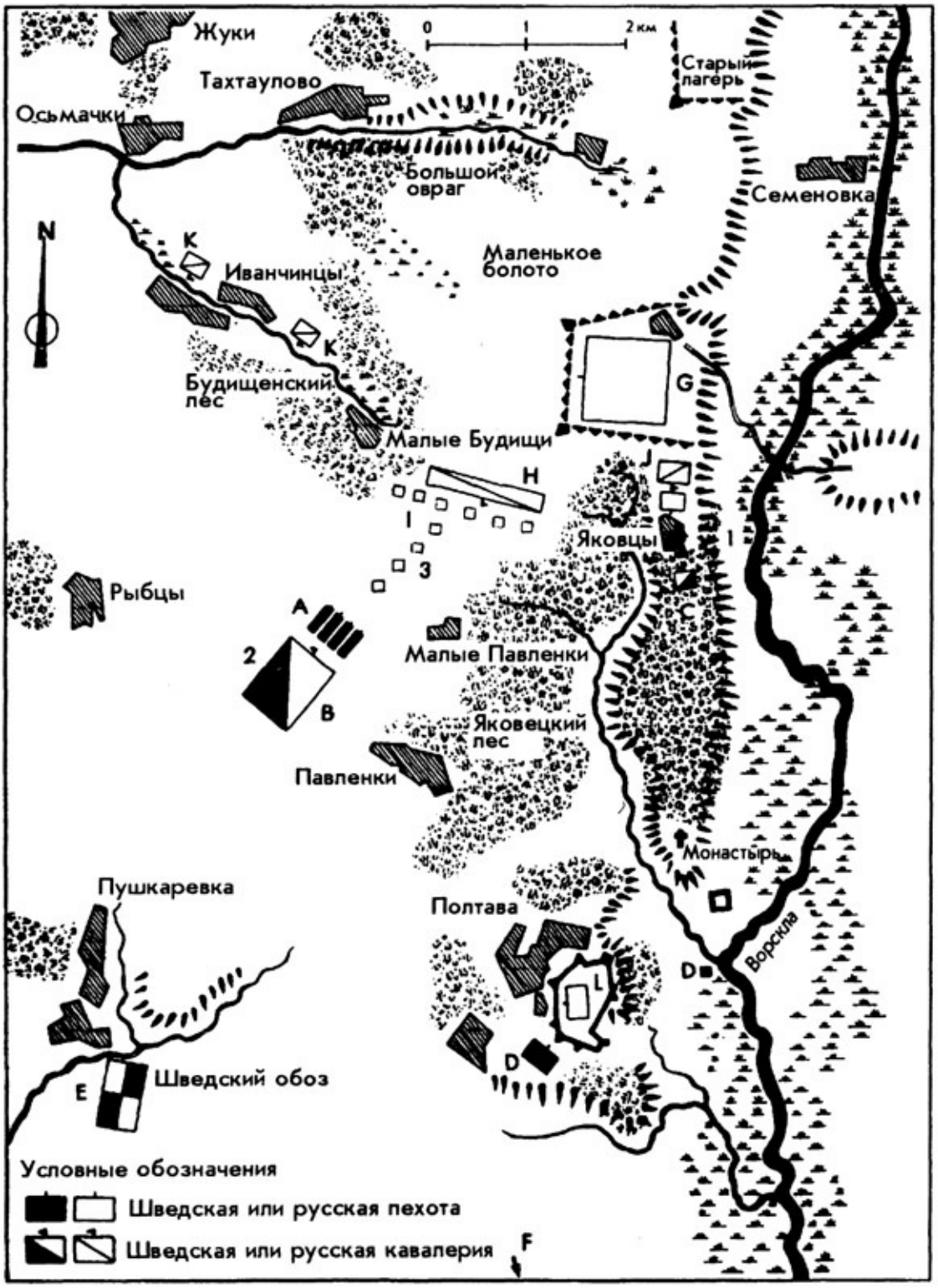
Если русские заметят их, вся внезапность пойдет насмарку. Быстрый проход мимо редутов противника неминуемо превратится в настоящий прорыв, чего никто не планировал. На горизонте уже появилась более светлая полоска, чем окружающий мрак. Куда же запропастилась кавалерия? Левый фланг конных колонн под командованием генералмайора Хамильтона и правый под началом Крейца заблудились. Несмотря на рекогносцировки, они пошли в темноте в неверном направлении. В качестве ориентира среди прочего служила одна звезда. Но вскоре после начала похода командир правого фланга потерял контакт с несколькими из своих полков и был вынужден остановиться, чтобы навести порядок. Марш левого фланга также пошел неладно. Продвигаясь вперед, его колонны слишком сильно взяли влево, удаляясь от места встречи, отклонение составляло около километра. Ошибку обнаружили только тогда, когда перед ними неожиданно возникли русские караулы на опушке Будищенского леса.

Русские заметили шведское войско. Кроме того, они наткнулись на разведчиков Шлиппенбаха и поняли, что что-то готовится. Теперь у шведов не осталось никакой надежды застать неприятеля врасплох. Сквозь пронзительный грохот барабанов, сигнальные выстрелы и русские пароли и отзывы Юлленкрук поскакал обратно к королю и Реншёльду. Возле них собрались многие из высшего начальства. Фельдмаршал жаловался Сигроту и другому командиру колонны, Спарре, что «все пришло в конфузию». Спарре пытался что-то ответить, но Реншёльд злобно отрезал: «Ты хочешь быть умнее меня».

Видимо, с перестроением в линии шведы поторопились или произвели его вообще без приказа верховного командования. Разумность этой меры была совершенно очевидна: речь шла о том, чтобы подготовиться к бою и как можно скорее перейти в наступление. Юлленкрук спросил у Сигрота, в чем состояла эта «конфузия», тот сказал, что не знает, но добавил, мол, «все здесь удивление вызывает». Фельдмаршал явно не хотел, чтобы войска были построены в линии. На прямой вопрос, как должны быть построены солдаты, ответ был: «Колоннами стоять, как и сюда шли». Юлленкрук обещал исправить ошибку и ускакал вместе с Сигротом, чтобы передать приказ о построении в колонны разным соединениям.

Шведское командование было в нерешительности и не знало толком, что предпринять. Немного в стороне от других, рядом с королем, стояли Реншёльд и Пипер. Карла уже подняли на носилки, и они втроем обсуждали положение и решали, идти ли в атаку или все отменить. Фактор внезапности отпал. Теперь нечего было и думать о том, чтобы быстро и

незаметно проскочить через систему редутов, и теперь придется через них пробиваться. Но проблема заключалась в том, что к этому шведы не были готовы. В первоначальных планах, видимо, даже не рассматривалась возможность штурмовать укрепления в системе редутов. Поэтому войска не имели для этого соответствующего снаряжения. Рвы и валы вокруг редута было трудно преодолеть, ведь штурм требовал множества приспособлений: осадных лестниц, вязанок хвороста – фашин, чтобы забрасывать ими рвы, канатов для лазания и столбов, на которые они крепились, ручных гранат. Все это солдаты сами должны были заготовить заранее и взять с собой.



Сражение под Полтавой. Для штурма редутов требовалась, кроме того, большая огневая поддержка артиллерии, а такую поддержку было неоткуда получить. Шведская армия взяла с собой в сражение лишь четыре 3-

фунтовые пушки и четыре повозки с выстрелами, были ли это зарядные ящики или обычные телеги, неясно. Шведскую артиллерию обслуживали 30 человек прислуги, одетой в серые мундиры с синими галунами и в черные шляпы. Командовал ими капитан Ганс Клеркберг. Следует заметить, что при стрельбе из 3-фунтовых орудий шведы наряду с обычным картузным заряжанием применяли и «скорострельные заряды». Они представляли собой примитивные унитарные заряды, в которых собственно заряд и ядро были помещены в оболочку из ткани.

О русской артиллерии Энглунд писал: «Четыре шведские 3-фунтовые пушки противостояли русской артиллерии, насчитывающей в целом 102 орудия (3-фунтовые ручные мортиры, имевшиеся у русской кавалерии, в это число не входят). 70 из этих русских орудий были легкие и скорострельные 3-фунтовые пушки; остальные составляли 13 пушек по два фунта (в кавалерии), двенадцать 8-фунтовых пушек, две 12-фунтовые пушки, одна 20-фунтовая и одна 40-фунтовая гаубицы, одна 20-фунтовая и две 40-фунтовых мортиры. У русских орудий было больше огнеприпасов, чем они могли когда-либо использовать»[117].

По русским данным под Полтавой в войсках Петра имелось 72 орудия, из которых 37 трехфунтовых пушек состояло при пехотных и кавалерийских полках, а в составе артиллерийского полка числилось 35 орудий.

Кто прав? Оба источника достаточно точны, но Энглунд, судя по всему, зачислил в русскую артиллерию орудия Полтавской крепости.

37 трехфунтовых пушек были распределены следующим образом: в дивизии Репнина – 14, Алларта – 13, Меншикова – 10. В артиллерийском полку состояло: пушек: 12-фунтовых – 2, 8-фунтовых – 12, 14-фунтовых – 3; гаубиц однопудовых (40-фунтовых) – 1; мортир: однопудовых – 2, полупудовых – 1.

Вызывает интерес фраза из русской артиллерийской ведомости от 4 июня 1709 г. «20 мортирцов чугунных 6-фунтовых». В другой ведомости сказано, что к этим двадцати «чугунным мортирцам» с 28 мая по 4 июня были сделаны плотниками, состоявшими в штате полевой артиллерии, 20 станков, которые тогда же были окованы железом.

По поводу этих мортир идут споры историков. Некоторые считают, что эти 6-фунтовые мортиры по две устанавливались на лафетах 3-фунтовых пушек. По мнению других, это были надульные приставки к 3-фунтовым пушкам для стрельбы 6-фунтовыми гранатами. И то и другое, на мой взгляд, неверно хотя бы потому, что в обоих случаях не требуются деревянные станки. Скорее всего, это были или 6-фунтовые мортирки на

деревянной треноге конструкции Василия Корчмина, или мортирки системы Кегорна.

Усилиями Петра и Меншикова в Москве и Воронеже была проведена огромная работа по снабжению полевой армии и ее артиллерии боеприпасами, снаряжением и шанцевым инструментом. Для пополнения полевой артиллерии боеприпасами поблизости от Полтавы были созданы базы снабжения – в Белгороде, Ахтырке и Севске. Из этих городов боеприпасы подвозились на полевой склад, который перемещался вместе с артиллерийским полком и снабжал боеприпасами не только артиллерию, но и пехотные и драгунские полки, а также малороссийские полки Скоропадского. Для подвоза боеприпасов в драгунские и пехотные полки дивизиям были приданы фурманские команды.

Благодаря четкой организации снабжения к началу Полтавской битвы возимый запас полевой артиллерии был доведен до 8 682 снарядов, что составляло 120 снарядов на орудие. Из этого количества боеприпасов более половины составляла картечь.

В 3-м часу утра русская артиллерия из редутов открыла огонь по шведам с максимальной дистанции стрельбы около одной версты. Тем не менее и на излете русские ядра, попадая в строй неприятеля, убивали от 2 до 5 человек.

Теперь, когда фактор внезапности был утерян, Карл XII собрал графа Пипера и генералов на импровизированный совет. Генерал Реншёльд спросил Левенгаупта: «Что скажете вы, граф Лейонхювюд?» Левенгаупт ответил кратко: «Уповаю, что с Божьей помощью атака удастся». – «Что ж, с Богом, – сказал Реншёльд, снова повернувшись к королю и к Пиперу, – будем продолжать».

«Левенгаупт получил приказ построить своих людей в соответствии с ordre de bataille, но на правом фланге они стояли так близко к опушке Яковецкого леса, что не хватало пространства для того, чтобы все батальоны на этом краю сумели установиться в линию. Построить солдат для битвы было сложным делом, и недостаток времени и места привели к тому, что формирование линии не было полностью закончено.

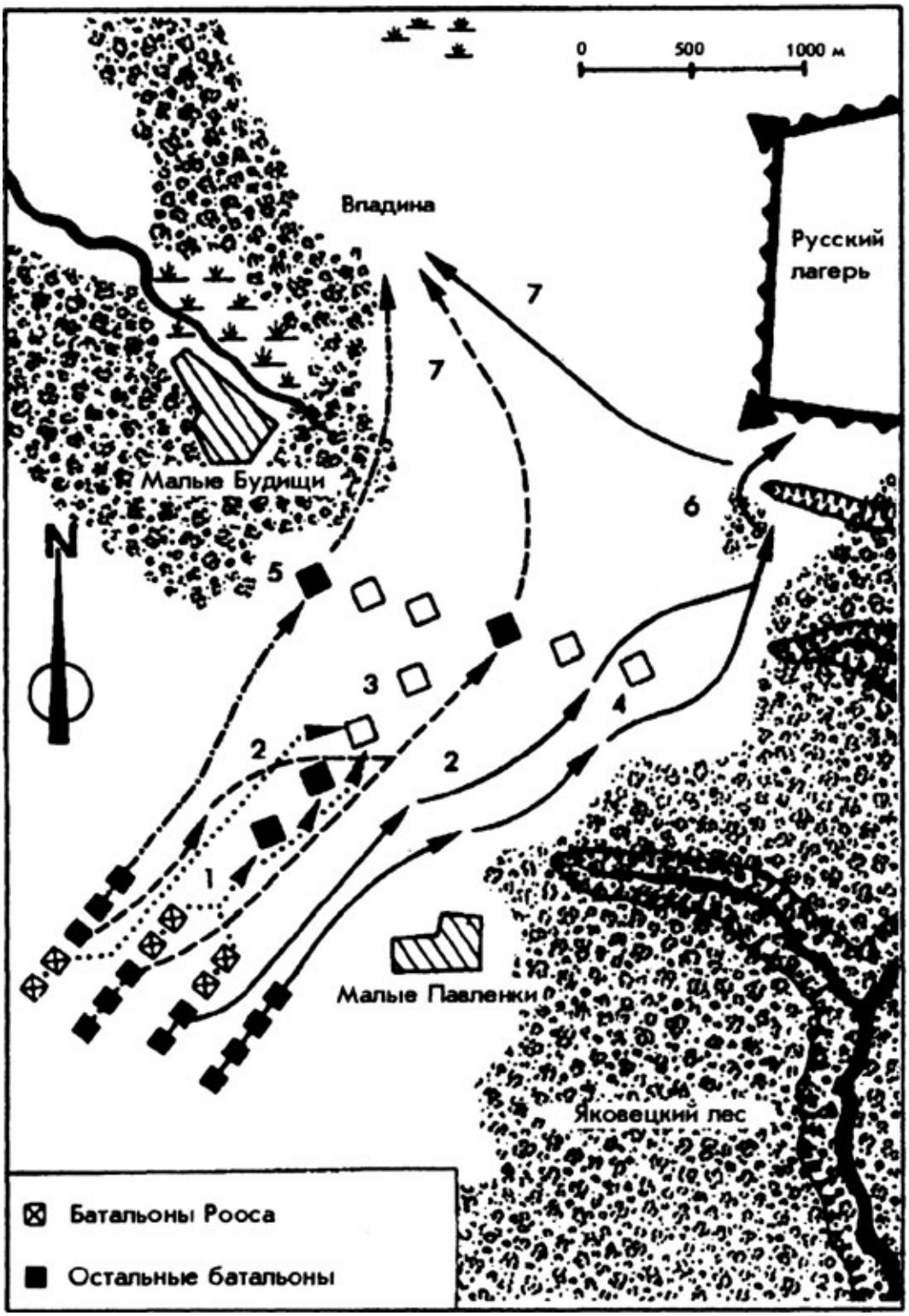
Еще хуже было то, что все участвующие командиры не имели ясного представления о цели этих вводных операций. Приказ об атаке был спешно разослан командующим колонн, которые потом разослали его дальше подчиненным им командирам полков и батальонов. По всей вероятности, недостаток времени не позволил передавать точные детализированные приказы, некоторые из подчиненных получили лишь инструкции в общих чертах, которые наверняка не так легко было истолковать. Сигрот поскакал

с приказом об атаке к командиру третьей колонны, генерал-майору Роосу; его части должны были атаковать ближайшие редуты. Сразу после этого и Стакельберг, командующий колонной номер два, которая стояла правее солдат Рооса, промчался мимо и подтвердил, что надо атаковать. Когда этот отданный в общих чертах приказ передавался дальше подчиненным командирам, произошло некоторое искажение – примерно так, как происходит в игре “испорченный телефон”. Часть поняла задачу так, что нужно крушить все подряд, другие полагали, что речь идет, без сомнения, об атаке на линию редутов, но когда будет найден проход, все должны пройти через этот проход; вражеские укрепления должны быть просто пройдены насквозь. Замысел атаки двух средних колонн, вероятно, состоял в том, чтобы нейтрализовать опасный обстрел с флангов, которым угрожала эта часть линии редутов. Остальная пехота – первая и четвертая колонны, а также задние батальоны второй и третьей – должна была тогда, поддержанная этой вспомогательной атакой, быстро достигнуть задней линии редутов и либо обойти их, либо пробиться через них. Атака на редуты была в высшей степени второстепенным делом. Редуты были препятствием, которое надо было миновать по пути к настоящему объекту атаки – русскому лагерю. Не все командиры знали об этом – промах, за который шведам придется дорого заплатить.

Атака средних колонн была сумбурна с самого начала. Батальоны скоро отделились друг от друга, но, несмотря на это, головная часть армии быстро продвигалась вперед. Ближайший редут, который был недостроен, находился на вершине невысокой гряды, недалеко от зарослей кустарника. На это укрепление с двух сторон напали четыре шведских батальона. Им была оказана поддержка четырьмя эскадронами лейб-драгунского полка, который, по-видимому, атаковал небольшое русское соединение, стоявшее между этим редутом и ближайшим шанцем. Волны шведской атаки перехлестнули через этот редут, не задерживаясь. Гарнизон, который наверняка по большей части состоял из рабочей команды, был уничтожен весь до последнего человека. Уйти живыми удалось лишь тем, кто в страхе и панике сумел перелезть через вал и добежать до соседнего редута. Пленных шведы не брали. Все русские, которые попали к ним в руки, были застрелены, заколоты или забиты насмерть. Наступление покатилось дальше сквозь огонь и клубящийся дым. Взятый шанец бросили позади, не оставив в нем гарнизона. Два батальона Далекарлийского полка продвигались в глубь системы укреплений. Длинная синяя цепь, над которой плыли мерцающие штыки и качались острия пик, шагала вперед по песчаной земле. Она приблизилась к следующему редуту. Уже сейчас

стал заметен беспорядок: разные батальоны стали расползаться, ускользать друг от друга в грохоте сражения. Два гвардейских батальона, шедшие последними в колонне Рооса, уклонились вправо. По приказу своего командира полка Карла Магнуса Поссе они примкнули к другим гвардейским батальонам в стоящей поблизости четвертой колонне. Батальоны этой колонны пытались полностью обойти редуты. Вестерботтенский полк, который взял первый редут вместе с Далекарлийским полком, очень скоро потерял контакт с этим соединением. Вместо этого вестерботтенцы стали продвигаться непосредственно к задней линии редутов, вместе с батальонами первой и второй колонны. Роос никак не мог понять, куда вдруг исчезла половина его колонны.

Король со своей многочисленной свитой и генеральным штабом находился на правом фланге поля сражения. Карл лежал на конных носилках в сапоге со шпорой на здоровой ноге; держа свою длинную шпагу в руке, он мощно, как было у него в обычае, командовал ближайшими частями»[118].



Полтавский бой. Прорыв шведской пехоты.

1. Далекарлийцы и вестерботтенцы под командованием Роса штурмуют первый редут. Затем далекарлийцы берут второй редут. 2.

Батальоны Левенгаупта с правого края расширяют занятое ими пространство. Среди пехоты происходит общее движении направо. 3. Ряд батальонов – в конечном счете шесть – тщетно пытаются штурмовать третий редут. 4. Поддержанные кавалерией, батальоны на правом краю проникают за заднюю линию редутов. 5. Вестерботтенцы штурмуют один из редутов и пересекают линию. 6. Левенгаупт приказывает своим батальонам двинуться на север, чтобы атаковать русский лагерь, но сам получает приказ в отмену этого Отступление шведов после Полтавского сражения об общем сборе армии. 7. Шведские силы, которые прорвались сквозь линию редутов, снова собираются вместе во впадине к западу от русского лагеря.

Продолжая атаку против продольной линии редутов, Далекарлийский полк в 5 часов утра достиг второго редута и атаковал его. Этот редут был лучше подготовлен, чем первый, а силы атакующих были немного меньше, и потому второе нападение было и труднее, и повлекло большие потери, чем первое. Несмотря на это, редут был взят, и все, кому не удалось бежать, были «забиты, как скот». Тридцатидвухлетний прапорщик из города Орсы Андерс Пильстрем рассказывал, что они «сокрушили каждую косточку у тех, кто был внутри».

В то время как далекарлийцы штурмовали второй редут и уничтожали там людей, другие отряды (в общей сложности семь батальонов) шли вперед левее к задней линии. Теперь, когда правое крыло начало забирать еще дальше вправо, чтобы использовать открытое поле, до которого они дошли, левое крыло последовало за ним. В результате они вышли прямо на третий редут в продольной линии. Это был большой и хорошо вооруженный треугольный шанец, окруженный валом, рвом и искусственными препятствиями – рогатками. В нем ждал атаки шведов русский пехотный батальон из бригады Айгустова (500—600 солдат, которым были приданы артиллерийские орудия) под командованием своего полковника. Солдаты прекрасно понимали, что если им не удастся отбить наступавших шведов, то их постигнет та же жестокая участь, что и русских солдат в уже взятых укреплениях.

Первый батальон из Нерке-Вермландского полка под началом подполковника Хенрика Юхана Ребиндера пошел в атаку на редут. Способ действия был хорошо отработан во время бесконечных тренировок. Командир батальона отдал приказ «Приготовиться!». Четыре роты по 150 солдат каждая были построены в одну линию, по четыре человека в глубину и 150 человек в длину, что составляло фронт примерно в 130 метров. В середине каждой роты стояли по пятьдесят пикинеров, которые

по команде «приготовиться» подняли свои пятиметровые пики в вертикальное положение: крепко держали пику за нижний конец и, прислонив оружие к плечу, направляли острие прямо в небо. По обе стороны от пикинеров стояли мушкетеры, примерно 100 человек в каждой роте. В руках у них были тяжелые пятикилограммовые мушкеты с кремневыми замками. Это было более надежное оружие, чем предшествующий образец, так, они лучше действовали во время дождя, но все же давали осечку в среднем при каждом девятом выстреле. Кроме того, у них была больше скорострельность, чем у прежних мушкетов: хорошо тренированный стрелок мог зарядить, прицелиться и выстрелить за 30 секунд. Практическая дальнобойность достигала 150 метров. Калибр был большой, 20 миллиметров, и вместе с большим пороховым зарядом это приводило к сильной отдаче. При выстреле приклад, как правило, приставлялся не к плечу, а к правой стороне груди, поскольку иначе был риск вывихнуть руку.

На самых дальних флангах роты стояло небольшое количество гренадеров в высоких шапках, которые они носили вместо обычных широких треуголок, мешавших им при метании ручных гранат. Гранаты представляли собой маленькие полые ядра из чугуна, свинца, обожженной глины или стекла диаметром примерно 8 сантиметров и весом от полутора до двух килограммов, снабженные взрывным зарядом и запальным шнуром, который зажигался перед броском. Эти гранаты были малоэффективны в открытом бою, больше всего они применялись при штурме укреплений. Гренадеры были чем-то вроде личной охраны командующего офицера и, кроме того, действовали как снайперы.

По обе стороны подразделений пикинеров и мушкетеров стояли унтер-офицеры с короткими пиками, так называемыми бердышами, или алебардами. Это оружие было почти бесполезно в бою и годилось лишь для того, чтобы поддерживать равнение в строю и раздавать удары солдатам, сходящим со своего места.

Впереди каждой роты стояли ответственный за музыку – барабанщик или трубач, – командир роты и прапорщик, который держал знамя. Над каждой ротой развевались кровавокрасные знамена с двумя перекрещивающимися желтыми стрелами внутри зеленого венка. Солдаты и офицеры были одеты в синюю форму, единую для всех воинов Карла XII, но с красными воротниками, подкладкой и обшлагами. Чулки у рядовых были красные, у унтер-офицеров – синие: длинный ряд солдат, оружия и развевающихся на ветру знамен радовал глаз яркими красками.

«Батальон из Нерке ринулся в атаку. Воздух разорвал грохот мушкетов

и пушек. Большой шанец плевался снарядами. Сквозь дым и огонь шведы добежали до рва перед валом. Разбросали окружавшие его рогатки. Батальон стал прыгать в ров перед валом. Волна солдат наскочила на стену ядер и хлещущее “сеченое железо”, отпрянула и откатилась обратно. Батальон из Нерке бросился прочь в смятении и беспорядке. В это время единственный батальон Йончёпингского полка, посланный в подкрепление, тоже пошел в атаку на редут. Бежавшие встретились с наступавшими и столкнулись: путь вперед для смоландских солдат оказался отрезан. Время было примерно полпятого.

Полк из Нерке-Вермланда при этой суматохе раскололся на две части. В то время как первый батальон пошел на штурм, батальон номер два быстро прокрался мимо шанца, обойдя его с востока, чтобы потом присоединиться к группе Левенгаупта.

Первый батальон из Нерке построился в боевой порядок. То же самое сделали 300 солдат из Йончёпингского полка. После этого вместе пошли в атаку. Эта атака тоже была отброшена, ничего не дав, кроме больших потерь шведов. На песчаной земле вокруг редута и во рву под валом уже лежало много убитых и раненых шведских солдат, кто поодиночке, кто друг на друге»[119].

Около 5 часов утра 9 тысяч драгун под командованием Меншикова двинулись на батальон Левенгаупта сквозь промежуток между редутами.

Чтобы защитить свою пехоту, шведы введи в дело конницу – драбантов, Смоландский кавалерийский полк, конногвардейский и другие. Кавалерия была вооружена шпагами, пистолетами, а также мушкетами или карабинами. Шведский эскадрон из 250 всадников всегда был построен для боя в одну линию глубиной в два или три всадника. Всадники тесно примыкали друг к другу, желательно колено за коленом, и образовывали таким образом клин или плуг. Они скакали в максимально быстром темпе, по возможности галопом или карьером.

Согласно русским источникам, «Меншиков несколько раз опрокидывал конницу шведов, но последняя, поддерживаемая пехотой, медленно, но все равно продолжала приближаться к редутам. Так дело тянулось около часа. За это время главные силы русской армии успели изготовиться, а потом настал момент оттянуть конницу Меншикова к главной позиции (укрепленному лагерю). В 4-м часу утра, объехав пехотные полки и артиллерию и убедившись в их полной готовности к бою, Петр решил, что дальнейший бой Меншикова с превосходящими силами шведов становится бесцельным, а потому приказал тому отвести конницу к правому флангу укрепленного лагеря. Но Меншиков, упуская из виду

общий план действий и забыв ограниченную задачу, возложенную Царем на конницу, полагал возможным при небольшой поддержке главных сил сдержать натиск шведской армии, стремясь таким образом перетянуть бой к редутам, имевшим по существу значение лишь передовой позиции. Объясняя приказание Петра отступать его недостаточной ориентировкой в положении дел, Меншиков продолжал бой, а Царю послал донесение, в котором указывал, что отступление нашей кавалерии вредно отразится на ходе боя и что присылка ему на помощь нескольких пехотных полков склонит победу на его сторону»[120] .

О действиях конницы Энглунд писал: «Кавалерийские атаки дали шведской пехоте время на то, чтобы упорядочить свои ряды. Она снова двинулась вперед. Русская конница потихоньку давала задний ход. В то же время из ее рядов высылались “охотники”, которые своими выстрелами валили наземь солдат наступающих батальонов. Шведы отвечали той же монетой: они выставили вперед солдат со штуцерами, снайперскими ружьями, которые прежде всего считались оружием офицеров. Своим метким огнем они заставили русскую конницу отойти еще дальше. Шведская кавалерия остановилась и снова пошла в атаку. Объединенный напор пехоты и лошадей своим давлением отодвинул русские эскадроны назад. Сохраняя полный порядок, они отступили, проходя в промежутках между редутами. Тучи порохового дыма смешались с облаком пыли, выбитым из песчаной почвы десятками тысяч человечьих и лошадиных ног. Пыль клубилась и поднималась, видимость подчас была равна нулю – сражались почти вслепую. Кроме того, пыль ложилась на солдат и покрывала их с головы до ног; цвета мундиров исчезали под ее толстым слоем, а пороховая гарь образовывала черную жирную пленку на потной коже. В беспорядочной стычке порой становилось трудно отличить друга от врага. Отряд лейб-драгун несколько раз вступал в сражение с русскими. Когда снова привели в порядок строй, было сделано ошеломляющее открытие. Шесть русских всадников аккуратно и в полном соответствии с уставом встали в строй шведского эскадрона, двое в передней шеренге и четверо в задней. Четверо в задней шеренге были обнаружены первыми и немедленно убиты. Именно это и показало двоим в передней их ошибку. Они попытались бежать. Один вырвался из строя и поскакал, направляясь прямо к командиру эскадрона, двадцатишестилетнему капитану Роберту Мулю – ветерану, за плечами которого было много сражений, ибо он начал свою карьеру пятнадцатилетним волонтером в лейб-гвардии. Муль стоял спиной к своему отряду. Поэтому он не видел, как русский подскакал к нему, обнажив свою длинную шпагу, готовый нанести удар. Крики солдат

предупредили его. Он повернулся, нагнувшись, уклонился от пронесшейся над ним шпаги, которая чуть было не снесла ему голову, и проткнул русского своей шпагой. Всадник упал с коня и грохнулся оземь с кровавой раной повыше живота. Его товарищ примчался через несколько секунд. Выстрел – и пистолетная пуля разорвалась у него в голове. В тумане из пороховых облаков и пыли шведская кавалерия по пятам преследовала русскую. Слишком поздно заметили шведы, что они добрались до самых извергающих огонь шанцев… Промежутки между редутами были узкие, шириной всего в 150—170 метров. Каждый из промежутков обстреливался мощным перекрестным артиллерийским огнем из окружающих шанцев. Все отряды, которые хотели прорваться мимо шанцев, подвергались ураганному огню на близком расстоянии с фронта, флангов и тыла. Смешавшись с отступавшими русскими, шведы скакали сквозь ревущую бурю пуль и “сеченого железа”»[121] .

Атака Меншикова закончилась бегством. Шведская кавалерия начала преследование, несмотря на огонь русских редутов. Ядра и картечь поражали как шведских, так и русских всадников. Шведы гнали конницу Меншикова на север – к обрывистому берегу Ворсклы. Однако генерал Реншёльд отдал приказ остановить конницу, поскольку не хотел оставлять свою пехоту без прикрытия.

К этому времени пехота на правом краю, в общей сложности десять батальонов, уже полностью миновала заднюю линию редутов. Левенгаупт был полон решимости атаковать русский лагерь. Он со свитой расположился на небольшом возвышении, с которого на расстоянии меньше километра был виден ближайший левый край лагеря.

Оттуда Левенгаупт видел, что русские начали запрягать лошадей в обоз и часть артиллерии. Генералу донесли, что некоторые русские соединения уже переправились через Ворсклу. Возможно, их задачей было прикрыть отступление с того берега. У русских явно сдали нервы, и не без причины: неприятель миновал защитную линию редутов, а собственная конница в большинстве своем обращена в бегство. Увы, то, что мог видеть генерал, не было отступлением.

Ряды шведской пехоты двигались к лагерю. Подойдя к нескольким вишневым рощам метрах в ста от лагерных валов, они остановились. Путь вперед был прегражден промоиной всего пять метров в ширину, но очень глубокой. Пришлось ее обойти, чтобы снова продолжать наступление. Все это время шведы подвергались мощному обстрелу из лагеря.

Батальоны были не полностью собраны. Несколько гвардейских батальонов составили авангард. Часть соединений, которым пришлось

пробиваться сквозь линию укреплений, тащились за ними. Командир гренадерского батальона Русеншерна либо получил невразумительные директивы, либо совершенно не понял их. Русеншерна увел своих солдат прямо к лагерю, на короткое время они остановились перед лагерем совсем одни и под обстрелом русских в нерешительности ждали дальнейших распоряжений. Гренадерский батальон потерял много солдат убитыми и ранеными, прежде чем присоединился к другим гвардейским батальонам.

Карл XII вместе со всей своей свитой из телохранителей, гвардейцев, придворных и поклонников находился поблизости от десяти батальонов Левенгаупта. Во время прорыва системы укреплений они держались немного позади линии боя, но их беспокоили казачьи разъезды, которые роились вокруг них со всех сторон. Это не представляло большой угрозы, поскольку казаки, верные своей привычке, удовлетворялись тем, что на расстоянии с гиканьем и шумом стреляли в изысканную компанию.

Все же решено было усилить охрану короля, и драбантский капрал Брур Роламб был послан найти свежие силы для подкреплений. Он передал приказ присоединиться к группе вокруг короля лейб-драгунскому эскадрону Роберта Муля. Драгуны примчались галопом, и казаки тут же отступили и скрылись.

Затем король и его компания совершили очень опасный переход через линию редутов. Следуя тем же путем, что и кавалерия, они попали под перекрестный огонь из редутов: передний конь из тех, что нес королевские носилки, был убит. Личная охрана Карла уже стала играть роль живой мишени. Трое драбантов и много гвардейцев погибли. Но вся компания продолжала идти вперед, достигла местности возле лагеря и снова попала под сильный обстрел. Пушечное ядро разбило правое дышло у конных носилок. Послали солдата вырезать кол из какой-нибудь изгороди, которых вокруг было полно, и с его помощью починили носилки. Пока латали дышло, приходилось стоять неподвижно на открытом месте и выдерживать ураганный огонь русских. Прежде чем можно было снова двинуться, еще больше людей и лошадей вокруг Карла были убиты или покалечены. Король и его сильно поредевшая свита присоединились к десяти батальонам, которые как раз к этому времени были построены.

Батальоны Левенгаупта наконец подготовились к бою. Штурм лагеря начался снова, под грохот лагерных орудий. Но не успели они хоть сколько-нибудь продвинуться к изрыгающим огонь валам, как генерал получил новый приказ – атаку немедленно прекратить. Вместо этого надо было отойти от лагеря и маршировать на запад. Приказ был выполнен.

Энглунд писал: «Не исключено, что при этом шведы упустили еще

один случай. Сам Левенгаупт очень оптимистически оценивал возможный эффект своей атаки. Впоследствии он утверждал, что русские солдаты уже начали отходить от валов, по мере того как шведы продвигались вперед. Он полагал, что боевой дух русских дрогнул бы перед лицом мощной атаки, и они бежали бы с поля боя, и явные признаки этого, на его взгляд, были уже заметны. Правда ли это, мы, разумеется, знать не можем. Вероятно, в пользу атаки Левенгаупта было то, что она была предпринята в весьма благоприятный психологический момент; однако нельзя забывать, что она могла также закончиться кровавым поражением. Приказ высшего командования тоже содержал в себе известную логику: можно предположить, что наступление объединенной шведской пехоты, поддержанной конницей, имело больше шансов на успех, чем удалое, но совершенно изолированное нападение Левенгаупта. В ожидании остальных сил войска не было никакой нужды подставлять солдат Левенгаупта под русский огонь. Пехотные батальоны уходили прочь от лагеря по широкой равнине в направлении на северо-запад, к Будищенскому лесу. Левенгаупт не понимал, почему он и его десять батальонов должны были прервать атаку, но у него были дурные предчувствия. Вскоре они подтвердились. Оказалось, что командование потеряло связь с частью шведской пехоты – целыми шестью батальонами. Генерал-майор Роос, полковник Сигрот и треть всего состава пехоты точно сквозь землю провалились»[122].

Когда далекарлийцы дошли до третьего шанца в продольной линии редутов, их глазам предстало странное зрелище – четыре батальона Вестерботтенского полка стояли неподвижно «перед большим шанцем и ждали. Полная тишина, ни выстрела, ни со стороны большой массы шведов, ни из русского шанца. Обе стороны выжидали и не хотели зря тратить боеприпасы. (Каждый пехотинец имел при себе в бою припасов на 25 выстрелов, а это означало, что в общем и целом он мог использовать свой мушкет только в случае крайней необходимости.) Сигрот не считал возможным просто пройти мимо четырех батальонов у шанца и не оказать им помощи. Он отдал приказ идти в атаку. Две шеренги солдат подошли к одному из углов редута. С правой стороны к ним присоединились остальные батальоны. Когда они были метрах в двухстах от укрепления, в нем проснулась жизнь: пушечные выстрелы загремели навстречу наступающим. Картечь и связки “сеченого железа” обрушились на шведские шеренги. Одним из первых, в кого попало, был Сигрот, который был тяжело ранен»[123].

Влезть без штурмовых лестниц на вал было невозможно. Потеряв до

40 процентов личного состава убитыми и ранеными, шведы начали отход.

Шесть шведских батальонов и несколько эскадронов конницы наступали на правом фланге под командованием генералов Рооса и Шлиппенбаха. Между тем часть боевых порядков шведов не поместилась на узкой поляне между редутами и Будищенским лесом и оказалась отрезанной редутом от остального войска. Чтобы не быть уничтоженными, они укрылись в южном монастырском лесу.

Царь внимательно следил за ходом боя. Видя, с одной стороны, возможность разбить войска Шлиппенбаха и Рооса, а с другой, стремясь направить бой согласно заранее намеченному плану, он приказал Меншикову с пятью батальонами Ранцеля и пятью конными полками Генскина атаковать шведов, укрывшихся в южном лесу.

В какой-то момент после семи часов утра солдаты в частях Рооса заметили за своей спиной длинную цепь кавалеристов. Они двигались неподалеку от редутов, которые части Рооса штурмовали ранее. Уж не драгуны ли это Ельма? В полной уверенности, что войска эти шведские, Роос послал им навстречу своего адъютанта Бенгта Спарре. Но, к несчастью для шведов, это были пять русских драгунских полков генерала Хайнске. А с фронта наступали батальоны Ранцеля и казаки.

Русские и шведы сделали по два ружейных залпа и схватились врукопашную. Шведы были перебиты, и лишь четырехстам человекам удалось укрыться в лесу.

Через лес шведы под командованием генерал-майора Рооса вышли к Ворскле и заняли пустующие шведские укрепления, так называемый Гвардейский шанец – неправильный прямоугольник размером примерно 120 на 140 метров. Недостатком шанца была его близость к Полтавской крепости. Увидев отряд Рооса, комендант крепости Келин отправил своих солдат на вылазку, а крепостная артиллерия открыла огонь по Гвардейскому шанцу. Однако несколько атак русских шведы отбили.

Затем начались переговоры о сдаче. Русский генерал Ренцель обещал шведам почетную капитуляцию и сдержал свое обещание. О раненых позаботились, и пленных никто не грабил. Пленные шведы под конвоем русских гренадеров направились по поросшему лесом холму к деревне Яковцы и лежавшему сразу же за ней укрепленному лагерю. Во время этого перехода пленные шведы вдруг услышали знакомые звуки, доносившиеся с северо-запада: это было раскатистое эхо залпов русской артиллерии. Началось генеральное сражение.

Шведская армия отошла от редутов, и русское командование потеряло ее из виду. Понеся большие потери, Карл XII решился на отчаянный шаг,

послав генерал-адъютанта на юг к обозу в Пушкаревке, чтобы привести солдат и артиллерию, находившиеся там. Но на путь к ставке короля у них должно было уйти не менее 5—6 часов.

Глава 16.
Виктория

Между тем Петр и его генералы ожидали нового наступления шведов. Они опасались, что шведы решили прервать сражение и отступили обратно к Полтаве. Но вскоре конная разведка донесла, что шведы никуда не делись: они строились в боевой порядок. Видимо, лишь теперь русское командование получило истинное представление о силе противника. В первой фазе сражения оно переоценивало шведские войска и потому соблюдало повышенную осторожность. Русские генералы собрали военный совет. Воодушевленные местным успехом в действиях против Рооса, а также, как им казалось, медлительностью и пассивностью шведов, они решили перейти в контрнаступление. Всей русской армии предстояло покинуть лагерь и двинуться в атаку. Русский генералитет во главе с Шереметевым и царем вышел из царского шатра. Петр был одет как большинство офицеров его армии: в черной треуголке, черных сапогах и зеленом мундире с красными обшлагами и подкладкой. Кроме того, через плечо у него была перекинута лента голубого шелка с орденом Святого Андрея. Царь подошел к своей любимице Лизетте – этого темно-гнедого арабского скакуна он получил в подарок от султана, – вскочил в седло, отделанное зеленым бархатом и серебряной парчой, и поехал между рядами ждущей пехоты и артиллерии. Войска были приведены в готовность, началось выступление из лагеря. Часть за частью, минуя валы, выходила на поле битвы. По дороге воинов кропили святой водой.

Основная часть пехоты присоединялась к 23 батальонам, уже выстроенным по бокам лагеря. Шеренги солдат перегоняли туда и обратно, чтобы составить из пехоты две линии перед левой стороной лагеря, лицом к логовине и небольшому болотцу. Подразделение за подразделением занимало свою позицию; шеренга за шеренгой солдат в зеленых и серых мундирах образовывали две сплошные линии из 42 батальонов – двадцати четырех в первой линии и восемнадцати во второй. Пехота стояла сомкнутым фронтом, локоть к локтю, без промежутков, если не считать небольших – метров в десять – просветов между батальонами, куда пушкари подкатывали орудия полковой артиллерии. Таким образом было установлено 55 трехфунтовых орудий.

Орудия артиллерийского полка русские не стали вывозить в поле,

оставив их на прежних позициях за укреплениями с западной стороны лагеря. Они должны были поддержать войска в случае отступления.

Оставленные в лагере орудия находились под началом командира артиллерийского полка полковника Гюнтера. Кроме артиллеристов, там стояли в резерве с приказом не высовываться за насыпи девять батальонов под командованием полковника Боя. Общее руководство войсками в лагере осуществлялось Гюнтером, поскольку он, как артиллерист, считался старше по чину, чем пехотный полковник Бой. Наконец, три батальона во главе с полковником Головиным были посланы в южном направлении, чтобы занять важный для коммуникаций с Полтавой монастырь на взгорье. Засевшие в нем шведы настолько успешно отбивались, что русские посчитали необходимым выделить специальный отряд для его взятия.

Русская конница была в основном сосредоточена по краям от пехоты. Правый фланг под командованием генерал-лейтенанта Адольфа Фредерика Бауэра состоял из 10 полков драгун, конно-гренадерского полка под началом Кропотова и Генеральского эскадрона. 45 эскадронов, насчитывавших в общей сложности 9 тысяч человек, было выстроено в две линии: 23 эскадрона в первой и 22 эскадрона – во второй.

На левом фланге дела обстояли хуже, так как из-за стычек, происшедших ранним утром, там вообще не осталось конницы. Да и развернуться тут коннице было негде – мешали как близость Яковецкого леса, так и пересекавшие местность многочисленные овраги. Русские перевели на левый фланг кавалеристов из крупного отряда, стоявшего к северу от лагеря. Шесть отборных драгунских полков под командованием Меншикова зашли в тыл к пехоте и заняли позицию слева от нее. Они также были выстроены в две линии, по двенадцать эскадронов в каждой. Конница левого крыла была значительно слабее конницы правого и составляла всего 4 800 всадников.

Перед наступлением Петр решил произвести дополнительные перестановки. Так, для поддержки стоявших у села Тахтаулова казаков гетмана Скоропадского было выделено шесть драгунских полков под началом генерал-майора Волконского. Это была мера предосторожности. В случае отхода шведов драгуны должны были помочь казакам в преследовании неприятеля, а пока отряд Волконского должен был занять выжидательную позицию и ограничиться разведкой. Волконскому категорически запрещалось вводить своих драгун в бой по собственной инициативе. Мера эта вызвала небольшую перепалку в стане русского командования. Шереметев, горячо поддержанный генералом от инфантерии Репниным, возражал против такого ослабления правого фланга.

Обоим генералам не хотелось сокращать имеющиеся в распоряжении силы. Репнин утверждал, что необходимо добиться как можно большего численного перевеса над шведами. Царь настаивал на своем. Отсылка драгун Волконского к Тахтаулову сильно ослабляла ряды кавалерии, поскольку из нее изымалось около пяти тысяч человек, так что вовсе нелишне задаться вопросом, почему царь проявлял подобную настойчивость. «Скорее всего, Петр хотел обезопасить себя от того, чтобы казаки Скоропадского, если последует серьезная атака со стороны шведов, не были смяты противником, не сдались или просто-напросто не перешли на его сторону. Боевой дух казаков отнюдь не был высок, и во время утреннего боя они уже делали ряд попыток дезертировать»[124].

Предвидя приближение решительного момента, Петр еще раз объехал полки, и войска прослушали словесный приказ ца ря: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за православную веру и церковь. Не должна вас смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении перед очами вашими правду и Бога, поборающего по вас. А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе, для благостояния нашего».

К 6 часам 30 минутам было закончено построение боевых порядков и шведской армии. Наблюдая за построением русских войск и видя, что их фронт оказался значительно длиннее, Карл XII, чтобы обезопасить свою армию от охвата, построил войска в одну линию с небольшими резервами. Шведская конница стала на флангах пехоты в две линии.

Численность обеих армий, готовых к бою, по выделении всех упомянутых частей (также и отрядов Рооса и Шлипенбаха) достигла: русской – 40 тысяч человек, шведской – 18 тысяч человек[125].

В начале девятого утра обе армии сблизились на дистанцию пушечного выстрела. Русские войска остановились, и их артиллерия открыла огонь по шведам. Последние, не имея возможности бороться с превосходящей артиллерией и неся огромные потери, смело продвигались вперед, стремясь подойти на дистанцию ружейного огня. Когда расстояние между противниками уменьшилось до 25 саженей (около 53 метров), шведы также остановились. Обе стороны произвели по паре ружейных залпов, и начался штыковой бой.

В ряде мест русская пехота начала отход. Напору шведов поддались

Казанский, Псковский, Сибирский, Московский, Бутырский и Новгородский полки. Передовая линия русских просто-напросто повернула и двинулась назад, столкнувшись со второй линией, которая до поры до времени не принимала участия в битве, а лишь выжидающе стояла сзади. Свыше десятка трехфунтовых русских пушек оказались в руках шведов. Некоторые из них шведы развернули и открыли огонь по отступавшей русской пехоте.

1-й батальон Новгородского полка был практически уничтожен. Наступил критический момент – шведы могли рассечь русскую армию. В этот момент Петр подъехал ко второму батальону новгородцев и повел их в контратаку. Личный пример царя воодушевил солдат, и шведы были отброшены. Русские историки пишут, что царские шляпа и седло оказались простреленными. Это вполне возможно, хотя они могли быть прострелены и несколько позже. Между тем Меншиков на левом фланге повел в атаку полк драгун. Увидев лавину русской конницы, шведская пехота к большому удивлению своих начальников кинулась бежать. Энглунд писал: «Отчего началась паника? Вероятнее всего, причиной ее стали огромные потери, которые понесла армия за очень короткий отрезок времени (это всегда крайне отрицательно сказывается на моральном духе войска, особенно если потери велики среди офицерства – силы надзирающей, понукающей и сплачивающей), в сочетании с угрозой окружения, подорвавшей солдатскую волю к победе… Левенгаупт тоже видел, что отдельные части левого крыла начали подаваться назад, тогда как правый фланг продолжал наступление. Все произошло невероятно быстро. В считанные секунды подразделения точно лопнули по швам, сломанный строй мгновенно превратился в беспорядочную мешанину мертвых тел и бегущих воинов. Солдаты из развалившихся на части батальонов ручейками растеклись по всей равнине. Заметив это, Левенгаупт поворотил коня и что есть духу понесся на левый фланг. Бегущих нужно остановить, и немедленно! Наутек пустились два батальона – из Нерке и Эстергётланда. Сначала генералу попалась толпа беспорядочно бегущих эстгётцев. Посредине этого людского потока стоял их командир Аппельгрен. Раненный, он отчаянно кричал на своих подчиненных, призывая их остановиться. Подъехавший Левенгаупт принялся умолять Аппельгрена: “Господин полковник, ради всего святого, удержите своих солдат, вы только посмотрите, как мы гоним врага на правом фланге!” – “Я никоим образом не могу удержать их, к тому же я сам ранен, – безнадежно отвечал Аппельгрен и в свою очередь попросил Левенгаупта помочь ему: – Дай Бог, если господину генералу удастся остановить их”. Левенгаупт попробовал: он зашел на коне вперед к

бегущим и пытался это сделать уговорами, угрозами, битьем и руганью»[126].

Общая деморализация шведов усугубилась слухами о гибели Карла XII.

Однако король был жив. Он со свитой и драбантами находился на пригорке позади правого фланга пехоты. Русские пробовали атаковать эту большую группу, однако атаки без труда отбивались, и русские отходили. Прискакавший Реншёльд доложил королю: «Что творится, что творится, всемилостивейший Государь... Наша инфантерия бежит!» – «Бежит?» – недоверчиво переспросил король. Однако фельдмаршалу было некогда более подробно описывать обстановку, он резко повернул своего серого жеребца и, бросив через плечо королевскому конвою: «Берегите Государя, ребята!» – пустил коня в карьер. Поражение стало свершившимся фактом.

Король отдал приказ любой ценой пробиться к спасительному лесу. Продвигавшимся к опушке леса (которая находилась на северо-восток от церкви в Малых Будищах, примерно в 800 метрах от нее) шведам путь к отступлению внезапно преградил русский батальон, вышедший из рощицы с правой стороны по их ходу. В атаку пошел сильно поредевший отряд Крёйца, только что присоединившийся к королю. Эскадроны выстроились в боевой порядок, развернув фронт перед русскими пехотинцами. Те было остановились, но сообразив, насколько невелика угроза от такого воинства, какое было в распоряжении Крёйца, снова двинулись вперед. Русские, хотя и неуверенно, но продолжали наступать. Их пехота подтянула за собой полковые орудия и открыла огонь: в воздухе вновь засвистели картечные залпы, косившие шведские войска. Атака Крёйца сколько-нибудь серьезного урона врагу не нанесла.

В авангарде встали драбанты под началом лейтенанта Ертты и один эскадрон Северо-Сконского кавалерийского полка. Необычная процессия, включавшая в себя конные эскадроны, драбантов, статских чиновников, придворных, штабофицеров, отставших, раненых и – где-то в середине – лежащего на носилках Карла, двинулась вперед.

Отряд попробовал проскочить между неприятельским батальоном и лесом. Русские пехотинцы немедленно развернулись направо, фронтом к королю и его конвою. Вскинув и нацелив ружья, русские дали по противнику оглушительный залп. От пуль и картечи всадники и лошади падали на землю, с деревьев дождем сыпались срубленные снарядами ветки. О ближнем бое тут не было и речи: русские стояли в сторонке и, точно на стрельбище, расстреливали движущихся мимо шведов.

Поредевший королевский отряд все-таки миновал батальон и

углубился в лес. Русские двинулись следом. Они явно не собирались отказываться от столь богатой добычи.

Король и его сопровождение направились в сторону болота. Теперь важно было оторваться и выйти из зоны огня русских. Но сильнейший обстрел продолжался. Посреди трясины случилось то, чего не должно было случиться, – застряли конные носилки Карла XII.

Так как у русских теперь появилось время пристреляться, пушечный выстрел угодил в паланкин. Ядром, которое упало рядом с раненой ногой короля, убило переднюю лошадь. В эту минуту около носилок стоял один из шталмейстеров. Еще раньше его ранило в правую руку, теперь же он был окончательно выведен из строя. От попадания ядра в носилки кругом разлетелось множество щепок, и часть этих деревянных осколков впилась шталмейстеру в бок. Задняя лошадь тоже упала. Королевские носилки развалились. Положение стало крайне опасным как для самого короля, так и для его свиты. Русские солдаты уже стояли на краю трясины и поливали беглым огнем сгрудившихся посередине болота шведов.

Обрушившийся на отряд шквал огня сражал всадников и лошадей. Короля сняли с разбитых носилок. Из 24 человек охраны в живых осталось всего трое. Они с огромным трудом подсадили короля на лошадь конногвардейца Басса. В тот же миг пуля попала в голову еще одному телохранителю, Нильсу Фриску. Новая лошадь короля успела сделать всего несколько шагов, как пушечным ядром ей отсекло ногу. Другим снарядом оторвало круп у лошади тафельдекера Хюльтмана, причем в ту минуту, когда он только что вскочил в седло (это был уже второй павший под ним за сегодня конь). Залитому кровью Хюльтману пришлось выбираться из-под изувеченных останков животного и, держа в охапке серебряный кубок короля вместе с его лекарствами, искать себе нового коня.

Отступление небольшого отряда превращалось в настоящую бойню. Русские отстреливали шведов целыми партиями, убитые и раненые падали друг на друга. Некоторые из оставшихся в живых говорили потом: «…не иначе как Господь Бог хранил Его Величество от множества пуль, что летали вкруг августейшей особы». Но все же основная заслуга в сохранении жизни короля принадлежала кавалеристам, драбантам, офицерам и придворным, которые неотступно находились рядом с ним и своими телами заслоняли от пуль и снарядов. Так погибло более двадцати драбантов. Многие были ранены и захвачены в плен русскими. Полегло и множество придворных и канцеляристов. Погиб регистратор Стефан Хиршеншерна, а также камергер и историограф короля Густаф Адлерфельт. Пушечное ядро настигло его, когда он стоял около Карла XII. Так

трагически была поставлена точка на деле всей его жизни – труде о подвигах Карла XII. Плохо пришлось и тем, кто сопровождал короля, чтобы лечить его рану: лейб-медик профессор Якоб Фредрик Белау и придворный аптекарь Цирфогель были захвачены в плен. В лекаря Густафа Больтенхагена попало несколько пуль, убивших его. Карлу обеспечивали защиту и кавалеристы Северо-Сконского полка. Они потеряли в сражении от 70 до 80 человек.

Но вот на помощь королю подошли остатки кавалерии и пехоты генерала Левенгаупта, и русские прекратили преследование. Тем временем Карла XII пересадили на лошадь, на холку которой король положил забинтованную ногу.

Русская пехота прекратила преследование шведов у кромки Будищенского леса. Позже русские историки будут утверждать, что «настойчивое преследование всей армии велось до леса; здесь Петр, не рискуя вводить свои войска (потерявшие во время преследования порядок) в лес, приказал им остановиться, поручив дальнейшее преследование коннице»[127]. Я же уверен, что русские батальоны устали и были не менее расстроены, чем шведские.

Прекратили огонь и русские артиллеристы. Можно смело утверждать, что русская артиллерия сыграла решающую роль в Полтавской виктории. Хотя, на мой взгляд, артиллерийский полк использовался недостаточно эффективно. Так, в ходе сражения мортиры и гаубицы сделали по 17—18 выстрелов, 12-фунтовые пушки – по 36—37 выстрелов, 8-фунтовые пушки – по 12 выстрелов.

Наиболее эффективно действовали трехфунтовые пушки. Из них больше всего залпов сделали стоявшие на левом крыле русского фронта полки дивизии Халларта. Они произвели по 42—43 выстрела на ствол, более чем в два раза превысив количество боеприпасов, израсходованных такими же орудиями в других дивизиях. Это объясняется наибольшей ожесточенностью боя на левом фланге. В общей сложности трехфунтовые пушки произвели 1 109 выстрелов, из них 70 процентов ядрами, а 30 процентов картечью. Всего русская артиллерия сделала 1 471 выстрел, из них третью часть составляли картечные.

Несколько слов стоит сказать и о группе шведов, окруженный у самого палисада Полтавы. Большинство их офицеров было убито, и командование принял капитан Кристофер Вендель, немец по национальности. Русские прислали парламентера. Вендель согласился на капитуляцию, но был немедленно застрелен шведским солдатом. Бой тут же возобновился.

Большинство шведов были уничтожены, и лишь единицам удалось уйти.

Тем временем разрозненные отряды шведов начали собираться в Пушкаревке, где оказалось около четырех тысяч шведских кавалеристов и драгун (7 полков), не участвовавших в сражении, а также несколько тысяч казаков Гордиенко. Там находилось 21 орудие (от 3-фунтовых пушек до 16-фунтовых гаубиц).

Русская конница попыталась атаковать обоз в Пушкаревке, но, попав под огонь шведской артиллерии, ретировалась.

Около двух часов пополудни к Пушкаревке подъехала коляска с королем, что, естественно, подняло боевой дух шведов. Король собрал военный совет из уцелевших генералов. Было принято решение двинуться на юг, к Старым Сенжарам на берегу Ворсклы, затем спуститься вдоль реки к Новым Сенжарам и, мимо них, к местечку Белики, что составляло расстояние около сорока верст. (Во время такого похода король надеялся присоединить к себе отдельные отряды, разбросанные вдоль Ворсклы: в Новых Сенжарах – драгунский полк Мейерфельта примерно в тысячу шпаг, в Беликах – соединение в 300 драгун под командованием подполковника Тумаса Функа. Еще один отряд, во главе с Сильверъельмом и численностью в полтысячи человек, располагался двадцатью верстами ниже по течению, у Кобеляк).

Теоретически у короля имелось три варианта отступления – в Турцию, в Крым или обратно в Польшу. Последний вариант был наиболее предпочтительным в стратегическом отношении (то есть для продолжения войны), но одновременно наиболее трудным, поскольку в этом случае пришлось бы пробиваться через русские заслоны мимо враждебно настроенного малороссийского населения, а далее – мимо частных армий польских панов, неспособных противостоять регулярным шведским войскам, но всегда готовых пограбить любую отступающую армию. Самое главное, что путь в Польшу составлял 900—1400 км в зависимости от того, где короля встретят шведские войска, находившиеся в Германии. Шведская армия имела много раненых и мало лошадей. Нетрудно догадаться, что русские войска куда более мобильны и смогут не только догнать, но и окружить шведов в случае отступления их на северо-запад. Таким образом, и Турция и Крым были предпочтительнее: ни в том, ни в другом случае не нужно было бы вступать в бой, путь по этим двум направлениям оставался более или менее свободен. К тому же оба варианта сулили возможность новых альянсов. Шведское командование, скорее всего, должно было выбрать Турцию: из нее было хорошее сообщение с Польшей. Отступление в Турцию означало, что армии предстоит переправляться через Днепр. Этот

путь был значительно короче любого другого (около 200 км до турецкой границы), проблемой была лишь переправа через Днепр. Под Полтавой шведы понесли огромные потери, большие, чем в любом другом сражении в истории королевства. Непосредственно в сражении участвовало 19,7 тысяч шведов, из которых погибло 6 900 человек[128], то есть 35%. К этому надо добавить 2 800 пленных и неизвестное количество раненых, которым удалось покинуть поле сражения и отступить с глав* ными силами к Днепру. Согласно некоторым подсчетам, их число достигло примерно полутора тысяч человек.

По русским данным, потери регулярных войск Петра составили 1 345 человек убитыми и 3 290 ранеными, сюда, разумеется, надо прибавить и потери иррегулярных войск: казаков, калмыков и др.

Вызывает удивление, что Петр вместо того, чтобы атаковать шведский обоз и не дать уйти королю и его изрядно потрепанной, но еще боеспособной армии, немедленно приступил к празднованию Полтавской виктории.

Со стороны Будищенского леса еще доносились ружейные выстрелы, а русская пехота уже была отведена назад и выстроена в том же порядке, что и перед битвой. Начался долгий и очень торжественный парад с речами и салютацией. Петр со шляпой в руке проскакал верхом вдоль выстроенных шеренгами полков и, приветствуя воинов, благодарил их за вклад в общую победу. Генералы обнимались и целовались с царем, все были на седьмом небе от счастья и обменивались наилучшими пожеланиями.

Посередине устланного телами поля битвы и перед фронтом выстроенных полков были раскинуты походная церковь и два больших шатра с роскошным убранством. Пока в одном из шатров готовились к пиру, в походном храме отслужили благодарственный молебен. Молебен завершился троекратным салютом из ружей и пушек. Когда Петр скакал с богослужения, солдаты взяли на караул и под звуки военной музыки склонили в знак приветствия знамена.

После парада на поле битвы царь дал аудиенцию в одном из богато разукрашенных шатров, куда повалил народ с поздравлениями. Не забыли и знатных шведских пленных, которые тоже были присоединены к торжественной процессии. Их ввели в шатер между двумя рядами красующихся в парадном строю кавалеристов и гренадеров. Во время величественной и крайне замысловатой церемонии, которой руководил князь Меншиков, шведские полководцы – Реншёльд, генерал-майоры Шлиппенбах, Стакельберг и Хамильтон, а также принц Максимилиан Эмануэль, – преклонив колена, вручили свои шпаги царю.

По совершении этого обряда, когда шведские военачальники, сдав оружие, символически признали себя побежденными, царь пригласил их на пир вместе с русскими генералами. Все перешли во второй просторный шатер, сшитый из дорогих китайских и персидских тканей. Обагренная кровью земля была прикрыта коврами. Галантно целовались руки, царь сам разливал водку. Приступили к обеду, на котором провозглашались тосты за здоровье государя, за его семью, за славу его оружия и так далее.

Петр обратился к «гостям» с речью: «Вчерашнего числа брат мой король Карл просил вас в шатры мои на обед, и вы по обещанию в шатры мои прибыли, а брат мой Карл ко мне с вами в шатер не пожаловал, в чем пароля своего не сдержал. Я его весьма ожидал и сердечно желал, чтоб он в шатрах моих обедал, но когда его величество не изволил пожаловать ко мне на обед, то прошу вас в шатрах моих отобедать».

За столом граф Пипер, оправдываясь, сказал, что много раз советовал Карлу заключить с русским царем мир. Петр ответил, посерьезнев: «Мир мне паче всех побед, любезнейший». Миролюбие Пипера было оценено по достоинству. Шереметев предоставил ему на ночь свою палатку и постель и дал «в долг» тысячу дукатов.

«Салютовали пушки, шведы и русские вели учтивые беседы, вкушали яства и обменивались комплиментами. За ломившимся от блюд пиршественным столом царила атмосфера любезности и предупредительности. На фоне всеобщей галантности выделялся лишь генерал-лейтенант Людвиг Николай фон Халларт: он напился и начал оскорблять Пипера (тот уже тоже присоединился к пирующим). Хмельной генераллейтенант, обиженный на жесткое обращение, которому он подвергся в шведском плену после битвы под Нарвой, стал злобно обвинять Пипера в том, что он игнорировал его письменные прошения. Обстановка накалялась, но ее дипломатично разрядил Меншиков; вмешавшись, он попросил шведа не обращать внимания на тирады Халларта: генерал-лейтенант, дескать, просто выпил лишнего»[129].

Между тем людские и конские трупы на поле брани начали быстро разлагаться, что вполне естественно в июньскую жару.

Утром 29 июня Петр издал указ приступить к захоронению погибших. «Эта грязная работа выпала на долю шведских пленных. Начали с предания земле русских. Примерно в полукилометре к югу от укрепленного лагеря, на полпути между редутами и лагерными валами, вырыли две огромные братские могилы. Могил было две, потому что, согласно иерархическому мышлению, рядовые не могли покоиться вместе с офицерами: они и после смерти оставались менее равными. Тела погибших русских перевезли туда.

Около братских могил был выставлен почетный караул, и все полковые священники отслужили общую панихиду. Перед заполненными до отказа могилами выступил с речью царь, который затем трижды поклонился и бросил первые пригоршни земли на останки своих подданных. Пехота салютовала тремя залпами. Ямы закидали землей, так что на их месте возник высокий холм – холм, и поныне называемый Шведской могилой, хотя под ним не покоится ни одного солдата короля. Был также отдан приказ о захоронении погибших шведов. С ними, однако, обошлись менее почтительно. Истерзанные тела павших около болотца просто покидали в топь и, перемешав с грязью, чуть прикрыли тиной. Шведов не стали собирать в одно место и хоронить в братской могиле, их останки закапывали там же, где находили»[130].

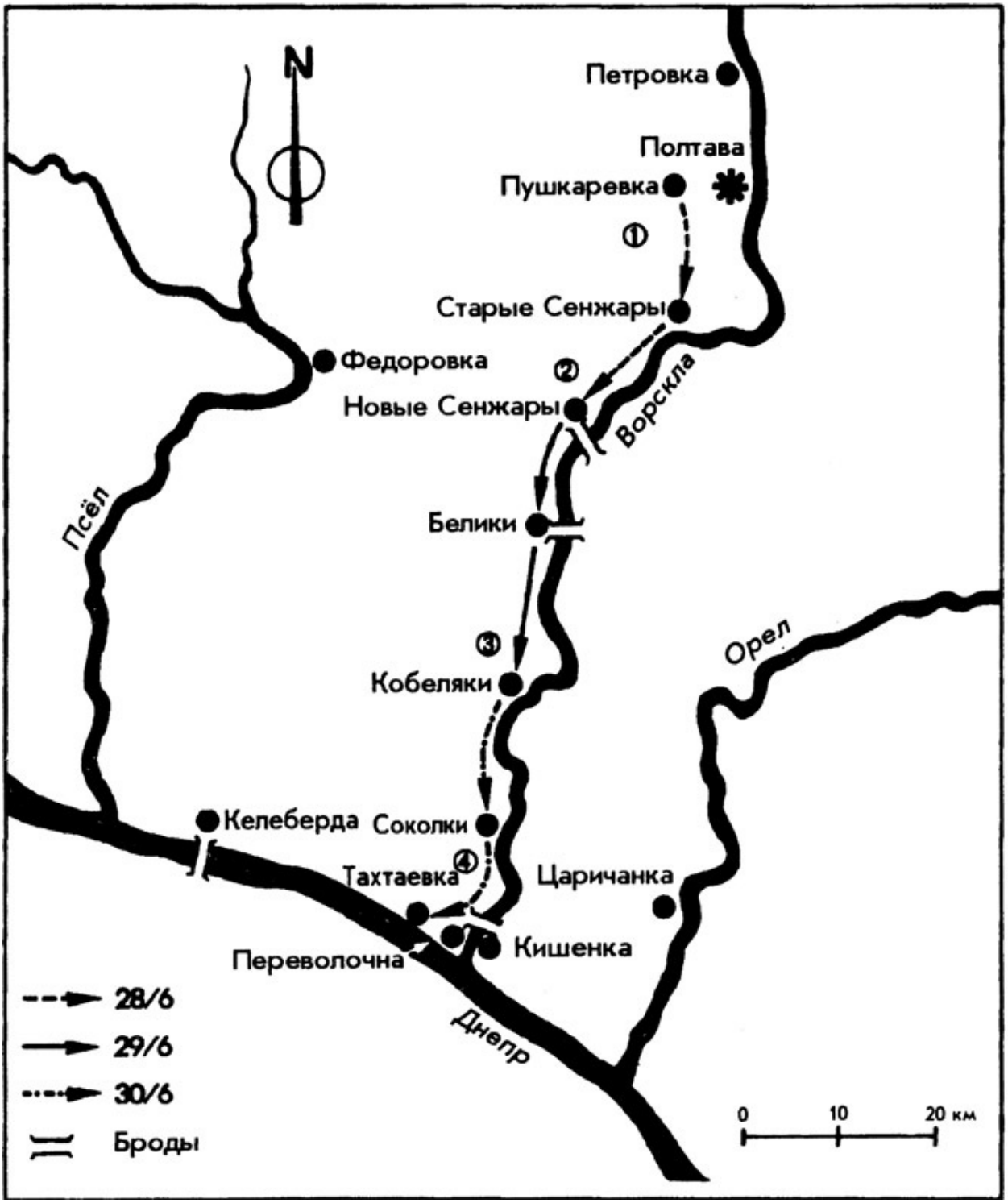
Что касается тысяч лошадиных трупов, то они превратились в проблему. Видимо, пленные солдаты не пожелали за ниматься ими, ведь был предел и их терпению. Поэтому палых лошадей препоручили заботам населения – жителям Полтавы и окрестных деревень. Погибших животных собирали и закапывали, иногда вместе с телами воинов. 28 июня Петр писал своей гражданской жене Екатерине: «Матка, здравствуй. Объявляю вам, что всемилостивый господь неописанную победу над неприятелем нам сего дня даровати изволил, и единым словом сказать, что вся неприятельская сила на голову побиты, о чем сами от нас услышите. И для поздравления приезжайте сами сюды. Piter»[131] Кроме того, Петр разослал еще четырнадцать более длинных писем сходного содержания разным представителям вер** ховной государственной власти, а также членам царской фамилии. В них он торжествующе доносил о «зело превеликой и неначаемой виктории, которую господь бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровати изволил с малою войск наших кровию». После краткого изложения событий царь обещал потом написать более подробно. Он сравнивал судьбу короля Карла и его войска с судьбой, которая, согласно греческой мифологии, постигла Фаэтона: дабы подтвердить свое божественное происхождение, тот взялся управлять солнечной колесницей, но не сумел сдержать коней и запалил небо и землю. Молнией Зевса он был низвергнут в реку Эридан, где и утонул. «И единым словом сказать: вся неприятельская армия Фаэтонов конец восприяла (а о короле еще не можем ведать, с нами ль или с отцы нашими обретается)»[132]. В письме к графу Апраксину он сделал приписку, в которой угадывается облегчение Петра и которая доказывает, что он уже понял * значение произошедшей битвы как поворотного пункта войны:

«Ныне уже совершенной камень во основание СанктПетербурху положен с помощию божиею»[133].

Глава 17.
Катастрофа у Переволочны

28 июня около 7 часов вечера шведская армия выступила из Пушкаревки. Отход не был похож на бегство, колонны шли под бой литавр и барабанов. Русские не пытались преследовать противника. «В головных колоннах, с сопровождением в 300 человек пехоты, выступала артиллерия и подводы с казной. Далее следовал весь большой, громоздкий обоз. Обоз пехоты придерживался строгой табели о рангах, которую положено было соблюдать между различными подразделениями: вперед были пропущены повозки лейб-гвардии. Однако шедший следом кавалерийский обоз не признавал ничьего старшинства и дефилировал в том порядке, в каком стоял на биваке. Последними шли конница и жалкие остатки пехоты. Замыкал шествие арьергардный отряд, вероятно, составленный из Уппландского резервного конного полка… Король, по-прежнему сидя в коляске, ждал с арьергардом, пока не ушел весь гигантский обоз»[134].

Где-то к 11 часам вечера, когда уже окончательно стемнело, шведы достигли Старых Сенжар, то есть отошли от Полтавы на * двадцать верст. Король решил в связи с малой пропускной способностью дорог оставить обоз под прикрытием Уппландского резервного конного полка и Карельского кавалерийского полка дожидаться там рассвета. А артиллерия, подводы с казной и войско продолжили путь к Новым Сенжарам. Когда артил Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. С. 228. лерия со своим обозом миновала Старые Сенжары, ее конвой был усилен: вдобавок к тремстам пехотинцам отрядили часть драгун из полка Мейерфельта.



Отступление шведов после Полтавского сражения. За ночь не только кавалерия, но и пехота, и пушки дошли до Новых Сенжар. Артиллерия прибыла туда сразу после полуночи, а пехота – ближе к рассвету. Карл XII прибыл в Новые Сенжары чуть раньше своей армии, около половины

второго ночи. Он безумно устал и, когда его внесли в избу, тут же заснул вместе с высшими офицерами, повалившимися на голый пол.

Но отдохнуть удалось совсем недолго. На рассвете королю доложили о приближении русских. Накануне вечером Петр выслал в погоню за шведами Семеновский пехотный полк под командованием князя Голицына и десять драгунских полков под началом Бауэра. Русские двигались очень быстро. Царь приказал «не испустя времени» искать «короля свейского», а тому, кто захватит Карла XII в плен, посулил генеральский чин и награду в сто тысяч рублей.

Шведская артиллерия выступила из Новых Сенжар ранним утром 29 июня, на несколько часов опередив войско.

Начальство не дало долго спать добравшимся до Новых Сенжар солдатам. Пришлось заново пересматривать багаж, выпрягать лошадей из не самых нужных повозок и перепрягать освободившихся животных в телеги, на которые погрузили больных и раненых. Всю пехоту тоже посадили верхом, а оставшееся имущество сожгли.

Между шестью и семью часами утра шведы снова выступили в поход, наметив ближайшей целью Велики. Стоявший у этого местечка драгунский полк генерала Мейерфельта вышел навстречу и соединился с главными силами. Перед выходом шведское командование приняло две меры предосторожности: на север был послан Мейерфельт с поручением искать встречи с царем, а на юг поскакал Юлленкрук для поиска переправы через Днепр.

В задачу Мейерфельта входило задержать преследователей. Он вез с собой важные указания: взятый в плен Пипер наделялся полномочиями приступить с царем Петром к переговорам о мире и об обмене военнопленными. Однако это было лишь уловкой, чтобы заставить русских хотя бы ненадолго отказаться от преследования. К тому же Карл рассчитывал уже следующей ночью получить от вернувшегося Мейерфельта ценные сведения о размерах русского войска и планах его командования.

Мейерфельт наткнулся на русских, проделав в северном направлении всего пять верст. Сначала ему попались навстречу около 8 тысяч драгунов Бауэра, следом за ними шел полк Голицына. Услышав от Мейерфельта о данных ему указаниях, русские войска остановились в ожидании новых приказаний царя. Но Петра не так-то легко было провести. Мейерфельта задержали при главной квартире русской армии, а отменять преследование царские военачальники наотрез отказались. Так что миссия Мейерфельта окончилась провалом, но все же русские войска потеряли около двух

драгоценных часов. Лишь ближе к полудню отряды Голицына и Бауэра возобновили преследование.

29 июня шведская армия по-прежнему шла вдоль берега Ворсклы. В авангарде двигались обоз и артиллерия, а наиболее боеспособные части находились в арьергарде. Генерал Юлленкрук с группой квартирмейстеров отправились на юг. Энглунд писал: «Юлленкрук еще под Полтавой выяснил у одного мазепинца, что около Келеберды (в тридцати верстах к западу от разрушенного городка Переволочна, вверх по течению Днепра) есть брод, по которому при низкой воде можно на телегах переправиться через реку. Однако в суматохе обрушившегося на шведов поражения Юлленкрук потерял из виду знавшего про брод мазепинца и не сумел потом отыскать его»[135].

Эта фраза мне совершенно непонятна, ведь среди отступавших войск Карла были сотни запорожцев. Из них как минимум десятки должны были отлично знать все броды в районе Переволочны и Келеберды.

Не доезжая двух-трех верст до Кобеляк, Юлленкрук встретил начальника шведского поста подполковника Сильверъельма. Тот успокоил генерал-квартирмейстера. На вопрос, известно ли ему место, где можно перейти через Днепр, Сильверъельм ответил: он, дескать, «чуть не каждый день там бывает, знает каждый кустик, и армию на тот берег всенепременно доставит».

Место называлось Тахтаевка и находилось сразу за Переволочной, вверх по течению Днепра. Уровень воды был довольно высокий, и для переправы требовались понтонный мост и лодки или хотя бы только лодки. Но подполковник заверил Юлленкрука, что «раздобудет столько лодок», сколько будет угодно генерал-квартирмейстеру.

Сведения Сильверъельма подтвердил и унтер-офицер из его сопровождения. Все складывалось как нельзя лучше! Генерал-квартирмейстер доехал до Кобеляк, где к нему присоединилось около пятисот драгун Сильверъельма. Теперь переход через Днепр был решенным делом, но Юлленкрук хотел, чтобы король одобрил этот план.

Для переправы через реку целой армии необходимо было навести мост, так что генерал-квартирмейстер написал письмо Левенгаупту с двумя просьбами. Прежде всего он запросил об окончательном решении, которое принял король по поводу переправы через Днепр. Так как времени было в обрез, и генерал-квартирмейстер хотел бы приступить к подготовке переправы немедленно, он также просил срочно прислать ему плотников и артиллеристов (в шведских войсках не было специальных инженерных подразделений) и материалы для моста: канаты, гвозди и якоря. Отряд

следовало направить в Переволочну, где были штабеля леса. Там предстояло заняться изготовлением плотов и паромов для последующей их отправки в Тахтаевку.

Затем Юлленкрук двинулся в Кишенку на берегу Ворсклы: там нашлись восемь больших паромов, которые тут же были доставлены в Переволочну.

Маршевые колонны шведской армии достигли Кобеляк далеко за полдень 29 июня.

Несколько слов стоит сказать о преследовавших Карла русских войсках. Еще вечером 27 июня Петр I послал преследовать шведов 10 драгунских полков генерал-лейтенанта Бауэра, а также отряд пехоты князя Михаила Голицына, посаженный на лошадей.

В тот же день Петр приказал киевскому губернатору князю Д. Голицыну немедленно собрать войска из ближайших гарнизонов (Чернигова, Киева, Нежина и Переяславля) и, двинувшись с ними «на берег Днепра к Переволочне, смотреть, где разбитые шведы побегут, не перепускать».

28 июня командование над войсками, назначенными для преследования, было объединено в руках Меншикова, который выступил вдогонку за Голицыным и Бауэром с ротой лейб-эскадрона.

30 июня Петр, взяв с собой роту лейб-эскадрона и Астраханский и Ингерманландский полки, «на лошадях» также выступил к Переволочне в погоню за шведами.

Но вернемся к шведам. К вечеру 29 июня Юлленкрук ответа от короля не получил. Тем не менее, как бы в подтверждение, что его запрос дошел по назначению, появилось четырнадцать плотников, но без гвоздей и якорей, а с одними лишь топорами. К этому времени Юлленкрук уже сам побывал на месте предполагаемой переправы и понял, что осуществить ее будет гораздо сложнее, чем ему показалось вначале. Днепр здесь был довольно широк. Юлленкрук хотел навести мост, а для этого требовалось много судов, которые бы служили понтонами.

Сильверъельм твердо обещал достать сколько угодно лодок, и генерал-квартирмейтер положился на его слово, но, увы, подполковник проявил излишний оптимизм: пока что лодок удалось раздобыть совсем немного. Быстро построить новые суда было сложно из-за нехватки материалов. Между Переволочной и Тахтаевкой почти не было леса, а простиралась степь с небольшими зарослями кустарника и перелесками по окраинам многочисленных болот.

Тут надо отметить роль отряда полковника Яковлева, который еще в

апреле 1709 г. основательно разорил район Переволочны и Келеберды. Были сожжены все дома, мельницы, лодки и т. д., а жители перебиты или разбежались. Спору нет, современные правозащитники могут ужасаться, брызгая во все стороны слюной. Но представим себе, что Яковлев оказался бы гуманистом и, прогнав запорожцев, оставил бы все в целости и сохранности.

Шведы нашли бы в Келеберде и Переволочне сотни лодок, разобрали бы дома, мельницы и сараи на плоты и понтонный мост, мобилизовали бы на строительство плавсредств местное население и т. д. Надо ли говорить, что в этом случае шведская армия без особых потерь форсировала бы Днепр.

И тут отступавшие шведы, дабы остановить преследовавших их русских, сами бы сожгли Переволочну и Келеберду, потопили бы все лодки. Это азы военного искусства.

Утром 30 июня передовые русские отряды настигли арьергард шведов. Начались перестрелки. Ранним утром 30 июня Юлленкрук послал людей в Переволочну и к посту у Кишенки узнать, не видно ли шведской армии. Но в обоих местах никого не оказалось.

Работы по подготовке переправы продолжались. Разобрав старую церковь на бревна для моста, шведы попытались сплавить часть из них вверх по Днепру, но веревки лопнули, и лес унесло течением.

Не имея никаких сведений об армии, Юлленкрук уже начал беспокоиться, однако около девяти утра через поле прибежал мальчонка с вестью о том, что «войско идет». Тогда Юлленкрук, чтобы обезопасить переправу, послал за Днепр человек тридцать солдат, которых сам распределил по другому берегу. Он как раз устанавливал два поста на самом обрыве, когда различил вдали, на левом берегу реки, несколько скачущих всадников. Армия действительно была на подходе.

Однако до соединения с главными силами пришлось подождать. Войска около двух часов простояли за Кобеляками, прежде чем продолжили движение. Русская иррегулярная конница несколько раз пыталась напасть на шведский арьергард, но все атаки были отбиты, после чего всадники стали смирно следовать за шведами на расстоянии примерно в две версты.

После полудня шведская армия начала приближаться к Днепру возле Переволочны. Обоз не стал идти вдоль Ворсклы до развалин Переволочны, а повернул чуть севернее вправо и, срезая угол, направился сразу в Тахтаевку. Когда к Переволочне подошел отряд Крёйца, поступили донесения о том, что переправа обеспечена и поставлена под охрану. Эта

весть еще больше подстегнула кавалеристов, которые во весь опор поскакали к Тахтаевке.

Около полудня Юлленкрук увидел надвигавшиеся от Переволочны первые скопления конников. Сразу вслед за ними двигался целый поток телег и подвод. К генерал-квартирмейстеру подъехал генерал-адъютант Юлленклу и передал ему распоряжение предстать перед королем, который вот-вот прибудет. «Разве армия не осталась у Кишенки?» – спросил остолбеневший Юлленкрук. Этого генерал-адъютант не знал, а на вопрос Юлленкрука, беседовал ли с королем офицер из караульного поста под Кишенкой, Юлленклу ответил, что конечно же беседовал, но Карл XII захотел сам поехать вперед для разговора с генерал-квартирмейстером. В этот момент подъехал и король. Армия не только не остановилась у Кишенки, но стремглав безрассудно понеслась к Тахтаевке, где, по всеобщему убеждению, ее ждала готовая переправа.

Юлленкрук доложил о нехватке материалов и рабочей силы, объясняя, почему он считает, что армии лучше было остановиться у Кишенки. В ответ король лишь пробормотал: «Да-да, надо поворачивать». Карл и в самом деле развернулся и отъехал назад, но недалеко: он встал на луговине у реки, где начали скапливаться артиллерия, войска и значительная часть обоза.

Прискакал на рекогносцировку к Днепру и Левенгаупт. Место, выбранное Юлленкруком для перехода через реку, не понравилось генералу: по его мнению, оно напоминало тупик, ловушку.

Шведские колонны одна за другой спускались с плоскогорья в простиравшуюся вдоль реки долину. Полки перемешались с обозом, создав невообразимую неразбериху из повозок и солдат. Вся армия собралась в единую массу, растянутую от окрестностей Переволочны до самой Тахтаевки.

Позиции у Тахтаевки были непригодны для боя. С одной стороны – Днепр, с другой – господствующая возвышенность, на которой русские могли установить артиллерию. Вокруг – топи и небольшие болотца.

Судя по всему, Карл XII находился в прострации. Шведской армии следовало отходить к Переволочне и там форсировать Ворсклу между Переволочной и Кишенками.

Но время было потеряно, и вечером 30 июня повернуть назад армию, да еще в виду русской конницы, было чрезвычайно сложным делом. Тем более что переправа с помощью немногочисленных плавсредств уже началась.

Первым переправился подполковник Сильверъельм с отрядом из

трехсот кавалеристов, следом за ним Мазепа со своей охраной, пасынком, женщинами, обозом, несколькими сотнями запорожцев и других казаков, а также шведской ротой конных егерей.

Но Днепр был широк, течение его быстро, в ряде мест возникали водовороты. Рядовым казакам из окружения гетмана велено было перебираться собственными силами. Коней сцепляли вместе и заводили в реку, один казак держал на поводу первую лошадь, а остальные плыли, положив голову на круп той, что была впереди них. Когда передний казак уставал, он мог отдохнуть, уцепившись за гриву или хвост первого коня. Однако даже привычным казакам нелегко было перебраться через широкую реку, и многие из них утонули.

До шведского командования, видимо, стало постепенно доходить, что переправа не состоится. Перебросить целую армию за Днепр около Тахтаевки было очень сложно, а скорее невозможно. Но пока что никто не собирался отказываться форсирования Днепра и был избран альтернативный вариант: идти к Кишенкскому броду через Ворсклу. Еще некоторое время возможность переправы через Днепр никем не подвергалась сомнению. Весь генералитет собрался в одной из палаток короля. Карл XII отдал Крёйцу приказ найти более подходящее для переправы место, но так как уже наступали сумерки, генерал-майор решил (довольно-таки легкомысленно, хотя и по вполне понятным причинам) отложить рекогносцировку до рассвета.

Энглунд хорошо передал панику, охватившую шведскую армию на берегу Днепра: «Смятение и страх были настолько сильны, что солдаты преисполнились решимости так или иначе одолеть широкую реку. Однако лодок и плотов было очень мало, их не могло хватить на всех. Имевшиеся в наличии неказистые плавательные средства мгновенно стали цениться на вес золота. В разлагающей, деморализующей, панической обстановке, девизом которой было “спасайся, кто может”, ратники помчались на берег и силой захватили плоты, построенные под присмотром Юлленкрука. Тот, кто не сумел добыть себе средство передвижения с помощью рукоприкладства, начал строить сам. Даже полковники и другие высшие офицеры побросали свои части и принялись сооружать для себя подобия судов. Кто-то, подгоняемый страхом, лихорадочно искал бревна или любое дерево. Снежный ком покатился с горы и мгновенно вырос в лавину. Начали разбирать дома и разламывать повозки. Воины перерывали свои пожитки, отбирая самое важное, то, что хотели бы спасти вместе с собой. В стремнину сталкивались донельзя жалкие сооружения: солдаты пытались пересечь реку на зарядных ящиках или клеенчатых чехлах от

артиллерийских фур, на связанных вместе ободьях колес, на сцепленных телегах или на шатких плотах из тоненьких молодых деревец.

Лошадей привязывали друг к дружке и загоняли в поток. Солдаты, у которых не оказывалось никакого средства передвижения, пробовали перебираться вплавь, некоторые – держась за что-нибудь, другие без всякой помощи. Однако река, как говорилось выше, была широкая и быстрая. Сильный ветер еще более затруднял переправу. В воду заходили группами по 10—20 воинов, а на ту сторону чаще всего выбиралось только несколько человек, остальные тонули. Судя по всему, большинство рискнувших плыть нашли смерть в волнах. Оставшиеся на берегу с ужасом взирали на то, как течение одного за другим поглощает и солдат и лошадей, отчего желание переправляться вплавь несколько поуменьшилось. Зрителям попытка переплыть Днепр казалась чистейшим самоубийством. Эскадронный пастор Смоландского кавалерийского полка пишет: “Когда увидели мы, с какими стенаниями народ на тот берег перебраться пробовал, решили мы со товарищи, что лучше останемся всем скопом и будь что будет, в любом случае доля более завидная, нежели с собой в реке покончить”. Борьба за редкие суденышки продолжалась. Люди дрались и валили друг друга в воду. Тем, кто, предположим, конфисковал плавательное средство, предлагали огромные деньги, чтобы они взяли с собой других. Отчаявшиеся люди готовы были заплатить за перевоз все более крупные суммы, цены при всеобщей панике быстро росли: место для одного человека стоило 10, 20, 30, даже 100 дукатов. Ключом к спасению стал в ту ночь кошелек. Предприимчивые личности организовали нечто вроде паромной переправы, гоняя свои суденышки взад-вперед по широкой реке»[136].

О полной дезорганизации войск генералы вечером доложили королю. Юлленкрук сказал, что «солдат обуял страх и * стоит им только завидеть неприятеля, как они массой перейдут к врагу, остальные же утопнут в реке». «Они будут драться, коль скоро я прикажу им!» – резко отозвался король. Занервничавший генералитет стал упрашивать короля попытаться спасти хотя бы самого себя. Левенгаупт преклонил колена возле кровати Карла XII и со слезами на глазах принялся излагать ему опасное положение армии, однако король нетерпеливо оттолкнул его, прошипев: «Вы, генерал, сами не знаете, что говорите». Однако Левенгаупт, нисколько не смутившись, продолжал доказывать свое и с мрачной безнадежностью заявил, что при теперешней обстановке «ничего иного не приходится, кроме как в полон идти либо всем убитыми быть». В конце концов король поддался на уговоры. Он спасет себе жизнь, переправившись через Днепр,

однако при одном непременном условии: армия должна идти в Крым.

Новым главнокомандующим был назначен Крёйц. Когда Левенгаупт услышал об этом назначении, а также о том, что его самого отряжают сопровождать короля в переправе за реку, он, по своему обыкновению, усмотрел в этом подвох и тут же вызвался взять командование войсками на себя. Карл согласился. Решили, что король в сопровождении высших офицеров и немногочисленного конвоя как можно скорее переберется на тот берег.

Армии же следовало уничтожить весь обоз, чтобы затем налегке пересечь Ворсклу и по левому берегу Днепра направиться в Крым. Из Крыма войска должны были идти в Очаков, где их будет ждать король.

Солдатам приказано было сжечь все подводы и имущество, а на освободившихся таким образом лошадей посадить тех, кто еще оставался пешим. Запасы провианта следовало распределить между всеми. Каждый полк должен был получить и боеприпасы – столько, сколько можно было раздать на руки. Походную казну также предстояло полностью раздать. Ни одному полку не разрешалось предпринимать попытки переправиться через Днепр, все должны были быть готовы с рассветом выступить в поход. Были намечены некоторые меры по замене недостающих пехотных офицеров. Кроме того, предусматривалось сжечь знамена рот, которые были слишком малочисленны, чтобы защищать их. Созвав всех майоров, довели эти приказы до их сведения.

«Новые распоряжения практически не утихомирили страсти. Приказание сжечь весь обоз вызвало массу “скандалов и буйства”, поскольку у многих, особенно среди старших офицеров, были солидные и богатые повозки, ломившиеся от трофеев и собственного добра. Если некоторые полки, придерживаясь буквы приказа, сожгли все, то у других работа по уничтожению продвигалась туго. Не исполнялся и строжайший запрет на попытки переправиться через реку. При всеобщей нервозности достаточно было увидеть лейб-драгун, которые делали это с высочайшего позволения, чтобы многие полки соблазнились последовать их примеру. Даже в густой ночной тьме продолжалось неорганизованное сколачиванье плотов. Удержать народ было немыслимо. На тот берег была перевезена часть больных и раненых; как и следовало ожидать, множество остальных исчезло в днепровских водоворотах.

Король, уже сидя в коляске, продолжал обсуждать план похода. Вокруг его экипажа стояла в напряженном ожидании горстка людей. Было около десяти вечера, пора бы уже начинать переправу. Юлленкрук, который тоже получил приказание сопровождать короля, вынул из экипажа наклеенную

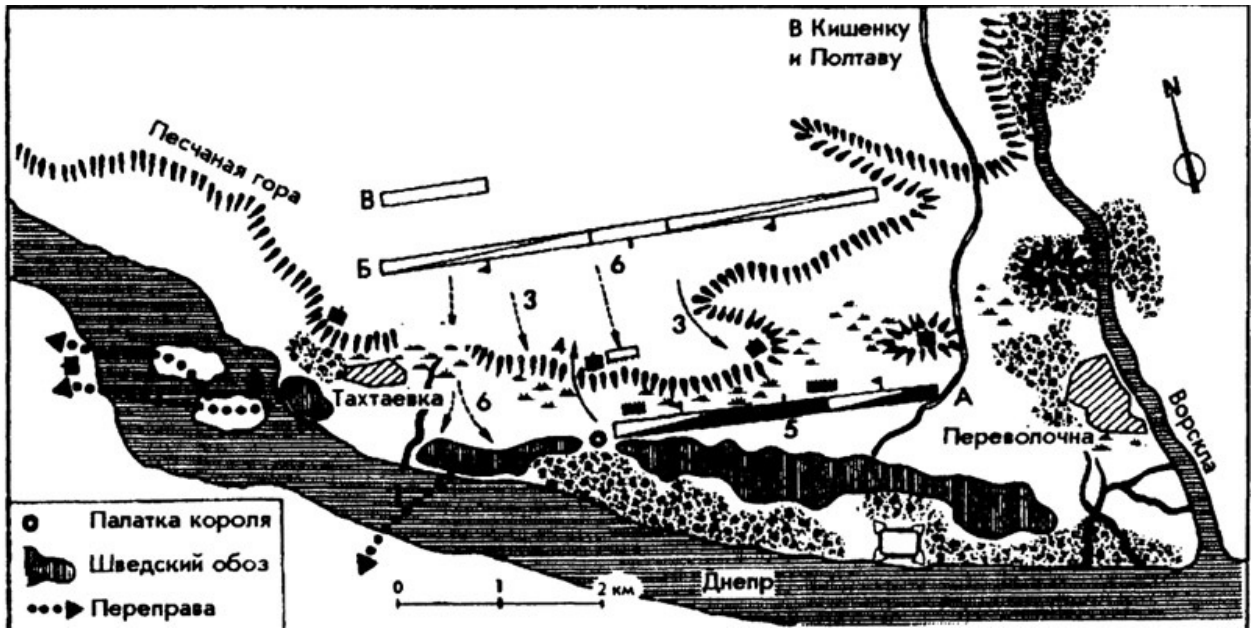
на доску карту и отдал ее Левенгаупту, предварительно показав генералу, по каким местам армия недавно прошла и где она находится теперь. В качестве дополнительной помощи Левенгаупту с войском в походе на Крым король оставил татарских проводников. Наконец стали прощаться; Левенгаупт, пожелав всем счастливого пути, сказал, что у него есть одна просьба. “Какая же?” – поинтересовался Карл. Генерал попросил короля за свою верную службу не допустить, чтобы его “несчастная жена и дети в случае потери кормильца вынуждены были пойти по миру”. “Ваша просьба будет исполнена”, – ответил король и протянул Левенгаупту руку для поцелуя. Дернувшись, коляска тронулась и укатила в кромешную тьму»[136].

И вот кортеж с королем добрался до берега Днепра у Тахтаевки. Первыми перевезли на ту сторону драбантов, которых оставалось всего около 80 человек. Королевский экипаж спустили в две связанные между собой лодки, в которых сидели на веслах двенадцать драбантов. В виде дополнительного конвоя переправили еще конников и двести человек пехоты из Сёдерманландского полка под предводительством майора Сильверспарре. Чтобы посадить верхом эту пехоту, на другую сторону было также переброшено более ста обозных лошадей. Лошадей перегоняли либо отдельными группами, либо на буксире за лодками, в которых ехали люди. Немногочисленные лодки беспрерывно сновали тудасюда, но переправа происходила медленно и была очень опасна. Некоторые необходимые повозки разобрали, перевезли на ту сторону по частям, а там снова собрали. Переправили через реку и довольно много раненых, но почти исключительно офицеров, поскольку, как горько пишет один из участников похода, лодок было «не более, чем хватало для высокопоставленных и знатных особ, которые, удобно сидючи, и были перевезены». Среди переправленных в ту ночь за Днепр были генерал-майоры, полковники и подполковники, а также генерал-адъютанты, два директора канцелярии, гофинтендант, военный советник, епископ, множество канцеляристов и восемнадцать пасторов. Помимо них на другой берег была доставлена значительная часть придворного штата: конюхи, кухмистеры, мастеровые, слуги, бывший мундшенк, тафельдекер и другие. «Крысы бежали с корабля». Многие офицеры и рядовые, ослушавшись приказа, на собственный страх и риск перебрались через Днепр и присоединились к королевскому отряду. В общей сложности на тот берег попало около трех тысяч человек, включая не только шведов, но также запорожских и других казаков.

Утром 1 июля Левенгаупт, командовавший шведами, оставшимися на левом берегу Днепра, приказал сжечь обоз. Однако выполнить это было

непросто, поскольку подводы были разбросаны на протяжении многих верст от Тахтаевки до Переволочны.

Рано утром группировка Меншикова общей численностью 9 тысяч человек – драгун, казаков и пехоты – вошла в соприкосновение со шведами. Меншиков действовал достаточно грамотно, и его левый фланг сумел перекрыть отход шведам к Переволочне. Шведы оказались в ловушке.



Сражение под Переволочной. А – Шведский боевой порядок. Б – Русский боевой порядок. В – Запасные лошади русского корпуса.

Левенгаупт допустил серьезную ошибку, вступив с русскими в переговоры. Следовало атаковать их, пока не подошли основные силы, и сделать попытку уйти в Крым, согласно королевскому приказу.

В итоге генерал Крёйц в сопровождении полковника Дюккера и капитана Дугласа поскакал к русским.

Меншиков на переговорах со шведами действовал методом кнута и пряника. Он предложил, если шведы сдадутся в плен, оставить и офицерам и рядовым все их имущество, включая обозное. А в случае отказа Данилыч угрожал начать бой, в котором «никакой пощады и милости не будет учинено».

В 11 часов утра шведское командование получило условия капитуляции в письменном виде, за подписью Меншикова. «Аккорд» был изложен по-немецки и содержал шесть пунктов, из которых последний был вставлен в виде дополнения в самом конце документа, что говорило о

поспешности, с которой велись переговоры.

В первом пункте заявлялось, что войско под командой Левенгаупта, а также все прочие люди, к нему принадлежащие, отдаются в плен Его Царскому Величеству.

Во втором пункте рядовым предписывалось, сдав все оружие, стать военнопленными с возможностью последующего обмена или выкупа. Впрочем, личное имущество, кроме оружия, боеприпасов и лошадей, им разрешалось сохранить. Офицерам позволено было сохранить и коней.

Согласно пункту третьему, всем шведским офицерам дозволялось полностью сохранить свое обозное имущество, а по заключении мира их должны были отпустить на волю без размена или выкупа. Помимо всего прочего офицерам обещали, что они «будут содержаны честно» и получат позволение отлучаться на время «под честной пароль».

В четвертом пункте устанавливалось, что артиллерия, боеприпасы, знамена и штандарты, музыка и казна целиком переходят к царю.

Пятым пунктом шведы обязались выдать русским всех запорожцев.

В шестом, последнем, пункте, который, как уже говорилось, был добавлен в виде приложения, всему командному составу давалась возможность сохранить своих служителей, а также оговаривалось, что высшие статские чины – комиссары, аудиторы, секретари и полковые пасторы – могут, наравне с офицерами, удержать свои багажи и служителей.

Спешка при проведении переговоров явствует также из того, что Крёйц уже после заключения соглашения вспомнил о выдаче солдатам из казны месячного жалованья и попытался добиться и этой уступки.

Русские войска двинулись с обрыва вниз, к застывшим в ожидании шведским силам. Теперь шведы увидели, что их противник тоже явно выдохся. Трудный марш измотал в русских полках и солдат, и коней. Когда драгунский полк Бауэра спускался по песчаным откосам, юный прапорщик Густаф Абрахам Пипер обратил внимание на то, что в каждом эскадроне валилось от изнурения до двадцати лошадей.

Как уже говорилось, шведы попросту сдали русским запорожцев и малороссийских казаков. Энглунд писал: «Самым постыдным в соглашении был пункт пятый: из него следовало, что “запорожцы и другие изменники, которые ныне у шведов находятся, имеют выданы быть Его Царскому Величеству”. И вот теперь этих союзников и соратников, которых сами же шведы подбили на бунт против царя и которых король обещал защищать, безо всяких передавали русским. А их месть была ужасна.

Мятежных казаков, которые были взяты в плен в битве 28 июня, уже

казнили жесточайшим образом. Вокруг Полтавы и по близлежащей степи на каждом шагу попадались их тела в самых жутких видах и положениях: кто-то болтался на виселице, другие были живыми посажены на кол, третьи, с отрубленными руками и ногами, но тоже еще живые, висели на колесе, на котором их колесовали... “и разными другими способами бунтовщики казнены были”. Столь же быстро расправились победители и с попавшими к ним в плен дезертирами из русской армии. Шведских военнопленных, в частности, заставили смотреть, как сажали на кол перебежавшего к королю бригадира Мюленфельса…

На берегу Днепра русские организовали охоту за изменниками-казаками. Их сгоняли вместе, “как скотину”, не только мужчин, но и женщин с детьми, которые следовали с обозом. Преданным своими союзниками, брошенным своими вожаками, им оставалось только умереть. Русские забивали их на месте. Кое-кто пытался напоследок оказать сопротивление, столь же отчаянное, сколь и бесполезное; другие топились в Днепре.

А человек, оставивший их на произвол судьбы, генерал от инфантерии граф Адам Людвиг Левенгаупт, в это время обедал у человека, распорядившегося убивать их, генерала от кавалерии князя Александра Даниловича Меншикова. Они вкушали трапезу в столовом шатре, который был раскинут высоко на холме и из которого виднелся строй русских войск»[137].

Всего в плен сдалось около 20 тысяч шведов. Среди них было 3 генерала, 980 офицеров, 12 575 унтер-офицеров и рядовых. В числе нонкомбатантов были 40 пасторов, 231 музыкант, 945 мастеровых, 34 придворных короля, 25 королевских лакеев и т. д., всего 3 402 человека. Среди сдавшихся было 1 657 шведских женщин и детей. Под Переволочной русским досталась и вся шведская артиллерия – 31 орудие (21 пушка, 2 гаубицы и 8 мортир). И, наконец, в руки победителям попали огромные средства: основная казна армии составляла два миллиона монет разного рода и достоинства, в кассах полков находилось около 400 тысяч монет и в денежных ящиках Мазепы – свыше 300 тысяч монет. Энглунд писал: «Очень быстро выяснилось, что не все собираются с преувеличенной строгостью придерживаться различных пунктов аккорда. Обозные пожитки шведских офицеров, вопреки соглашению, отнюдь не были оставлены в покое: такие предметы, как драгоценные украшения, роскошные ковры, столовые и чайные приборы из золота и серебра, золотая и серебряная парча, а также собольи шубы и шкурки были немедленно отобраны. Бесчисленное множество экипажей и подвод сменили хозяев, а их

содержимое было поделено между русскими. Все трофеи, которые шведские ратники награбили за свои походы, “собственный пот и кровь на то положа”, были утрачены. Победители грабили награбленное. С солдатами обходились по-разному. Если одним соединениям позволено было сохранить все (были даже полки, которые разоружили только два дня спустя), то другие неприятель обобрал самым основательным образом. Некоторых шведов в буквальном смысле слова раздели до нитки: с них сняли даже носильное платье. Раздетых догола, их большими партиями связывали друг с другом и “гнали и понукали, как быдло”.

Во второй половине дня началось разоружение шведских войск. Полк за полком шведы двинулись к лагерю русских. Пехотным частям предстояло складывать оружие перед русским гвардейским полком, поэтому первой шла лейб-гвардия. Пехотинцы отдавали честь мушкетами и опускали их на песок, после чего снимали с себя шпаги и патронные сумы. Гвардейский капрал Эрик Смепуст, входивший в роту Уксеншерны, впоследствии грустно писал в своем дневнике: “Сами можете представить себе, с каким сердцем мы такое проделывали”. Эскадроны шведских кавалеристов тоже направились к месту, отведенному им для сдачи оружия. Перед шеренгой застывших на месте русских драгун из полка Бауэра один за другим проходили одетые в синие мундиры эскадроны. Минуя драгун, они бросали наземь свои литавры, свои штандарты, свои шпаги и карабины. Юный прапорщик Пипер назвал это “скорбной церемонией, на которую невозможно было взирать без слез”. По мере прохождения полков бряцающая груда оружия, штандартов и инструментов росла, превращаясь в гору. Под косыми лучами солнца безоружные всадники удалялись прочь. Многие плакали. А возле Днепра предавали огню документы из походного архива. Два канцелярских чина, Тун и Гранберг, собственноручно поджигали огромные кипы бумаг, которые тут же охватывались пламенем и таяли, оставляя после себя сажу и пепел. Мимоходом Бальтасар Тун отметил про себя, что во многих из пачек, которые он швырял в огонь, были черновики сочинений, принадлежавших перу королевского министра пропаганды Улофа Хермелина: целое собрание памфлетов и депеш, в которых прославлялось величие и могущество Швеции»[138].

Глава 18.
Торжество победителей и участь побежденных

После Полтавской виктории царь Петр роздал щедрые награды. Так, графа Гавриила Ивановича Головкина он возвел в канцлеры, Петра Павловича Шафирова – в вице-канцлеры. Репнину, Брюсу и другим генералам царь пожаловал орден Андрея Первозванного, а генерал-лейтенантам Голицыну и Бауэру – деревни. Многие генералы и офицеры были повышены в чинах. Петр не оставил без наград солдат и остальных офицеров: солдатам было выдано не в зачет двухмесячное, а офицерам – трех– и шестимесячное жалованье. Все штаб– и обер-офицеры получили портреты царя с алмазами. Петр учредил солдатскую наградную медаль, на лицевой стороне которой был изображен сам царь в лавровом венке, доспехах и мантии с лентой ордена Андрея Первозванного через плечо. Такая же серебряная медаль, но большего размера (49 мм вместо 42 мм) выдавалась урядникам. Самой почетной была серебряная медаль размером 68 мм, на ее лицевой стороне на фоне сражения был изображен Петр на коне, а на обратной – Геркулес с львиной шкурой. На лицевой стороне этой медали по кругу шла надпись: «Нам позавидуют в сей славе», а на обратной – «Полтава славна чудесным поражением», «Все шведское войско истреблено 27 июня», «Великая победа сил доставляет Петру надежное торжество». Естественно, что щедрее всех был награжден Александр Данилыч. Петр пожаловал его чином второго фельдмаршала (первым был Шереметев), а также городами Почеп и Ямполь. И без того обширные владения князя увеличились на 43 362 души мужского пола. По числу крепостных он стал вторым после царя душевладельцем в России.

13 июля царь повелел армии перейти от Полтавы к Решетиловке, «понеже у Полтавы, ради духу от мертвых тел и долговременного стояния двух армий великих, долее стоять было невозможно».

Петр решил отметить и свои личные заслуги в разгроме шведкой армии. 4 июля 1709 г. «полковник Питер» обратился к Шереметеву: «Господин фельдмаршал, прошу, дабы вы рекомендовали государям нашим (обоим) о моей службе, чтоб за оную пожалован был чином рыр-адмиралом (шаутбейнахтом), а здесь в войске ранг, а не чин старшего генераллейтенанта. И о первом, как и нам с Москвы указ послан будет,

тогда б и к адмиралу о том моем чине указ послан был же от их величества».

Напомню, что Петр полувшутку, полувсерьез начал службу в чине простого бомбардира и после каждой победы получал очередной чин. На мой взгляд, если бы он был мелким дворянином и не имел бы влиятельных врагов, то и тогда он вполне заслужил бы получить эти чины.

«Государи», к которым по просьбе «полковника Питера» должен был обратиться Шереметев, были «князь-кесарь» Федор Юрьевич Ромодановский и судья Земского приказа Иван Иванович Бутурлин. Долго их упрашивать, естественно, не пришлось, и Ромодановский отвечал царю: «За ваши храбрые кавалерские подвиги и в делах воинских мужественного искусства, иным таким ж подвизателям во образ, вашу милость из прежнего полковничья чина повышением чинов у морского флота царского величества флота арир-адмиралом, а по сухом пути у лейб-регимента Преображенского ранг иметь старшего генерал-лейтенанта удостоили и учинили» [139]. Затем царь отправился в Киев, где префект Киевской духовной академии Феофан Прокопович встретил его речью: «Пресветлейший и великодержавнейший всероссийский монарх и преславный войск свейских победитель! Кое иное дать тебе приветствие и что большее в дар гостиный имамы принести тебе?» Далее префект рассказал о Полтавской битве, об измене Мазепы, о пленении шведов у Переволочны. «Супостат, поистину таковый, от якового не побежденну токмо бытии великая была бы слава, – что же такого победити, и победити тако преславно и тако совершенно!... Те не только посылал полки на брань, но сам твоим лице с супостату стал если, на первые мечи, и копия, и огни устремился если»[140], – продолжал Феофан. Эта речь круто изменила карьеру Прокоповича. Петр делает его игуменом, а затем архиепископом. Царя не смутило, мягко выражаясь, сомнительное поведение Феофана. Начнем с того, что его первое имя – Елизар, а Прокопович – девичья фамилия матери. Был ли у него законный отец, неясно. Во всяком случае, Елизара воспитывал его дядя Феофан Прокопович. В 17 лет Елизар отправляется в Польшу, где принимает католичество и имя Самуил. С 1698 г. он учится в Риме у иезуитов в коллегии Святого Афанасия. В 1702 г. Елизар-Самуил возвращается в Киев, где через два года переходит в православие и принимает монашество под именем Феофан.

Став приближенным Петра, он фактически возглавляет движение за упразднение патриаршества и замены его Священным Синодом (духовной коллегией). Петр делает Феофана первенствующим членом Священного

Синода.

Петр обожал пышные торжества и сейчас задумал устроить себе триумф по образу римских императоров. Как писал Н.И. Павленко: «Зиму 1709 г. царь провел в хлопотах по организации триумфального въезда в Москву»[141].

Как только установился санный путь, Петр отправился в Москву. Он остановился в подмосковном селе Коломенском,откуда и руководил подготовкой к «триумфу». В Коломенское перевели Семеновский и Преображенский гвардейские полки, а всех шведов, плененных у Лесной и Полтавы, собрали в Можайске и Серпухове. Их насчитывалось 22 085 человек. 21 декабря 1709 г. состоялся торжественный въезд победителей в Москву. Первым следовал Семеновский полк, а за ним «пленные генералы, высшие и нижние офицеры купно с их артиллерией, знаменами и прочим», взятые при Лесной. Замыкала эту первую часть шествия рота Преображенского полка, за которой располагались шведы, попавшие в плен под Полтавой и Переволочной. За ними снова следовала артиллерия, знамена, штандарты.

Далее двигались генерал-адъютанты короля Карла XII, генералы, полковники, подполковники и майоры, а также «королевский двор с высшими и нижними чинами». Следующим элементом процессии были королевские носилки с постелью, на которых возили раненого короля Карла во время боя. За носилками следовала вся уцелевшая часть шведской гвардии и свита Карла: генералы Гамильтон, Штакельберг, Роос, Круус, Крейц, Шлиппенбах, граф Левенгаупт, фельдмаршал граф Реншильд, первый гофмаршал и первый министр Швеции граф Пипер.

Процессию замыкал Преображенский полк во главе с самим Петром I и князем Меншиковым, а также пушки преображенцев.

Царь, как обычно, лично составил сценарий торжества. Предусматривался там и комичный эпизод, чтобы побольнее уязвить побежденных. В запряженных оленями санях ехал сумасшедший француз Вимени. Петр его выпросил у польского короля и назначил королем ненцев. О Вимени говорили: «Он порою разговаривал так разумно, что в его речи сказывалась тонкая наблюдательность, по занимательности не уступавшая беседе самого умного человека». Следом за Вимени ехали 19 саней ненцев, наряженных в оленьи шкуры мехом наружу. Шутовской король и его свита должны были по замыслу царя символизировать безрассудную цель шведского короля, пытавшего осуществить несбыточное: завоевать Россию, поделить ее на княжества и свергнуть царя Петра с престола.

А вечером состоялся грандиозный фейерверк. Это было «огненное

действо» с острым политическим сюжетом, театрализованное представление на открытом воздухе, за которым наблюдали тысячи людей, заполнившие московские площади и улицы. Сценарий этого фейерверка тоже принадлежал царю. Это была пародия на медаль, выбитую по приказанию Карла XII после заключения Альтранштадтского мира. На медали изображен шведский лев между двух колонн, увенчанных коронами. Одну колонну лев переломил, и она упала. Это был намек на судьбу Речи Посполитой и ее короля Августа II. Под другой колонной подразумевалась Россия. Лев еще только наклонил, но ясно было, что и она падет. Петр использовал в своем сценарии сюжет медали, но события развивались так, как они произошли на самом деле. Обе колонны, увенчанные коронами, озарились яркими огнями. Лев двинулся на одну из колонн и опрокинул ее. Затем он направился к другой колонне, но тут из горящего орла, символизировавшего Россию, вылетела ракета и насмерть поразила льва.

Пленные шведы после московского триумфа были небольшими партиями распределены по городам России. Большая часть их оказалась в Санкт-Петербурге, Азове, Воронеже и «городах Сибирской губернии». Думаю, что если бы Данилыч честно предупредил шведов об отправке их в Сибирь, никакой сдачи в плен не было бы.

Согласно росписи шведских «полоняников», датированной маем 1711 г., всего пленных было 11 500 человек. Они мостили дороги и улицы, занимались ремеслами и металлургией, преподавали в школах и даже принимали участие в географических экспедициях. Шведские музыканты вместе с трофейными инструментами были оставлены на петровской службе не только чтобы играть, но и, что особенно важно, обучать молодых русских музыкантов. Невский проспект был вымощен бревнами и обсажен деревьями по обеим сторонам именно пленными шведами, в обязанности которых входило и подметание проспекта каждую субботу.

По данным Энглунда, из 23 тысяч шведских военнопленных, взятых под Полтавой и Переволочной, лишь около четырех тысяч снова увидели родину. В некоторых полках, которые начали военную кампанию с тысячным составом, возвратилось домой около десятка человек. Еще в 1729 г., через восемь лет после окончания войны и через двадцать после Полтавского сражения, в Швецию продолжали приезжать бывшие пленные. Едва ли не самым последним стал гвардеец Ханс Аппельман – он вернулся в 1745 г., после 36 лет плена.

Глава 19.
Бендерские приключения короля

Мы оставили Карла XII переправлявшимся через Днепр. И вот картеж короля едет по необозримой голой степи. Опасаясь преследования русских, ехали быстро. Отставших солдат никто не подбирал. Позже в своих мемуарах Станислав Понятовский напишет, что на третью ночь в лагере возникла тревога: «Казаки, которые возмутились против Мазепы, хотели разграбить его телеги, где у него были большие ценности, а его самого схватить и выдать царю». Шведы с трудом угомонили казаков и уговорили их оставить гетмана в покое, но все же несколько десятков запорожцев покинули лагерь, скрывшись в высокой траве. На пятый день кортеж достиг Буга. Река эта была естественной границей между Турцией и Россией. Карл не рискнул с ходу начать переправу и послал к очаковскому коменданту Мехмет-паше Стася Понятовского с просьбой разрешить шведам переправу, а также закупить продовольствие и лодки. Для взятки паше генералу выдали 2 тысячи дукатов. Однако «паша в Очакове был несговорчивый и жестокий человек». Сперва он пообещал выделить шведам пять небольших судов с провиантом и впустить их в город. Но позже, узнав о многочисленности шведского отряда, Мехмет-паша не рискнул брать на себя такую ответственность и разрешил переправиться только королю и его свите, а остальные должны были ждать распоряжения султана. Карл же требовал, чтобы паша разрешил переправу всему отряду, так что переговоры затягивались.

Понятовскому все же удалось «подобающими средствами» добиться от паши разрешения, и отряд начал переправу. Но к этому времени в степи показалась русская кавалерия под командованием генерал-майора Волконского. Начался бой. Из 2 800 человек, бывших с королем, на турецкий берег благополучно переправились около шестисот, остальные были перебиты, а четыре офицера и 209 рядовых взяты в плен.

Разгневанный король пожаловался на Мехмет-пашу в Стамбул, послав туда члена королевского совета Нейгебауэра. Вскоре султан прислал очаковскому паше шелковый шнурок, на котором тот по обычаю должен был повеситься.

Нейгебауэр от имени Карла XII предложил султану Ахмеду III заключить торговый договор и военный союз против Москвы. Султан

приказал Юсуфу-паше, сераскиру Бендер, принять Карла как гостя Османской империи. Это означало, что турецкая казна брала на себя содержание шведов. Король надолго остановился под Бендерами в специально построенном лагере.

27 июля 1709 г. русский посол в Стамбуле П.А. Толстой в ультимативной форме потребовал от султана выдать короля Карла XII и гетмана Мазепу. Султан Ахмед III отказался. Правда, вскоре вопрос с Мазепой отпал сам собой, поскольку престарелый гетман 22 сентября 1709 г. умер естественной смертью. Его похоронили близ Бендер, но затем гроб выкопали и отправили в Яссы. На Украине долго жила легенда, что похороны были фиктивные, а на самом деле Мазепа пробрался в Киев, принял схиму в Печерской лавре и умер в покаянии.

Осенью 1709 г. король написал в Стокгольм в Государственный совет: «Потеря [под Переволочной] очень велика, но неприятелю не удастся, тем не менее, одержать верх или извлечь какие-либо выгоды; необходимо лишь не падать духом и не выпускать дела из рук».

В лагере под Бендерами Карл к концу года оправился от раны и принялся за свои обычные занятия – верховую езду, охоту, маневры, утомляя ежедневно трех лошадей и всех своих подчиненных. Единственным отдыхом, который он себе иногда позволял, была игра в шахматы. Карл постоянно проигрывал, так как и на шахматной доске стремился атаковать в основном королем. Неудачи и здесь не заставили его переменить тактику. А между тем в Стамбуле закипела борьба сторонников войны с Россией и противников ее.

Проискам «ястребов» русский посол П.А. Толстой противопоставлял как дельные речи, так и большие суммы денег, притом денег шведских, из захваченной у Переволочны казны короля Карла.

14 января 1710 г. султан Ахмет III вручил Толстому ратификационную грамоту, подтверждающую Константинопольский договор 1700 г. Относительно же Карла XII договорились, что он выедет в Швецию через Польшу «только со своими людьми», то есть без запорожцев, подлежащих выдаче русскому царю. Однако Карл XII не собирался покидать турецкую территорию, а применить к нему силу турки не решались. В конце концов беглому королю предложили 800 кошельков по 500 золотых монет в каждом, только чтобы он уехал, но Карл отказался.

5 апреля 1710 г. недалеко от Бендер в присутствии кошевого атамана Кости Гордиенко, генерального малороссийского писаря Филиппа Орлика и послов от Запорожского войска «у Днепра зостоючего» состоялась казацкая Рада, на которой запорожские и малороссийские казаки признали высшим

протектором всего казацкого войска шведского короля Карла XII, а генерального писаря при бывшем гетмане Мазепе Филиппа Орлика объявили гетманом всей Малороссии. 10 мая 1710 г. Карл XII утвердил договор запорожцев с Орликом.

К осени 1710 г. политический маятник в Стамбуле качнулся в другую сторону, и 20 ноября 1710 г. султан объявил войну России. По традиции Толстой и другие члены русского посольства были посажены в Семибашенный замок.

Весной 1711 г. крымский хан послал орду в Малороссию. Вместе с ним выступили запорожцы во главе с Орликом и Гордиенко. Крымцы разорили «слободские городки», но, дойдя до местечка Вололаг, принадлежащего Харьковскому полку, повернули назад к Новобогородицкому и Новосергиевскому городкам на реке Самаре. Гарнизон Новобогородицка оказал отчаянное сопротивление, и татарам с запорожцами пришлось отойти. А малороссийское население Новосергиевска (поселение Вольное) само открыло ворота и выдало царских офицеров. 28 марта 1711 г. татары ушли, оставив в Новосергиевском гарнизон из 500 татар, а также местных и запорожских казаков.

В начале мая 1711 г. войска генерала Бутурлина и гетмана Скоропадского отбили Новосергиевск. Скоропадский получил указ Петра: «…новосергиевских жителей за то, что они отдали свой город хану, выдали государевых солдат и вторично показали изменничество свое, бились против царских войск, казнить десятого человека по жребию, а остальных с женами и детьми отправить в Москву для ссылки»[142].

Летом 1711 г. запорожцы вторглись в Малороссию вместе с крымскими татарами: крымский хан с 10 тысячами татар – на левый берег Днепра, а запорожские атаманы Филипп Орлик и Костя Гордиенко с 5 тысячами казаков – на правый. Замечу, что формально Правобережье продолжало оставаться польской территорией. Но польские паны бежали с правого берега еще в 1704 г. и с этого времени Правобережье контролировалось русскими войсками и местными казацкими полковниками.

Чтобы привлечь на свою сторону как можно больше обывателей, Орлик разослал в города по обе стороны Днепра несколько универсалов и «прелестных писем». Так, несколько писем было отправлено миргородскому полковнику Даниилу Апостолу, однако царь приказал эти письма публично сжечь, а казака, привезшего их, если он окажется запорожцем, посадить на кол.

Гетман Скоропадский отправил против запорожцев войско под началом генерального асаула (есаула) Бутовича. В сражении под Лысянкой гетманские полки были разбиты, а сам Бутович взят в плен.

Атаманы Орлик и Гордиенко захватили несколько местечек и городков и сосредоточили свои силы под Белой Церковью. По показаниям начальника русских войск силы эти были довольно велики: «при запорожцах и городовых козаках, числом до 10 000 человек, были еще татары белогородской и буджицкой орды с ханским сыном салтаном, числом до 20 000 человек, и кроме того поляки и молдаване с “кіевским” воеводой Иосифом Потоцким и со старостой Галецким, 3 000 человек, сторонники Станислава Лещинского и, следовательно, шведского короля Карла XII»[143]. Русских же солдат в Белой Церкви было всего лишь 500 человек, да еще несколько верных царю белогородских казаков. Однако штурм крепости в Белой Церкви не удался. Бригадир Анненков повел русских солдат на вылазку, в результате чего казаки, татары и ляхи были разбиты и бежали, потеряв не менее тысячи человек.

Кроме того, семь тысяч запорожских казаков под предводительством польского воеводы Иосифа Потоцкого вместе с крымским ханом Девлет-Гиреем в том же 1711 году дошли до города Немирова и до «тамошних слобод», но были разбиты русскими войсками, потеряв около 5 000 человек. При этом начальник русских войск генерал Рене освободил из рук татар и разослал по домам около 10 тысяч пленных малороссов.

Набеги татар и запорожцев не были главными событиями 1711 года.

25 февраля 1711 г. в Успенском соборе Кремля в присутствии Петра I был зачитан манифест о войне с Турцией.

Петр решил лично возглавить поход против турок. Он настолько был уверен в успехе, что взял с собой супругу Екатерину. Заметим, что это была не прихоть царя, у которого всегда хватало метресс, а хорошо продуманный политический шаг. Дело в том, что царю с Екатериной Алексеевной пришлось тайно обвенчаться 6 марта 1711 г. Зачем самодержцу потребовалось держать свой брак в тайне? Ведь Петр всегда плевать хотел на мнение своих подданных. Но тут ситуация была слишком уж скандальная. Марта Скавронская родилась в 1686 г. в семье чухонского крестьянина в Лифляндии. В 16-летнем возрасте она вышла замуж за трубача шведской армии, поэтому позже ее часто называли Трубачовой. В августе 1702 г. Мариенбург, где жила Марта, был занят русскими. Марта стала наложницей русского драгуна, позже она перебралась к генералу Р.Х. Бауэру, от него – к фельдмаршалу Б.П. Шереметеву. Меншиков выпросил красотку у фельдмаршала, а от Алексашки Марта в конце 1703 г. перешла к

Петру. В 1705 г. Марта сменила веру на православную и стала Екатериной Алексеевной.

27 января 1708 г. Екатерина родила Петру дочь Анну, а 18 ноября 1709 г. – Елизавету, а родившиеся в 1705 г. близнецы Петр и Павел, и в 1707 г. дочь Екатерина умерли в младенчестве. Ситуация осложнялась тем, что Марта-Екатерина не была разведена со шведским трубачом. Петр планировал вернуться из победоносного похода на турок и официально представить Екатерину как сподвижницу его великих дел, чтобы иметь хоть какое-то основание для возведения ее в сан императрицы. Отправляя армию к южным границам, Петр не имел детального плана кампании. 5 июня 1711 г. армия Шереметева подошла к реке Прут, а 12 июня к ней присоединился сам Петр с гвардейскими полками. На военном совете было решено медленно идти вниз по течению реки и «вдаль не отдаляться». 8 июля начались стычки с турецко-татарской конницей. К этому времени в основной группировке русских войск было 38 246 человек при 122 орудиях[144].

Как потом утверждал Петр, численность войск противника достигала 270 тысяч человек. На самом деле их было в 2—3 раза меньше. Командовал турками великий визирь Балтаджи Мехмед-паша.

9 июля турки атаковали войско Петра. В этот день у русских было убито: генерал-майор Видман, офицеров – 44, нижних чинов – 707. Взято плен и пропало 3 офицера и 729 нижних чинов. Потери турок по русским, явно произвольным данным составили 7 тысяч человек. Утром 10 июля сражение возобновилось, но до рукопашной дело не дошло, а ограничилось артиллерийской дуэлью. Положение русских было плачевным: в армии не хватало продовольствия, начался падёж лошадей. По решению военного совета к туркам с предложением о перемирии был отправлен гвардейский унтер-офицер Шепелев. Турки колебались. К вечеру к великому визирю отправился вице-канцлер П.П. Шафиров. В данной ему инструкции Петр писал: «В трактовании с турками дана полная мочь господину Шафирову, ради некоторой главной причины…». А главной причиной был панический страх, охвативший царя. Петр соглашался отдать туркам все завоеванные у них города, вернуть шведам Лифляндию и даже Псков, если этого потребуют турки. Кроме того, Петр обещал дать Махмеду-паше 150 тысяч рублей, а другим начальным людям еще более 80 тысяч. Но выплатить такие огромные деньги было нереально, так как армейская казна была почти пуста. И тогда Екатерина спасла положение. Она отдала на подкуп турецких сановников все свои драгоценности, а это десятки тысяч золотых рублей. Кроме того, собрали все деньги, бывшие в войсках. Как писал

датский посол Юста Юля: «Как рассказывали мне очевидцы, царь, будучи окружен турецкой армией, пришел в такое отчаяние, что как полоумный бегал взад и вперед по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить не слова. Большинство окружавших его думало, что с ним удар». Однако беспокоился царь зря. Визирь не устоял перед деньгами и согласился на мир на довольно сносных для России условиях, причем турки не собирались вмешиваться в русско-шведские отношения.

На мой взгляд, не следует забывать, что турки равно не хотели усиления как России, так и Швеции. Ведь Северная война велась Швецией не из-за Нарвы и побережья Финского залива, а из-за господства над огромной, хотя и слабой, Речью Посполитой, Данией, Саксонией и др. Это только для Петра устье Невы казалось пупом земли. Именно поэтому турки хранили строгий нейтралитет, когда шведская армия шла к Полтаве. И не исключено, что в случае разгрома русских под Полтавой турки стали бы помогать Петру.

Таким образом, в условиях, предложенных великим визирем, были только уступки Турции, а о территориальных уступках Швеции не было ни слова. Наоборот, Османская империя была заинтересована в продолжении Северной войны и во взаимном обескровливании сторон.

Согласно условиям мирного договора[145], Петр срыл укрепления Таганрога и вернул Азов туркам. На Днепре русскими были срыты Каменный Затон и Новобогородицкая крепость.

Царь обещал «запорожских козаков оставить в полном покое и не “вступаться” в них. “Его царское величество весьма руку свою отнимает от козаков с древними их рубежами, которые обретаются по сю сторону Днепра и от сих мест и земель, и фортец и от полуострова Сечи, который сообщен на сей стороне вышеупомянутой реки”»[146]. То же самое касалось и казаков-некрасовцев.

Петр обещал вывести все свои войска из Речи Посполитой. Особенно волновали турок русские полки на Правобережье.

Узнав об окружении русского войска на Пруте, Карл XII помчался прямо туда. Он без остановки проскакал верхом 120 верст, мечтая увидеть капитуляцию Петра I. Однако король пришел в неистовую ярость, увидев уходящее с барабанным боем русское войско. Карл кинулся с упреками к великому визирю Балтаджи: «Разве не от тебя зависело отвести царя пленным в Стамбул?!» Визирь получил от русских громадную взятку и, будучи в отличном настроении, сострил: «А кто бы управлял государством в его отсутствие? Не подобает, чтобы все короли были не у себя дома».

Прутский договор не устроил ни Россию, ни Турцию, и еще два года страны балансировали на грани новой войны. Естественно, что Карл прилагал все усилия, чтобы вынудить султана начать войну.

Под новый 1713 год в лагерь к Карлу явился сераскир Измаил-паша с султанским указом и спросил, уедет ли король добровольно. Иначе сераскир угрожал применить силу и предостерег Карла от такого бесчестья. Но грозить Карлу было лучшим способом заставить его делать обратное. В гневе король сказал: «Повинуйся своему господину, если смеешь, и убирайся вон. Мы приготовимся ко всему и силе дадим отпор силой».

Турки предложили полякам и запорожцам, жившим в стане короля, покинуть его и перейти под покровительство султана. Все они ушли ночью. С Карлом осталось только 300 шведов.

Карл приказал построить деревянные баррикады вокруг домов и готовиться к бою. 14 тысяч турок и татар при 14 пушках осадили королевский стан в Бендерах. Осада продолжалась целый месяц.

В конце января 1713 г. из Стамбула пришел новый указ султана, в котором сераскиру и крымскому хану разрешалось применить силу против шведов. В указе говорилось, что если удастся взять шведского короля живым, то его надлежит сопроводить как пленника в Салоники для отправки морем в Европу. Если же Карл погибнет, то ни один мусульманин не будет виноват в его смерти.

Карлу доложили о новом указе, но он по-прежнему отказывался повиноваться. Дело дошло до штурма. Шведам удалось отбить первую атаку янычар, но затем турки пустили в ход пушки. Дом, где находился Карл, загорелся. Король и его спутники пошли на вылазку, но были схвачены янычарами. При штурме погибло до 200 турок.

По приказу султана Карла поселили в небольшом городке Демирташе близ Адрианополя. Карл, опасаясь, что его всетаки вышлют из Турции, притворился больным и оставался в постели с 6 февраля 1713 г. до марта 1714 г. В конце концов до Карла дошло, что шансов вовлечь Турцию в войну с Россией практически не осталось и что он попросту стал никому не нужен. Весной 1714 г. король сам попросился домой.

Выехать Карлу удалось лишь 1 октября 1714 г. Султан подарил королю просторную алую палатку, вышитую золотом, саблю с рукоятью, усыпанной драгоценными камнями, и восемь отличных арабских лошадей в роскошной сбруе. Шведам выделили 60 повозок с припасами и 300 лошадей. На радостях султан даже обещал покрыть долги короля, правда, лишь капитал, без процентов, так как ростовщичество по мусульманским законам было запрещено.

В Тарговицах на границе с Трансильванией Карл отпустил назад турецкий конвой и весело заявил свите, что дальше он поедет с одним провожатым. Местом встречи он назначил Штральзунд, расположенный в 1 200 верстах от Таргоуиц. Король надел черный парик, шляпу с золотым галуном, серый камзол, синий плащ и под именем немецкого офицера покинул испуганную свиту.

Несмотря на инкогнито, Карл выбирал для проезда только те земли, которые не находились под властью союзников. За 16 дней он проехал Трансильванию, Венгрию, Австрию, Баварию, Вюртемберг, Вестфалию, Мекленбург, Гессен, Франкфурт и Ганновер, нигде не останавливаясь, и 21 ноября в час ночи постучался в ворота Штральзунда. Отоспавшись несколько часов, король принял на себя командование шведскими войсками в Штральзунде.

Глава 20.
Последствия Полтавской виктории

Победа под Полтавой и гибель шведской армии под Переволочной стали переломными моментами Северной войны. Однако тут неизбежно возникает вопрос: почему до Полтавы Россия воевала со Швецией 8 лет, а после – еще 12 лет? Лично я считаю, что после Полтавы у Петра и его ближайших соратников наступило «головокружение от успехов». В самом деле – самый могущественный полководец Европы повержен! Кто теперь может противостоять русскому царю? Небольшие шведские группировки, разбросанные в Финляндии, Прибалтике, Польше и Померании? Обоих польских королей всерьез принимать было нельзя. Турки? Но их даже нереформированное царское войско побило еще под Азовом. А сейчас это была новая, сильнейшая в Европе армия. Через 200 лет генерал Клаузевиц выскажет замечательную формулу: «Война есть продолжение политики иными средствами». Но суть ее знали полководцы всех стран за две тысячи лет до Полтавы. Что было целью политики Петра? Очистить Приневье и Эстляндию от шведов и «прорубить окно в Европу» или «ногою твердой стать» в… центре Европы и доминировать в Германии? В первом варианте Петру следовало окончательно очистить от шведов Прибалтику, а затем Финляндию, а оттуда перевести армию для удара уже непосредственно по Швеции. Но, увы, у Петра после Полтавы появилась мания величия, и он начинает войну по всем азимутам. Русские войска одновременно вели боевые действия в Финляндии, Прибалтике, Польше, Германии и Турции.

О походе на Прут мы уже говорили. А что же творилось в Речи Посполитой? Как мы помним, там с 1708 г. действовал русский корпус Гольца. Русский резидент в Польше Е.И. Украинцев в течение всего 1708 года доносил, что магнаты попрежнему требуют немедленной присылки денег, считая, что вместо 333 тысяч, следовавших на коронное войско по договору 1705 года, получено только 62 600 рублей: «Стали они все веселы и ко мне не очень приветливы; вся шляхта и войско также к нам неласковы, говорят, будто в насмешку, что если случится у них с нами война, то не только служилые, но и жены и дети их пойдут на нас. Бискуп выпросил у меня тысячу рублей с великою докукою. На гетмана Синявского надеяться нельзя: он держится нашей стороны до поры до времени, сам он нам сказал явно, что обманом не отступит и шельмой не будет, но, если придут такие

обстоятельства, что при стороне царской держаться будет ему нельзя, тогда он нам об этом прямо объявит».

В конце 1708 г. Петр I отправил Украинцева в Венгрию, а резидентом в Речи Посполитой стал Алексей Дашков. В последних числах марта 1709 г. Дашков доносил графу Головину из Сатанова: «Гетман Синявский не имеет силы у Станислава Лещинского, но жена его через других ищет милости у Станислава про запас, если бы не вышел король Август и царские дела пошли дурно. Очень будет хорошо, если придет сюда фельдмаршал лейтенант Гольц с нашими войсками, а если не придет, то боюсь, чтоб поляки не пришли в отчаяние, потому что неприятель разоряет все их имения. Притом явились два волоха: Савва, который, взяв Могилев на Днестре, разоряет и мучит шляхту нестерпимо, разглашая, что действует по указу царского величества; другой, Иваненко, захватил Брацлав и также мучит и разоряет шляхту. Многие здесь войсковые люди приходили с великими воплями к гетману: зачем позволяет в очах их мучить их братьев шляхту, и гетман сильно опасается, чтоб не было возмущения в войске».

Царь прислал Синявскому 10 тысяч рублей, которые тот роздал регементарям, по 500 рублей, потому что Станислав присылал их перекупать, но они не согласились. Синявский просил Дашкова, чтоб царь прислал какой-нибудь подарок его жене. Об этой госпоже, владевшей мужем, еще Украинцев доносил: «Здесь ее почти никто не любит и рады были бы, если бы умерла и больше гетманом и другими не мутила». Гольц не приходил на соединение с коронным войском, и 21 апреля Дашков дал знать из Черного Острова, что царские дела находятся в очень дурном положении вследствие медленности Гольца: гетман Синявский объявил ему, что если Гольц не придет еще неделю, то все войско перейдет к неприятелю: они уже два раза бунтовали, не получая жалованья и страшно нуждаясь в опустошенном краю. Наконец 29 апреля пришла весть, что Гольц за несколько миль от Черного Острова, и коронное войско пришло в восторг. Соединенные войска двинулись к Львову, но тут новая беда: Гольц, как все немцы, не считал нужным скрывать своего нерасположения и неуважения к полякам, так что Дашков должен был писать Головкину: «Фельдмаршал заранее никогда не посылает для провиантов, и когда куда придет, то хочет в один час взять все, но так делать нельзя. Надобно непременно напомнить фельдмаршалу, чтоб обходился с здешними ласково; ласкою здесь можно больше сделать; также и с гетманами обходится зело несклонно». Ситуацию усугубила ссора между коронным гетманом и предводителем литовского войска жмудским старостой: литовцы грабили и били шляхту, отбирали провиант. Дашков с трудом не

доводил дело до явного разрыва. Король Август только обещал, что скоро вступит в Польшу с войском, но остерегался давать какие-либо обязательства. Петр понимал, в чем дело, и писал Головкину: «О выходе Августове я не без сумнения, понеже все глухо обнадеживают, а в чем сила, то есть заключение договоров, того по се время не совершено, и конечно чаю, что смотрит на наше дело, что с шведом учиним, – для того медлит и в совершении трактатов»[147].

Август II, который по требованию Карла XII отказался от польской короны, зорко наблюдал из Дрездена за ситуацией в * Малороссии. Он оценил положение шведов как безнадежное и еще до Полтавы объявил манифестом о своем возвращении в Польшу, ссылаясь на отступления от формы в Альтранштадтском трактате и на сеймовую конституцию 1669 года, запрещавшую королю отрекаться от престола.

Полтавская баталия кардинально изменила ситуацию в Речи Посполитой. Шведский корпус генерала Крассау спешно ретировался из Польши в Померанию. Вслед за шведами покинул страну и король Стась.

Сразу после Полтавы, еще до московского триумфа, царь отправился в Речь Посполитую. 23 сентября 1709 г. Петр прибыл в Варшаву. Радные паны, великий канцлер князь Радзивилл и епископ луцкий встретили его пушечной пальбой. Петр остановился в доме маршала Белинского до ночи, а заночевал на реке. Утром 24 сентября он в сопровождении польских вельмож отправился в Торунь.

26 сентября за полмили до Торуни царя на двух прамах встретил Август. Король при встрече с Петром выглядел явно смущенным. Но Петр, поздравляя его, сказал, что прошедшего вспоминать не должно, и он знает, что за необходимость заставила короля поступить вопреки собственной пользе. Однако на боку царя висела та самая шпага, которую Август подарил Карлу XII.

Оба государя отобедали вместе на реке, после чего въехали верхом в Торунь. Их также приветствовали пушечной пальбой. Все саксонское и «мещанское» войско стояло под ружьем. Петр до пятого часа ночи пировал у короля. Король, его министры и генерал с драбантами проводили царя до дома, где король, дождавшись его выхода, кричал ему: «Виват!»

29 и 30 сентября Петр и Август занялись возобновлением союза, нарушенного Альтранштадтским трактатом. Новый трактат обязывал царя оказывать курфюрсту помощь в укреплении его на польском престоле «как войском, тако и добрыми средствы». Стороны обязались воевать до победы и «никакого партикулярного миру без другого соизволения не чинити». Торуньский трактат вносил в отношения между странами два

существенных новшества: во-первых, трактатом не предусматривалась выдача Россией субсидий Августу II; а во-вторых, тайным артикулом предусматривалась передача Августу II как саксонскому курфюрсту Лифляндии.

В Торунь приехал и датский посланник барон фон Ранцов с поздравлениями и предложениями заключить общий союз. Петр приказал российскому министру при датском дворе князю Долгорукову заключить этот союз.

Помимо этого в Торуни был заключен общий оборонительный трактат с королями прусским, польским и датским, после чего Петр и Август объявили Регенсбургскому имперскому собранию, что «ежели дозволено будет шведскому войску над союзниками учинить военное действие или вступить обратно в Польшу, то Петр по праву войны будет гнать неприятеля повсюду, где только его найдет, и требовал гарантии всей империи».

10 октября Петр отправился по Висле в Мариенвердер, чтобы встретиться там с прусским королем. Август II проводил его 8 миль, до саксонского лагеря. Петр осмотрел войска. Там же он принял бобруйского старосту Сапегу – главного сторонника короля Стася. Петр Сапега просил заступничества Петра перед Августом II, и, разумеется, получил его.

15 октября на берегу Вислы у Мариенвердера Петра встречал прусский король Фридрих I. При въезде монархов в город раздавалась пушечная пальба, а в замке пехотный полк и несколько кавалерийских эскадронов салютовали троекратным залпом. Но переговоры для Фридриха успехом не увенчались. Его надежды на то, что Петр согласится на присоединение к Бранденбургу шведской Померании и Эльбинга, не оправдались. И Фридриху пришлось довольствоваться малым – Петр пообещал только Эльбинг. В итоге был заключен только оборонительный союз. Фридрих обязался не пропускать через свою территорию корпус Крассау, если тот попытается вторгнуться в Речь Посполитую. Петр подарил своему новому союзнику шпагу, которая была при нем во время Полтавского сражения. Высокому царю эта длинная шпага была вполне впору, но для Фридриха она была слишком тяжела и велика, так что один из придворных заметил, что шпага «была до того массивна, что я постоянно боялся за моего доброго короля, как бы он не упал с нею».

Переговоры в Копенгагене о восстановлении русско-датского союза протекали более успешно. Долгоруков начал переговоры еще до Полтавской виктории, и тогда Россия соглашалась выдать Дании огромную субсидию – 500 тысяч рублей на первый год, а также отправить

двадцатитысячный вспомогательный корпус. Но после Полтавы международное положение России настолько упрочилось, что Долгоруков счел возможным отказать Дании в субсидии и во вспомогательном корпусе.

Петр торжествовал. Его подобострастно встречали короли, гремели пушки, гетман и графы умоляли его о заступничестве. Поездкой Петра восхищаются и наши историки. Так, например, Н.И. Павленко писал: «Итоги дипломатической миссии царя следует признать успешными: распавшийся Северный союз был восстановлен и Россия вновь обрела союзников… На глазах изумленной Европы рождалась новая великая держава»[148].

Увы, историки XX века путали Северную войну со Второй мировой. Там открытие нового фронта в Италии или Нормандии заставляло Гитлера перебрасывать части с Восточного фронта и переадресовывать с заводов военную технику, и наоборот, наступление советских войск не дало возможности добить американские части в Арденнах.

Ситуация же в Северной войне была совсем иной. Численность шведских войск до и после Полтавы в занятых ими германских анклавах не изменилась. Шведы в Европе снабжались за счет немцев и поляков. Значительную часть личного состава этих частей составляли этнические немцы и другие нешведы. И прусский, и датский короли не были заинтересованы в захвате Россией Приневья и Прибалтики, а еще меньше желали полного разгрома Швеции. Оба короля мечтали с помощью русских солдат и денег захватить несколько городов и заключить мир со шведами. А затем, ради ухода русских из Центральной Европы, Фридрих I и Фредерик IV были готовы заключить союз хоть с самим дьяволом.

Судя по всему, Петр плохо понимал, что происходит в Польше. Царь ерничал: «Лещинский бороду отпустил [то есть ходит в трауре. – *А.Ш.*] для того, что корона его умерла».

Увы, Польша даже с саксонским королем физически не могла быть надежным союзником ни России, ни Швеции. Противники Августа Сильного притихли после Полтавы на несколько месяцев, а затем вновь начали большие «междусобойчики». Август и паны, бывшие на тот момент его союзниками, вытягивали из России тысячи солдат и огромные суммы. Пользы же России от буйного панства не предвиделось.

Не стоит забывать и то, что русские войска в Речи Посполитой были красной тряпкой для разъяренного турецкого быка. Подобное имело место не только при Петре, но и при его наследниках. Так, войны 1735—1729 и 1768—1774 годов начались с требований Стамбула вывести русские войска из Речи Посполитой.

При Петре, начиная с 1706 г., турки систематически требовали вывода русских войск из Польши и угрожали войной. Петровские дипломаты регулярно вписывали в мирные трактаты с османами пункты о выводе войск, но войска попрежнему оставались в Речи Посполитой.

Вряд ли турки желали присоединения Прибалтики и Приневья к России, но, в любом случае, в Стамбуле вздохнули бы с облегчением, узнав о переброске русских войск из Польши в Финляндию. Не трудно посчитать, сколько войск и материальных средств освобождалось на юге России в случае установления прочного мира с Оттоманской империей.

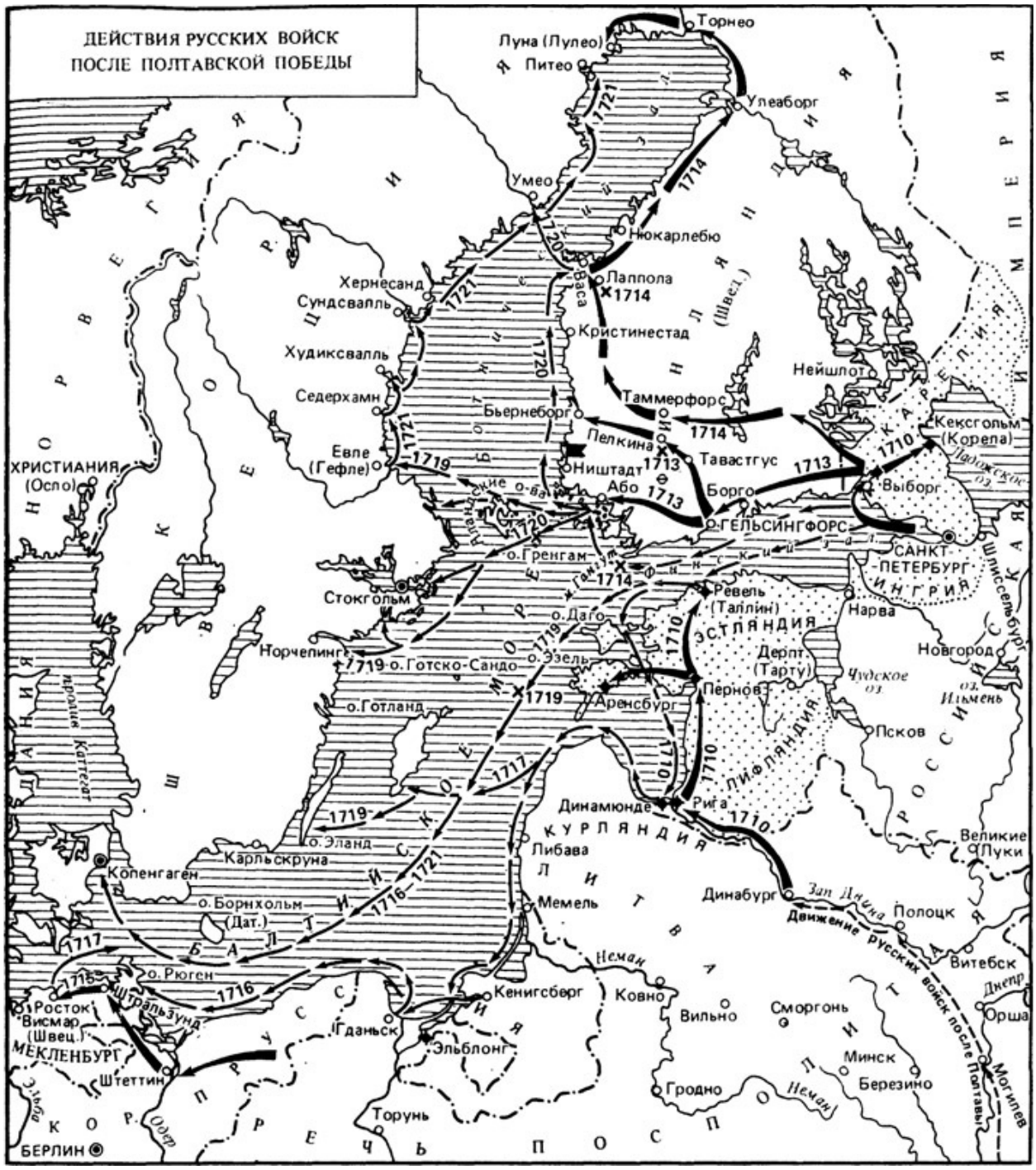
Глава 21.
Бесполезная война

Державы Великого союза – Англия, Голландия и Австрия – не были заинтересованы в расширении границ театра Северной войны. 20 марта 1710 г. в Гааге был подписан акт о северном нейтралитете. Эти страны призвали противников Швеции не вторгаться в шведские владения на севере Германии, а в свою очередь давали гарантию, что шведский корпус не будет увеличиваться количественно и не будет участвовать в войне. Текст трактата гласил: «Шведам в Померании сил своих не умножать, а неприятельских действий противу Польши, Саксонии и России не производить, а в противном случае северные союзники предоставили себе право вступить с войсками своими против них в Померанию». 22 июля 1710 г. в Гааге была подписана конвенция, которая предусматривала создание специального международного корпуса из английских, голландских и австрийских войск (15,5 тысяч пехоты и 3 тысячи конницы), предназначенного для наблюдения за сохранением нейтралитета. Условия трактата были более чем благоприятны для Швеции, но Карл XII категорически отказался от нейтрализации шведских земель в Германии. В мае 1711 г. Петр I отправил английской королеве мемориал. В нем говорилось, что поскольку Карл XII не намерен сохранять нейтралитет, и шведские войска, находящиеся в Померании, ждут лишь сигнала, чтобы вторгнуться в Польшу или Саксонию, то желательно соединить силы членов Великого и Северного союзов для совместных действий. Если члены Великого союза несогласны с этим предложением, то пусть они «не за зло примут» действия России и ее союзников против шведов в этих областях. 3 августа 1711 г. морские державы подписали соглашение, которым обязывались не препятствовать вступлению войск северных союзников в Померанию. Дания и Саксония, в свою очередь, должны были не отзывать свои войска, находившиеся на службе у Великого союза.

В августе 1711 г. датская армия, состоявшая из 18 тысяч пехоты и 9 тысяч кавалерии, вступила в Померанию. Пятитысячный отряд кавалерии был направлен для осады Висмара. Остальные датские войска двинулись к Штральзунду. Одновременно в Померанию вступил Август II во главе 10-тысячного отряда саксонской кавалерии и 6-тысячного отряда русских драгун. 6 сентября союзники соединились под Штральзундом и обложили

его. В течение осени велись осадные работы. Были построены батареи для осадной артиллерии, которую намечалось привезти из Дании. Осада затянулась. Успешному ходу военных действий мешали разногласия между союзниками. Август II и Фредерик IV больше думали о личной выгоде, чем об общем деле. Датчане были заинтересованы в захвате Висмара, саксонцы – острова Рюген. Положение союзных армий становилось тяжелым. Не хватало продовольствия. В особенно тяжелом положении оказались русские войска, с которыми саксонцы не хотели делиться своим провиантом. Петр требовал у Августа II улучшить снабжение русских солдат и офицеров: «Ежели изволите их еще иметь, то чтоб оным мясо и соль против саксонцев давано было, или их, ежели сего дать им не изволишь, отпустить в службу короля датского, или к Штенину, ибо не сытые солдаты служить не могут». Положение союзников осложнялось и тем, что датский флот, везший артиллерию, был рассеян поднявшейся бурей, и корабли были вынуждены вернуться назад. А шведам удалось на судах перебросить в Померанию дополнительно 6-тысячный корпус. Без осадной артиллерии союзники не решались на зиму оставаться под Штральзундом. Было решено снять осаду. Саксонские и датские войска ушли из Померании. Лишь под Висмаром был оставлен 6-тысячный датский корпус.

Тут стоит сказать пару слов о причинах посылки русских войск в Померанию. Мэтр истории петровского периода Н.И. Павленко пишет по сему поводу: «Отправляя русский корпус в Померанию в 1711 г., царь не рассчитывал на территориальные приобретения. Его цель состояла в изгнании шведов из Померании, что должно было ускорить заключение долгожданного мира»[149].



Увы, это далеко от истины. Ну, предположим, планы Петра сбылись, и русские вместе с саксонцами и датчанами дружно бы взялись за шведов в Померании. При таком неравенстве сил любой более-менее грамотный шведский генерал просто эвакуировал бы 18-тысячный корпус в Швецию. Датчане и саксонцы немедленно прекратили бы боевые действия. Им и в голову не пришло бы высаживать десант в Швеции или Финляндии. А вот

корпус Крассау мог бы прямо из Померании быть переброшен в Южную Финляндию.

На самом деле, отправляя корпус в Померанию, Петр пытался влезть в германские дела. «Это ни на чем не основанные предположения. Где факты, где документы?» – заявят мои оппоненты. Да, действительно, документов нет или они лежат где-то под грифом «совершено секретно». А если бы и удалось их обнародовать, то наши верноподданные историки объявили бы их фальшивкой.

Итак, документов нет, а русский корпус в Германии был. Лез Петр в Германию и с другого хода. 14 сентября 1711 г. в городе Торгау он лично принял участие в празднествах в связи с бракосочетанием своего сына Алексея с принцессой Софией Шарлоттой Христиной Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Замечу, что и все последующие наследники русского престола женились только на германских принцессах. (Исключение составил император Александр III.) Неужто был дефицит в красавицах-принцессах в королевских домах Англии, Франции, Испании, Итальянских государствах и т. д.?

1 марта 1712 г. в Померанию отправляется новый русский корпус под командованием А.Д. Меншикова. После его прибытия силы союзников в Померании составили 85 тысяч человек, из которых 48 тысяч русских, 27 тысяч датчан и 10 тысяч саксонцев.

31 марта в Кольдинге союзникам удалось наконец согласовать план военных действий, по которому было решено высадить десант на остров Рюген и осадить Штральзунд. Русское командование, чтобы не разрывать тыловые коммуникации, было заинтересовано в первую очередь во взятии Штеттина (Щецина). Русское правительство, желавшее привлечь к союзу против Швеции Пруссию, гарантировало, что после захвата Штеттин будет передан ей. Петр заверял Пруссию, что вступление русских войск в Померанию преследует единственную цель – «принудить короля шведского к полезному миру». Далее Петр продолжал: «Мы декларовать восхотели, что понеже может быть мы вскоре осаду города и крепости Штеттина предвосприниматъ будем; и ежели оную вскоре, или по нескольком времени, или через оружие к сдаче принудим, мы никакой претензии на нее чинить и наши войска в оную вводить не будем, но отдастся оная …вечно Его Прусскому Величеству». В сентябре 1712 г. Петр заключил договор об уступке Штеттина Пруссии. Тогда же было заключено соглашение с Августом II о передаче саксонцам Эльбинга, захваченного русскими войсками.

Летом 1712 г. в лагерь русских войск в Померании прибыл сам царь,

но и его призывы не изменили ситуацию – союзники по-прежнему действовали пассивно. В сентябре 1712 г. была намечена совместная русско-датская высадка десанта на шведский остров Рюген, но шведы опередили союзников и высадили на остров 10 тысяч пехоты и 1 800 кавалерии под командованием генерала Стенбока. Вскоре Стенбок переправил свои войска через узкий пролив между Рюгеном и Померанией и, оставив в крепости Штральзунд двухтысячный гарнизон, двинулся к Мекленбургу. Главные силы шведской армии (10,6 тысяч человек пехоты и 6,6 тысяч человек кавалерии) заняли Дамгартен. Стоявшие здесь четыре полка саксонской кавалерии и около 400 человек датской пехоты при приближении шведских войск отступили.

3 ноября войска Стенбока овладели Ростоком. Меншиков сообщил Петру из Померании, что «Штейнбок со всем войском из Померании марш свой воспринял в Мекленбургскую землю через зело крепкий пас, который держали саксонцы, которые оставя оный ушли».

Как только войска Стенбока вступили в Мекленбург, датчане сняли осаду Висмара и отступили к Траве. К концу ноября армия Стенбока сосредоточилась в окрестностях Швана. Союзники расположились следующим образом: русские – за реками Небель и Реквиц, датчане – у Гадебуша, саксонцы – у Гюстрова.

Саксонский главнокомандующий Я.-Г. Флемминг без согласия Петра заключил со шведами перемирие на 15 дней. Стенбок надеялся, что за это время прибудет второе подкрепление из Швеции.

Петру пришлось приложить много сил, чтобы убедить датского короля Фредерика IV выступить против Стенбока, указывая на возможность иноземного вторжения в Данию. Кроме того, существовала опасность движения Стенбока в Польшу для соединения с Карлом XII.

Стенбок решил предупредить противников и 4 (15) декабря, как только кончился срок перемирия, он с 19 батальонами и 48 эскадронами выступил из Швана и двинулся на Шверин и Гирсов. Русское командование, получив известие об этом 7 (18) декабря, тотчас же послало войска на помощь датчанам. Саксонцы под командованием фельдмаршала Флемминга (2 батальона и 32 эскадрона) также пошли на помощь датчанам и соединились с ними. Силы датчан достигли теперь 29 батальонов и 79 эскадронов.

Петр неоднократно посылал курьеров к Фредерику IV, советуя до подхода русских войск уклоняться от сражения. Но датский король, рассчитывая на численное превосходство своих войск, решил принять бой, не дожидаясь русских, «ибо хотели одни славу одержать».

9 (20) декабря шведские и датско-саксонские войска сошлись у

Гадебуша. Союзные войска расположились на возвышенности. Их позицию с фронта и левого фланга прикрывала болотистая долина реки Радегаст, а с правого – густой лес.

Утром 9 декабря Стенбок двинул свои войска против правого фланга союзников. Заметив это, они заняли прикрытую болотистым ручьем позицию у деревни Валкенштет. После ожесточенного двухчасового боя союзные войска были разбиты. Шведы преследовали противника и захватили всю датскую артиллерию и четыре тысячи пленных. Датскосаксонские войска потеряли две тысячи человек убитыми и столько же ранеными. Шведы потеряли около 500 человек. Остатки армии союзников отошли к Ольдеслое и Любеку.

Узнав о поражении союзников, Петр писал Апраксину: «…господа датчане, имея ревность не по разуму, которых… просили, чтоб не вступать в бой, пока мы будем со всею пехотою к ним, и пришли уже мы за четыре мили: но они не дождався нас в бой вступили и баталию потеряли. Но уже славим бога, что не великий урон, а именно 1 500 убито их на месте, где и неприятелей более легло; только в полон взято более 2 000 пехоты, а конница почитай вся цела, понеже левое крыло скоро побежало».

Русская армия, спешившая на помощь союзникам, отошла на Силоу и Гистров. Шведская армия расположилась по квартирам между Висмаром и Любеком.

В 1713 г. военные действия были перенесены в Голштинию, куда вступили русские войска, преследуя шведскую армию Стенбока. В начале января русская армия расположилась в районе Гамбурга. Шведская армия находилась в Пиннеберге. Имея у себя в тылу сильную датскую крепость Рендсбург, Стенбок не решился вступить в бой и отошел из Пиннеберга к Фридрихштадту. К 12 января в Рендсбурге собралась вся союзная армия. Она состояла из 12 русских батальонов и 29 эскадронов, 9 датских батальонов и 31 эскадрона и 3 саксонских батальонов и 23 эскадронов. К концу января русская армия подошла к Гузуму и стала напротив шведских войск, которые расположились в Эйдерштеде.

Стенбок расположил одну тысячу человек в Ульвесбюле, четыре полка пехоты и четыре тысячи кавалерии – в Фридрихштадте, а остальные пехотные отряды защищали проходы, сделанные в плотинах, ведущих в Эйдерштед.

Занятая шведами позиция находилась вблизи моря, была окружена непроходимыми в распутицу болотами и каналами, подойти к ней можно было только двумя узкими плотинами, «укрепленными перекопами и батареями». Петр I предложил союзникам атаковать неприятеля

объединенными силами, но те, считая позицию шведов неприступной, отказались от боя. Кроме того, Фредерик IV ни за что не соглашался оставаться в Гузуме, пока не получит в подкрепление несколько русских полков. В результате было принято решение датско-саксонским войскам, подкрепленным четырьмя русскими пехотными полками, остаться в Гузуме, «дабы, – как писал Петр, – неприятеля чрез дамб лежащий к Гузуму не пропустить; а достальным российским войскам ити к местечку Швабстеду, от которого лежит другой дам к Фридригштату (укрепленный перекопами и батареями от неприятеля)».

31 января (11 февраля) русские двинулись по дамбам двумя колоннами. Пехотой, шедшей по одной дамбе, командовал сам царь, а кавалерией, шедшей по другой дамбе, Меншиков. Шведы, увидев наступающих русских, побросали в воду пушки и отступили. Дожди и размытые дороги затруднили преследование неприятеля, которого «догнать было невозможно: понеже такая была вязкая грязь, что не только со всех солдат обувь стащило, но и у многих лошадей подковы выдрало». Шведы в этом бою потеряли 300 человек пленными и 13 человек убитыми. Русские потеряли двух человек убитыми и пятерых ранеными.

Под Фридрихштадтом русская армия нанесла решающее поражение Стенбоку. От окончательного уничтожения шведов спасло только то, что голштинский герцог, нарушив свой нейтралитет в Северной войне, впустил Стенбока с остатками армии в крепость Теннинген.

Союзники с суши и с моря осадили крепость. Петр, назначив командующим русскими войсками Меншикова, убыл в Россию. Верховное командование принял на себя датский король Фредерик IV. Были вырыты траншеи и построены мортирные батареи. Осажденные страдали от нехватки продовольствия и пресной воды. Датские корабли блокировали крепость с моря, они стояли в устье реки Эйдера и не давали возможности подвезти в крепость провиант. Ими было захвачено 15 шведских судов с продовольствием, обмундированием и дровами, которые шли к Теннингену. В крепости началась эпидемия, жертвой которой стали четыре тысячи человек. Видя бесполезность дальнейшего сопротивления, Стенбок был вынужден капитулировать.

4 (15) мая 1713 г. была подписана капитуляция, согласно которой Стенбок сдался в плен со всеми своими войсками (11 485 человек), оружием и знаменами. В донесении русский посол В.Л. Долгоруков так описывал это событие: «По капитуляции, учиненной с фельтмаршалом швецким Штейнбоком, о которой прежними моими письмами я вам доносил, вчера первая и сего дня другая бригады ис Тонинга вышли и

положа знамена и ружье перед войски их союзных величество пошли в путь свой на квартиры, которые им определили от датчан».

Шведская армия Стенбока перестала существовать. После капитуляции Стенбока военные действия в Голштинии были закончены, русские и саксонские войска вернулись в Померанию, датские войска остались в Голштинии.

В июне 1713 г. состоялся военный совет в Ванцбеке, на котором союзниками было принято решение силами саксонских и русских войск осадить Штральзунд, захватить остров Рюген, русские войска должны были осадить также Штеттин, «чтобы оную Штетинскую крепость одними российскими войсски доставать». Август II обещал поставить артиллерию.

4 (15) июля 1713 г. русско-саксонские войска численностью 17 тысяч человек осадили остров Рюген.

В июле 24-тысячная русская армия под командованием Меншикова блокировала Штеттин. Крепость защищал 5-тысячный гарнизон и 4 тысячи вооруженных горожан. 17 (28) сентября, с прибытием обещанной Августом II артиллерии – 70 пушек, 2 гаубиц и 30 мортир – началась бомбардировка Штеттина. В городе вспыхнули сильные пожары. На следующий день гарнизон Штеттина капитулировал. Русские потеряли при осаде Штеттина 184 человека убитыми и 365 человек ранеными.

Штеттин был передан в секвестр Пруссии. Тем самым она становилась на сторону Северного союза. Позднее, в июне 1714 г., между Россией и Пруссией был подписан договор, по которому Штеттин должен был навсегда остаться во владении Пруссии, а за Россией оставались Ингрия, Карелия с городами Выборгом и Нарвой, Эстляндия с Ревелем.

С падением Штеттина военные действия в Померании закончились. Петр приказал Меншикову с 26-тысячной русской армией идти через Польшу к русским границам, «не чиня отнюдь никаких обид и отягощений обывателям польским, а довольствовались бы токмо одним провиантом определенным…». В Померании был оставлен 6-тысячный русский отряд.

Как уже говорилось, 21 ноября 1714 г. Карл XII прибыл из Турции в Штральзунд. Там он стал лихорадочно готовиться к продолжению войны. Основным театром боевых действий король считал Померанию и отдал приказ в Шведский сенат – набрать людей и припасы и отправить в Померанию. Король повелел своим каперам атаковать любые чужие, то есть не шведские, торговые суда в Балтийском море и в датских проливах.

Безрассудство Карла дошло до того, что он начал боевые действия в Померании против Пруссии. До этого прусский король колебался в вопросе о войне со Швецией, а его министры были категорически против войны.

Датчане просили Петра послать крупные русские силы в Померанию, а царь по-прежнему требовал прихода датского флота к Финскому заливу. Датчане в очередной раз отказали. Тогда русский посланник в Копенгагене князь Долгоруков попросил, чтобы датский флот хотя бы запер шведский флот в Карлскроне (главная база шведского флота и поныне). Любопытна беседа Долгорукова с датским министром. «Король очень печалится и сомневается, что царское величество не хочет сделать для него такой милости – прислать своих войск», – сказал один из министров Долгорукову. Долгоруков засмеялся и сказал: «Царскому величеству еще печальнее и сомнительнее, что король не хочет послать ему своего флота, без которого царское величество никакой пользы союзу принести не может». На это министр заметил, что царь, имея до 27 кораблей, может легко действовать против девяти шведских кораблей.

В июле 1715 г. датские и прусские войска осадили шведскую крепость Штральзунд, в которой находился сам Карл XII. Гарнизон крепости насчитывал 9 тысяч человек, а союзники имели 36 тысяч. В лагере осаждающих присутствовали датский и прусский короли. 20 июля союзники захватили остров Узедом, а ноябре – остров Рюген, прикрывавший Штральзунд с севера. Карл XII, как всегда, проявлял чудеса храбрости и участвовал во всех вылазках. В одной из них датский офицер, узнав короля, схватил одной рукой эфес шпаги Карла, а другой взял его за волосы и крикнул: «Сдавайтесь, Ваше величество, или я вас убью!» Карл успел левой рукой вытащить из-за пояса пистолет и в упор застрелил датчанина. Вскоре положение Штральзунда стало совсем безвыходным. После длительных уговоров командования крепости 9 декабря 1715 г. Карл сел на шестивесельную шлюпку и покинул крепость. Через 12 часов плавания в шлюпке по Балтийскому морю короля и его спутников подобрала шведская бригантина, которая и доставила его на родину.

11 декабря Штральзунд сдался. Теперь в Германии у шведов остался только Висмар.

Весной 1715 г. шведский флот фактически блокировал финское и эстляндское побережье. Но еще до прихода шведских кораблей царь послал из Ревеля три фрегата под командованием капитана Бредаля для поимки шведских каперов. Бредалю удалось захватить и привести в Петербург три каперских судна.

Петр был обрадован удачей Бредаля и приказал ему с четырьмя фрегатами и тремя шнявами идти к Готланду для перехвата шведских торговых судов. Кроме того, Бредалю предписывалось на Готланде захватить «языков, наипаче морских людей» и, если будет возможно, дойти

до входа в стокгольмские шхеры. Бредаль и это рискованное поручение выполнил с успехом. На Готланде он захватил несколько пленных и побывал у стокгольмских шхер, не встретив нигде шведского флота.

29 мая 12 шведских кораблей и несколько мелких судов подошли к Ревельской гавани, где стояла наша эскадра под начальством капитана Фангенга. После двухчасовой перестрелки, не нанесшей ни гавани, ни русским судам никакого вреда, шведы ушли с рейда.

С годами Петра все более и более интересовали германские дела, включая дрязги мелких владетелей. В 1715 г. царь ни с того ни с сего впутался в раздоры герцога Мекленбургского со своим дворянством. Это испугало Данию, Пруссию и Ганновер и поссорило их с Россией. Германская политика Петра, по словам историка Ключевского, сделала его друзей врагами, не сделав врагов друзьями.

Не лучше обстояло дело и с Августом II. В 1713 и 1714 годах в Польше был неурожай, а между тем голодная страна должна была содержать саксонское войско, которое король не выводил, несмотря на все просьбы поляков и требования России. Поляки на сеймиках кричали, что их вольность уже кончается и что им остается одно спасение – просить защиты у России. Наконец образовалась конфедерация, вступившая в открытую борьбу с саксонцами. Конфедераты обратились к царю с просьбой о посредничестве. Петр придвинул к польской границе войско, и Август должен был в течение двух недель вывести из Польши саксонские войска.

Таким образом, три злейших врага Карла XII – Август II, Георг I и Фредерик IV – сделались также врагами Петра.

В кампанию 1716 года союзники планировали захватить Висмар. Русские и датские войска под прикрытием объединенного флота России, Англии, Голландии и Дании должны были вторгнуться в Южную Швецию (Сканию). Для поддержки этой операции русский галерный флот с десантом под начальством Ф.М. Апраксина при поддержке датского флота должен был сделать высадку на территории Швеции со стороны острова Аланд. Высадиться в Скании должны были войска под командованием Шереметева, находившиеся в Мекленбург-Шверине.

Союзники просили Петра прислать войска для взятия Висмара. Петр повелел Репнину с корпусом двинуться к Висмару. Но 7 апреля 1716 г. четырехтысячный гарнизон Висмара капитулировал перед 15-тысячной армией союзников, еще до подхода русских. Репнин потребовал, чтобы русским войскам было разрешено войти в Висмар, но получил отказ. Петр повозмущался, пожаловался датскому королю, но дальнейших последствий

сей инцидент не имел.

Еще в августе 1715 г. галерная эскадра под командованием капитан-командора М.Х. Змаевича была отправлена на зимовку в Либаву. На борту галер находился пятитысячный десантный отряд. Транспортные суда, направленные в Либаву, дойти туда не успели и зазимовали в Риге. В Мекленбурге был собран 26-тысячный русский корпус, который предполагалось перевезти на остров Зеландию и отсюда, под прикрытием датского и русского флотов, на шведский берег.

К маю 1716 г. в Копенгагене собралась целая русская эскадра. В нее входили три корабля, построенные по русскому заказу в Амстердаме в 1714 г., – «Портсмут» (54 пушки), «Девоншир» (52 пушки) и «Мальбург» (60 пушек). А также четыре 52-пушечных корабля, построенных в 1715 г. в Архангельске – «Уриил», «Селафаил», «Варахаил» и «Ягудиил».

В июне 1716 г. в Копенгаген прибыли галеры под командованием Змаевича. Интересно, что от Ростока до Копенгагена их вел сам Петр. В июне в Копенгаген пришли и другие корабли эскадры под командованием Сиверса. В ее составе было 7 кораблей, 3 фрегата и 3 шнявы.

Кроме русской эскадры в Копенгагене собрались сильные датская и британская эскадры. Казалось бы, успех десанта в Сканию обеспечен. Но ни датчане, ни англичане не торопились с высадкой, а отговаривались различными предлогами. Нетерпеливый Петр решил сам обследовать шведские берега. Шнява «Принцесса», где находился царь, слишком близко подошла к береговым батареям шведов и была пробита ядром; следовавшая за ней шнява «Лизетта» получила еще большие повреждения.

В конце августа датчане согласились помочь русским высадить десант в Скании, но тут уже заупрямился Петр, мол, дело идет к зиме, и десант следует отложить до весны 1717 г.

История пребывания русского флота в Копенгагене – вещь довольно темная. Историкам приходилось работать только с русскими документами, рисующими Петра рыцарем без страха и упрека, а датчан – вероломными дураками. А ведь с весны 1716 г. Карл XII воевал в Норвегии, бывшей тогда частью Датского королевства, и датчане, по идее, должны были более русских желать десанта в Сканию.

По русским источникам, датчане стали обвинять Петра, что он де ведет сепаративные переговоры с Карлом XII и посему медлит с десантом в Сканию. Мало того, царю приписали желание захватить Копенгаген.

В датской столице по тревоге был поднят гарнизон. На валах стояла пехота, пушки находились в полной готовности.

Английский король Георг I прислал приказ командующему британской

эскадрой Норрису овладеть русскими кораблями и самим царем и не отпускать Петра до тех пор, пока русские войска не уйдут из Дании и Германии. Однако, придравшись к формальностям в королевском приказе, адмирал Норрис отказался выполнить его. А британский кабинет оперативно объяснил королю, что вследствие разрыва с царем в России будут арестованы английские купцы и пресечется столь выгодная для Англии торговля.

Таким образом, до вооруженного конфликта между союзниками дело не дошло, но с октября 1716 г. русские войска начали перевозиться из Дании в Росток. Фельдмаршалу Шереметеву было указано с пехотой расположиться на зимние квартиры в Мекленбурге, из кавалерии же оставить в Дании только один полк, а остальным идти на зимние квартиры к польским границам.

Так печально закончилась бесполезная война Петра в Центральной Европе, о которой даже не упоминается в наших школьных учебниках. Потеряв в этой войне десятки тысяч солдат и миллионы рублей, Россия ни на шаг не приблизилась к победе над Швецией.

В итоге царские, советские и нынешние официальные историки оказались в замешательстве. Заявлять, что действия русских войск в Польше, Германии и Дании решили исход войны, смехотворно. А признать, что планы Петра шли намного дальше возвращения балтийских земель России, страшно – при царях и генсеках могли и в Сибирь направить, а сейчас – кормушки лишить.

То, что Петр стремился установить гегемонию в Центральной Европе, более чем очевидно, но конкретных деталей всех его планов мы, видимо, никогда не узнаем. В России каждый новый царь или генсек, пришедший к власти, уничтожал все документы своих предшественников, если считал их вредными для государства или его самого.

Глава 22.
Финал Северной войны

Исход Северной войны решили русские солдаты и матросы в Прибалтике, Финляндии и Швеции. После ухода из Прибалтики войска Левенгаупта летом 1708 г. и поражения шведов под Полтавой судьба прибалтийских городов была предрешена. Они должны были пасть к ногам Петра, как перезревшие яблоки. Но, увы, все оказалось не так просто. Осада Риги затянулась с 27 октября 1709 г. по 4 июля 1710 г., а Ревеля – с декабря 1709 г. по 29 октября 1710 г. В 1703 г. на верфях в Сяси и Лодейном поле началось строительство русского флота для Балтики. Всего до конца Северной войны в состав Балтийского флота было введено 48 кораблей, из которых 17 было закуплено Петром в Англии и Голландии. 20 кораблей было построено в Санкт-Петербурге и 7 кораблей – в Архангельске, и по два в Новой Ладоге и на Олонецкой верфи. В ходе Северной войны в строй Балтийского флота вошло 27 фрегатов. Их них семь было куплено в 1710—1720 гг. в Голландии, а фрегаты «Ланаду» и «Ричмонд» в 1713—1714 гг. – в Англии. Кроме того, с 1703 по 1714 год в строй Балтийского флота было введено 16 шняв. Шнява представляла собой парусное двухмачтовое судно, вооруженное 14—18 пушками. Решающую роль в борьбе на море и в захвате Финляндии сыграли крупные гребные суда – галеры и бригантины. Всего русские построили свыше 200 галер и 143 бригантины.

Без флота, и в первую очередь гребного, были бы крайне затруднительны действия русских на севере Карельского перешейка.

16 марта 1710 г. в сильнейший мороз русский корпус покинул остров Котлин и направился к Выборгу. Пройдя по льду Финского залива свыше 150 верст, русские полки утром 21 марта внезапно появились под Выборгом. Апраксин решил нанести удар с северо-запада, где его меньше всего ожидали шведы.

Главные силы русских заняли позицию у деревни Хиетала в трех верстах от Выборга на единственной дороге, соединявшей Выборг с Западной Финляндией, где зимовал корпус генерала Либекера.

Гарнизон Выборга состоял из шести тысяч человек под началом полковника Стернстраля. В крепости имелось: 141 пушка, 8 мортир и 2 гаубицы.

Осадные батареи русских открыли огонь по крепости 1 апреля 1710 г.

12 апреля шведы произвели вылазку, но были отбиты. Осада затянулась.

18 мая в районе Берёзовых островов, в нескольких верстах от Выборга, появилась шведская эскадра под командованием адмирала Г. Ватранга. Но оказать существенную помощь осажденным Ватранг не смог. Большая осадка и малая маневренность кораблей (линейных!) не позволила им подойти к Выборгу шхерами, а фарватер через Тронгзундский пролив оказался для них закрыт, так как в самом узком его месте по приказу Петра было затоплено несколько транспортных судов. Не имея возможности атаковать укрепленную позицию русских у Тронгзунда, Ватранг вынужден был ограничиться крейсированием в Финском заливе между Тронгзундом и островом Котлин. В шхерах же господствовал русский галерный флот.

После сильной бомбардировки 1—5 июня 1710 г., 12 июня гарнизон Выборга капитулировал.

Петр придавал взятию Выборга исключительно большое значение. Во многих своих письмах он подчеркивал: «И тако через взятие сего города Санкт-Питербурху конечное безопасение получено». А в письме к Екатерине Алексеевне, определяя стратегическое значение одержанной победы, он указывал, что «уже крепкая подушка Санкт-Питербурху устроена».

Действительно, взятие Выборга имело важное стратегическое значение. Шведы лишились не только базы для нападения на Санкт-Петербург, но и форпоста, защищавшего Северную Финляндию.

Падение Выборга предрешило судьбу другой крепости на севере Карельского перешейка – Кексгольма.

На пару лет на севере наступает затишье, поскольку Петр считает главным театром военных действий Центральную Европу и отправляет туда лучшие силы.

Лишь к началу 1713 г. русское командование и сам царь осознали, что главным театром военных действий в войне является Финляндия, и только через нее лежит путь к окончательной победе над Швецией.

Русское командование, с учетом особенностей рельефа местности южной Финляндии, решило не наступать на суше, а высадить десант с моря. Однако шведский корабельный флот имел существенное количественное и качественное превосходство. Поэтому было решено посадить войска на гребные суда, которые должны были двигаться вдоль побережья в шхерах, вне досягаемости шведских кораблей.

В конце апреля 1713 г. русский галерный флот в составе 204 судов с десантом (16 050 человек) прибыл из СанктПетербурга в Кроншлот, где соединился с корабельным флотом (четыре корабля, два фрегата,

бомбардирский корабль и две шнявы). 2 мая соединенный флот направился к Гельсингфорсу (современному Хельсинки). Корабельный флот, к которому присоединились три корабля и два фрегата из Ревеля, сопровождал галерный флот до Берёзовых островов, где флоты разошлись. Галерный флот отправился шхерами вдоль берегов Финляндии, а корабельный должен был крейсировать у Выборга.

Корабельный флот под командованием вице-адмирала Крюйса должен был при благоприятных условиях, то есть имея превосходство над шведами, поддержать галерный флот.

8 мая галерный флот под командованием Ф.М. Апраксина подошел к Гельсингфорсу. На одной из галер плыл сам царь, но он традиционно считался подчиненным Апраксину. Шведских военных кораблей в порту не оказалось. Город был обнесен валом. Перешеек, соединявший полуостров, на котором расположен Гельсингфорс, с материком, имел мощные укрепления. Подступы с моря находились в секторе обстрела трех батарей. В городе было две тысячи пехотинцев и триста кавалеристов под командованием генерала Карла Густава Армфельта.

10 мая русские галеры и два прама начали бомбардировку города. Шведские батареи открыли ответный огонь. Артиллерийская дуэль продолжалась всю ночь. На русских галерах была такая большая потеря гребцов, что они с трудом могли отходить от неприятельских батарей для замены убитых людей новыми. Наконец в городе начался сильный пожар. На рассвете, когда русский десант успешно высадился на западном берегу залива Сендра-хамн, шведский гарнизон, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, вышел из города по направлению к Борго. В Гельсингфорсе русскими было захвачено четыре пушки.

Шведы не ожидали русского десанта у Гельсингфорса в своем глубоком тылу, поэтому их сухопутные силы – 15 тысяч человек под командованием генерала Либекера – были сосредоточены в районе Борго, в 50 верстах западнее Гельсингфорса.

Русское командование решило атаковать войска Либекера, а заодно опасалось прихода шведского флота в Гельсингфорс. Поэтому на рассвете 11 мая большая часть русских войск была погружена на гребные суда и отправлена к Борго, а оставшиеся войска двинулись туда сушей.

12 мая (то есть на следующий день после ухода русского гребного флота) на рейде Гельсингфорса появилась шведская эскадра из шести кораблей под командованием адмирала Лиллье.

14 мая русские с суши и с моря подошли к Борго. Либекер без сопротивления оставил город и отошел к деревне Уензала. Русские решили

создать временную базу на острове Форсё близ Борго. В конце мая армия и галерный флот сосредоточились у Форсё. Сюда же подошел и 7-тысячный кавалерийский отряд под командованием генерал-майора А.Г. Волконского. Тридцать галер под командованием И.Ф. Боциса пошли к Гельсингфорсу для наблюдения за шведской эскадрой Лиллье в составе шести кораблей, одного фрегата, одной шнявы и отряда транспортных судов, стоявших на Гельсингфорсском рейде.

Русское командование приняло решение совместными действиями сухопутных войск, корабельного и галерного флотов вновь захватить Гельсингфорс и уничтожить эскадру Лиллье. После занятия Гельсингфорса планировалось укрепить его. Затем ставилась задача идти к Або и захватить его. В случае если неприятель займет сильную позицию и не пропустит сухопутные войска к городу, галерный флот должен был обойти шведов шхерами и разбить. После закрепления в Або галерный флот должен был контролировать Ботнический залив и не пропускать суда с провиантом из Финляндии и Швеции.

Между тем в Ревель прибыли только что купленные за границей три корабля и два фрегата, которые из опасения встречи со шведским флотом не могли идти к Котлину, и поэтому для сопровождения кораблей в Ревель отправили всю корабельную эскадру под командованием Крюйса.

Корабельная эскадра по дороге в Ревель увидела три шведских судна, погналась за ними и, подойдя на пушечный выстрел, открыла огонь. В тот момент, когда передовые суда эскадры уже настигли неприятеля, корабль «Выборг» сел на мель, а за ним набежали на ту же мель еще два корабля – «Эсперанс» и «Рига», последний был адмиральский. Спуск на «Риге» красного флага, поднятие которого означало сигнал «вступить в бой», был принят командирами остальных судов за приказание прекратить погоню, что и спасло шведские суда, которые спешно ушли. Корабли «Ригу» и «Эсперанс» удалось снять с мели, а «Выборг» переломился пополам, и его пришлось сжечь.

Корабельная эскадра, соединившись в Ревеле с судами, пришедшими из-за границы, возвратилась благополучно на Котлин, не встретив шведов.

Для расследования дела о потере «Выборга» состоялся военный суд, в котором председательствовал Апраксин, а в числе членов находился контр-адмирал Петр Михайлов. После строгого разбора дела суд приговорил вице-адмирала Крюйса и капитан-командора Рейса к смертной казни, капитан-командора Шельтинга – к понижению в младшие капитаны и еще одного капитана – к изгнанию из России. Приговоры Крюйса и Рейса впоследствии были смягчены и заменены ссылками: Крюйса – в Казань, а

Рейса – в Сибирь.

25 мая корпус Апраксина выступил из Борго. Часть войск плыла на галерах, а часть двигалась прибрежной дорогой.

Рекогносцировка выяснила присутствие на рейде Гельсингфорса шведской эскадры. Решено было послать в поиск галерный флот с целью уничтожения замеченных на рейде торговых судов, которые, очевидно, являлись провиантными судами эскадры. 6 июня галерный флот вышел из Форсё в составе 27 галер и 19 лодок под началом графа Боциса и вечером подошел к рейду Гельсингфорса, не замеченный шведами. Укрывшись за скалистым островом Сендра-хамн, Боцис осмотрел расположение шведов и решил атаковать торговые суда с восточной стороны лодками. Корабельный же флот шведов Боцис решил нейтрализовать выдвижением галер с юга. Шесть галер оставались в восточном проходе для обеспечения отступления лодкам. Остров Сендра-хамн был занят отрядом гренадер генерала Головина. В полночь двинулись лодки. Через полтора часа торговые суда загорелись, а Боцис, выдвинувшись с девятью галерами, открыл артиллерийский огонь по шведской эскадре. Затем, воспользовавшись замешательством противника, вся русская флотилия благополучно отошла, потеряв убитым всего одного человека. Сожженные суда оказались принадлежащими голландским купцам, тем не менее успех поиска имел большой психологический эффект.

12 июля корпус Апраксина и галерный флот Боциса одновременно подошли к Гельсингфорсу. Ожидалось и прибытие корабельного флота Крюйса, но он так и не появился. Шведская эскадра и гарнизон Гельсингфорса сочли за лучшее без боя покинуть город.

Захватив Гельсингфорс, русские начали его укреплять. Были построены батареи и редуты, все проходы между островами, кроме одного, завалены камнями, началась постройка новой крепости, и в Гельсингфорсе был устроен магазин для снабжения армии и флота.

17 августа русские войска выступили из Гельсингфорса к Або. Сухопутный отряд численностью 10—12 тысяч человек под командованием М.М. Голицына шел берегом, галерная эскадра под командованием Боциса в составе 29 галер с десантом, всего около четырех тысяч человек, шла к Або шхерами. В Гельсингфорсе остался трехтысячный гарнизон, в Форсё – около одной тысячи человек, команда тыловых транспортов имела около 800 человек.

28 августа русские войска, разбив арьергард шведского войска, заняли Або. Либекер с войском отошел к Тавастгусу (ныне город Хяменлинна в Финляндии). Эскадра Лиллье, стоявшая у Тверминне, преграждала проход

к Або русскому галерному отряду. Это лишало русские войска в Або помощи флота, а также возможности получать продовольствие морским путем.

Невозможность держать крупные силы в Або, затруднения с продовольствием и фуражом, а также опасность быть отрезанными от Гельсингфорса заставили русское командование принять решение отступить на зиму из Або в Гельсингфорс. Сюда же должен был вернуться и галерный флот. В Або был оставлен небольшой гарнизон.

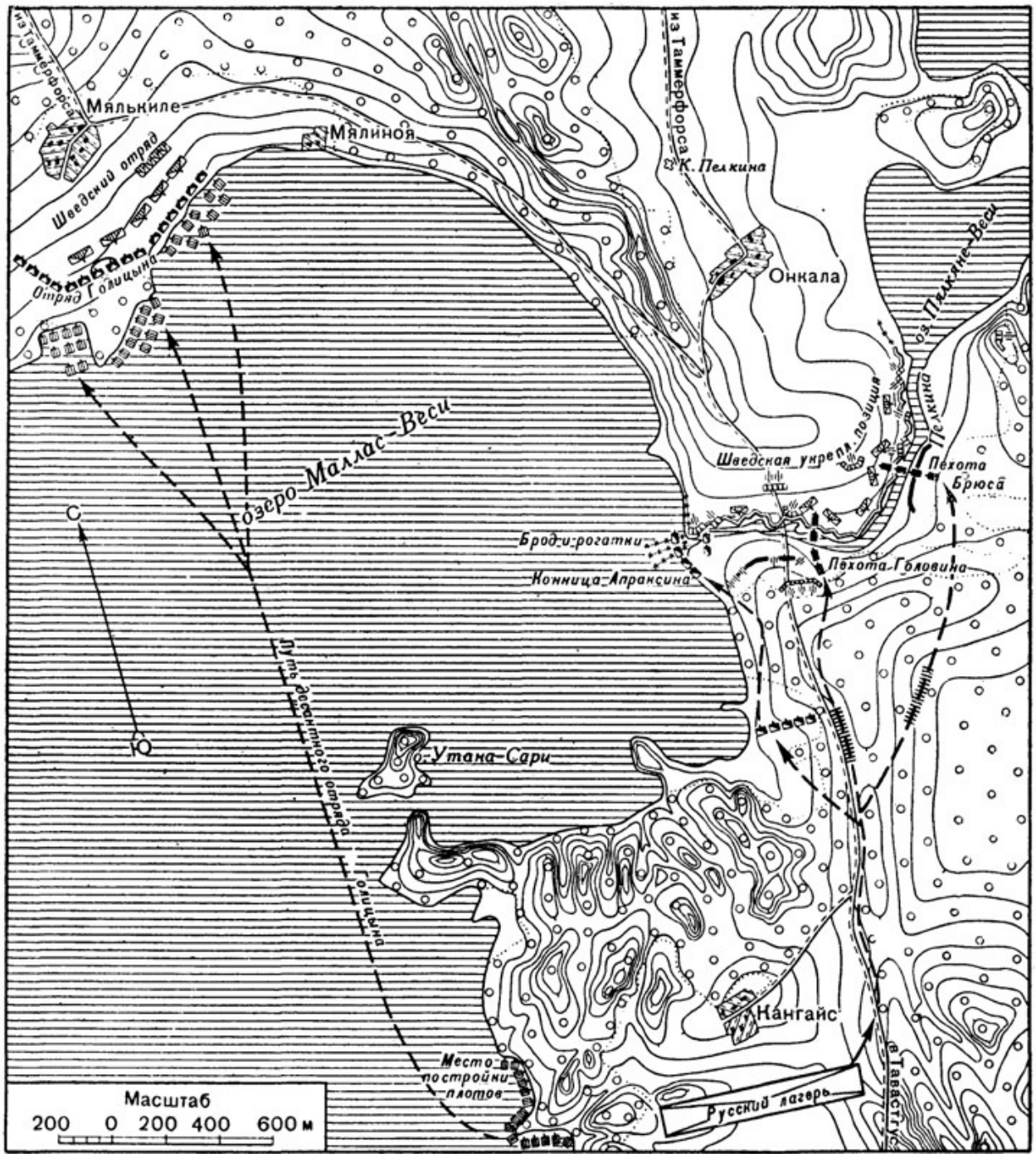
Закончить кампанию 1713 года планировалось ударом по корпусу Либекера.

В конце сентября русская армия численностью 14—16 тысяч человек пехоты и конницы при 22 пушках под командованием Апраксина подошла к Тавастгусу. Шведы, узнав о приближении русских войск, побросали пушки, которые были в крепости, в воду и отошли от города на 4 мили.

Генерал Армфельт с 11-тысячным корпусом занял сильную позицию у реки Пелкина. Эта позиция прикрывала направление на Васу и угрожала русским сообщениям с Гельсингфорсом. В тактическом отношении позиция шведов, расположенная между озерами Маллас-Веси и Пелькяне-Веси, была недоступна с фронта и хорошо защищена с флангов. Фронт шведской позиции, усиленный укреплениями и прикрытый рекой Пелкина, тянулся на полтора километра. 2 октября русская армия подошла к шведской позиции. Проведенная рекогносцировка показала, что атаковать неприятеля с фронта невозможно и обойти с тыла также нельзя. Апраксин принял решение нанести удар десантом в тылу противника, построив для этого плоты, и одновременно произвести демонстративную атаку с фронта через реку Пелкина.

Для обхода был выделен 6-тысячный десантный отряд под начальством генерал-адъютанта М.М. Голицына. Отряду была отдана диспозиция, явившаяся первым в русской военной истории документом для атаки десантом в озерных условиях.

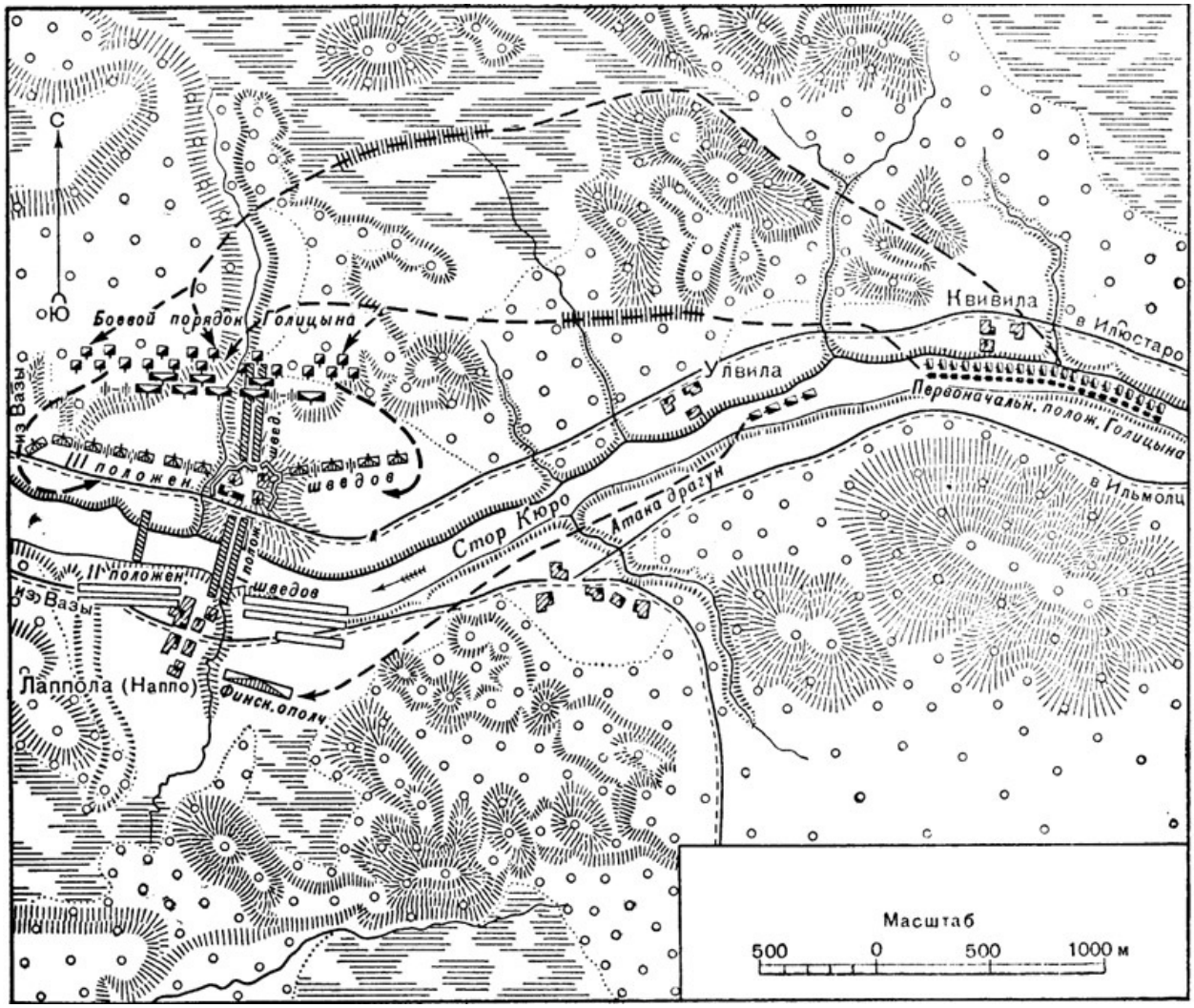
На рассвете 6 (17) октября 1713 г. десантный отряд переправился на плотах через озеро Маллас-Веси. Густой туман способствовал успешной высадке. Шведы, обнаружив русских, направили туда конницу. Завязалась перестрелка. Положение головных частей десанта стало еще более тяжелым, когда подошли два пехотных шведских полка. В то время, когда авангард десанта упорно сражался, высадились остальные силы десанта и ударили во фланг шведов.



Бой при реке Пелкине.

Одновременно с десантом тремя колоннами начали форсирование реки Пелкины войска под командованием Апраксина, стоявшие перед фронтом. Конница Волконского перешла реку вброд и ударила с тыла по правому крылу неприятеля. Пехотные полки Голицына и Брюса (4 тысячи человек) переправились на плотах и ударили в центр неприятеля. Бой шел по всему

фронту и в тылу противника. Разбитые шведы отступили. «И тако… по трех часном бою от озера и через реку изо всех крепостей неприятеля выбили, и полную викторию получили». В этом бою шведы потеряли около 577 человек убитыми, более 233 человек пленными, 6 пушек, 2 гаубицы и 8 знамен. Потери русских составили 673 человека убитыми и ранеными. В бою при реке Пелкина русские войска применили новые для того времени способы ведения боя: сочетание фронтального удара с обходом фланга противника путем высадки десанта, решительный штыковый удар, атака колонной. После поражения на реке Пелкина шведские войска отошли в район Васы. Русские войска (15 тысяч человек) под командованием М.М. Голицына расположились на зимние квартиры в районе Биернеборга (ныне город Пори в Финляндии), в 120 км к северу от Або.



Бой при Лаппола.

В ходе кампании 1713 года русскими войсками была занята большая часть Финляндии. Русские утвердились на побережье Ботнического залива и могли угрожать Швеции высадкой десанта на ее территорию.

Зимой 1713/1714 г. русское командование решило вести активные боевые действия. 7 февраля 1714 г. корпус М.М. Голицына (5 588 человек пехоты и 2 907 человек конницы при 11 полковых пушках) двинулся к городу Васа, где находились войска генерала Армфельта (8 тысяч шведов и 6 тысяч финнов-ополченцев при 8 орудиях).

18 февраля русские войска встретились со шведским авангардом у деревни Квивила в четырех верстах от деревни Лаппола. Главные силы шведов прикрывали дорогу на город Васу у деревни Лаппола.

В ночь на 14 февраля русские войска пошли в обход позиции противника и вышли на фланг шведских войск. Появление русских с востока оказалось неожиданным для Армфельта, но он успел повернуть свои войска. Тем не менее в ходе упорного боя шведы были разбиты и бежали. Обоз и артиллерия были захвачены русскими войсками. Шведы потеряли только убитыми 5 133 человека и 535 человек пленными. Остатки шведских войск бежали на север Финляндии к Якобштадту.

Как уже говорилось, решающую роль на Балтийском море играли не парусные корабли, вооруженные от 60 до 100 пушками калибра до 24—36 фунтов, а гребные суда, в первую очередь галеры. В открытом море такой корабль мог дать бой и сотне галер, имевшим слабое вооружение (2—3 пушки в носовой части). Но матушка-природа сделала так, что северное побережье Финского залива, Аландский архипелаг и побережье Швеции от Эстхамара до Фигехолма представляет собой почти сплошные шхеры. Плавание в шхерных районах – дело весьма трудное, требующее отличного знания местности, так как навигация в шхерах возможна только по строго определенным путям – фарватерам, чрезвычайно извилистым и таящим массу опасностей. Наиболее трудными являются шхерные районы Финляндии и Або-Аландские, несколько легче плавание по шведским шхерам.

До появления паровых судов можно было, выйдя на галере из Кронштадта, пройти около 50 верст до Берёзовых островов, а оттуда шхерами идти до самого Стокгольма, не рискуя встретиться с большими парусными кораблями противника.

Однако на южном побережье Финляндии было два выдававшихся в море полуострова – Гангут (Ханко) и ПаркаллаУнд, где галерам приходилось верст 20 идти по Финскому заливу вне шхер. Эти два маленьких полуострова были главными стратегическими точками в борьбе

за Финляндию.

В июле 1714 г. шведская парусная эскадра адмирала Г. Ватранга, состоявшая из 17 кораблей, четырех фрегатов, двух прамов и десяти гребных судов, сосредоточилась у полуострова Гангут и не давала возможности пройти на запад русскому галерному флоту.

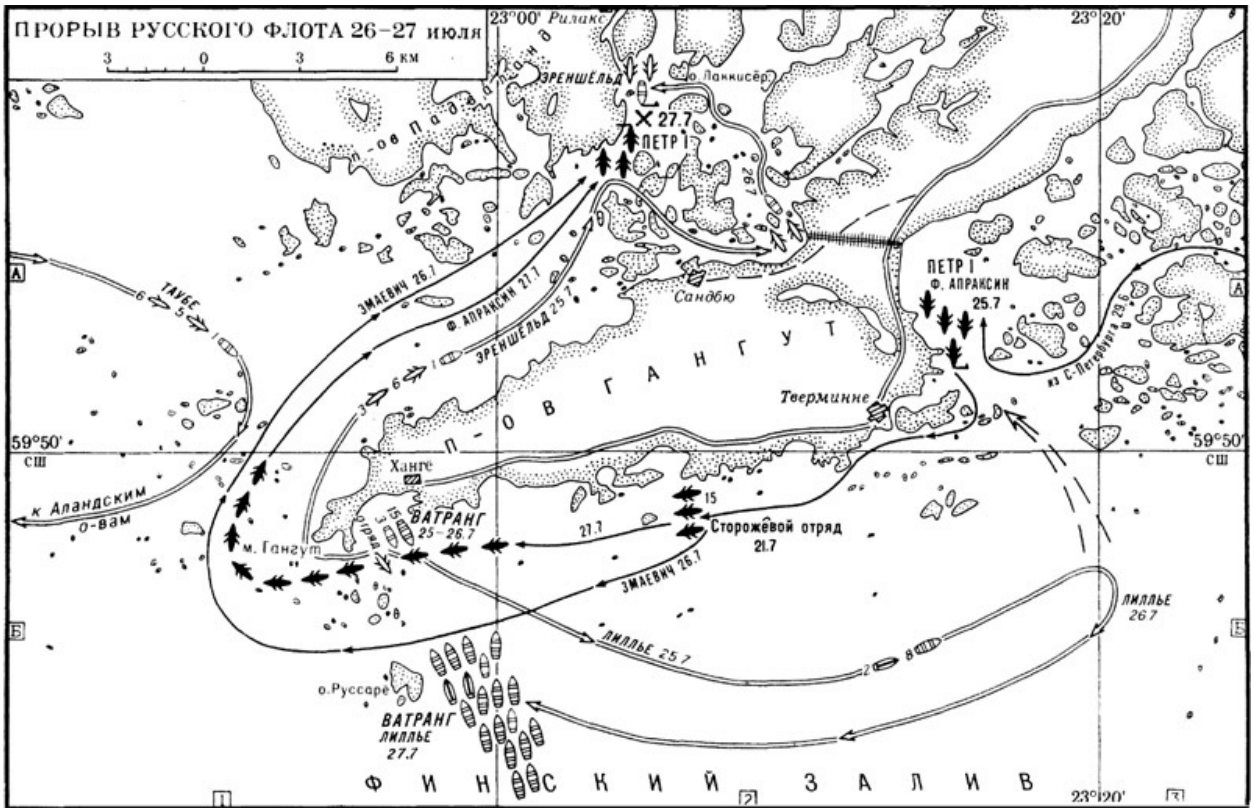
Русский генерал-адмирал Федор Апраксин отдал приказ готовить специальные силы, чтобы волоком перетащить галеры через узкий перешеек Гангутского полуострова шириной в 2,5 км.

25 июля на флагманский корабль Ватранга – 64-пушечный «Бремен» – приплыли четыре местных финна и сообщили, что русские собираются перетащить свои галеры через сделанную ими переволоку из залива к северу от Тверминне за полуостров Гангут. Финны сказали, что все готово к перетаскиваню судов, и русские уже приступили к выполнению своего плана. Адмирал Ватранг решил пресечь замысел противника, так как если бы им «удалось переправить свои суда, то он этим самым приобрел бы господство в шхерах и, следовательно… стоянка здесь ни к чему не послужила бы».

По приказу адмирала к обоим концам переволоки были посланы шведские суда. Залив Норр-фьёрден западнее Гангута изобилует мелями и маленькими островами, и посылать туда большие парусные суда было слишком опасно. Поэтому туда были отправлены все гребные суда, находившиеся при эскадре Ватранга. В их числе были прам «Олифант», шесть галер и три шхербота.

25 июля 1714 г. в Финском заливе стояло полное безветрие (штиль), и утром следующего дня русские галеры пошли на прорыв мимо неподвижных шведских парусных судов, стоявших у мыса Гангут. С прорывом 99 русских галер отряд Эреншельда, отошедший от места переволоки в Рилакс-фиорду, был отрезан от эскадры адмирала Ватранга. Причем Ватранг даже при желании не мог помочь Эреншельду, не имея больших гребных судов.

27 июля русские галеры взяли на абордаж прам «Олифант» и девять шведских гребных судов.



Как видим, потери шведского флота в Гангутском сражении были сравнительно невелики. Ситуация на море после Гангутского сражения фактически не изменилась, шведы попрежнему обладали абсолютным превосходством на море, а русские – в шхерах. Самым важным, с военной точки зрения, результатом сражения был прорыв русского гребного флота в Або-Аландский район.

9 июля эскадра Ватранга ушла к берегам Швеции. 1 августа захваченные у шведов суда были отправлены в сопровождении части галер к Гельсингфорсу и далее в Петербург, основные же силы русского флота под командованием Апраксина направились к Або. 3—4 августа галерный флот прибыл к Або, который был занят без сопротивления. В городке Иштадте русские оставили конные галеры[150] и грузовые суда. Держась восточного берега Ботнического залива, русские галеры в сентябре дошли до города Васа.

Шведский генерал Армфельт, имевший около 6 000 человек пехоты и 600 конницы, отступил в район Торнео. Генераладмирал не решился преследовать противника.

В конце кампании 1714 года по указанию Петра был произведен рейд одиннадцати галер к шведским берегам. Эта акция имела скорее

пропагандистское, а не военное значение. 11 сентября русские галеры под командованием генерал-майора И.М. Головина вышли из района Васы и перешли в самом узком месте Ботнический залив. Кстати, большую часть пути они прошли среди маленьких островов, боясь шведских кораблей. В районе городка Умео была высажена тысяча солдат. Городок взяли без боя. 23 сентября все одиннадцать галер благополучно возвратились в Васу. Операция имела цель продемонстрировать населению и правительству Швеции, что отныне их страна оказалась в пределах досягаемости русского оружия.

Казалось бы, с открытием навигации 1715 года следовало нанести по Швеции куда более мощный удар, но Петр был далеко, увлеченный своими германскими химерами. В 1715 г. в Финляндии русская армия и гребной флот серьезных боевых действий не вели.

В 1716 г. в Финляндии сухопутные войска под командованием Голицына взяли город Каяненбург, и неприятельские войска были окончательно вытеснены в Швецию. Галерный флот летние кампании 1716, 1717 и 1718 годов простоял в базах. И галеры, и пехотные полки были готовы к вторжению в Швецию, но царского приказа на то не последовало.

Между тем 11 декабря 1718 г. в ходе боевых действий в Норвегии Карл XII был убит. Шведский ригсдаг избрал королевой младшую сестру Карла XII Ульрику-Элеонору. При этом королевская власть в Швеции была сильно ограничена.

Ульрика-Элеонора решила продолжить войну, надеясь на создание антирусского союза в составе Англии, Австрийской империи и Польши.

Замечу, что Петр, заигравшись в Центральной Европе, сам сделал возможным вмешательство Англии в Северную войну. Дело в том, что в 1701—1713 гг. Англия вела тяжелую и кровавую войну с Францией и рядом других государств. Эта война получила название «войны за испанское наследство». Нетрудно догадаться, что если бы Петр сосредоточил все силы в Финляндии для удара по Швеции, то ему бы вполне хватило четырех лет от Полтавы до Утрехтского мира 1713 года, чтобы поставить на колени Шведское королевство.

И только после решения Элеоноры продолжать войну Петр решился нанести удар по Швеции. В июле 1719 г. галерный флот в составе 132 галер и 100 островских лодок, на которые было посажено 26 тысяч солдат, вышел из Або, прошел Аландский пролив и высадил десант на шведский берег. Командовал галерным флотом генерал-адмирал Апраксин. Русский корабельный флот прикрывал галеры с моря.

Высадившись, русские войска действовали на побережье от городка

Гефле на севере и Норрчёпинг на юге. Русскими было сожжено 135 деревень, 40 мельниц, 16 магазинов и два города – Остаммер и Орегрунд. Было разгромлено девять металлургических заводов.

Один русский отряд был высажен в городке Ваксгольм всего в десяти верстах от Стокгольма. Добыча, полученная русскими, оценивалась более чем в миллион талеров, а ущерб, нанесенный Швеции, – в двенадцать миллионов талеров. Казаки были в полутора милях от Стокгольма. В надежде на впечатление, произведенное походом, Петр отправил в Швецию Остермана за решительным ответом. 10 июля Остерман отправился в Стокгольм под белым флагом и вернулся с грамотой, в которой королева предлагала Петру Нарву, Ревель и Эстляндию, но требовала возвращения Финляндии и Лифляндии.

24 мая 1719 г. у острова Эзель состоялось первое в истории сражение русского и шведского парусных флотов. Русским удалось захватить шведский флагман – 52-пушечный корабль «Вахмейстер».

Эзельское сражение фактически лишило шведский корабельный флот господства в Балтийском море.

В конце июня 1719 г. русские корабельный и галерный флоты соединились у полуострова Гангут и направились к острову Лемланд, входящему в состав Аландского архипелага. 6 июля 132 галеры и 100 лодок, на борту которых находилось 26 тысяч человек десанта, прибыли к Лемланду. 8 июля парусный флот, в составе которого находился 21 корабль общим вооружением в 1 236 орудий, также прибыл к острову. На Лемланде была оборудована временная база флотов. К западу и к югу от Аландских островов вышли четыре русских дозорных корабля под командованием Н.А. Сенявина, но шведский флот не показывался.

Шведы обратились за помощью к Англии, уступили британскому королю Георгу I в личное владение Бремен и Ганновер. В конце июня 1719 г. английская эскадра адмирала Д. Норриса в составе двух 80-пушечных, двух 70-пушечных, трех 60-пушечных, трех 50-пушечных, одного 40-пушечного, одного 20-пушечного и двух легких кораблей прибыла в Зунд. Но «просвещенные мореплаватели» плохо знали особенности Балтийского моря. И эскадра Норриса оказалась неспособной помешать действиям русского гребного флота.

Галерный флот адмирала Ф.М. Апраксина 11 июля стал на якоре у острова Капельшер, расположенного на стокгольмском фарватере от моря к материку. На следующий день Апраксин отправил отряд генерал-майора Ласси в составе 21 галеры и 12 островных лодок с 3 500 человек войска на борту для разведки и высадки десанта севернее Стокгольма.

13 июля главные силы гребного флота в составе 96 галер, 60 островных лодок, более 20 тысяч человек войска направились юго-восточнее корабельного фарватера. Этот путь имел свои выгоды. Идя вдоль стокгольмских шхер, русские галеры имели впереди открытый горизонт, а со стороны моря, защищаемые группой островов от попыток нападения шведского флота, могли осуществлять связь с русскими крейсерами. 15 июля флот Апраксина стал на якорь в трех-четырех милях от крепости Далерё, расположенной на материке в 30—35 км юго-восточнее Стокгольма. От крепости к столице было два пути – берегом и водой (узким проливом). Русское командование решило берегом послать отряд казаков, а проливом – 500 человек на островных лодках. Отряд на лодках должен был исследовать водный путь. Было приказано продвигаться к Стокгольму до самых пригородов, но в «азарт себя не давать», то есть не увлекаться, а только внести панику.

Казаки вернулись 16 июля. По пути они натолкнулись на шведский заслон и взяли девять человек пленных.

Отряд на лодках выяснил, что пролив полностью блокирован двумя затопленными судами и охраняется тремя галерами. Отряд вступил с ними в перестрелку, а затем вернулся к своему галерному флоту.

Проведя рекогносцировку, Апраксин 19 июля вместе со всеми силами галерного флота решил обойти крепость Далерё и между островами Орно и Утэ выйти на фарватер, которым дошел до маяка Ландсорт. Во время этого перехода русские сожгли попавшиеся на островах медеплавильные и металлургические заводы и взяли в плен встреченные купеческие суда. Островные лодки Апраксин отправил в шхеры и к материку. В 25—30 км от Стокгольма активно действовали поисковые отряды, высаживаемые с лодок. 24 июня галерный флот подошел к городу Нючёпинг, а через 6 дней – к Норрчёпингу. В их окрестностях были уничтожены чугунолитейные заводы. Немногочисленные шведские отряды разбегались при появлении русских поисковых отрядов.

У Норрчёпинга 12 эскадронов шведской кавалерии поспешно отступили, затопив 27 купеческих судов. При отступлении шведы сами подожгли город, да так основательно, что русским солдатам, прибывшим туда четыре часа спустя, «за великим запалением огня приступить было невозможно». Шведы вынуждены были оставить большое количество цветных металлов, 300 чугунных пушек и много купеческих судов.

3 августа русский гребной флот подошел к маяку Ландсорт. По пути островные лодки собрали все ранее высаженные поисковые отряды. 5 августа у острова Руней к Апраксину присоединилась крейсировавшая у

Аландских островов с целью захвата купеческих судов эскадра бригадира Левашова в составе 10 галер и 29 островных лодок, численность десанта составляла 2 278 человек. Левашов захватил восемь купеческих судов. Апраксин снова обошел крепость Далерё, но при этом с нее был снят подробный план.

В это время Апраксин получил от царя приказ идти к Стокгольму и, выбрав удобное место для стоянки, производить высадку десантов с целью создания угрозы нападения на шведскую столицу, «дабы тем неприятелю отдыха не давать и не почаял бы, что конец кампании».

Апраксин планировал оставить флот в 30 км от Стокгольма и, высадив десант, идти сухим путем. Но военный совет и сам Петр нашли этот план очень рискованным, так как оставленные с небольшим прикрытием галеры могли стать жертвой шведского флота. Было решено, что в этом году следует ограничиться разведкой фарватеров, ведущих к Стокгольму, а также окрестных крепостей. А в следующем году «уже ни за чем ни стоять». Для этого в помощь Ф.М. Апраксину царь прислал инженеров и опытных морских офицеров. Выяснили, что к Стокгольму вели три фарватера. Это узкий пролив Стекзунд севернее крепости Далерё, ширина его в некоторых местах не превышала 30 м, а глубина – 2 м. Еще можно было пройти северо-восточнее острова Капельшера и юго-восточнее маяка Корсё к крепости Ваксхольм, находившейся в 20 км к северо-востоку от Стокгольма, а оттуда уже идти на Стокгольм.

13 августа русский галерный флот подошел к фарватеру Стекзунд, где на оба берега пролива были высажены отряды И. Барятинского и С. Стрекалова по три батальона пехоты каждый. Отряд Барятинского, высаженный на левый берег, пройдя чуть более километра, наткнулся на передовой отряд шведов (два полка пехоты и один полк кавалерии). Этот отряд входил в состав 17-тысячной армии принца Ф. ГессенКассельского, защищавшей столицу. После полуторачасового боя шведы обратились в бегство, из-за наступившей темноты русские не смогли их преследовать.

14 августа на разведку вышел небольшой русский отряд. Он обнаружил уже значительные силы шведов и перегороженный затопленными карабасами фарватер. Поэтому было решено обследовать фарватер от острова Капельшера до Ваксхольма. На разведку на 21 галере и 21 лодке вышел отряд контр-адмирала М.Х. Змаевича и генерал-майора Дюпре. Основные силы Апраксина с 15 по 18 августа стояли у острова Мейан, дожидаясь возвращения разведывательного отряда. Змаевич, не дойдя до Ваксхольма трех километров, остановился и, несмотря на пушечную пальбу, обследовал на шлюпках крепость, а инженеры сняли с

нее план. Под крепостью было обнаружено пять шведских кораблей и пять прамов. На одном из кораблей развивался адмиральский флаг. Фарватер к Стокгольму был перегорожен железными цепями. На обратном пути отряд Змаевича, несмотря на присутствие неприятельских сил, при поддержке огня с галер высадился на берег и сжег имение графа Вредена.

18 августа отряд Змаевича вернулся к основным силам русского флота. На следующий день русский галерный флот к 10 часам вечера подошел к острову Лемланд, где был встречен самим Петром на только что построенной береговой батарее.

Не менее успешно действовал отряд генерал-майора Ласси. Он шел северным фарватером вдоль берега, высаживая десанты в Эстхаммаре и Эрегрунде и уничтожая литейные заводы. 20 июля 1719 г. у Капеля в 7—8 км от города Форсмарка русский десантный отряд численностью 1 400 человек вступил в бой с равным по численности шведским отрядом. Шведы окружили себя завалами и открыли огонь, но, не выдержав атаки русских, бежали, бросив три пушки.

25 июля Ласси высадил десантный отряд (2 400 человек) для уничтожения железоплавильного завода Леста-Брука. Шведский отряд (300 человек регулярного войска и 500 ополченцев) преградил им путь, но под натиском русских вынужден был отступить к основным силам (1 600 человек), закрепившимся в поле. Сковав шведов с фронта, Ласси послал для обхода с флангов два русских отряда. Ударив одновременно во фронт и с флангов, русские заставили шведов в панике бежать, бросив семь пушек. 1 августа отряд Ласси подошел к городу Евле, где находилось трехтысячное регулярное войско и 900 ополченцев под началом генералов Армфельда и Гамильтона. Проход к Евле защищала четырехпушечная батарея, из города Уппсала шло подкрепление. Не «вдаваясь в азарт», отряд Ласси разрушил военные объекты в окрестностях города и двинулся в обратный путь. 16 августа галерный флот и десантные отряды Ласси вернулись к острову Лемланд на базу русского парусного флота.

21 августа 1719 г. русский галерный флот с пехотными колоннами на борту ушел в Або, а корабельный флот – в Ревель на зимовку.

В конце апреля 1720 г. русский галерный флот вышел из Або и направился к западным островам Аландского архипелага. В его составе было 105 галер (из них 19 конных), 110 островных лодок и 8 бригантин. На гребных судах находился десант (24 119 человек).

24 октября от галерного флота отделился отряд бригадира Менгдена в составе 35 галер (в том числе 9 конных). На галерах находилось 6 120 солдат пехотных полков и 162 казака. Пройдя шхерами до Васы, этот отряд

пересек Ботнический залив и приблизился к побережью Швеции в районе городов Старый и Новый Умео. Менгден высадил конных казаков, произвел разведку побережья и, углубившись более чем на 30 км, разорил шведские магазины и захватил торговые суда. 8 мая его отряд благополучно вернулся в Васу.

В 1720 г. англо-шведский парусный флот господствовал на Балтике. Но сделать ничего путного парусники не могли. Они ограничились ловлей купеческих судов, шедших в Петербург, и демонстрациями у Ревельского порта.

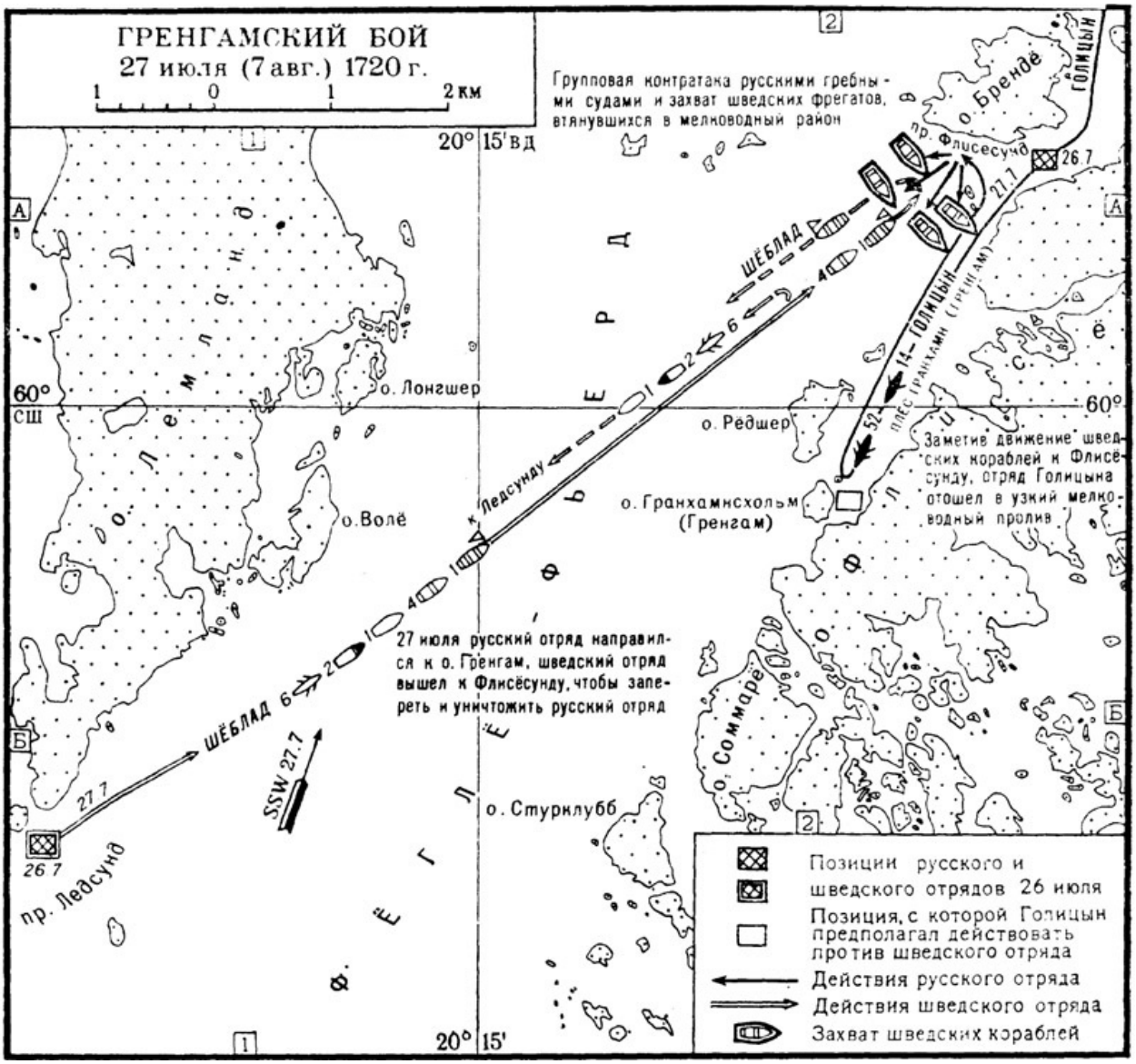
24 июля 1720 г. русская флотилия под командованием М.М. Голицына (61 галера, 29 островных лодок, 10 941 человек десанта) вышла к Аландскому архипелагу. Недалеко от острова Лемланд к тому времени уже находились две шведские эскадры. Одной командовал вице-адмирал К. Шёблада (1 корабль, 2 фрегата, 2 галеры, 1 галиот, 2 шхербота); второй командовал К. Вахмейстер (3 корабля, 12 фрегатов, 8 галер, 2 бригантины, 3 шхербота, 1 галиот, 1 шнява и 1 брандер).

26 июля русские галеры подошли к проливу близ Лемланда и у острова Фрисберг обнаружили эскадру Шёблада. Но сильный ветер и большие волны помешали ее атаковать. Русские галеры, встав на якорь у берега, стали выжидать удобный момент для атаки. Но ветер не стихал. На следующий день состоялся совет, на котором решили отойти к удобной стоянке у острова Гренгам и, «когда погода будет тихая, а оные суда далече не отступят, чтоб абордировать». Как только русские галеры стали выходить из-под прикрытия острова Рёдшер с плеса Гренгама по направлению к проливу между островами Брендё и Флисё, эскадра вице-адмирала Шёблада, усиленная кораблями из другой эскадры (всего 14 вымпелов: 1 корабль, 4 фрегата, 3 галеры, 1 шнява, 1 галиот, 1 бригантина и 3 шхербота), снялась с якоря и бросилась в погоню за русскими галерами. Русская эскадра вошла в испещренный мелями и рифами пролив между островами.

Четыре шведские фрегата, шедшие первыми, увлеклись погоней и зашли в тесный пролив, где они могли только с большим трудом управляться и маневрировать. Тут Голицын велел галерам остановиться и атаковать шведов. Шёблад, шедший на корабле за фрегатами, дал команду своим судам построиться в боевой порядок – развернуться бортом к русским галерам и дать залп бортовой артиллерии. Крупные, с большой осадкой и радиусом циркуляции корабли шведов оказались беспомощными в узком проливе. Два фрегата («Венкер» и «Стор-Фенис») сели на мель и были окружены русскими галерами. Начался абордажный бой. Ни высокие

борта, ни абордажные сетки не спасли шведов, фрегаты были взяты в плен.

Два других фрегата, «Кискен» и «Данск-Эрн», попытались выйти на чистую воду, но им помешал маневр Шёблада. Увидев решительную атаку русских и не имея возможности помочь своим фрегатам, вице-адмирал решил сделать фордевинд (поворот по ветру) и, поймав направление ветра, уйти в открытое море. Но времени на перенос парусов до нужного угла не было, и Шёблад приказал бросить якорь, не опуская парусов. Его корабль совершил поворот на месте. Шёблад приказал обрубить канат и идти в открытое море. Этот маневр шведского корабля и перекрыл дорогу фрегатам «Кискен» и «Данск-Эрн», которые были взяты на абордаж. Голицын направил более десятка галер под командованием полковника Чубарова в погоню за флагманским кораблем. Свежая погода помешала погоне, хотя выстрелами пушек с галер была повреждена корма флагмана.



В ходе Гренгамского боя русскими были захвачены фрегаты: «Венкер» (30 пушек), «Данск-Эрн» (18 пушек), «Кискен» (22 пушки) и «Стор-Фенис» (34 пушки).

Шведы потеряли 103 человека убитыми, и 407 человек было опалено раскаленными газами при стрельбе из пушек, что свидетельствует о стрельбе в упор – борт к борту.

В ходе боя 43 русские галеры были столь сильно повреждены, что не могли совершить переход морем, и их пришлось сжечь. Остальные галеры ушли в Або.

Шведские фрегаты были отведены в Ревель, а в августе 1720 г. – в Кронштадт, откуда их торжественно ввели в Неву. Затем они несколько лет

служили в русском флоте под прежними названиями.

Гренгамским сражением закончилась кампания 1720 года.

Британское правительство отклонило просьбу шведов оставить эскадру адмирала Норриса на зимовку в Балтийском море. В октябре 1720 г. эскадра ушла в Англию.

В 1720 г. муж королевы Ульрики-Элеоноры принц ГессенКассельский был избран риксдагом на престол и стал именоваться Фредериком I. Любопытно, что 9 (20) августа 1720 г. в Стокгольм прибыл А.И. Румянцев, который от имени Петра I поздравил Фредерика со вступлением на престол. В последние дни пребывания Румянцева в Стокгольме шведское правительство заявило о своем желании «для общего блага обоих государств и пресечения разлития крови» начать мирные переговоры.

12 (23) ноября А.И. Румянцев вернулся в Петербург и доложил Петру о том, что шведы хотят мира. Царь не замедлил с ответом. Он отправил письмо Фредерику I, где советовал «прямо приступить к переговорам о мире», и предложил место переговоров – финские города Ништадт или Руамо.

31 марта (10 апреля) 1721 г. начались мирные переговоры в городе Ништадте (ныне город Усикаупунки). Однако шведы продолжали упрямиться. Они по-прежнему надеялись на Англию.

И действительно, 13 (24) апреля 1721 г. английский флот из 25 кораблей и 4 фрегатов под командованием адмирала Норриса отправился на Балтику. В конце апреля флот прошел мимо Копенгагена и встал у острова Борнхольм.

Из-за присутствия британского флота Петр решил отправить к берегам Швеции только часть галерного флота под командованием П.П. Ласси. Корабельный же флот занял оборонительное положение. Шесть кораблей находились в Ревеле, а остальные – у острова Котлин.

Отряд Ласси состоял из 30 галер, 9 островных лодок, 33 шлюпок и одного бота, на борту судов находилось 5 тысяч солдат пехотных полков и 450 казаков.

Солдаты и особенно казаки Ласси славно погуляли по шведскому побережью. В шведских водах русские галеры захватили и уничтожили 40 шведских каботажных судов. Был разрушен один оружейный и двенадцать железообрабатывающих завода, сожжено три городка, 19 приходов, 79 мыз, 506 деревень с 4 159 крестьянскими дворами.

Погром, произведенный отрядом Ласси, стал последней каплей, принудившей Швецию закончить непосильную для нее борьбу.

30 августа (10 сентября) 1721 г. в Ништадте был подписан русско-

шведский мирный договор.

В ходе 21-летней Великой Северной войны Петру Великому удалось вернуть России земли, которые принадлежали ее князьям еще в IX—XI веках, и добиться выхода к морю. Петр поистине «прорубил окно» в Европу. На Балтике появился мощный русский флот.

Тем не менее у Ништадского мира был и серьезный изъян – Петр, торопясь заключить мир, согласился на границу в 120 верстах от новой столицы – Санкт-Петербурга. Поскольку шведская аристократия не смирилась с поражением в войне и мечтала о реванше, такая граница у Выборга становилась источником нестабильности и постоянной головной боли русского правительства.

Северная война стоила России огромных человеческих жертв. Пока никто не пытался посчитать людские потери России в Северной войне. В монографии Б.Ц. Урланиса говорится: «Общее количество убитых в войнах петровской эпохи составляет около 40 тыс. человек»[151]. Там же говорится, что во время Северной войны шведы потеряли 150 тысяч человек. Также там говорится, что санитарные потери шведов составили около 200 тысяч человек. Оспаривать или безусловно верить этим цифрам у меня нет оснований. Но тут следует подчеркнуть, что Урланис имеет в виду потери в конкретных битвах, а не в ходе войн в целом. Если же взять общие людские потери России с 1700 по 1721 годы, связанные с войнами Петра, то есть людские потери при строительстве Петербурга, разорении Лифляндии, Эстляндии, донского казачества в ходе Булавинского восстания, разорении Малороссии в 1708– 1709 гг., эпидемии, связанные с боевыми действиями, казни Петра и т. п., то эти потери будут насчитывать миллионы человек. То есть в процентном отношении ко всему тогдашнему населению России потери в Северной войне соизмеримы, а возможно и превышают потери в Великой Отечественной войне. Но не стоит забывать, что хотя определенный процент потерь можно отнести за счет ошибок и просчетов Петра, успех в этой войне был немыслим без огромных людских потерь. У России была одна альтернатива – воевать и нести потери или перестать существовать как государство и понести еще большие потери.

Глава 23.
«Оранжевый» реванш

Во всемирной истории есть немало битв, результат которых вызывает нескончаемые споры историков. В качестве примеров можно привести Бородинское сражение и Ютландский бой. Как известно, в 1812 г. потери русских превышали потери французов, и Кутузов оставил поле боя Наполеону. Однако непосредственным следствием этой битвы был полный разгром Великой армии. В 1915 г. германский флот ушел с места боя, но сумел нанести куда большие потери превосходящим силам «Гранд Флита». Результат же Полтавского сражения до 1991 г. не вызвал никаких сомнений ни у кого в мире, включая шведских историков. Тот же Энглунд писал: «Битва под Полтавой и последовавшая за ней капитуляция [под Переволочной. – *А.Ш.*] означали решительный перелом в войне. Заключенный позднее мир положил конец шведскому великодержавию и одновременно (а может быть, и в первую очередь) возвестил о рождении в Европе новой великой державы – России. Этому государству предстояло расти и становиться все могущественнее, а шведам оставалось лишь учиться жить в тени этого государства. Шведы покинули подмостки мировой истории и заняли места в зрительном зале»[152].

Имели ли место в Швеции реваншистские настроения? Практически нет. Другой вопрос, что шведские короли Фредерик I в 1741 г. и Густав III в 1788 г. объявляли войну России, но, увы, кроме больших потерь как в живой силе, так и территориальных, они ничего не добились. Мало того, эти войны если не породили, то усилили во много раз финский сепаратизм.

Самое интересное, что оба короля много говорили о реванше, возвращении Швеции Приневья, упразднении СанктПетербурга и т. п., но их главной целью было посредством войны добиться существенного усиления королевской власти. Замечу, что по многим причинам власть короля была сильно урезана законодательными органами и местным самоуправлением.

В 1807—1808 гг. Англия пообещала Швеции 1 млн фунтов стерлингов за каждый месяц войны с Россией, 14 тысяч солдат и ввод британского флота в Балтийское море. 1 (13) февраля 1808 г. шведский король Густав IV сообщил послу России в Стокгольме, что примирение между Швецией и Россией невозможно, пока Россия удерживает Восточную Финляндию,

присоединенную к России по Абоскому договору 1743 года.

Британские корабли на Балтике основательно пограбили купцов, особенно немцев и французов. А русские тем временем заняли Финляндию, Аландские острова, вторглись непосредственно в Швецию и двинулись к Стокгольму. Шведы попросили «пардона» и за безрассудство Густава IV отдали России остававшуюся у них с 1743 г. часть Финляндии. Сам же Густав IV был свергнут с престола и закончил свои дни в Швейцарии.

В августе 1810 г. ригсдаг выбрал Швеции новую династию Бернадотов, которая царствует и поныне. Самое забавное, что по происхождению первый король этой династии Карл XIV Юхан был конюхом в Беарне. Но в бурные революционные годы Жан Батист Бернадот стал бригадным генералом. В 1798 г. он женился на Дезире Клари, дочери марсельского торговца, а самое важное – бывшей любовнице Наполеона. Они-то и основали династию Бернадотов. Когда Карл XIV умер и его тело начали бальзамировать, придворные были шокированы, увидев на его груди татуировку «Смерть королям».

Но это, как говорится, лирика, для нас же важно, что династия Бернадотов не имеет никакого отношения к династиям Ваза и Голштейн-Готторпской. А главное, Швеция при Бернадотах ни разу не воевала с Россией. В марте 2009 г. можно отметить 200-летие русско-шведского мира. Конечно, бывали и временные ухудшения в отношениях между государствами, но ни разу шведы не доводили дело до войны.

Замечу, шведский нейтралитет, помимо всего прочего, это еще и деньги, и деньги колоссальные. Шведские капиталисты сколотили себе баснословные состояния на торговле железной рудой и различным оборудованием в ходе Первой и Второй мировых войн. Причем, в ходе обеих войн Швеция исправно торговала как с Германией, так и с Россией (СССР).

В XX веке о Северной войне в Швеции практически забыли. Как выразилась одна из жительниц Стокгольма в 2008 г., «чего вспоминать о войне, в которой у нас погиб каждый второй мужчина».

Говоря «забыли Северную войну», я имею в виду, что для шведов она стала древней историей. О ней перестали говорить политики и писать журналисты. А историки наоборот, собирают и подробно анализируют все документы, связанные с этой войной. И в этом они достигли больших успехов. В частности, они проследили судьбы сотен или даже тысяч участников войны, от генералов до рядовых. И сейчас многие тысячи шведов могут рассказать, что их пра-пра… дедушка сражался под Нарвой

или Полтавой.

Нынешние киевские правители много болтают об ориентации Республики Украина на Европу. Так почему бы им не взять в качестве примера Швецию с ее высочайшим жизненным уровнем, отличной системой здравоохранения, огромными по российским и украинским стандартам пенсиями и прочая, и прочая? А сколько благ ей принесла двухсотлетняя политика нейтралитета! Да и сейчас в Швеции никто не поминает о вступлении в НАТО.

Но президент Ющенко и его «оранжевое» окружение избрали курс на конфронтацию с Россией. Одним из элементов этой конфронтации служит создание мифологизированной истории Украины. Никого не смущает, что в ней все поставлено с ног на голову, что концы не сходятся с концами. Суть «новой» истории: украинцы и русские – разные народы, имеющие принципиально разное происхождение. Какое конкретно? Да наплевать! Одни профессора утверждают, что украинцы пошли от племени укров, а другие – что от троянцев, а по иной версии – от внеземных пришельцев. Другие не менее важные профессора считают, что украинцы в IX—XII веках называли себя русскими, но говорили на современном украинском языке. А затем злодеи угро-финны украли название «русские» у щирых украинцев и присвоили его себе.

Нет, увы, я не утрирую и не выбираю цитаты из самопальных брошюрок малограмотных националистов. Это все вещают остепененные ученые мужи, это преподается в университетах!

И вот сейчас выяснилось, что в Северной войне украинский народ воевал на стороне… Карла XII. Мужественный шведский король специально пришел в Малороссию, чтобы освободить украинцев, стонущих под игом Москвы. Гетман Мазепа вступил с Карлом в военно-политический союз двух суверенных держав. А злодей Петр, чтобы насолить гетману, сжег Батурин и перебил всех его жителей.

Карл XII вовсе не осаждал Полтаву. Просто шведскоукраинская армия расположилась там на пикник и спокойно поджидала войска крымского хана и турецкого султана, которые также были охвачены желанием создать незалежную украинскую державу. И тут злыдень Петро напал на отдыхавших шведов и щирых украинцев, кого перебил, а кого в полон взял.

Нет, я опять же не шучу. Именно так представляет историю Полтавского сражения и всей Северной войны официальный Киев. Премьер-министр Украины Юлия Тимошенко заявила: «Мазепа проиграл Полтавское сражение, но выиграл независимость Украины». По ее словам, «Украине праздновать юбилей Полтавы – все равно что Франции

праздновать Ватерлоо».

Ох, якая щирая украинка та дама с косой. Она всеми силами подчеркивает свою «украинскость». Откуда же взялась такая националистка? Может, она «западенка»?

Увы, нет. Юлия проговорилась, что украинский язык она выучила в 1999 году (!) почти одновременно с другим «самостийным» премьером Яхонуровым. Фамилия Тимошенко взята по мужу. Девичья фамилия Юлии – Григян, по папе Владимиру Абрамовичу!

Юля утверждает, что «по папе у нее все чисто». Однако 1 октября 2008 г. ее бывший соратник Дмитрий Чобит сообщил иные сведения. Цитирую Информационное агентство «REGNUM»: «К расследованию меня побудила сама Юлия Тимошенко, которая заявила, что у нее по отцовской линии все латыши до десятого колена, а по материнской линии только украинцы. Но когда я начал искать данные о предках Юлии Владимировны, то отыскал документы, которые показывают ее вранье. Согласно проверенным мною данным, предки Юлии Тимошенко самостоятельно изменили фамилию на Григян, а настоящая родовая фамилия у нее Капительман. Деда Тимошенко звали Абрам Кельманович Капительман», – заявил Дмитрий Чобит.

Замечу, что в 1920—1930-х годах в СССР было крайне легко поменять фамилию, и десятки тысяч евреев взяли русские фамилии.

Мать Юлии носила фамилию Телегина. Установить фамилию бабушки Юли не удалось, но имя-отчество у нее достаточно характерное: Мария Иосифовна. Как видим, у украинской премьерши были достаточные основания заплетать косу по-селянски. Киевские журналисты откровенно издеваются над «украинствующей» премьершей, утверждая, что за 5 лет, с 2001 года, из скромного «кошика» ее коса превратилась к 2005 году в «справжний коровай».

Но что мы привязались к бедной дивчине? Так, на Украине, согласно конституции, главой государства является президент. И вот господин Ющенко издает президентский указ № 955 от 9 октября 2007 г. «Об отмечании 300-летия событий, связанных с военно-политическим выступлением гетмана Украины Ивана Мазепы и заключением украинскошведского союза» (полный текст указа размещен на президентском сайте): «По случаю 300-летия событий, связанных с военно-политическим выступлением гетмана Украины Ивана Мазепы и заключением украинско-шведского союза во время Северной войны 1700—1721 годов, исходя из значения этих событий во многовековой истории украинского государственного строительства и учитывая инициативу общественности, постановляю:

Кабинету Министров Украины разрешить в установленном порядке вопросы:

– ...сооружения в Украине памятника Карлу XII...

Министерству иностранных дел Украины:

– ...обеспечить проведение заграничными дипломатическими учреждениями Украины мероприятий, приуроченных к 300-летию заключения украинско-шведского союза в контексте евроинтеграционных устремлений Украины...

– Министерству обороны Украины обеспечить организацию и проведение в военных учебных заведениях и воинских частях тематических мероприятий, посвященных военно-политическому выступлению гетмана Украины Ивана Мазепы».

Ющенко предложил шведскому правительству произвести обмен памятниками – на Украине поставить статую Карла XII, а в Швеции – статую Мазепы.

Журналист российского издания «Комсомольская правда» Наталья Грачева по просьбе своих украинских коллег обратилась в МИД Швеции с просьбой прокомментировать инициативу президента Ющенко. Было очевидно, что высокие министерские чины, мягко говоря, обескуражены предложениями Киева. Комментарий согласился дать директор управления Восточной Европы министерства иностранных дел Швеции Юхан Фриссель: «Дело в том, что инициатива исходит от украинской стороны, и мы пока вопрос об установке памятника гетману Мазепе в Швеции не обсуждали [хотя понятно, что для шведов Мазепа – только лишнее напоминание их собственного позора, да и никто там, кроме историковедов, о такой личности не знает. – *А.Ш.*]. А относительно памятника Карлу XII у нас нет особого мнения. Если руководство Украины так хочет, то мы не возражаем. Но все это ни в коей мере не должно вызвать какую-либо напряженность между Швецией и Россией. А трехсотлетие поражения под Полтавой, безусловно, повод вспомнить о прошедших событиях и также подчеркнуть, что сегодня наши страны находятся в дружественных отношениях».

Если перевести завуалированный дипломатический язык на нормальный, то получится следующее: не мешайте нам жить и не ковыряйтесь в той части нашей истории, которая нам неприятна![153]

Идею президента и премьера подхватили сотни журналистов, писменников и прочих деятелей культуры. Запахло «бабками» и пиаром.

23 августа 2008 г. Городской совет Полтавы на внеочередной сессии большинством голосов решил установить на Соборной площади памятник

Мазепе. На его создание выделено 9 млн гривен. Кстати, уже давно гетман Мазепа красуется на купюре достоинством в 10 гривен.

В Киеве улица Январского восстания была переименована в улицу Ивана Мазепы, несмотря на протесты Синода украинской православной церкви, требовавшей вернуть старое (до 1919 г.) название – Лаврская, поскольку она ведет к Киево-Печерской лавре.

Не отстает от участия в «мазепинской кампании» и руководство Харьковской области. Там на берегу реки Коломак уже заложен камень в основание памятника Мазепе. Трехметровую фигуру гетмана отольют в бронзе. Место памятника выбрано в связи с тем, что именно там состоялась Рада, где и был выбран оный гетман. «Оранжевые» историки противоречат сами себе. Одни говорят, что гетманов выбирали по указке царя, другие – свободным волеизъявлением казачества. Мы же уже знаем, как проходили «выборы» Мазепы. Стоит ли там ставить памятник? Да и вообще, почему бы не поставить в Киеве памятник хану Батыю, а на реке Калке – Чингисхану?

К сожалению, мода на «мазепинство» дошла и до Республики Приднестровье. Там 14 октября 2008 г. на территории Бендерской крепости была заложена плита в основание будущего памятника Мазепы, который собираются установить в 2009 г. «в честь смерти» гетмана. Самое забавное, что до сих пор неизвестно, кто распорядился об установке памятника. Якобы указ об этом подписан президентом Приднестровья Игорем Смирновым, однако тот на вопросы прессы пока отмалчивается.

Над многими затеями «юбилярщиков» можно только посмеяться. Так, в Полтаве в 2008 г. стали выпускать водку «Петр I», «Карл XII» и «Мазепа». Но тут взбеленилась «самостийная» киевская пресса. А почему царь и король идут в бутылках емкостью 0,7 литра, а наш незалежный гетман – всего 0,5 литра? Эту ущемляет национальное достоинство украинцев! Це зробили злыдни москали!

Но часто фарс переходит в откровенную мерзость. Так, кинорежиссер Юрий Ильенко снял фильм «Молитва за гетмана Мазепу». В свое время советская пропаганда превозносила Ильенко как режиссера фильма «Белая птица с черной отметиной». С 1987 г. фильмы Ильенко спросом не пользовались.

И вот Ильенко создает свой «киношедевр». О причинах, побудивших его взяться за Мазепу, он говорит откровенно: «Сегодня надо быть безумцем, чтобы думать: а для какого зрителя я снимаю картину? Я человек прагматичный и понимаю, что такого массового зрителя, как это было на моей “Белой птице” – 35 миллионов или на “Легенде о княгине Ольге” – 70

миллионов зрителей, больше не будет. Зрителя давным-давно нет… Сейчас нет иного пути для привлечения внимания, кроме как эпатаж и скандал. Я понимал: мой фильм взбесит многих, но я человек закаленный. Во всем постсоветском пространстве, вероятно, нет более дубленой шкуры, чем у Ильенко».

И вот правительство Украины выделило огромные средства на съемку «Молитвы». Отклики украинской прессы на съемку фильма: «беспрецедентное финансирование», «самый дорогой фильм независимой Украины».

А о самом фильме один из самых приличных откликов – «Черная порнуха». Честно говоря, я сам не нахожу терминов, чтобы квалифицировать ряд сцен фильма. Так, например, Петр I насилует русского солдата на могиле Мазепы, или жена казненного Кочубея мастурбирует головой мужа, ожидая исхода Полтавской битвы. Любопытно, что этот фильм не постеснялись показать по украинскому телевидению.

Да и вообще, трудно оспаривать всю бредятину, которую несут украинские политики и историки. Как, например, опровергнуть утверждение, что самый жаркий месяц на Украине – январь, а самый холодный – июль?

Психически здоровый человек и сам может признать, что в Северной войне с 1700 по 1721 год на стороне Петра участвовало от 50 до 70 тысяч уроженцев современной незалежной Украины, то есть малороссийских казаков, запорожцев, а также казаков, солдат и драгун из Слободской Украины. К Карлу ушло около двух тысяч наемников-сердюков. За Костей Гордиенко отправились воевать с москалями 3—4 тысячи запорожских гультяев.

Кроме того, гетман и кошевой подставили в Батурине, Сечи и Переволочне около 10 тысяч малороссийских и запорожских казаков. И те и другие не хотели воевать, но попали под горячую руку Петра. Впрочем, за это царя трудно осуждать. Будь Карл под Варшавой, за какой-нибудь месяц удалось бы договориться, с помощью денег и маетностей вправить мозги и батуринцам, и сечевикам, как это уже бывало десятки раз еще во времена Тишайшего Алексея.

Но у Петра времени не было. Как уже говорилось, через два дня к Батурину подошли шведы, а без разгрома Переволочны и Сечи не погибла бы шведская армия.

Как видим, на одного изменника в Малороссии приходится по десять казаков, дравшихся со шведами. Так будет и в дальнейшем. Малороссы

вместе с великороссами плечом к плечу будут воевать весь XVIII век при Анне, Елизавете и Екатерине с турками, ляхами, пруссаками и шведами, а в следующем веке брать Париж.

Почему же не сделать годовщину Полтавской битвы праздником русских и украинцев, вместе отстаивавших свои земли от шведских завоевателей? Естественно, что у московских и киевских историков есть разница в оценках баталий Северной войны. Так почему бы не собрать несколько научных конференций, в ходе которых официальные и независимые историки могли бы высказать свое мнение и поспорить? Благо именно в споре рождается истина.

А ведь 2009 год – это не только 300-летие Полтавы, и но 200-летие со дня рождения Николая Васильевича Гоголя, малоросса по рождению, великоросса по убеждениям. И родился он 20 марта (1 апреля) 1809 г. в местечке Великие Сорочинцы близ Полтавы.

Опять Полтава! Неужели отцам города не хочется собрать на эти два торжества несколько сот тысяч, а то и миллионов туристов?

Однако «оранжевые» пытаются превратить оба юбилея в поле для идеологической конфронтации с Россией. К великому сожалению, Россия, выигравшая в 1709 г. битвы с сильнейшим врагом, спустя 300 лет позорно проигрывает психологическую войну Ющенко и К . У Российской Федерации большие материальные средства для подпитки СМИ, а главное, на ее стороне историческая правда. Но увы, увы… о

Замечу, что успехи идеологии самостийников основываются не столько на искусстве их пропагандистов, сколько на бесхребетности и беспринципности российских политиков, журналистов и историков.

«Оранжевые» с успехом доказывают своему населению, что Россия и впредь будет утираться после очередных плевков в лицо, как это было при Ельцине. Нужно только погромче покричать на москалей, и они совсем даром начнут отдавать и нефть, и газ. А хорошо бы их также заставить платить за Батурин и «голодомор», выплачивать пенсии семьям погибших бандитов из УНА и т. д.

Ну что ж, поживем – увидим, оба юбилея не за горами.

---

notes

1

Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. / Под ред. Л.Г. Бескровного. – М.: Наука, 1975. С. 188.

2

Словечко из переписки Петра с дипломатом Виниусом.

3

Четырехсословный парламент Швеции, куда входили представители дворянства, духовенства, бюргерства и свободного крестьянства.

4

Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. – М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 33—34.

5

История Северной войны. 1700—1721 гг. / Под ред. И.И. Ростунова. – М.: Наука, 1987. С. 46.

6

В XVIII веке в русской армии и флоте гаубицы не могли вести навесной стрельбы, так как угол их возвышения был ограничен 15—20°, а в редких случаях – 25°. Они предназначались для настильной стрельбы бомбами и картечью.

7

По вине совковых историков наш читатель привык к термину «Украина» и, возможно, кому-то режет ухо название «Малороссия». * Но, увы, именно это название было официальным до 1917 г. Если французский историк напишет, что Гай Юлий Цезарь с итальянской армией вторгся во Францию, над ним будут потешаться по обе стороны Пиреней. Совковые и демократические же историки из конъюнктурных соображений в применении к XVII—XVIII вв. так и сыплют названиями середины XX века, совершенно непонятными людям 300 лет назад. Речь идет об Украине вместо Малороссии, Гданьске вместо Данцига, Таллине вместо Ревеля, Даугавпилсе вместо Динабурга и т. д.

8

Субтельный О. Украина. История. – Киев: Либідь, 1994. С. 123.

9

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. – Киев: Наукова думка, 1990. Т. 1. С. 27.

10

Субтельный О. Украина. История. С. 175—176.

11

Цит. по: Костомаров Н.И. Руина. Мазепа. Мазепинцы. Исторические монографии и исследования. – М.: Чарли, 1995. С. 384—385.

12

Родин С. Отрекаясь от русского имени. Украинская химера. – М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2006. С. 324—325.

13

Костомаров Н.И. Мазепа. – М.: Республика, 1992. С. 19.

14

Там же. С. 20.

15

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 28.

16

Там же. С. 67.

17

Костомаров Н.И. Мазепа. С. 207—208.

18

Там же. С. 130.

19

Там же.

20

В Польше во время бескоролевья упразднялись прежние суды и учреждались временные, имевшие силу до избрания нового короля и называемые каптуровыми.

21

Костомаров Н.И. Мазепа. С. 131.

22

Там же. С. 134—135.

23

Там же. С. 135.

24

Там же.

25

Там же. С. 136.

26

Там же.

27

Там же. С. 140.

28

Киев давным-давно был в составе России, но хвастливые по * ляки сохранили у себя должность киевского воеводы.

29

Костомаров Н.И Мазепа. С. 150.

30

Предел возможного (лат.)

31

Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. С. 39—40.

32

Все русские историки, начиная с Пушкина и кончая Павленко, пишут о расстреле Мюленфельса. Однако сохранились докумен** тальные свидетельства шведских пленных, которых русские специально заставляли смотреть на мучения Мюленфельса.

33

Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. С. 41—42.

34

Там же. С. 43—44.

35

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 278.

36

Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Кондратий Афанасьевич Булавин. – М.: Просвещение, 1988. С. 74.

37

Полномочное собрание казаков, на котором могли решаться все главные вопросы; у запорожцев такие собрания назывались радой.

38

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 281.

39

Там же.

40

Шумов С. Андреев А. История Запорожской Сечи. – Киев-Москва: Евролинц, 2003. С. 230.

41

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 281.

42

Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Кондратий Афанасьевич Булавин. С. 98.

43

Любопытна история появления этой цифры – 23,5 тысячи казаков. В 1718 г. Василий Долгоруков был привлечен к следствию по делу царевича Алексея. В оправдание свое Долгоруков приказал начальнику своей походной канцелярии Любиму Судейкину составить справку об убитых казаках. Сам же Долгоруков утверждал, что цифра должна быть большой.

44

Четверик – мера объема сыпучих тел, в XVII в. Равнялась примерно 26 литрам.

45

Строго говоря, первый такой опыт царь провел в бою у Гуммельсгофа в 1702 г. Длинные полупудовые гаубицы, применявшие* ся при Лесной, имели длину ствола в 10 калибров, вес около 44 пудов (720 кг) и стреляли бомбами и картечью. Увы, несмотря на их успешное применение у Лесной, конная артиллерия в России появилась лишь через 90 лет.

46

Вагенбург – временное полевое укрепление, составленное из сцепленных повозок.

47

Павленко Н.И. Петр Великий. – М.: Мысль, 1994. С. 261.

48

Костомаров Н.И. Мазепа. С. 237—238.

49

Там же. С. 239—240.

50

Там же. С. 241—242. Макошин – село на р. Десне Сосницкого уезда Черниговской губернии.

51

Позже заштатный город Кролевецкого уезда на р. Короле.

52

Позже местечко Кролевецкого уезда на р. Десне в 38 верстах от Кролевца.

53

Костомаров Н.М. Мазепа. С. 246.

54

Позже местечко Новгородсеверского уезда на р. Убеди в 37 верстах от Новгород-Северского.

55

Костомаров Н.М. Мазепа. С. 246—247.

56

Позже местечко Мглинского уезда на р. Судости.

57

Позже заштатный город Стародубского уезда на той же реке.

58

Позже местечко Сосницкого уезда на р. Мене в 21 версте от Сосницы и в 65 – от Чернигова.

59

Позже местечко Сосницкого уезда на р. Сейме в 15 верстах от Сосницы.

60

Позже село Сосницкого уезда на р. Десне в 13 верстах от Сосницы.

61

Костомаров Н.М. Мазепа. С. 250—251.

62

Там же. С. 252.

63

Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. – М.: Сварог и К, 2001. С. 379.

64

Там же. С. 253.

65

Позже село Кролевецкого уезда на р. Десне.

66

Позже село Кролевецкого уезда на р. Десне.

67

Позже село Новгородсеверского уезда на р. Шостке в 15 верстах от Новгород-Северска и в 3 – от Десны.

68

Село Кролевецкого уезда в 30 верстах от Кролевца.

69

Костомаров Н.М. Мазепа. С. 264.

70

В «Большой Советской Энциклопедии» (Т. 23. С. 563) о * Слободской Украине говорится: «Слободская Украина – историче** ская область в России 17—18 вв. на территории современной Харьковской и частей Донецкой, Ворошиловградской, Сумской, Воронежской, Белгородской и Курской областей. Со 2-й половины 16 в.

71

Позже Сенча, местечко Лохвицкого уезда на р. Сулице.

72

Большое местечко Миргородского уезда на р. Пеле в 24 верстах от Миргорода.

73

Костомаров Н.М. Мазепа. С. 266—268.

74

Позже село Гадячского уезда на р. Груни в 7 верстах от Гадяча.

75

Костомаров Н.М. Мазепа. С. 270.

76

Позже большое местечко Гадячского уезда на р. Лютенке в 24 верстах от Гадяча.

77

Костомаров Н.М. Мазепа. С. 272.

78

Позже местечко Зеньковского уезда на р. Ташани в 30 верстах от Зенькова.

79

Позже местечко Ахтырского уезда.

80

Драбант – солдат личной охраны.

81

Позже слобода Богодуховского уезда на р. Мерчике в 24 верстах от Богодуховна.

82

Позже слобода Лебединского уезда на р. Олешне в 35 верстах от Лебедина.

83

Позже местечко Гадячского уезда на р. Псле.

84

Позже село Миргородского уезда на р. Псле.

85

Позже местечко Полтавского уезда на р. Голтве в 36 верстах от Полтавы.

86

Позже местечко Миргородского уезда в 30 верстах от Мир города.

87

Позже село Зуевцы Миргородского уезда на р. Хороли в 35 верстах от Миргорода.

88

Позже большое местечко Гадячского уезда на р. Лютенке.

89

Позже местечко Зеньковского уезда в 47 верстах от Зенькова.

90

Позже местечко Кобылякского уезда на р. Псле у впадения Голтвы.

91

Костомаров Н.И. Мазепа. С. 276.

92

Позже село Хорольского уезда на р. Хороли в 8 верстах от гор. Хорола.

93

Позже хутор Полтавского уезда на р. Коломаке.

94

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 289.

95

Там же. С. 296—297.

96

Там же. Т. 1. С. 250.

97

Там же. С. 402, 403.

98

Там же. С. 403.

99

Там же. Т. 3. С. 304—305.

100

Там же. С. 305.

101

Костомаров Н.М. Мазепа. С. 280—281.

102

Там же. С. 282.

103

Там же. С. 282—283.

104

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 313.

105

Там же. С. 319—320.

106

Там же. С. 320.

107

Так его именовали и именуют советские и самостийные историки. А до 1917 г. его фамилия была ЭРАРНИЦКИЙ. А затем «совки» украинизировали его фамилию.

108

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 320.

109

Nordberg. Histoire de Charles XII. 1748. C. 298.

110

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 324—325.

111

Костомаров Н.М. Мазепа. С. 287—288.

112

Позже село в Кременчугском уезде Полтавской губернии.

113

Там же. С. 241.

114

Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. С. 52—56.

115

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др.: В 18 т. – Петербург, 1911—1915. * Т. XVIII. С. 557—558.

116

Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. С. 81—84.

117

Там же. С. 95.

118

Там же. С. 98—100.

119

Там же. С. 105.

120

Военная энциклопедия. Т. XVIII. С. 558.

121

Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. С. 109—110.

122

Там же. С. 116—117.

123

Там же. С. 119.

124

Там же. С. 151.

125

Военная энциклопедия. Т. XVIII. С. 559.

126

Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. С. 175—176.

127

Военная энциклопедия. Т. XVIII. С. 560.

128

Здесь приведены шведские данные. Русские историки приводят иные цифры, например, Бескровный говорит о 9 234 убитых шведах. Возможно, что в эту цифру включены убитые при отступлении шведы, казаки, а также нонкомбатанты, бывшие при шведском войске.

129

Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. С. 221.

130

Там же. С. 224.

131

Письма и бумаги императора Петра Великого. – М.-Л., 1950.

132

Т. 9. Вып. 1. С. 236.

133

Там же. С. 227.

134

Там же. С. 231.

135

Там же. С. 232.

136

Там же. С. 244—245.

137

Там же. С. 266.

138

Там же. С. 267—268.

139

Журнал, или Поденная записка императора Петра Великого. – СПб, 1770. Ч. 1. С. 240.

140

Прокопович Ф. Слова и речи. – СПб., 1760. Ч. 1. С. 22—24.

141

Павленко Н.И. Петр Великий. С. 326.

142

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 369.

143

Там же. С. 370.

144

Из них полевых пушек – 28, мортир – 23, гаубиц – 2, а также 3-фунтовых полковых пушек – 69.

145

Фактически с 1711 г. по 1713 г. было заключено три договора (11 июля 1711 г., 5 апреля 1712 г. и 13 июля 1713 г.), но эти дипло матические нюансы выходят за рамки нашей работы.

146

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 374.

147

Московский архив Министерства иностранных дел. Приказные дела. Год 1708.

148

Павленко Н.И. Петр Великий. С. 325.

149

Там же. С. 363.

150

Галеры, специально построенные для перевозки лошадей.

151

Урланис Б.Ц. История военных потерь. – СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998. С. 55.

152

Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. С. 271—272.

153

Смирнов В. Другая Полтавская битва. Президент Украины взялся переписывать уже историю трехсотлетней давности. Мате* риалы сайта http://www.tovarish.com.ua/news/Ukrayna_polytyc/18-022008/Druhaia_Po.htm